
СКИѲЫ

Книгоиздательство „Скиѳы“

Редактировали:

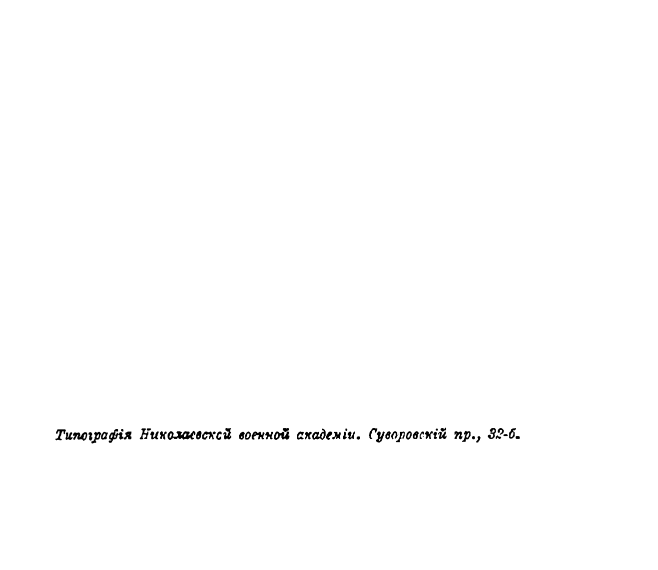
А. И. Иванчинъ-Писаревъ (†).
Р. В. Ивановъ-Разумникъ.
С. Д. Мстиславскій.
Обложка и марки работы
К. С. Петрова-Водкина.

СКИѲЫ

сборникъ

1917

Типографія Николаевской военной академіи. Суворовскій пр., 32-б.

Оглавленіе.

Скиѳы.

(Вмѣсто предисловія).

I.

„Скиѳъ“.

Есть въ словѣ этомъ, въ самомъ звукѣ его— свистъ стрѣлы, опьяненной полетомъ; полетомъ — размѣреннымъ упругостью согнутаго дерзающей рукой, надежнаго, тяжелаго, лука. Ибо сущность скиѳа— его лукъ: сочетаніе силы глаза и руки, безгранично вдаль мечущей удары силы.

Люди чернозема, золотого, съ небесъ упавшаго, плуга и вольной степи, гдѣ на яромъ конскомъ скаку—даже застоявшійся пряный воздухъ—вихремъ овѣваетъ склоненное къ огненной гривѣ лицо. Племя—таинственнаго, легендой повитаго корня, съ запада на востокъ, потокомъ упорнымъ, побѣднымъ потокомъ брошенное въ просторы желтолицыхъ, узкоглазыхъ, глотающихъ вино изъ череповъ—варварскихъ ордъ.

И отъ этой воли и проникающей все существо близости къ землѣ,—покоренной плугомъ—и обороняющей еще свою свободу—острыми гребнями хребтовъ и чащей зарослей и дремучаго бора—чувствомъ жизни, неизсякающимъ, бодрымъ, подымающимъ на дѣланіе, полнится и ширится грудь; отъ него и яркость порыва, и дерзновеніе тугого, звенящаго лука. Нѣтъ цѣли, противъ которой побоялся бы напречь лукъ, онъ, скиѳъ! Нѣтъ предразсудка, который ослабилъ бы руку, когда она накладываетъ тетиву; нѣтъ Бога, который нашепталъ бы сомнѣнія, тамъ, гдѣ ясенъ и звученъ призывъ жизни. Богъ скиѳа—неразлученъ съ нимъ, на его поясѣ—кованный богъ. Онъ вонзаетъ его въ курганъ, вверхъ рукоятью, и молится—молится тому, чѣмъ свершилъ, и чѣмъ свершитъ... Но, въ разрушеніи и творчествѣ—онъ не ищетъ другого творца, кромѣ собственной руки—руки человѣка, вольнаго и дерзающаго.

Вольнаго и дерзающаго. Ибо нѣтъ, въ канонѣ его жизни, ни скопческихъ запретовъ клириковъ единоспасающей Правды-Истины, ни втройнѣ лицемѣрныхъ запретовъ политиковъ Правды-Справедливости. Ничего—кромѣ Жизни, кромѣ Правды Красоты, изначальной, истинной, и Справедливость и Истину опредѣляющей Правды.

Живетъ эта Правда въ скиѳѣ. И даже въ чужой одеждѣ, въ обычаѣ чуждомъ, плѣномъ или исканіемъ увлеченный далеко отъ родного простора, гдѣ-нибудь въ толпѣ раззолоченной челяди Византійца, подъ чеканнымъ панцыремъ чужого, вражьяго строя,—тѣмъ же скиѳомъ остается онъ—и попрежнему, сквозь отслоняющую его отъ жизни мѣщанскую крикливую толпу видитъ онъ свою Правду. Это знаетъ, это чувствуетъ толпа: и сторонится. Завистливо смотрятъ на него евнухи, гнѣвно — изможденные монахи, для которыхъ кощунствомъ звучатъ перезвоны скиѳскихъ кубковъ въ часы рѣшеній, мудрость которыхъ надо вымаливать (такъ думаютъ блѣдные иноки), вымаливать на колѣняхъ. И подозрѣніемъ всегдашнимъ, недреманнымъ наблюденіемъ окружаютъ ихъ, замѣшанныхъ въ толпѣ, блюдущіе государственность люди „Справедливости“: „развѣ скиѳъ—не всегда готовъ на мятежъ“?

* * *

Скиѳами при дворѣ Византійца чувствовали себя мы—тѣсный кружокъ родныхъ по духу людей—въ годы войны, выжегшей огнемъ испытанія даже тѣ малые и слабые ростки Нового, Живаго, на чемъ отдыхалъ глазъ въ до-военные годы. И тогда угрюмо смотрѣли на насъ ближніе и дальніе. И тогда гнѣвно обличали насъ изможденные монахи „Истины“ и съ подозрительностью особой слѣдили за нашей походкой въ толпѣ соглядатаи „государственныхъ людей“ стараго строя: „Развѣ скиѳъ не всегда готовъ на мятежъ?“.

Мы чувствовали себя одинокими. Хотя, мы знали, безграничны поприща скиѳскихъ поселеній, отъ сѣвера, гдѣ снѣжистыми перьями полнится воздухъ—до истоковъ Инда и Ганга, до пальмами оторoченнаго Малабарскаго берега: такъ опредѣлялъ скиѳскія границы Геродотъ. Безграничны поприща... но тяжелымъ пологомъ перекрыли ихъ вѣка безземельной и безвольной жизни и примѣсью тяжелой, ядовитой примѣсью—рабьей крови—обезображено лицо былыхъ скиѳовъ. Вѣдь объ этомъ печаловались еще древніе: уже во времена Плинія во множествѣ были они:

Scythae depeneres et a servis orti...

Мы чувствовали себя одинокими...

* * *

Февральскіе дни до дна растворили это чувство. На нашихъ глазахъ, порывомъ вольнымъ, чудеснымъ въ своей простотѣ порывомъ, поднялась, встала, отъ края до края, молчавшая, гнилымъ туманомъ застланная Земля. То, о чемъ еще недавно мы могли лишь въ мечтахъ молчаливыхъ, затаенныхъ мечтахъ думать—стало къ осуществленію какъ властная, всеобщая задача дня. Къ самымъ завѣтнымъ цѣлямъ мы сразу, неукротимымъ движеніемъ продвинулись на полетъ стрѣлы, на прямой ударъ. Наше время настало...

Ибо въ этомъ, заревомъ повившемъ весь міръ возстаніи народномъ — развѣ не общимъ сталъ порывъ, который мы — одинокіе — считали только „своимъ".

* *

Но прошли дни—и немного дней, если считать ихъ счетомъ, расчленивъ напряженность слитыхъ, нераздѣлимо, въ одно, переживаній Революціи и разсѣялось марево этой всеобщности порыва. За прибоемъ медленно надвинулся на очистившійся горизонтъ, вновь заслоняя дали, тинистый обывательскій отливъ.. Снова на трибунахъ и на газетныхъ столбцахъ увѣренно заговорили, смятые первымъ подъемомъ—евнухи „Истины", и разумные, слишкомъ разумные политики „Справедливости". И снова, на перекресткахъ, забормотала, перемигиваясь, перешептываясь сплетней и слухомъ, осмѣлѣвшая, утвержденная въ мѣщанствѣ толпа...

Scythae depeueres et a servis orti.

И снова—какъ прежде, въ давніе годы съ отчужденіемъ, упрекомъ, гнѣвомъ—смотрятъ на насъ, и слабые, взыскующіе спокойствія, объ уютѣ плачущіе люди и сильные, тѣ, что ведутъ за собою толпы. Какъ раньше, и больше, чѣмъ раньше, они не хотятъ нашей Правды. По скиѳской пословицѣ: „У кого долги—тотъ вынужденъ лгать". Но кто изъ сильныхъ, поведшихъ за собою толпы—не задолжалъ народу, безъ выплаты, за эти дни...

Мы снова чувствуемъ себя скиѳами, затерянными въ чужой намъ толпѣ, отслоненными отъ родного простора. Но прежняго чувства одиночества нѣтъ. Ибо мы перекликнулись, за эти дни борьбы, мы знаемъ сколько насъ, такихъ какъ мы, раздѣленныхъ чужими становищами, на безграничныхъ поприщахъ нашихъ. И мы знаемъ, что на новый призывной кличъ, на новый—уже близкій—подъемъ (ибо недолго будетъ туманное затишье), на посвистъ скиѳской стрѣлы,—опьяненной полетомъ,—будетъ кому отозваться.

II.

Сборникъ этотъ, первый сборникъ „Скиѳовъ“, страница за страницей складывался еще съ весны 1916 года, въ пасмурные, безвременные дни, въ дни покорно согнутыхъ спинъ, богомольно отбиваемыхъ земныхъ поклоновъ. Но уже тогда содержаніе этого сборника выявлялось передъ нами, какъ глубоко „непримиримое“—не по внѣшней формѣ своей, а по сущности, по духу, эту сущность проникающему.

Не въ томъ дѣло, что однѣ статьи этого сборника были зачеркнуты еще раньше самодержавной цензурой, а другія были бы, вѣроятно, изуродованы и запачканы ею въ этомъ самомъ сборникѣ. Дѣло не въ этомъ, дѣло не въ этой былой „нелегальности“ для былого полицейскаго строя, а въ вѣчной „революціонности“—для любого строя, для любого „внѣшняго порядка“—тѣхъ исканій непримиреннаго и непримиримаго духа, отблескъ которыхъ—пусть слабый—легъ и на страницы этого сборника.

И пусть эта неудовлетворенность, эта непримиренность будетъ удѣломъ мятущихся духовныхъ „скиѳовъ“, пусть въ укоръ имъ неправильно ставится спокойная гармонія и закругленная примиренность духовныхъ „эллиновъ“: да, вѣчно существуетъ это раздѣленіе, это разграниченіе, но не между „эллиномъ“ и „скиѳомъ“, а между ними и кѣмъ-то третьимъ, радующимся... Радующимся—и рядящимся самозванно въ эллинскія одежды. И пусть когда нибудь сбудется, по слову писанія—„нѣсть эллинъ и іудей“, но мы твердо знаемъ, что всегда будутъ въ разныхъ станахъ „эллинъ“ и „скиѳъ“ съ одной стороны, и этотъ нѣкто „третій“—съ другой, что непримирима ихъ сущность, несоизмѣрима ихъ душа.

Великій русскій поэтъ, воплотившись на минуту въ древняго эллина-эпикурейца, воспѣлъ умѣренность, закругленность, примиренность во всемъ, въ великомъ и въ маломъ, въ жизни и въ смерти, въ любви и въ круговой чашѣ...

Мы не Скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно...

Какъ далекъ онъ былъ душою, какъ далекъ онъ былъ всей жизнью своею отъ этой проповѣди тихаго, умѣреннаго пріятія жизни, тихаго, размѣреннаго житейскаго горѣнія! И если вино не должно проливаться „безчинно“, то бываютъ времена и сроки, когда еще преступнѣе „жизни пьяное вино растворять водою трезвой“:

Теперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій Скиѳъ хочу я пить!

И эти времена и сроки—всегда передъ нами; всегда кипитъ передъ нами вѣчное вино жизни. Безчинно проливаютъ его безумцы, по каплямъ смакуютъ его духовные скопцы. Но если безумецъ можетъ быть оправданъ, то скопецъ—всегда осужденъ.

Или Брандъ — не безумецъ? „...Когда нибудь поймутъ, что лучше пасть, чѣмъ побѣдить, и пораженье назовутъ побѣдой высшей!"—или это не безуміе? Его „воля до конца", его „бой безъ отступленья"—развѣ это не безуміе тоже? Его борьба съ духомъ Зла, духомъ Компромисса—развѣ это не духовное „безчинство"? Его завѣтъ „все или ничего"—развѣ это не „пьяное вино" жизни? И „quantum satis Бранда воли"—не есть-ли преступленіе, безчинство, безуміе въ глазахъ всѣхъ мѣщанъ всего міра?

Ибо не Эллинъ противостоитъ Скиѳу, а Мѣщанинъ—всесвѣтный, „интернаціональный", вѣчный. Въ подлинномъ „эллинѣ" всегда есть святое безуміе „скиѳа", и въ стремительномъ „скиѳѣ" есть свѣтлый и ясный умъ „эллина". Мѣщанинъ-же—рядится въ одежды Эллина, чтобы бороться со Скиѳомъ, но презираетъ обоихъ. Слово его не совпадаетъ съ дѣломъ, мораль личная не совпадаетъ съ моралью партійной, общественной, государственной, но зато „дѣяніе" для него самоцѣнно и совпадаетъ съ „личностью". Это онъ, безкрылый и сѣрый, поклоняется духу Компромисса; это онъ гнусаво смѣется надъ „безумными" словами Бранда: „знайте-жъ вы: духъ Компромисса—Сатана!.." Это онъ, трезвый и плоскій, замѣняетъ непонятную ему истину „въ началѣ бѣ Слово",—другой, понятной и простой: „im Anfang war die That"... Ибо для него не Личность, а Дѣяніе есть самоцѣнность, цѣль и высшій судія. Это онъ, всесвѣтный Мѣщанинъ, погубилъ міровое христіанство плоской моралью, это онъ губитъ теперь міровой соціализмъ, покоряя его духу Компромисса, это онъ губитъ искусство — въ эстетствѣ, науку — въ схоластикѣ, жизнь — въ прозябаніи, революцію — въ мелкомъ реформаторствѣ. И компромиссный соціализмъ, и замаранное моралью христіанство, и эстетствующее искусство, и вырождающаяся въ реформизмъ революція—его рукъ это дѣло, и злорадно хихикаетъ онъ, потирая руки, онъ, „третій радующійся", онъ, рядящійся въ платья Эллина, онъ, мелкій и злобный и безустанный врагъ Скиѳа...

И здѣсь — ихъ вѣчная вражда, здѣсь — ихъ „смертная борьба", борьба реакціонности въ разныхъ маскахъ — въ маскѣ „прогресса", въ маскѣ „соціализма", въ маскѣ „христіанства" — съ революціонной сущностью, съ „волей до конца" во всѣхъ областяхъ, во всѣхъ кругахъ жизни и творчества—въ политикѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ религіи.

И если среди авторовъ сборника есть не одни „скиѳы“, если среди нихъ есть и „эллины“, то врагъ у нихъ все же—общій: это онъ, „третій“, вѣчный побѣдитель въ ближайшемъ, вѣчно побѣждаемый въ грядущемъ. Пусть торжествуетъ въ настоящемъ всесвѣтный Мѣщанинъ: смѣхъ его смѣшанъ со злобою и опасеніемъ. Ибо чуетъ онъ, что и личина Эллина не поможетъ ему скрыть свое лицо, ибо знаетъ онъ что стрѣла Скиѳа—его не минуетъ.

Скиѳы.

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

Мароа Посадница.

Не сестра мѣсяца изъ темнаго болота
Въ жемчугѣ кокошникъ въ небо запрокинула,—
Ой какъ выходила Мароа за ворота,
Письменище черное изъ дулейки вынула.

Раскололся зыками колоколъ на вѣчѣ,
Замахали кружевомъ полотнища зорнія;
Услыхали Ангелы голосъ человѣчій,
Отворили наскоро окна-ставни горнія.

Возговоритъ Мароа голосомъ серебряно:
— Ой ли внуки Васькины, правнуки Микулы!
Грамотой Московскою извольно повелѣно
Выгомонить вольницы бражные загулы!

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороды какъ молніи выпячили грозно:
— Что намъ Московія,—какъ поставникъ блинный!
Тамъ бояръ-те жены хлыстаютъ загозно!

Мароа на крылечко праву ножку кинула,
Лѣвой помахала каблучкомъ сафьяновымъ:
— Быть такъ,—кротко молвила, черны брови сдвинула,—
Не ручьи брызгатели выцвѣтнямъ росяновымъ...

* * *

Не чернецъ бесѣдуетъ съ Господомъ въ затворѣ—
Царь Московскій Антихриста вызываетъ:
— Ой Віельзевуле, горе мое, горе,
Новгородъ мнѣ вольный ногъ не лобызаетъ!

Вылѣзъ изъ запечья сатана гадюкой,
Въ пучеглазыхъ бѣльмахъ исчавѣдье ада:
— Побожися душу выдать мнѣ порукой,
Иначе не будетъ съ Новгородомъ слада!

Вынулъ онъ бумаги—облака клокъ,
Далъ ему перо—отъ молніи стрѣлу.
Чиркнулъ царь кинжалищемъ локотокъ,
Расчеркнулся, и зажалъ руку въ полу.

Зарычитъ Антихристъ зёмнымъ гудомъ:
— А и сроку тебѣ, царь, даю четыреста лѣтъ!
Какъ пойдетъ на Москву заморскій Іуда,
Тутъ тебѣ съ Новгородомъ и сладу нѣтъ!

— А откуль гроза, когда вѣтеръ шумитъ? —
Задаетъ ему царь хитрóй спросъ.
Говоритъ сатана зыкомъ черныхъ згитъ:
— Этотъ отвѣтъ съ собой вѣтеръ унесъ...

* * *

На соборахъ Кремля колокола заплакали,
Собирались стрѣльцы изъ дальнихъ слободъ;
Кони ржали, сабли звякали,
Гласъ приказный чинно слухалъ народъ.

Закраснѣли хоругви, образа засверкали,
Царь пожаловалъ бочку съ виномъ.
Бабы подолами слезы утирали, —
Кто-то воротится невредимъ въ домъ?

Пошли стрѣльцы, запылили пó полю:
— Берегись ты теперь, гордый Новоградъ!
Пики тенькали, кони топали,—
Никто не пожалѣлъ и не обернулся назадъ.

Возговòритъ царь женѣ своей:
— А и будетъ пиръ на красной брагѣ!
Послалъ я сватать неучтивыхъ семей,
Всѣмъ готова постель въ темномъ оврагѣ!

— Государь ты мой,—шомонитъ жена, —
Моему ль уму судить судъ тебѣ!..
Тебѣ власть дана, тебѣ воля дана,
Ты челомъ лишь бьешь одноей судьбѣ...

Въ зарукавникѣ Мареа Богу молилась,
Рукавомъ горючи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей къ себѣ на колѣни сзывала.

— Ужъ вы голуби, слуги Боговы,
Солетайте ко въ райскій теремъ,
Вертайтесь въ земное логово,
Стучитесь къ Новоградскимъ дверямъ!

Приносили голуби отъ Бога письмо,
Золотыми письменами рубленое;
Сѣла Мареа за расшитою тесьмой:
— Ужъ ты счастье мое загубленое!

И писалъ Господь своей вѣрной рабѣ:
— Не гони метлой тучу вихристу;
Какъ московскій царь на кровавой гульбѣ
Продалъ душу свою Антихристу...

А и минуло теперь четыреста лѣтъ.
Не пора ли намъ, ребята, взяться за умъ,
Исполнить святой Мареинъ завѣтъ,
Заглушить удалью московскій шумъ?

А пойдемте, бойцы, ловить кречетовъ,
Отошлемъ дикомытя съ потребою царю:
Чтобы далъ намъ царь отвѣтъ въ сѣчи той,
Чтобъ не застилъ онъ новоградскую зарю.

Ты шуми, пѣвунный Волоховъ, шуми,
Разбуди Садко съ Буслаемъ на-торгашъ!
Выше, выше вихорь тучи подыми!
Ой ты, Новгородъ родимый нашъ!

Какъ по быльницѣ тропинка пролегла;
А пойдемте стольный Кіевъ звать!
Ой ли вы съ Кремля колокола,
А пора, небось, и честь вамъ знать!

Пропоемъ мы Богу съ вѣтрами тропарь,
Вспѣнимъ бѣлую попончу,
Загудитъ намъ съ вѣча колоколъ, какъ встарь.
Тутъ я, ребята, и покончу.

Сергѣй Есенинъ.

Сентябрь 1914 г.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Изъ дневника.

1.

Упалъ на землю солнца красный кругъ.
И надъ землей, стремительно блистая,
Приподнялась зеркальность золотая
И въ пятнахъ пепла тлѣла... Все вокругъ
Вдругъ стало: и — туманисто; и — сѣро...
Стеклянно зеленѣетъ бирюза,
И яркая заяснилась слеза —
Алмазная, алмазная Венера.

2.

Едва яснѣютъ огоньки.
Мутнѣютъ склоны, долы, дали.
Висятъ далекіе дымки,
Какъ безглагольныя печали.

Изъ синей тьмы летитъ порывъ...
Полыни плещутъ при дорогѣ.
На тучахъ — глыбахъ грозовыхъ —
Летуче блещутъ огнероги.

Невыразимое — нѣжнѣй...
Неотразимое — упорнѣй...
Невыразимы бѣги дней,
Неотразимы смерти корни.

Въ горючей радости ночей
Ключи ея упорнѣй бьются:
Въ кипучей сладости очей
Мерцаньемъ маревнымъ мятутся.

Благословенны: — жизни токъ,
И стылость смерти непреложной,
И — зеленѣющій листокъ,
И — ветхій корень придорожный.

2

3.

Есть въ лѣтѣ что-то роковое, злое...
И — въ воѣ злой зимы...
Волненіе, кипѣніе мірское!
Плѣненные умы!

Всѣ грани чувствъ, всѣ грани правды стерты:
Въ мірахъ, въ годахъ, въ часахъ —
Одни тѣла, тѣла, тѣла простерты...
И — праздный прахъ...

Въ грядущее проходимъ — строй за строемъ! —
Рабы: безъ чувствъ, безъ душъ...
Грядущее, какъ прошлое, покроемъ
Лишь грудой тушъ...

Въ мятежъ міровъ, въ немаревныя муки,
Когда-то спасшій насъ,
Простри-жъ и Ты измученныя руки, —
Въ который разъ!

4.

Въ годины праздныхъ испытаній,
Въ годины мертвой суеты —
Затвердеңѣй алмазомъ брани
Въ перегорѣвшихъ угляхъ — Ты.

Возстань въ сердцахъ, сердца исполни!
Произростай нашъ край родной
Неопалимой блескомъ молній,
Неодолимой купиной.

Изъ моря слезъ, изъ моря муки
Судьба твоя — видна, ясна:
Ты простираешь въ высь, какъ руки,
Свои святыя пламена —

Туда, — въ развалы грозной эры
И въ визгъ космическихъ стихій, —
Туда, — въ свѣтлѣющія сферы,
Въ грома летящихъ іерархій.

5.

Уже блѣднѣй въ настѣнныхъ тѣняхъ
Свѣчей стекающихъ игра.
Ты, цѣпенѣя на колѣняхъ,
Въ неизрѣченномъ — до утра.

Тепломъ изъ сердца выростая,
Тобой, какъ солнцемъ, облеченъ,
Тобою солнечно блистая, —
Въ тебѣ, передъ тобою — Онъ!

Ты — отдана небеснымъ нѣгамъ
Иной, безвременной весны:
Лазурью, пурпуромъ и снѣгомъ
Твои черты освѣтлены.

Ты вся, какъ ландышъ, — легкій, чистый...
Улыбки милой лучъ разлитъ.
Смѣхъ бархатистый, смѣхъ душистый
И — воздухъ розовый ланитъ.

О, да — никто не понимаетъ
Что выражаетъ твой нарядъ,
Что будитъ, тайно открываетъ
Твой брошенный, блаженный взглядъ.

Любви неизрѣченной знанье
Во влажныхъ, ласковыхъ глазахъ:
Весны безвременной сіянье
Въ алмазно зрѣющихъ слезахъ.

6.

Шутка.

Случится то, чего не чаешь...
Ты предо мною выростаешь —

Въ старинномъ, черномъ сюртукѣ,
Средь старыхъ кpeceлъ и дивановъ,
Съ тисненымъ томикомъ въ рукѣ:
„Прозрачность. Вячеславъ Ивановъ".

Моргаетъ мнѣ зеленый глазъ, —
Летаютъ фейерверки фразъ
Гортанной, плачущею гаммой.
Клонясь разсѣяннымъ лицомъ,
Играешь матовымъ кольцомъ
Съ огромной, ясной пентаграммой.

Намъ подаютъ китайскій чай.
Мы оба кушаемъ печенье;
И — вспоминаемъ невзначай
Людей великихъ изреченья;

Летаютъ звуки звонкихъ словъ,
Во мнѣ рождая умиленье,
Какъ зовъ назойливыхъ роговъ,
Какъ тонкое, пѣтушье пѣнье.

Ты мнѣ давно, давно знакомъ —
(Знакомъ, быть можетъ, до рожденья) —
Янтарно-розовымъ лицомъ,
Власы колеблющимъ перстомъ
И — длиннополымъ сюртукомъ
(Добычей, вѣроятно, моли) —
Знакомъ до ужаса, до боли!

Знакомъ большимъ безбровымъ лбомъ
Въ золотокосмомъ ореолѣ.

Андрей Бѣлый.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

КОТИКЪ ЛЕТАЕВЪ

(Первая часть романа „Моя жизнь“).

Посвящаю повѣсть мою той, кто работала надъ нею вмѣстѣ со мною —

— посвящаю Асѣ ее.

Эта повѣсть есть первая часть большого романа „Моя жизнь", не имѣющаго никакого отношенія къ моей личной жизни; кое-какія событія моей личной жизни, взятыя лишь какъ матеріалъ переживанія, не совпадаютъ ни въ цѣломъ романѣ, ни въ предлагаемой вниманію первой части его, съ дѣйствительными событіями моей жизни; математикъ Летаевъ въ ней не есть мой отецъ, Николай Васильевичъ Бугаевъ, хотя въ немъ есть нѣкоторые изъ штриховъ, свойственныхъ моему отцу; все это должно сказать о лицахъ съ вымышленными фамиліями. Но поскольку въ романѣ моемъ будетъ отражаться живо пережитая мной эпоха, постольку въ него какъ бы издали будутъ вступать воспоминанія мои о людяхъ, дѣйствовавшихъ въ этой эпохѣ; этихъ послѣднихъ я предпочитаю называть по имени. Подлинно бывшее будетъ здѣсь фигурировать второстепеннымъ элементомъ, какъ бы далекимъ фономъ описываемой жизни, — и безъ маски; подъ вымышленными именами и фамиліями я прошу читателей не искать подлинныхъ именъ; все вымышленное здѣсь не маска, а вымыселъ. Эту необходимую оговорку прошу я читателей помнить.

Андрей Бѣлый.

1917 г.
Москва.

„Котикъ Летаевъ“

(Первая часть романа „Моя жизнь“).

— „Знаешь, я думаю,—сказала Наташа шепотомъ...— что когда вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того довспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чѣмъ я была на свѣтѣ“...
(Л. Толстой: „Война и миръ“. Томъ II-ой).

Предисловіе.

Здѣсь, на крутосѣкущей чертѣ,—въ прошлое я бросаю нѣмые и долгіе взоры...

Мнѣ — тридцать пять лѣтъ: самосознаніе разорвало мнѣ мозгъ и кинулось въ дѣтство; я съ разорваннымъ мозгомъ смотрю, какъ дымятся мнѣ клубы событій; какъ бѣгутъ они вспять...

Прошлое протянуто въ душу; на рубежѣ третьяго года я встаю предъ собой; мы — другъ съ другомъ бесѣдуемъ; мы — понимаемъ другъ друга.

Прошлый путь протянулся отчетливо: отъ ущелій первыхъ младенческихъ лѣтъ до крутизнъ этого самосознающаго мига; и отъ крутизнъ его до предсмертныхъ ущелій — сбѣгаетъ Грядущее; въ нихъ ледникъ изольется опять: водопадами чувствъ.

Мысли этого мига тронутся мнѣ въ догонку лавиной; и въ снѣжномъ крутнѣ померкнетъ такое мнѣ близкое, надъ головою висящее небо: изнемогу я надъ пропастью; путь нисхожденія страшенъ...

Я стою здѣсь, въ горахъ: такъ же я стоялъ, среди горъ, убѣжавъ отъ людей; отъ далекихъ, отъ близкихъ; и оставилъ въ долинѣ — себя самого, протянувшаго руки... къ далекимъ вершинамъ, гдѣ: —

— каменистые пики грозились; вставали подъ небо; перекликались другъ съ другомъ; образовали огромную полифонію: творимаго космоса; и тяж-

ковѣсно, отвѣсно — громоздились громадины; въ оскалы проваловъ вставали туманы; мертвенно рѣяли облака; и — проливались дожди; бѣгали издали быстрыя линіи пиковъ; пальцы пиковъ протягивались, лазурныя многозубія истекали блѣдными ледниками и нервныя, блѣдныя линіи гребнились повсюду; жестикулировалъ и разставлялся рельефъ; пѣнились, проливались потоки съ огромныхъ престоловъ; и говоръ громового голоса сопровождалъ меня всюду: по часамъ плясали въ глазахъ на бѣгу: стѣны, сосны, потоки и пропасти, камни, кладбища, деревеньки, мосты; пурпуръ трепаныхъ мховъ кровянилъ всѣ ландшафты; крутни мокраго пара стремительно выбѣгали въ расколахъ громадинъ; и — падали: между водою и солнцемъ; обдавалъ танцующій паръ; начиналъ хлестать мнѣ въ лицо; облако падало подъ ноги: въ космы потока; пряталась бурно бившая пѣна подъ молокомъ; но подъ нимъ все: — дрожало, рыдало, гремѣло, стенало и пробивалось въ рѣдѣющемъ молокѣ тѣми же водными космами...
Я стою здѣсь, въ горахъ: и потоки все тѣ же —

— съ на краю ихъ обсѣвшими старыми, деревянно рѣзными домами подножной деревни и съ церковною колоколенькой; „клянчатъ" звонкіе колокольца коровъ неугомонно и весело — въ сѣрочерномъ, въ обсвистанномъ, вѣтромъ облизанномъ мірѣ, гдѣ бросаются сосны приступомъ на чистѣйшіе ледники, чтобъ... разбиться о стѣну; вотъ подбросилась послѣдняя сосенка; и — повисла; вонъ бѣгущіе вѣтры въ вѣтвяхъ разрѣшаются въ свисты подъ чернымъ ревомъ утесовъ; вонъ — гортанный фаготъ... межъ утесами... углубляетъ ущелье подъ четкими, чистыми гранями сѣрыхъ громадъ; вдругъ почудятся звуки оттуда: серебристыхъ арфистовъ, цитристовъ; тамъ — алмазится снѣгъ; тамъ, оттуда — посмотритъ тотъ самый (а кто — ты не знаешь); и — тѣмъ самымъ взглядомъ (какимъ — ты не знаешь) посмотритъ, прорѣзавъ покровы природы; и — отдаваясь въ душѣ: исконно-знакомымъ, завѣтнѣйшимъ, незабываемымъ никогда...
Я стою здѣсь, въ горахъ: меня ждетъ — нисхожденіе; путь нисхожденія страшенъ...

Мысли этого мига тронутся мнѣ въ вдогонку лавиной; и въ снѣжномъ крутнѣ потускнетъ такое мнѣ близкое, надъ головою висящее небо: изнемогу я надъ пропастью.
Черезъ тридцать пять лѣтъ уже вырвется у меня мое тѣло...

Восхожденіе — благодатно: въ немъ укрытъ счетъ стремнинамъ; въ воспоминаніи, какъ не бывшія, — онѣ стоятъ: вотъ и вотъ.
Здѣсь и здѣсь ты бывалъ: здѣсь и здѣсь.

Какъ же ты не сорвался?
Въ воспоминаніи самъ съ собой говорю: — здѣсь, на крутосѣкущей чертѣ: —

— „Подъ ногами все то, что когда-то болѣзненно изъ тебя выростало и что было тобою;

— „что мертвымъ камнемъ отваливалось и твердилось утесами...

— „Природа, тебя обстающая, — ты; среди ея угрюмыхъ ущелій ты мнѣ виденъ, младенецъ...

— „Ты, какъ я: ты — еси; мы другъ въ другѣ — узнали другъ друга: все, что было, что есть и что будетъ, оно — между нами: самосознаніе — въ объятіяхъ нашихъ“...

Самосознаніе, какъ младенецъ во мнѣ, широко открыло глаза, и сломало все — до первой вспышки сознанія; сломанъ ледъ: словъ, понятій и смысловъ; многообразіе разсудочныхъ истинъ проросло и охвачено ритмами; архитектоника ритмовъ осмыслилась и отряхнула былые мнѣ смыслы, какъ мертвые листья; смыслъ есть жизнь: моя жизнь; она — въ ритмѣ годинъ: въ жестикуляціи, въ мимикѣ мимо летящихъ событій; слово — мимика, танецъ, улыбка.
Понятія — водометныя капли: въ неперемѣнномъ кипѣніи, въ преломленіи смысловъ онѣ, поднимающемъ радугу изъ нихъ встающаго міра; объясненіе — радуга; въ танцѣ смысловъ — она: въ танцѣ словъ; въ смыслѣ, въ словѣ, какъ въ каплѣ, — нѣтъ радуги...

Самосознаніе, какъ младенецъ во мнѣ, широко открыло глаза.
Вижу тамъ: пережитое — пережито мной; только мной; сознаніе дѣтства,—смѣстись оно, осиль оно тридцатидвухлѣтіе это,— въ точкѣ этого мига дѣтство узнало бъ себя: съ самосознаніемъ оно слито; падаетъ все между ними; листопадами носятся смыслы словъ: они отвалились отъ древа: и невнятица словъ вкругъ меня — шелеститъ и порхаетъ; смыслы ихъ я отвергъ; передо мной — первое сознаніе дѣтства; и мы — обнимаемся:
— „Здравствуй ты, странное!“

1915 г. Октябрь.
Гошененъ—Амстэгъ—Гліонъ—С. Морисъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бредовой лабиринтъ.

Часъ тоски невыразимой...
Все—во мнѣ... И я—во всемъ.
Ѳ. Тютчевъ.

„Ты — еси“.

Первое „ты — еси“ схватываетъ меня безо́бразными бредами; и —

— какими то стародавними, знакомыми искони: невыразимости, небывалости лежанія сознанія въ тѣлѣ, ощущеніе математически точное, что ты — и ты, и не ты, а... какое то набуханіе въ никуда и ничто, которое все равно не осилить, и —

— „Что́ это?“...

Такъ бы я сгустилъ словомъ неизрѣченность возстанія моей младенческой жизни: —

— боль сидѣнія въ органахъ; ощущенія были ужасны; и — безпредметны; тѣмъ не менѣе — стародавни: исконно-знакомы: —

— не было раздѣленія на „Я“ и „не — Я“ не было ни пространства, ни времени...

И вмѣсто этого было: —

— состояніе натяженія ощущеній; будто все-все-все ширилось: расширялось, ду́шило; и начинало носиться въ себѣ крылорогими тучами.

Позднѣе возникло подобіе: переживающій себя шаръ; многоочитый и обращенный въ себя, переживающій себя шаръ ощущалъ лишь — „внутри“; ощущалися неодолимыя дали: съ периферіи и къ... центру.

И сознаніе было: сознаваніемъ необъятнаго, обниманіемъ необъятнаго; неодолимыя дали пространствъ ощущались ужасно; ощущеніе выбѣгало съ окружности шарового подобія — щупать: внутри себя... дальнее; ощущеніемъ сознаніе лѣзло: внутри себя... внутрь себя; достигалось смутное знаніе: переносилось сознаніе; съ периферіи какими то крылорогими тучами неслось оно къ центру; и — мучилось.

— „Такъ нельзя."

— „Безъ конца..."

— „Перетягиваюсь..."

— „Помогите..."

Центръ — вспыхивалъ: —

— „Я — одинъ въ необъятномъ."

— „Ничего внутри: все — во внѣ..."

И опять угасалъ. Сознаніе, расширяясь, бѣжало обратно.

— „Такъ нельзя, такъ нельзя: Помогите..."

— „Я — ширюсь"... —

— такъ сказалъ бы младенецъ, если бы могъ онъ сказать, если бъ могъ онъ понять; и — сказать онъ не могъ; и — понять онъ не могъ; и — младенецъ кричалъ: отчего, — не понимали, не поняли.

Образованье сознанія.

Въ то далекое время „Я" не былъ... —

— Было хилое тѣло; и сознаніе, обнимая его, переживало себя въ непроницаемой необъятности; тѣмъ не менѣе, проницаясь сознаніемъ, тѣло пучилось ростомъ, будто грецкая губка, вобравшая въ себя воду; сознаніе было внѣ тѣла; въ мѣстѣ тѣла же ощущался громадный провалъ: сознанія въ нашемъ смыслѣ, гдѣ еще мысли не было, гдѣ еще возникали... —

— (если бы ощущенія эти остались мнѣ въ моихъ будущихъ дняхъ и если бы въ это темное мѣсто взошло полноуміе ихъ и освѣтило бъ мнѣ тѣло; если бы повернуться мнѣ взоромъ въ себя и освѣтить мнѣ себя; — то увидѣлъ бы я: наше небо; облака тамъ бѣгутъ на громахъ въ моемъ небѣ духовно-душевности бѣлоходнымъ изливомъ; а изливы — вѣтрятся, вѣтвятся; и — лйстятся; раскидается мыслями все; и это все отражается: въ небѣ надъ нами; оттого то оно

говоритъ: и оттого оно — вѣдомо...) —

— гдѣ еще мысли не было, гдѣ еще возникали мнѣ: первыя кипѣнія бреда.

Образовались мнѣ накипи: накипала мнѣ теплота; и я мучился краснымъ исжаромъ; перекипало сознаніемъ облитое тѣло (зашипаютъ пузырчатой пѣною кости въ кислотахъ); и накипѣлъ... первый образъ: закипѣла въ образахъ моя жизнь; и возникали на накипяхъ накипи мнѣ: —

— предметы и мысли...

Міръ и мысль — только накипи: грозныхъ космическихъ образовъ; ихъ полетомъ пульсируетъ кровь; ихъ огнями засвѣчены мысли; и эти образы — миѳы.
Миѳы — древнее бытіе: материками, морями вставали когда то мнѣ миѳы; въ нихъ ребенокъ бродилъ; въ нихъ и бредилъ, какъ всѣ: всѣ сперва въ нихъ бродили; и когда провалились они, то забредили ими... впервые; сначала — въ нихъ жили.
Нынѣ древніе миѳы морями упали подъ ноги; и океанами бредовъ бушуютъ и лижутъ намъ тверди: земель и сознаній; видимость возникала въ нихъ: возникало „Я" и „Не — Я"; возникали отдѣльности...
Но моря выступали: роковое наслѣдіе, космосъ, врывался въ дѣйствительность; тщетно прятались въ ея клочья; въ безпокровности таяло все: все-все ширилось; пропадали земли въ моряхъ; изрывалось сознаніе въ миѳахъ ужасной пра-матери; и потопы кипѣли.
Строилась — мысль-ковчегъ; по ней плыли сознанія отъ ушедшаго подъ ноги міра до... новаго міра.
Роковые потопы бушуютъ въ насъ (порогъ сознанія — шатокъ): берегись,—они хлынутъ.

Мы возникли въ моряхъ.

Въ насъ міры—морей: „М а т е р е й"; и бушуютъ они красноярыми сворами бредовъ...
Мое дѣтское тѣло есть бредъ „м а т е р е й"; внѣ его — только глазъ; онъ — пузырь на летящей пучинѣ; возникнетъ и... нѣтъ его; я одной головой еще въ мірѣ: ногами — въ утробѣ; утроба связала мнѣ ноги: и ощущаю себя — змѣеногимъ; и мысли мои — змѣеногіе миѳы: переживаю т и т а н н о с т и.
Пучинны всѣ мысли: океанъ бьется въ каждой; и проливается въ тѣло — космической бурею; возстающая дѣтская мысль напоминаетъ комету; вотъ она въ тѣло падаетъ; и — кровавится ея хвостъ; и — до-

ждями кровавыхъ карбункуловъ изливается: въ океанъ ощущеній; и между тѣломъ и мыслью, пучиной воды и огня, кто то бросилъ сразмаху ребенка; и — страшно ребенку.

— „Помогите...“
— „Нѣтъ мочи...“
— „Спасите...“

— „Это, барыня, ростъ.“

— „Помогите...“
— „Нѣтъ мочи...“
— „Спасите...“

Такъ кричать не умѣетъ младенецъ (такъ кричать будетъ послѣ онъ); змѣи ползаютъ — въ немъ, вкругъ него; наполняютъ его колыбель; и — шипятъ ему въ уши.
Этотъ шипъ слышалъ ты — въ тихій часъ полудневный, когда все замираетъ, а солнце стрѣляетъ лучами...
Ты этотъ свистъ уже слышалъ: свистъ сосенъ.

Продолжаю обкладывать словомъ первѣйшія событія жизни: —

— ощущеніе мнѣ — змѣя: въ немъ — желаніе, чувство и мысль убѣгаютъ въ одно змѣеногое, громадное тѣло: Титана; Титанъ — душитъ меня; и сознаніе мое вырывается: вырвалось — нѣтъ его... —

— за исключеніемъ какого-то пункта, низверженнаго —

— въ нулліоны Эоновъ! —

— осилить безмѣрное...

Онъ — не осиливалъ.

Вотъ — первое событіе бытія; воспоминаніе его держитъ прочно; и — точно описываетъ; если оно таково (а оно таково), —

— до-тѣлесная жизнь однимъ краемъ своимъ обнажена... въ фактѣ памяти.

Старуха.

Первое подобіе образа наросло на безо́бразіи моихъ состояній.

Не сонъ оно: сонъ есть то, отъ чего просыпаются; Я же...— еще не проснулся; дѣйствительность, сонъ не чередовались другъ съ другомъ въ мнѣ данномъ мірѣ. Самая данность стояла тяжелымъ вопросомъ...

Непробудности мнѣ роились до яви—

— въ кипѣніяхъ я и жилъ и

боролся!—

— непробудности, неподобныя снамъ...

Нѣтъ, не сны онѣ, а—сказалъ бы я—

— подсматриванія себѣ за-спину;

и—желаніе тронуться съ мѣста; не носимости въ вихряхъ безсмыслицы, развиваемой тысячекрыло, мгновенно и распадающейся въ тысячи тысячекрыло летящихъ смерчей,— не такія носимости въ „Я“ (съ внутри его лежащимъ пространствомъ), а...—движеніе въ чемъ то: меня самого (мнѣ пространство сложилось ужъ)...—

— Тронься я — начиналось, слагалось—болѣе всего за спиной: что то такое; оно—не было мною, а было—такое огнёвое, красное: шаровое и жаровое; словомъ—старухинское: почему? Этого сказать я не могъ.

Безобразіе строилось въ образъ: и—строился образъ.

Невыразимости, небывалости лежанія сознанія въ тѣлѣ, ощущеніе, что ты—и ты, и не ты, а какое то набуханіе, переживалось теперь приблизительно такъ:—

— ты—не ты, потому что рядомъ съ тобою старуха—въ тебя полувлипла: шаровая и жаровая; это она набухаетъ; а ты—нѣтъ: ты—такъ себѣ, ничего себѣ, не при чемъ себѣ...—

— Но все начинало старушиться.

Я опять наливался старухой: наливается такъ дряблый зобъ индюка—въ яркокрасныя пучности; протяженіе, натяженіе въ окружающемъ, въ глотающемъ, въ лѣзущемъ—въ суетномъ, въ водоворотно пустомъ—оказывалось: незримо-лежащимъ, припавшимъ, сосущимъ; стоило тебѣ тронуться, какъ оно, лежавшее рядомъ и откровенно старушечье—

— опрометью кидалося прочь; на мгновеніе становилось мнѣ зримо:—

— будто таяла сама тьма огневыми прорѣзями: молнійный многоногъ огнерогими стаями распространялся и бѣгалъ въ исколотой, черной тверди...—

— тогда

вспыхивалъ ярый шаръ и... —

— въ красный міръ колесящихъ

карбункуловъ распадались темноты...

Я не знаю, когда это было, но я... подсмотрѣлъ ее: у себя за спиной, —

— когда она, описывая въ пространствѣ дугу, рушилась мнѣ прямо въ спину: изъ урагановъ краснаго міра, стрѣляя дождями карбункуловъ; выгнулась ея бѣлокаленая голова съ жующимъ ртомъ и очень злыми глазами; я несся въ пропасть; и надо мною утесами свѣта и жара она ниспадала — мнѣ въ спину; и, ухвативши за спину, описывала со мною въ пространствахъ... — колеса... —

— Самъ я былъ колесомъ.

Думаю, что „старуха", — какое либо изъ внѣ-тѣлесныхъ моихъ состояній, не желающихъ принять „Я" и живущихъ: глухою, особою, стародавнею жизнью; эта жизнь проростаетъ порою: у впадающихъ въ дѣтство старухъ, сумасшедшихъ; и — носится по іюльскимъ ночамъ грозовыми зарницами; плевелы ея шелестятъ въ пыли жизни:

Парки бабье лепетанье...
Жизни мышья бѣготня...

Сплетница мнѣ и теперь напоминаетъ „старуху": въ ней есть что-то „мистическое"...

Горитъ, какъ въ огнѣ.

Первый сознательный мигъ мой есть — точка; проницаетъ безсмыслицу онъ; и — расширяся, онъ становится шаромъ, а шаръ — разлетается: безсмыслица, проницая его, разрываетъ его...

Стаи мыльныхъ шаровъ вылетаютъ изъ лёгкой соломинки... Шаръ — вылетитъ, подрожитъ, проиграетъ блескомъ; и — лопнетъ; капелька вязкой жижи, раздутая воздухомъ, заиграетъ свѣтами міра... Ничто, что-то, и опять ничто; снова что-то; все — во мнѣ, я — во всемъ... Таковы мои первые миги... Потомъ —

— вспыхнули едва примѣтные свѣточи; сталъ слѣзать съ меня мракъ (какъ со змѣеныша кожа змѣеныша); ощущенія отдѣлялись отъ кожи: ушли мнѣ подъ кожу: выпали чернородныя земли —

— Кожа мнѣ стала, какъ... сводъ: таково намъ пространство; мое первое представленье о немъ, что оно — корридоръ... —

— Мнѣ впослѣдствіи нашъ кор-

ридоръ представляется воспоминаньемъ о времени, когда онъ былъ мнѣ кожей; передвигался со мною онъ; повернись назадъ — онъ сжимается сзади дырой; впереди открывается просвѣтомъ; переходики, корридоры и переулки мнѣ впослѣдствіи вѣдомы; слишкомъ вѣдомы даже: а вотъ — „я“: а вотъ — „я“...
Комнаты — части тѣла: онѣ сброшены мною; и — висятъ надо мной, чтобъ распасться мнѣ послѣ и стать: чернородомъ земли; тысячелѣтія строю я внутри тѣла; и бросаю изъ тѣла: мои странныя зданія; —

— (и нынѣ: — въ головѣ я слагаю: храмъ мысли, его уплотняя, какъ... черепъ; я сниму съ себя черепъ; онъ будетъ мнѣ — куполомъ храма; будетъ время: пойду по огромному храму; и я выйду изъ храма: съ той же легкостью мы выходимъ изъ комнаты).

Ощущенія отдѣлялись отъ кожи: она стала — навислостью; въ ней я ползъ, какъ въ трубѣ; и за мною — ползли: изъ дыры; таково вхожденіе въ жизнь... —

— Сперва образовъ не было, а было имъ мѣсто въ навислости спереди; очень скоро открылась мнѣ: дѣтская комната; сзади дыра заростала, переходя—въ печной ротъ (печной ротъ—воспоминаніе о давно погибшемъ, о старомъ: воетъ вѣтеръ въ трубѣ о довременномъ сознаніи); между дыръ (моимъ прошлымъ и будущимъ) пошелъ токъ перегоняющихъ образовъ: съеживались, распространялись, перемѣнялись, метались и, обливая меня кипяткомъ, въ меня влипали они (ихъ остатки — стѣнные обои: и по ночамъ они гонятся мнѣ, какъ прогоняется звѣздное небо)... Предлиннѣйшій гадъ, дядя Вася, мнѣ выползывалъ сзади: змѣеногій, усатый онъ потомъ перерѣзался; онъ однимъ кускомъ къ намъ захаживалъ отобѣдать, а другой — позже встрѣтился: на оберткѣ полезнѣйшей книжки „Вымершія чудовища“; называется онъ „динозавръ“; говорятъ, — они вымерли; еще я ихъ встрѣчалъ: въ первыхъ мигахъ сознанія.
Вотъ мой образъ вхожденія въ жизнь: корридоръ, сводъ и мракъ; за мной гонятся гады... —

— этотъ образъ родственен съ образомъ странствія по храмовымъ корридорамъ въ сопровожденіи быкоголоваго мужчины съ жезломъ... —

Взрѣзалъ мнѣ это все голосъ матери:
— „Онъ горитъ, какъ въ огнѣ!“
Мнѣ впослѣдствіи говорили, что я непрерывно болѣлъ: дизентеріею, скарлатиной и корью: въ то именно время...

Помню комнатку: въ ней предметовъ не помню; но — безпорядокъ во всемъ; все — раскидано, разворочено, взрыто, какъ... въ душѣ моей — затрепетавшей, встревоженной, вспугнутой, потому что... —

— бабушка тамъ, потрясаемая испугами, но испуги тая отъ меня и меня заражая испугами — посиживаетъ и набиваетъ себѣ папиросы: безъ чепчика, лысая; морщинится ея лобъ, когда она, приподымая глаза надъ очками, поглядываетъ на меня исподлобья — въ коричневатомъ капотѣ, выдѣляющемся на стѣнѣ — изъ табачнаго дыма; и капотъ, и лысина въ слабыхъ мерцаніяхъ свѣчки мнѣ не кажутся добрыми. Знаю я, — скверновато: даже совсѣмъ скверновато; а почему, — этого не могу я понять; потому ли, что открыто мнѣ неприличіе бабушки (вмѣсто чепчика съ лиловыми лентами вовсе голая голова), потому ли, что цѣлая половина стѣны отсутствуетъ вовсе: не четыре стѣны — три стѣны; четвертая — распахнулась своимъ темнодоннымъ оскаломъ со множествомъ комнатъ —

— все комнаты, комнаты, комнаты! —

— въ которыя, если вступишь, то — не вернешься обратно, а будешь охваченъ предметами, еще не ясно какими, но, кажется, креслами въ сѣроватыхъ, суровыхъ чехлахъ, вытарчивающихъ въ глухонѣмой темнотѣ; суть же не въ креслахъ, а такъ сказать въ протяженіяхъ матеріи воздуха и въ открытой возможности ощутить холодноватый бѣгъ сквознячка изъ комнаты въ комнату, увидать прыжокъ въ зеркало... кресла. Словомъ—скверныя комнаты!

Между тѣмъ: сознавая немыслимость тамъ водиться, кто то все же наперекоръ всему тамъ завелся; и — безалаберно возится среди креселъ — посиживаетъ, похаживаетъ, погромыхиваетъ и правитъ — пустопорожній свой шагъ, едва уловимый отсюда, по дальнимъ пустотамъ...

Если быть вовсе тихимъ, то шагъ не захочетъ приблизиться, потому что привольнѣй ему тамъ стучать одному, чѣмъ томить насъ въ ужасныхъ возможностяхъ переживать наступленіе шага; и — главное: чувствовать — неотдѣленность стѣною отъ шага; можно въ такомъ положеніи жить; двигаться тоже можно, пожалуй; но — безъ единаго стука; стукни; и — примется онъ: пристукивать, притоптывать, крѣпнуть, перерождаяся въ грохоты.

Чувствую невозможность дальнѣйшаго пребыванія безъ единаго звука: хочу издать звукъ; бабушка, задрожавъ, какъ осиновый листъ, мнѣ грозится рукою:

— „Этого нельзя: ни-ни-ни!“

Я — громко щелкаю: и — ай! — что я сдѣлалъ!

Оно — совершается; оно уже совершилось, потому что онъ, кто тамъ жилъ, вызываемый стукомъ, онъ — прётъ уже; и онъ уже крѣпнетъ; издалёка-далека онъ мнѣ отвѣчаетъ на вызовъ; и — ти:-те:-та:-то:-ту! — вытопатываетъ онъ мнѣ: тотъ самый (а кто, я не знаю)... Это было многое множество разъ: изъ темноты перли грохоты безтолковаго, суроваго шага; если бы добѣжать до постельки и если бы, завернувшись, уснуть, то ничего и не будетъ: все кончится; засыпая уже, буду слышать я разрушеніе грохота въ тихій свистъ и похрапыванье кого то, успокоительно спящаго...

Поздно... —

— выбѣжалъ изъ чернотнаго грохота мнѣ на встрѣчу —

— весьма прозаичный толстякъ, съ короткой шеей блондинъ, здоровякъ: поворачивалъ онъ брюшкомъ; на меня онъ поблескивалъ золотыми своими очками; и — золотою бородкою; онъ впослѣдствіи появился и въ яви: это былъ Доріоновъ, Артемъ Досифѣевичъ, докторъ мой; мнѣ впослѣдствіи говорили, что я непрерывно болѣлъ; и въ то самое время. У доктора Доріонова, помню я, — были огромныхъ размѣровъ калоши, подбитыя чѣмъ то твердымъ: и, попадая въ переднюю, производилъ ими грохотъ онъ; я всегда его узнавалъ по громоносному топоту, по огромной енотовой шубѣ, висящей въ передней, и по рѣзкому звонку во входную дверь; передъ его появленіемъ у меня поднималась: ноющая ломота въ ногахъ; онъ прописывалъ рыбій жиръ; и при этомъ онъ шлепалъ — себя по колѣнямъ, надсаживаясь отъ добродушнаго хохота; кажется, разводилъ на дому канареекъ; и когда слышалъ пѣніе —

вьется ласточка сизокрылая
подъ окномъ моимъ, подъ косящатымъ —

— то заливался слезами онъ: съ отцомъ игрывалъ въ шашки, а надъ бабушкою онъ подшучивалъ и утверждалъ, что мы живемъ не на шарѣ, а — въ шарѣ.

Думаю, что погоня и грохоты: пульсація тѣла; сознаніе, входя въ тѣло, переживаетъ его громыхающимъ великаномъ; событія этого сна объяснимы мнѣ такъ.

И — думаю... —

И думаю...

— Переходы, комнаты, корридоры напоминаютъ намъ наше тѣло, прообразуютъ намъ наше тѣло; показуютъ намъ наше тѣло; это —

органы тѣла... вселенной, которой трупъ — нами видимый міръ; мы съ себя его сбросили: и внѣ насъ онъ застылъ; это — кости прежнихъ формъ жизни, по которымъ мы ходимъ; нами видимый міръ — трупъ далекаго прошлаго; мы къ нему опускаемся изъ нашего настоящаго бытія — перерабатывать его формы; такъ входимъ въ ворота рожденія; переходы, комнаты, корридоры напоминаютъ намъ наше прошлое; прообразуютъ намъ наше прошлое; это — органы... прошлой жизни... —

— переходы, комнаты, корридоры, мнѣ встающіе въ первыхъ мигахъ сознанія, переселяютъ меня въ древнѣйшую эру жизни: въ пещерный періодъ; переживаю жизнь выдолбленныхъ въ горахъ черноты пустотъ съ бѣгающими въ чернотѣ и страхомъ объятыми существами, огнями; существа забираются въ глуби дыръ, потому что у входа дыръ стерегутъ крылатыя гадины; переживаю пещерный періодъ; переживаю жизнь катакомбъ; переживаю... подпирамидный Египетъ: мы живемъ въ тѣлѣ Сфинкса; комнаты, корридоры — пустоты костей тѣла Сфинкса; продолби стѣну я... мнѣ не будетъ Арбата: и — мнѣ не будетъ Москвы; можетъ быть... я увижу просторы ливійской пустыни; среди нихъ стоитъ... Левъ: поджидаетъ меня...

. .

Вообразите себѣ человѣческій черепъ: —

— огромный, огромный, огромный, превышающій всѣ размѣры, всѣ храмы; вообразите себѣ... Онъ встаетъ передъ вами: ноздреватая его бѣлизна поднялась выточеннымъ въ горѣ храмомъ; мощный храмъ съ бѣлымъ куполомъ выясняется передъ вами изъ мрака; неповторяемы кривизны его стѣнъ; неповторяемы его точеныя плоскости; неповторяемы архитравы колоннъ его входа: колоссальнаго, точенаго рта; многозубоколонный ротъ — входъ открываетъ безмѣрности сумракомъ овѣянныхъ залъ: черепныхъ отдѣленій; каменистые пики встаютъ въ сумракъ свода; перекликается гулкимъ шумомъ костяные своды его; и — опускаютъ объятія; и — образуютъ огромную полифонію творимаго космоса; и тяжковѣсно, отвѣсно нисходятъ уступы; падаютъ взоры въ оскалы проваловъ — многовидныхъ дыръ, — уводящихъ быстрою линіей переходовъ въ лабиринтъ полукружныхъ каналовъ; вы выходите въ алтарное мѣсто — надъ ossis sphenodei... Сюда придетъ іерей; и — ожидаете вы: передъ вами — внутренность лобной кости: вдругъ она разбивается; и въ пробитую брешь въ сѣро-черномъ, въ обсвистанномъ, въ вѣтромъ облизанномъ мірѣ несутся: стѣны свѣта, потоки; и крутнями вопіющихъ, поющихъ лучей они падаютъ: начинаютъ хлестать вамъ въ лицо:

— „Идетъ, идетъ: вотъ — идетъ“ —

— и уносятся подъ ноги космы алмазныхъ потоковъ: въ пещерныя излучины черепа... И вы видите, что Онъ входитъ... Онъ стоитъ между свѣтлаго рева лучей, между чистыми гранями стѣнъ; все — бѣло и алмазно; и — смотритъ... Тотъ Самый... И — тѣмъ самымъ взглядомъ... который вы узнаете, какъ... то, что отдавалось въ душѣ: исконно-знакомымъ, завѣтнѣйшимъ, незабываемымъ никогда...

Голосъ: —

— „Я"...

Пришло, пришло, пришло: пришло — „Я"...

Вы представьте скелетъ: крестообразно раскинулъ онъ руки — кости; и — неподвижно простертъ, чтобъ... возстать въ третій день... Вы представьте: —

— вы — маленькій-маленькій-маленькій, беззащитно низвергнутый въ нулліоны эоновъ — преодолѣвать ихъ, осиливать — схвачены чернымъ свистомъ пустотъ и стремительнымъ пунктомъ несетесь (это первая прорѣзь сознанія: воспоминаніе его держитъ прочно и точно описываетъ); дотѣлесная жизнь обнажена ужасно и мрачно; за вами несется старуха; и ураганомъ краснаго міра она протянула свои гигантскія руки; а вы — безпокровны; вдругъ — толчокъ: вы — малюсенькій-маленькій вдругъ ударились о скелетное тѣло храма; вы спасаетесь во внутренность храма; и слышите, какъ разбиваются о него океаны краснаго міра: тамъ склонилась старуха; она не можетъ войти —

— вы представьте: вы входите; и — поднимаете голову: справа и слѣва симметрично бѣгущіе своды реберъ; изогнуты прихотливо ихъ плоскости; встаютъ, передъ вами, какъ память... о памяти; чудесныя дуги скелетнаго храма; впереди — проходъ... къ бѣлому алтарю; и тамъ — черепъ; изъ огромности гулкихъ залъ, среди бѣлаго великолѣпія выступовъ вы повертываетесь назадъ — къ выходу; міры бреда горятъ тамъ; изумленіе, смятеніе, страхъ овладѣваетъ: дѣйствительность, откуда вы выпали — и не міръ.

И нахожденіе себя въ храмѣ подобно вопросу:

— „Какъ?.."

— „Зачѣмъ?"

— „Почему?"

— „Какъ сюда Ты попалъ?"

Изъ алтаря проливается свѣтъ: это „Я", іерей, совершаетъ тамъ службы; и — воздѣваетъ онъ руки:

— „Я, Я".

Вы узнали Его.

Какъ онъ „Я“ тамъ стоитъ: и простираетъ навстрѣчу — пречистыя руки... Этотъ жестъ — жестъ захожаго іерея — жестъ воздѣтыхъ рукъ отпечатлѣли, конечно, надбровныя дуги: по окончаніи свѣтлой утрени Іерей уйдетъ; вы его года не увидите... Онъ вернется на родину...

Созерцаніе черепа странно: и онъ — память о памяти великолѣпнаго скелетнаго храма, выдолбленнаго нашимъ „Я“ въ скалахъ чернаго мрака; въ храмѣ тѣла — лежатъ планы храмовъ; и возстанетъ, я вѣрую, изъ храмовыхъ обломковъ: храмъ тѣла.
Такъ гласитъ намъ писаніе...

Созерцаніе черепа утѣшаетъ, напоминаетъ; и — смутно учитъ чему-то: жестъ надбровныхъ дугъ вѣдомъ намъ; это жестъ окрыленнаго „Я“, вставшаго изъ гробовой покрышки, пещеры, чтобы нѣкогда вознестись; чтобъ... вернуться на родину...

Лабиринтъ черныхъ комнатъ.

Послѣ перваго мига сознанія предстаютъ: корридоры и комнаты —

— все комнаты, комнаты, комнаты! —

— въ которыя, если вступишь, то — не вернешься обратно, а будешь охваченъ предметами, еще не ясно какими, но, кажется, креслами въ сѣроватыхъ, въ суровыхъ чехлахъ, вытарчивающихъ въ глухонѣмой темнотѣ; множество нѣмыхъ кресelъ: подъ любымъ можно жить; все — мнѣ вѣдомо; гдѣ-то я проходилъ тутъ —

— можетъ быть... внутри тѣла, ощущеньями перебѣгая отъ органа къ органу и охваченный проростающей жизнью, еще не ясно какою, но кажется... выростающей; ея глухіе наросты вытарчивали мнѣ суровыми образами въ глухонѣмой темнотѣ; перебѣгалъ я отъ органа къ органу и уходилъ въ огромное материнское тѣло утробнаго міра... —

— странно вѣдомы стѣны, уводящія въ неизмѣримыя глуби: уводящія къ „матерямъ“, гдѣ всѣ образы таютъ въ безобразномъ... —

— Корридоры и комнаты, въ которыя если вступишь, то не вернешься обратно, а будешь охваченъ предметами, еще не ясно какими, но... кажется... креслами...; сознавая немыслимость здѣсь водиться, я завелся однако, наперекоръ всему, вздрагивая въ глухонѣмой темнотѣ; и дѣйствительность комнатъ возставала мнѣ — отло-

женіемъ расширенія ощущеній, отбѣжавшихъ въ „Я“, и оставившихъ во всѣ стороны слѣды свои: стѣны; изъ морей безобразія поднялись континенты; моря убѣжали подъ ноги; подъ поломъ бушевали онѣ; угрожали разбить всѣ паркеты: затопить меня.

Казалося: — въ отдаленіи, среди комнатной анфилады сидитъ моя бабушка; бѣгаютъ нити на спицахъ (она вяжетъ чулокъ); и — бабушка мнѣ грозится среди скверненькихъ сквознячковъ, перебѣгающихъ изъ комнаты въ комнату; далѣе — въ глубинѣ переходовъ еще бѣгаетъ безтолочь; и гремитъ кто-то древній; все-то ломится онъ; все то ищетъ меня: въ торопливыхъ поискахъ правитъ онъ пустопорожній свой шагъ: по дальнимъ пустотамъ; онъ — чужой: Артемъ Досифѣевичъ Доріоновъ, быкообразный, брюхатый — бѣгаетъ въ безконечности лабиринтовъ; то подбѣгаетъ онъ близко; а то отбѣгаетъ — въ неизмѣримыя дали ходовъ, гдѣ еще не обсохла дѣйствительность, и гадъ, дядя Вася, купается въ грязи тамъ. По ближайшимъ комнатамъ кто-то водитъ меня; молчаливо, сурово; кто-то свѣточемъ освѣщаетъ мнѣ путь, впослѣдствіи становится яснымъ: это мама иль няня проводятъ меня изъ корридора... въ мою дѣтскую комнатку...; вспоминаю я это шествіе; мнѣ казалось оно безконечнымъ; напоминало оно: шествіе по храмовымъ корридорамъ въ сопровожденіи быкоголоваго мужчины съ жезломъ —

— (я впослѣдствіи видѣлъ изображенія такихъ шествій; изображеньями этими пестрятъ подземныя гробницы Египта; и я видѣлъ ведущихъ: песьеголовыхъ, быкоголовыхъ мужчинъ съ длинными жезлами въ рукахъ...)

Мнѣ казалося: —

— переходы квартиры ведутъ къ безднѣ мрака; и всѣ тамъ обрываются: далѣе — чернотные грохоты, по которымъ несется старуха, стрѣляя дождями карбункуловъ; (переживаніе это меня охватило однажды: при прохожденьи земли чрезъ комету); я когда то тамъ проносился; она мчалась за мною; меня вытащили изъ громовъ космическихъ бурь; и — повели корридоромъ; такъ тянулись вѣка: все-то гнались за нами; странно было это суровое шествіе по корридору квартиры — въ сопровожденіи человѣкоподобнаго существа со свѣчею въ рукѣ.

Еще долго за мною протянута память туда — въ лабиринтъ черныхъ комнатъ, къ чужому: всѣ чужіе — оттуда; еще долго спустя подозрительно я встрѣчаю... гостей; а когда узнаю про Тезея и про быка Минотавра, то становится ясно мнѣ: Артемъ Досифѣевичъ — Минотавръ; я же, щелкнувшій въ мракъ пустыхъ комнатъ, — Тезей.

Среди странныхъ обмановъ, туманно мелькающихъ мнѣ, передо мной возникаетъ страннѣйшій: передо мною маячитъ косматая львиная морда; ужъ горластый часъ пробилъ; все какіе то желтороды песковъ; на меня изъ нихъ смотрятъ спокойно шершавыя шерсти; и — морда: крикъ стоитъ:

— „Левъ идетъ...“

Въ этомъ странномъ событіи всѣ угрюмо-текучіе образы уплотнились впервые; и разрѣзаны свѣтомъ обманы маячившихъ мраковъ; освѣтили лучи лабиринты; посреди желтыхъ, солнечныхъ сушъ узнаю я себя: вотъ онъ — кругъ; по краямъ его — лавочки; на нихъ темные образы женщинъ, какъ — образы ночи; это — няни, а около, въ свѣтѣ — дѣти, прижатыя къ темнымъ подоламъ ихъ; въ воздухѣ — многоносое любопытство; и среди всего — Л е в ъ —

— (Я впослѣдствіи видывалъ желтый песочный кружокъ — между Арбатомъ и Собачьей Площадкой, и доселѣ увидите вы, проходя отъ Собачьей Площадки, обсаженный зеленью кругъ; тамъ сидятъ молчаливыя няни; и — бѣгаютъ дѣти)...

Образъ этотъ — мой первый отчетливый образъ; до него — неотчетливо все; неотчетливо — послѣ; мутные, мощные, мрачные, перемѣнные миги мои мнѣ рисуютъ событія, со мною не бывшія вовсе; мнѣ дѣйствительность города возникаетъ впервые гораздо позднѣе; но осколокъ ея мнѣ — тотъ желтый кружокъ, перекинутый отъ... Собачьей Площадки... въ мой міръ марева: посерединѣ желтаго круга мы встрѣтились: я и л е в ъ.

Мнѣ отчетливо: —

— Левъ есть Л е в ъ: не собака, не кошка, не утка; смутно помнится: льва я гдѣ-то ужъ видѣлъ; и видѣлъ — огромную, желтую морду.

Да я зналъ ее прежде: я ждалъ ее...

Это событіе встрѣчи упреждаетъ отчетливо мнѣ встрѣчу съ близкими ликами: мамы, папы и няни... Среди образовъ сновъ еще нѣтъ этихъ образовъ; есть ихъ запахи, голоса, ощущеніе; есть движеніе съ ними въ пространствѣ: вотъ несутъ меня, переносятъ, укладываютъ, гасятъ свѣтъ, защищаютъ отъ тьмы; переносящихъ не вижу я вовсе; и я знаю объятія; папа, мама и няня мнѣ спрятали свои лики; сквозь объятія ихъ мнѣ просунуты все какіе то полулюди: вотъ ужасный толстякъ Доріоновъ, старуха и гадъ дядя Вася; правда

помнятся: тетя Дотя и бабушка: тетя Дотя протянута въ зеркалахъ съ выбивалкой въ рукѣ; бабушка — и грозна, и лыса. Больше образовъ нѣтъ...
Почему же левъ мнѣ знакомъ?

Я отчетливо помню, что —

— линіи блещущихъ лавочекъ, солнце и желтая суша — куда то отъѣхали передъ львомъ; левъ растетъ; и — заслоняетъ мнѣ все; ужасаюсь я: рухнули всѣ преграды межъ нами; все, что пряталось, появилось — подъ солнцемъ. Покровъ солнца на мракѣ не защищаетъ отъ мрака; солнце бросило въ мракъ желтый кругъ; и изъ мрака ночей повылѣзали на желтую сушу всѣ дѣти и няни: отдохнуть отъ опасностей; и тогда то вотъ изъ желтѣющей кучи песку, изъ подъ круга на кругъ вылѣзать сталъ на насъ головастый звѣрь, левъ: и все снова — пропало; солнце спряталось; снялось желтое пятно круга; и няни, и дѣти снялись; все снялось: и продолжилась тьма.

Я впослѣдствіи, четырехъ-пяти лѣтъ, проходилъ по кружку; и тогда вспоминалъ уже я, что мнѣ снилось когда-то (когда — я не помню) —

— вотъ здѣсь встрѣтилъ Льва я...

Черезъ двадцать лѣтъ—черезъ тридцать два года.

Черезъ двадцать лѣтъ: —

— мнѣ отчетливо кинуто снова: событіе съ „Львомъ“; углублено мнѣ отчетливо; косматая морда опять предо мною; невѣроятности бреда мнѣ врѣзаны въ вѣроятное; сонъ сталъ фактомъ; понялъ я до конца: бреды — факты; и сны суть дѣйствительность; черезъ двадцать лѣтъ сызнова Левъ стоитъ предо мною.

Я любилъ разсказывать сны: пояснять свои миги сознанія; и первые миги я вспомнилъ въ то время; я любилъ погружаться въ ихъ темное, грозное лоно; научился я плавать въ забытомъ; извлекать темнодонное: изучать его; въ это время я много читалъ: о днѣ океановъ и гадахъ; палеонтологія открываетъ мнѣ свои тайны; я — естественникъ; мои товарищи — тоже; собираемся мы дружнымъ, тѣснымъ кружкомъ; и забавляемся небылицами.
Помню я: ужъ весна; на носу экзамены; жарко; лабораторія опустѣла; темнѣетъ; ужъ весенній вечеръ въ окнѣ; угасаетъ жужжаніе электрической печи; бросаемъ реторты; въ прожженныхъ тужуркахъ идемъ

къ подоконнику; начинаются разговоры о снахъ; яркими красками рисую жизнь дѣтства: старуху и гадовъ; говорю о кружкѣ и о львѣ: о его желтой мордѣ...
Товарищъ смѣется:
— „Позвольте же... Ваша львиная морда — фантазія.“
— „Ну-да: сонъ...“
— „Да не сонъ, а фантазія: росказни...“
— „Увѣряю васъ: этотъ сонъ видѣлъ я.“
— „Въ томъ то и дѣло, что сна вы не видѣли...“
— „?“
— „Просто видѣли вы санъ-бернара...“
— „Льва...“
— „Ну-да: „Льва...“
— „?“
— „То-есть „Льва“ санъ-бернара...“
— „Какъ такъ?“
— „Этого „Льва“ помню я...“
— „?“
— „Помню желтую морду... не „льва“, а — собаки...“
— „??“
— „Ваша львиная морда — фантазія: принадлежитъ она санъ-бернару, по имени, „Левъ.“
— „А откуда вы знаете?“
— „Въ дѣтствѣ и я проживалъ около Собачьей Площадки... Меня водили гулять — на кружокъ; тамъ и я видѣлъ „Льва...“ Это былъ добрый песъ; иногда забѣгалъ на кружокъ онъ; въ зубахъ носилъ хлыстикъ; мы боялись его: разбѣгалися съ крикомъ...“
— „И вы помните крикъ „Левъ — идетъ?“
— „Разумѣется помню...“

Мой кусокъ странныхъ сновъ черезъ двадцать лѣтъ сталъ мнѣ явью... —

— (можетъ быть, лабиринтъ нашихъ комнатъ есть явь; и — явь змѣеногая гадина: гадъ дядя Вася; можетъ быть: происшествія со старухою — пререканія съ Афросиньей кухаркой; ураганы краснаго міра — печь въ кухнѣ; колесящіе свѣточи — искры; не знаю: быть можетъ...)

Товарищъ смѣялся:
— „Около Собачьей Площадки есть домъ: санъ-бернары не переводятся въ этомъ домѣ; около Собачьей Площадки и теперь они бѣгаютъ; ихъ же праотецъ — „Левъ“.

Очень скоро впослѣдствіи, проходя по Толстовскому переулку, выходящему на „кружокъ“, встрѣтилъ я: желтоногаго санъ-бернара съ шершавой, слюнявою мордою...
„Левъ“ продолжился — въ немъ...
Но душа глухо дрогнула:
— „Левъ — идетъ: близко знаменье.“
Въ это время я читывалъ „Заратустру.“

И — прошло лѣтъ двѣнадцать: тридцатидвухлѣтіе отдѣлило меня: отъ перваго появленія Льва и тогда въ третій разъ, появился онъ: всталъ воочію и — угрожалъ мнѣ погибелью...

Все таки.

Изъ сумятицы жизни, въ толпѣ, среди дѣлового собранія, сколько разъ я повертывался къ странному явленію „Льва“: въ дальнемъ дѣтствѣ, теперь и во время студенчества.
И — глаза мои расширялись; невидящимъ взоромъ глядѣлъ я въ пространство; толкали прохожіе; качалъ головой собесѣдникъ: я отвѣчалъ невпопадъ; изумленіе, смятеніе, страхъ овладѣвали мной.
Я себѣ говорилъ: —
— „Дѣйствительность эта — не сонъ: но она — не дѣйствительность...“
— „Что все это: и — гдѣ оно было?“
— „Приходилъ дѣтскій левъ: и опять, и опять.“
— „Ты съ нимъ встрѣтился...“

Явственно: никакой собаки и не было. Были возгласы:
— „Левъ — идетъ!“
И — левъ шелъ.

Въ это дѣтское время сознаніе изобразимо мнѣ такъ: провалился я; и — повисъ въ черной древности: блистать въ черной древности; иногда вокругъ сны — дымятъ: и бѣгутъ лабиринты изъ комнатъ; и припадаютъ къ лицу; и узоромъ обой остановятся передо мною; и узоромъ обой прямо смотрятъ мнѣ въ душу; отступятъ: опять провалился; повисъ въ черной древности; все отряхнуто — стѣны, кресла, предметы; все — грозно; все — пусто; дѣйствительность — дыра въ древнемъ мірѣ; мигъ, — и снова они: лабиринты изъ комнатъ; и изо всѣхъ лабиринтовъ глядится: тотъ самый; а кто — ты не знаешь: и тянетъ къ намъ руки; до ужаса узнанной бурей несется безъ словъ:
— „Вспомни же: это я — старая старина...“

Страшное роковое рѣшеніе уже принято: не избѣжать, не осилить: за нимъ! —

— всѣ! —

— туда!.. —

А куда, я — не знаю.

Ярче всего мнѣ четыре образа: эти образы — роковые: бабушка и лыса, и грозна; но она — человѣкъ, мнѣ исконно знакомый и старый; Доріоновъ — толстякъ; и онъ — быкъ; третій образъ есть хищная птица: старуха; и четвертый — Левъ: настоящій левъ; роковое рѣшеніе принято: мнѣ зажить въ черной древности; мнѣ глядѣться въ то самое (вотъ во что, я не знаю)... И оно надвигается; возстаетъ: и окружаетъ меня лабиринтами комнатъ; среди этого лабиринта — я; болѣе — ничего.
Странно было мнѣ это стояніе посрединѣ; или вѣрнѣе: мое висѣнье ни въ чемъ; и кругомъ — они, образы: человѣка, быка, льва и... птицы. Думаю, что они — мое тѣло; черная міровая дыра — мое темя; „я“ въ него опускаюсь: не сошелъ еще — мучаюсь; распространенный по космосу, я ужасно сжимаюсь; переживаю я погруженіе себя въ тѣло, какъ... опусканіе въ міровую дыру; но рѣшеніе принято: часъ жизни пробилъ; и выпуская меня изъ родительскихъ рукъ, Кто-то давній стоитъ тамъ за „Я“; и — все тянетъ мнѣ руки: изъ за багровыхъ расколовъ; эти руки, желтѣя, мрачнѣютъ; и — переходятъ во тьму.

— „Я — приду“.

Образованье дѣйствительности.

Какъ въ пространствахъ грохнувшій метеоръ, —

— издалека, неотчетливо, говорливо разсыплется, какъ горохъ по паркету:

— „Да воскреснетъ Богъ!“

— „Ха-ха-ха...“

— „Баринъ...“

— „Право...“

— „Чудакъ...“

— „Михаилъ Васильичъ, оставьте!“

— „И расточатся врази его“...

— „Ха-ха-ха...“

— „Чтой-то, право...“

— „Математики, ученые, головы: тамъ себѣ — шутятъ...“
— „Ха-ха...“ —

— разорвется — все: стѣны, комнаты, полы, потолки; или: вгонится въ темное отверстіе безобразно-безвременнаго, какъ вгоняется мыльный пузырь въ отверстіе узкой соломинки; лопнетъ все: лопну я...

Мнѣ открылось впослѣдствіи (я — подросъ уже въ эту пору): Афросинья, кухарка, съ Дуняшею, горничной — побранятся; и подымется: въ кухнѣ крикъ; папа выскочитъ изъ кабинета въ гостиную, пробѣжитъ по столовой, передней; и — въ кухню; тамъ онъ примется:

„Отче нашъ... Иже еси на небесѣхъ...“

Или — примется онъ: „Да воскреснетъ Богъ“ —

— угомонять крикунью-кухарку, грызущую все бывало Дуняшу: и потрясенная текстомъ, молчитъ Афросинья; Дуняша смѣется сквозь слезы: папа, мама и няня хохочутъ; Серафима Гавриловна съ бабушкой угощаются табачкомъ и разводятъ руками:

— „Математикъ, ученый, чудакъ...“
— „Что прикажете дѣлать.“

Я же — падаю въ обморокъ, потому что —

— „Я“ и „в с е к р у г о м ъ“ — связаны: ощущеніе строитъ мнѣ окруженіе: — распадаются стѣны въ чернотныя бездны; папа, мама и няня вываливаются; а „Я“ — безъ дѣйствительности; сотрясеніе ощущеній мнѣ обдуваетъ все, точно пухъ одуванчика, уносимый отъ брезжущей свѣчки въ пустотныя ночи.

Я — нервный мальчикъ: и громкіе звуки меня убиваютъ; я сжимаюся въ точку, чтобы въ тихомъ молчаньи изъ центра сознанія вытянуть: линіи, пункты, грани; ихъ коснуться своимъ ощущеньемъ; и оставить межъ нихъ зыбкій слѣдъ: перепонку; перепонка эта — обои; межъ ними — пространства; въ пространствахъ заводятся: папа, мама и... няня. Помню: —

— я выращивалъ комнаты; я налѣво, направо откладывалъ ихъ отъ себя; въ нихъ — откладывалъ я себя: средь временъ; времена — повторенія обойныхъ узоровъ: мигъ за мигомъ — узоръ за узоромъ; и вотъ линія ихъ упиралась мнѣ въ уголъ; подъ линіей линія; и подъ днемъ — новый день; я копилъ времена; отлагалъ ихъ пространствомъ; здѣсь — въ огромныхъ обойныхъ букетахъ — время мчалось галопомъ; а у той стѣны — разрывался мнѣ пульсъ его; я пульсировалъ временемъ; я пульсировалъ корридоромъ, столовой, гостинной: корридорныя, столовыя времена!

Вѣчность въ чехлахъ.

Дѣйствительность —

— выгонялась изъ... трубъ, какъ выгоняется мыльный пузырь изъ тончайшей соломинки: дѣйствительность не текла, а надувалась и лопалась; комнаты возникали мнѣ; комнаты лопались; въ комнатахъ — топали, хлопали, лопались всѣ предметы; и — таяла тетя Дотя, —

— все еще она не сложилась: не оплотнѣла, не стала дѣйствительной, а какимъ-то туманомъ она возникала безмолвно: между чехловъ и зеркалъ; мнѣ зависѣла тетя Дотя: отъ чехловъ и зеркалъ, между которыми —

— и слагалась она въ величавой суровости и въ спокойнѣйшей пустотѣ, протягиваясь съ воздѣтой въ рукѣ выбивалкой, съ родственнымъ отраженіемъ въ зеркалахъ, съ родственно задумчивымъ взоромъ: худая, нѣмая, высокая, блѣдная, зыбкая — родственница, тетя Дотя; или же: Евдокія Егоровна... Вѣчность...

Родственность — отраженіе моихъ состояній сознаній (въ данномъ случаѣ: чехловъ пустой комнаты); отраженіе было такъ хрупко, что приближеніе шага отряхивало тетю Дотю тѣнями: по четыремъ угламъ комнаты...

Мнѣ Вѣчность — родственна; иначе — переживанія моей жизни приняли бы другую окраску; голосъ премірнаго не подымался бы въ нихъ; не спадали бы узы крови; меня не считали бъ отступникомъ; и я не стоялъ бы предъ міромъ съ растеряннымъ взглядомъ.

Комнаты.

Квартирой отчетливо просунулся внѣшній міръ, —

— то есть, то —

— что

отъ меня отвалилось и на чемъ летучились сны, прилипая обоями къ укрываемымъ комнатамъ; а сквозь нихъ, изъ угловъ, пошелъ токъ мрачной жизни, слагая мнѣ будущихъ спутниковъ: тетя Дотя въ то именно время слагалась — въ углу, на обояхъ, изъ тѣней; она еще не сложилась; и —

— ти-те-та-та-то-ту —

— погромыхивалъ откуда то издали папа „Непапа“; старыя ямы открыты, какъ... старыя язвы; и этотъ папа Непапа — язвительный, клочковатый, нечесанный; изнутри онъ горитъ; а извнѣ — осыпается пепломъ халата; подъ запахнутой полой халата язвитъ багрецомъ онъ; и онъ — огнедышащій: папа

Непапа, какъ... Этна: остываетъ онъ; громыхая, онъ обнимаетъ... насъ: ураганомъ текущаго.

Воспоминаніе объ огнедышащемъ папѣ у меня сливается съ воспоминаніемъ о позднѣйшихъ разсказахъ —

— папа свѣчкою поджегъ штору; штора вспыхнула: но никого не позвавъ, папа бросился изъ постели въ пламенистые клóки — рвать и босыми ногами растаптывать; затоптавъ пламена, легъ онъ спать; утромъ входитъ прислуга и видитъ: часть стѣны обгорѣла; папа же — спитъ себѣ —

— настоящій пожарный!

Линіи, свѣточи, жары отвердѣвали поверхностями предметовъ, и гдѣ не было никакого порога, — порогъ появлялся; вѣрилось въ иныя, таимыя комнаты среди не таимыхъ, вотъ этихъ; потомъ обнаружились окна къ нимъ — зеркала: тетя Дотя связана съ зеркалами; все бывало выглядываетъ она на меня изъ зеркалъ — лицевымъ, блѣдноватымъ пятномъ.

Съ нянюшкой Александрою жили мы въ правилахъ; была правиломъ комната; и жили мы въ комнатахъ: въ правильныхъ комнатахъ, преодолимыхъ и измѣряемыхъ, о четырехъ стѣнахъ; словомъ, жили не въ трубахъ.

И заключили мы договоръ: —

— мнѣ жить по закону: около угла, сундучка, — при часахъ; и слушать мнѣ тиканье; здѣсь, на коврикѣ, одолѣвались пространства; и за ковромъ, тамъ —

— охватывалъ Анаксимандръ: безпредѣльностью; —

— это

я кричалъ про него, по ночамъ, — всего одно только слово:

— „Афросимъ!"

— просто я перепуталъ: „афросюнэ" по гречески вѣдь безуміе; а Афросинья служила въ кухаркахъ: въ то именно время; старообразая, все бранилась она.

Папа ей говорилъ:

— „Афросинья молода —
„Не бранится никогда." —

Или, скажетъ нашъ папа: —

— „Земля — шаръ..."

Это — я понималъ, какъ понималъ вообще я круглóты, и ихъ я боялся: вѣдь самъ же я шарился; и папа — охватывалъ страхомъ, становяся папой Непапой, какимъ то Вулканомъ, посыпаннымъ лишь для вида черной золой сюртука; подъ ней все кипитъ: огнедышащій папа!

Все то онъ налѣзаетъ на нянюшку (всѣ сказали бы съ шутками: а какія тамъ шутки!) и грозится извергнуться лавою меня сотрясающихъ словъ:

„Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,
„Когда мы вождя хоронили“.

Еще можно держаться мнѣ въ строѣ, когда скажетъ бывало онъ:

— „Вотъ сидитъ онъ на рогожѣ
„Блѣдный и нѣмой“ —

— это мнѣ и понятно, и просто; даже — на пользу мнѣ: самъ я на коврикѣ; самъ я и блѣденъ и нѣмъ, какъ блѣдна и нѣма моя нянюшка; нѣмота сидящаго на рогожѣ понятна; онъ сидитъ, какъ и я; и пребываетъ, какъ я, — онъ; на рогожѣ — одолѣвается и пространство, и время; за рогожею — рдяный міръ.

Папа же тутъ занепапится; и — пригрозитъ старой яростью:

„Краски огненнаго цвѣта
„Брошу на ладонь,
„Чтобъ предсталъ онъ въ безднѣ свѣта,
„Красный, какъ огонь!..“

— А я — я взреву, весь охваченный ярой рдяностью багрецъ излившаго, разсвирѣпѣвшаго — косматаго и очкастаго Папы, способнаго меня затащить въ тѣ міры, откуда, съ опасностью жизни, былъ я вытащенъ трубочистомъ.

Нянюшка меня накрываетъ отъ папы, а я — я предчувствую: будетъ, будетъ намъ съ нянюшкой гибель отъ папы; и потомъ, когда папы ужъ нѣтъ, я пугливо оглядываюсь; вотъ онъ тамъ на насъ набѣжитъ; нянюшка въ ужасѣ на меня принавалится, меня спасать: папа же — сорветъ съ меня нянюшку: затащитъ мнѣ нянюшку, можетъ быть... съ ней описывать тамъ въ пространствахъ... колѐса!

. . . .

Переживаніе звука тѣлеснаго голоса, какъ грохота безтолочи, переживаніе тѣла, какъ бездны, въ которую рухнулъ ты —

— безобразно пухнуть и пучиться —

— вотъ посвятительный образъ: въ произростаніе жизни; вспомните, что говорятъ наши няни:

— „Это, барыня, ростъ“.

Изъ сумятицы жизни.

Изъ сумятицы жизни, въ толпѣ, среди дѣлового собранія, сколько разъ я повертывался назадъ, къ первому мигу сознанія; и — глаза

мои расширялись; изумленіе, смятеніе, страхъ овладѣвали мной; я — хватался за голову; я — говорилъ себѣ:

— „Дѣйствительность, гдѣ ты былъ, — и не міръ“.

Мнѣ былъ міръ — ощущеніемъ... даже не органовъ тѣла, а —

— бьющихъ, рвущихъ и странно сѣкущихъ біеній, въ меня впаянныхъ, меня тянущихъ за собой, развивающихъ во всѣ стороны отъ меня крылорукія молніи пульсовъ; образомъ и подобіемъ моего состоянія можетъ служить развѣ лишь изображеніе чудища, тысячерукаго существа (сіамскія статуэтки — вы помните?).

Таковы мои первыя ощущенія; а нахожденіе себя въ ощущеніи было подобно вопросу:

— „Какъ?“

— „Зачѣмъ?“

— „Почему?“

— „Какъ сюда ты попалъ?“ —

— То-есть: —

— было сознанье контраста но — съ чѣмъ? Была память... О чемъ была память? Что „Я“ — „Я“, — этому я дивился позднѣе. Наконецъ было знаніе, которое я не мыслю безъ опыта: у безконечности есть предѣлъ; и стало быть: законечное; „законечнаго“ не было мнѣ: дѣтской комнаты, няни, мамы и папы — не возникало еще.

Законечное переживалось, какъ... прошедшая въ ощущеніе память: о дотѣлесномъ...

Мои дѣтскіе, первые трепеты: трепеты ощущаемыхъ мысле-чувствій сознанія; трепеты образованья текучихъ міровъ, пламенныхъ объятій вселенной (огонь Гераклита); трепеты развивались, какъ... крылья: думаю я, что „крылья“ — подобія пульсовъ; окрыленный, трепещущій ростъ — существо человѣка; ангелоподобно оно; и мы всѣ — крылоноги; и мы—крыло-руки. Конечности — отложенія крыльевъ. Мои первые дѣтскіе трепеты удивляютъ меня; удивляетъ все: что оно таково, каково оно есть; почему оно не текуче? Взмахни трепетомъ, какъ крыломъ, — перестроится все: будетъ тѣмъ, да не тѣмъ; а оно — не мѣняется (и впослѣдствіи, ужъ привыкнувъ къ дѣйствительности, все боялся я, что она утечетъ отъ меня и что буду я — безъ дѣйствительности: внѣ дѣйствительности разовью міры бреда...). Ощущеніе ужъ меня не терзаетъ: не кажется мерзостью; если жъ все утечетъ, ощущеніе разовьетъ — во всѣ стороны свои крылья: и я стану вращаться, терзаясь пустотами, тысячекрылый, напоминающій изображенія сіамскихъ боговъ, колесящихъ въ неправдѣ.

Про меня говорили:
— „Какой нервный мальчикъ"...

Съ трепетовъ, думаю, открывались мистеріи: мистеріей началась моя жизнь; и эта мистерія — ростъ; круги наростанья — наросты — есть жизнь моя; первый наростъ роста — образъ.
Жизнь моя началась въ безобразіи: и продолжилась — въ образы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нянюшка Александра.

Все это ужъ было когда то,
Но только не помню когда...
Гр. *А. Толстой.*

Папа.

Я сталъ жить въ пребываніи, въ ставшемъ (какъ я ранѣе жилъ въ становленіи); въ немъ держу нить событій; не все еще стало мнѣ; многое установится на мгновеніе; и потомъ — утечетъ.

Такъ становится мнѣ тетя Дотя; становится папа; установится; и уже — протечетъ: станетъ паромъ. Папа водится рѣдко; онъ въ отсутствіи представляется мнѣ огнеротымъ какимъ-то —

— красно-кудрыя пламена, огнеродъ, вылетаютъ изъ устъ; бородатый крылатый летаетъ на ясныхъ размахахъ; иногда приколотится онъ краснымъ міромъ своимъ къ Косяковскому дому, въ которомъ мы жили; и смотритъ съ Арбата въ оконныя стекла багровымъ закатомъ; разразится огромнымъ звонкомъ къ намъ во входную дверь: изъ Университета влетаетъ въ квартиру —

— (Университетъ — универсъ!) —

— громорогіе самороды грохочутъ намъ въ комнаты; воспламятся всѣ печи; а папа гремитъ за стѣною (я впослѣдствіи познакомился съ греческой миѳологіей; и свое пониманіе папы опредѣлилъ: онъ — Гефестъ; въ кабинетѣ своемъ, надѣвъ на носъ очки, онъ куетъ тамъ огни — среброструйныя молньи изъ стали, которыя на подобье складного аршина онъ сложитъ и спрячетъ въ портфель, чтобы ихъ утащить

въ Универсъ — и отдать ихъ Зевесу: университетскому ректору, Пудостопову).

Онъ уже вотъ въ огромныхъ калошахъ, въ огромной енотовой шубѣ по корридору бѣжитъ прямо во входную дверь, чтобъ оттуда, раскрывъ свою шубу, низвергнуться въ космосъ (тамъ за входною дверью — обрывъ: надъ головой, подъ ногами и прямо, гдѣ послѣ возникла стѣна, дверь и входная карточка съ надписью „Христофоръ Христофоровичъ Помпулъ“ — темнѣетъ звѣздистое небо); и папа несется по небу — громадной кометой, по направленію къ той дальней звѣздѣ, которую называютъ „Университетъ“, уносится на пространствахъ: газообразно раскинутымъ, повисающимъ, намъ грозящимъ хвостомъ; тамъ — летаютъ видѣнія; тамъ встрѣчается папа съ моею старухой: ее называютъ Натальей Ивановной Малиновскою, крестной мамою; тамъ въ двери остается папина шуба, большая, пустая; папа мчится въ иныя вселенныя: —

— въ Университетъ,
— въ Совѣтъ,
— въ Клубъ...

Ихъ названья — „планеты“; говоритъ онъ и дышетъ онъ — тамъ.

. . . .

Такъ летятъ серебропѣвныя облака на громахъ и на молньяхъ.

Рой—строй.

Первые мои миги — рои; и — „рой, рой, — все роится“ — первая моя философія; въ рояхъ я роился; колёса описывалъ — послѣ: уже со старухою; колесо и шаръ — первыя формы: сроенности въ роѣ.

Онѣ — повторяются; онѣ — проходятъ сквозь жизнь: блещетъ колесами фейерверкъ; пролетки летятъ на колесахъ; колесо фортуны съ двумя крылышками перекатывается въ облакахъ; и — колеситъ карусель. И то же — съ шарами: они торчатъ изъ аптеки; на Каланчѣ взлетѣлъ шаръ; деревянный шаръ съ грохотомъ разбиваетъ отрядъ желтыхъ кегель; наконецъ, приносятъ и мнѣ — красный газовый шарикъ — съ Арбата, какъ вѣчную память о томъ, что и я — шары сраивалъ.

Сроённое стало мнѣ строемъ: колеся, въ рояхъ выколесилъ я дыру, съ ея границей, —

— трубою —
— по которой я бѣгалъ.

Трубы, печи, отдушины, то есть, дыры, есть міръ.

Вспыхивалъ печной ротъ раскаленнымъ оскаломъ; или — жевалъ онъ золу; черныя дыры отдушинъ душили угарами; въ трубу—вылетали. Мама моя съ удареніемъ твердила:

— „Ежешехинскій...“

— „Что такое?“

— „Въ трубу вылетѣлъ“.

Это и подтвердилъ чей то голосъ:

— „Ежешехинскій идетъ сквозь огонь и мѣдныя трубы.“

Размышленія о несчастіяхъ Ежешехинскаго, забродившаго въ трубахъ и бродящаго тамъ доселѣ, — были первымъ размышленіемъ о превратности судебъ.

Въ размышленіяхъ этихъ одолѣвала память о старомъ: и я ходилъ въ трубахъ, пока оттуда не выползъ я — въ строй нашихъ комнатъ черезъ отверстіе печки изъ-за золы, изъ-за чернаго перехода трубы; туда уползаютъ и оттуда выпалзываютъ: въ стрòи стѣнъ и въ строй пережитій.

Правиломъ пережитій мнѣ встала тутъ — нянюшка Александра непосредственно у дыры, у трубы; и — строй нашихъ комнатъ.

Трубочистъ.

Невыразимое чувство меня охватило, когда —

— изъ-за угла корридора просунулась жиловатая голова трубочиста и добродушно осклабилась бѣлыми своими зубами; глаза мнѣ сказали: —

— „Да, да, да — вотъ“.

— „Мы знаемъ, что знаемъ...“

— „Но объ этомъ — молчокъ...“

— „Ни-ни-ни...“

И трубочистъ наклонился къ отверстію печки: что-то свое тамъ таитъ, вспоминатъ...

Думалось: можетъ быть, это онъ, перегибаясь по трубамъ, меня выхватилъ изъ дыры; и — пронесъ надъ огнемъ... —

— Какъ онъ бродитъ надъ трубами и опускаетъ въ отверстіе длинную веревку на гирѣ: согнутый, озоленный, — посиживаетъ: въ гаряхъ, въ копотяхъ, — у перегиба трубы, въ темномъ ходѣ, спасая оттуда младенцевъ, и послѣ выпалзывая изъ печей, гдѣ ему, какъ ужу, ставятъ на блюдечкѣ молоко; и — трубочистъ представляется мнѣ змѣеногимъ: извивается въ комнатахъ; тихо пестуетъ мальчиковъ.

Поражался я отвагою трубочиста: любилъ трубочиста. И зная, что, —

— Ежешехинскій впалъ въ трубу, тамъ заползалъ, какъ червь, и изъ трубы по ночамъ подвываетъ, я думалъ: —

— „Какъ его тамъ найти?“

Послать трубочиста.

Видывалъ трубочиста я послѣ: въ окошкѣ... Какъ онъ тамъ, — на трубѣ, далекò-далекò, выдается изогнутымъ контуромъ; солнце блещетъ слѣпительно; снѣгъ на крышѣ — глазастый алмазникъ; присвиснетъ метелица; и — взлетятъ снѣгометы: снѣгометы бѣло и неяро летятъ переносными стаями; легколистая снѣгопись серебрѣетъ на окнахъ.

Тетя Дотя.

Тетя Дотя становится — тоже, появляясь сперва въ зеркалахъ дальней комнаты; и въ величавомъ спокойствіи медленно оплотнѣваетъ; оплотнѣвшая ходитъ среди насъ: съ выбивалкой въ рукѣ.

Оплотнѣвшая тетя Дотя становится: Евдокіей Егоровной; она — какъ бы Вѣчность.

Евдокія Егоровна, Вѣчность, сочувственно посѣщаетъ меня, обнимаетъ меня своимъ блѣднымъ лицомъ — безъ единой кровинки; тетя Дотя — растрóена: растроенà въ зеркалахъ; въ томъ и этомъ; обнимая меня, указуетъ на зеркало; тамъ — она; и еще кто-то тамъ: зеленоватый, далекій и маленькій, въ блѣдно-каштановыхъ локонахъ; а тетя Дотя мнѣ шепчетъ:

— „Чужіе“.

Становится все очень странно, а тетя Дотя садится къ огромному, черному ящику; открываетъ въ немъ крышку; и однимъ пальцемъ стучитъ мелодично по бѣлому звонкому ряду холодноватенькихъ палочекъ —

— „То-то“ —

— что-то те-ти-до-ти-но...

Мнѣ впослѣдствіи тетя Дотя является: преломленіемъ звукохода; тетя Дотя мнѣ: мелодическій звукоходъ; а всѣ прочіе ходы суть грохоты; и особенно папинъ ходъ: грохоходъ — папаходъ...

Тетя Дотя — минорная гамма; или — строй торчащихъ чехловъ; и кресло въ чехлѣ — называю „Егоровной“ я; и мнѣ каждое кресло — „Егоровна“; строй „Егоровенъ“ — Вѣчность... Онъ рядъ повто-

реній: э-моль; и тетя Дотя — э-моль: повтореніе одного и того же. Тетя Дотя — какъ гамма, какъ тиканье, какъ паденіе капелекъ въ рукомойникѣ, какъ за окнами строй солдатъ безъ офицера и знамени; ее назвалъ „дурной безконечностью“ знаменитѣйшій Гегель.

Нянюшка Александра.

Непротканное звѣздами блѣдное небо, дневное — за окнами смотритъ; непроглядная тѣнь на полу: это нянюшка Александра со мной.

Точнѣй — воздухъ нянюшки: вселенная, продышавшая многимъ; и — прогнанная; ее прогнали: я плакалъ.

Все было въ нянюшкѣ правильно намъ: и внѣдырно, и комнатно (она дозирала за дырами: трубочистъ — ея кумъ); я бывало ее теребилъ; я просилъ ее: мнѣ позвать трубочиста; нянюшка мнѣ молчала: ни слова. И голоса я не помню ея; да и нрава не помню, но —

— дозирающій

обликъ изъ тѣней, угловъ и простѣнковъ, въ тускловатой мглѣ сѣрыхъ стѣнъ передо мною встаетъ, какъ реликвія древности...

• •

Смутно помнится: —

— что букетиками васильковыхъ обой — передо мной встали стѣны, и что тарелочка съ манной кашкой откушана мною; и — перемазанъ я весь (нянюшка на меня заворчала: меня подтираетъ). Мнѣ немного грустно и пусто; вотъ онъ — кованый, жестяной сундучекъ; около него, подъ часами, въ пунцово-сѣромъ платьѣ сидитъ она —

— съ изможденнымъ, пожелклымъ, изборожденнымъ лицомъ; и — съ желтыми скулами; я валюсь на подушки, потому что я —

— недоволенъ; мнѣ говорили потомъ, что въ это время былъ боленъ я, что меня мучилъ жаръ; жара нѣтъ; и — событія нѣтъ; то есть, нѣтъ ничего уже; а... кашка... откушана... мною; я кушалъ — въ будни; откушалъ: и — тѣ же все будни; мнѣ хочется плакать; въ тиканьяхъ перемогается время: ужъ сумерки.

Нянюшка на меня посмотрѣла: и забѣгали надъ чулкомъ вязальныя, ясныя спицы —

— Манная кашка меня обманула; тяготится желудочекъ и нападаютъ сонливости; я простираюсь за помощью; нянюшка склонилась ко мнѣ; вмѣсто ея головы —

— надъ воротомъ пунцоваго платья, безъ колпака, торча, меня лижетъ, мнѣ блещетъ и синенькимъ огонечкомъ моргаетъ мнѣ, дышетъ отверстіемъ: ламповое стекло! —

— А нянюшка съ ясными вязальными спицами — только смотритъ!

Прогулка.

Нянюшка Александра и я пробираемся по корридору — изъ дѣтской: въ корридорной печи — залетали огни; краснопалое пламя показало намъ палецъ; мы проходимъ въ столовую: на летящихъ спиралляхъ съ обой онѣмѣли давно лепестки бѣлыхъ лилій легкотѣннымъ изливомъ: проходимъ въ гостинную: она — въ красныхъ креслахъ; на стѣнахъ изъ огромныхъ гирляндъ багрянѣютъ, грозясь: кисти красныя розъ заревыми роями; мы — на кухню: шепоты, шумы, шипы, огни, пары, гари; тамъ на кухнѣ стоитъ, тамъ на кухнѣ бурлитъ — дымношипный котелъ; и огонь бьетъ въ котелъ, прободая желѣзную вейку; ломти мягкаго мяса малиновѣютъ на столикѣ; кровоусая кошечка съ краснымъ кускомъ въ зубахъ — ужъ косится; и — морковина сочно трется о терку... —

— Афросинья, замахиваясь рукой надъ огнемъ, описываетъ кочергою дугу, вся въ отсвѣтахъ кудряваго пламени, вылѣзающаго на нее изъ печи легкой гривой; въ печкѣ — красная ярая морда оскалилась углями; —

— и мнѣ кажется: —

— Афросинья тамъ борется съ гадомъ, приползающимъ къ черному отверстію печки; будетъ — будетъ намъ гибель: кричу; и выводятъ меня въ корридоръ.

. .

Нянюшка Александра и я пробираемся по корридору — изъ кухни; я — прижался къ подолу; за нами бродятъ по стѣнамъ огромные великаны; то — тѣни; съеживаясь, перемѣняясь, метаются; а корридоръ — безконеченъ; странно мнѣ это шествіе — нянюшки Александры, меня — по корридору и комнатамъ опустѣвшей квартиры въ сопровожденьи двухъ спутниковъ, тѣней, нѣмыхъ и безшумныхъ; настроеніе это мнѣ переживалось впослѣдствіи, при созерцаньѣ рисунка, изображавшаго шествіе по храмовымъ корридорамъ вѣдомаго плѣнника съ сопровожденіи птицеголоваго мужчины съ жезломъ.

Я впослѣдствіи мальчикомъ ждалъ: вотъ откроется дверь; и — войдетъ: птицеголовый мужчина; и родимый клекотъ его огласитъ мою дѣтскую.

Обморокъ.

Наши комнаты: корридоръ, кабинетъ, кухня; и — далѣе, далѣе; но — еще есть комнаты; ихъ убрали; и ихъ разставляютъ, какъ ширмы; только выйдемъ мы съ няней изъ корридора на кухню, какъ уже въ столовую быстро ворвутся губастыя черныя рожи — арапы: и — раздвигаютъ всѣ кресла; на опростанномъ мѣстѣ они учреждаютъ „вертепъ": и — обставляютъ вертепъ: кумачами; и папа въ парчевомъ халатѣ, въ коронѣ и съ шаромъ въ рукѣ появляется самъ возсѣдать въ золоченомъ тамъ креслѣ; и — мама становится дамой; и — ходитъ за папой; подаютъ пузатую чашу и открываютъ паркеты; и опускаютъ туда: подъ паркеты; подъ паркетами — синеродныя воды играютъ струею; подъ паркетами плыветъ водовозъ, попирая ногами бубновую бочку; и быстроливнымъ ведромъ наливаетъ въ пузатую чашу: сестренокъ; папа съ мамой танцуютъ кадриль, а сестренки ихъ просятъ: „Отдайте насъ Котику!"
По ночамъ иногда я не сплю: и въ столовой мнѣ слышатся стуки: танцуютъ кадрили — въ „вертепѣ"; утромъ встаетъ съ золоченаго кресла мой папа; и запираетъ сестренокъ моихъ въ крѣпкій шкапъ; и дама становится мамой: проходитъ за папой; „вертепъ" разбираютъ арапы; я ищу его...
Гдѣ онъ, гдѣ?..

Тоже вотъ: —

— будетъ, будетъ намъ гибель: попадаютъ плитки паркетовъ — въ міры новыхъ комнатъ!..
Въ ожиданіи катастрофы я жилъ; она и случилась однажды: —

— мы, паркетныя плитки, и я — мы попадали въ обморокъ (это было во снѣ); падать въ обморокъ съ той поры означало: падать въ чужую квартиру, подъ нами, гдѣ докторъ Пфефферъ проказникамъ дергаетъ зубы и откуда грозится намъ чернобровая дѣвка, Ардаша: „Проказничать больше нельзя"...
Помню я этотъ сонъ: —

— выбѣгаю въ столовую я, а за мной моя нянюшка съ криками: „Обморокъ"... И этотъ обморокъ вижу я: онъ — дыра въ лакированномъ нашемъ паркетѣ; и я вижу въ дырѣ: тамъ — гостинная; она — въ красныхъ креслахъ, какъ наша; на стѣнахъ изъ

огромныхъ гирляндъ багрянѣютъ, грозясь: кисти красныя розъ заревыми роями; я туда падаю; шепоты, шумы, шипы, огни, пары, гарп влетаютъ въ открытую дверь; и появляется самъ докторъ Пфефферъ въ коронѣ; и чернобровая дѣвка Ардаша становится дамою; и докторъ Пфефферъ кричитъ изъ отверстія усатаго-бородатаго рта:
— „Я твой папа".
А чернобровая дѣвка, Ардаша, стрѣляетъ глазами:
— „Я — мама".

Метафоры понимаю я точно: упалъ въ обморокъ — значитъ: упалъ, куда падаютъ; а вѣдь падаютъ — внизъ; внизу — полъ; подъ-поломъ докторъ Пфефферъ проказникамъ дергаетъ зубы; и — попадаютъ къ нему.

Ощущеніе зыбкости стѣнъ и таимаго міра подъ ними объяснимо по моему крѣпнущимъ порогомъ сознанія, безпрепятственно простертаго прежде въ безсознательный міръ, гдѣ я, запорожецъ, спибался со всякимъ татариномъ, — въ сублиминальное поле, усѣянное костями:

„О поле, поле, кто тебя
„Усѣялъ мертвыми костями?"

Эти кости — порогъ, а блужданіе сознанія по костямъ прежде павшихъ существъ — стѣны комнатъ: сознанія въ нашемъ смыслѣ; но раздвигаемы кости; мнѣ порогъ сознанья стоитъ передвигаемымъ, проницаемымъ, открываемымъ, какъ половицы паркета, гдѣ самый обморокъ, то-есть, міръ открытой квартиры, въ опытахъ младенческой памяти надѣляетъ наслѣдствомъ, не примѣняемымъ ни къ чему, а потому и забытымъ впослѣдствіи (оживающимъ, какъ память о памяти!) въ упражненіи новыхъ опытовъ, гдѣ древніе опыты въ новыхъ условіяхъ жизни начинаютъ старушиться внѣ меня и меня — тысячелѣтняго старика — превращаютъ въ младенца: то, что я — маленькій, случайное несчастіе, что-ли: не истина, а — соціальное положеніе среди болѣе, чѣмъ я, позабывшихъ и именуемыхъ — взрослыми; мнѣ, младенцу (старику ненашего міра) они объясняютъ игрушки; и объясненіе ихъ игрушекъ перетягиваетъ вниманіе отъ во мнѣ живущаго міра — къ играмъ, затѣяннымъ внѣ меня; и — создается порогъ. —

— Я его помню открытымъ.

Древняя тайна.

На лакированной поверхности шкапчика линіи деревянныхъ волоконъ сбѣжались: —

— темнороднымъ пятномъ перепиленныхъ суковъ —

— какъ бы въ двѣ фигуры, склоненныя смутными ликами изъ разлетѣвшихся складокъ — другъ къ другу: что-то повѣдать другъ другу —

— таить, молчать, вспоминать: какую-то древнюю правду, которой касаться нельзя:

— „Ни-ни-ни!“ —

— которую вспоминаешь ты, такъ же вотъ, поклоняясь безъ шепота: образы посвященныхъ переживались мной впослѣдствіи такъ, какъ полное тайны склоненіе покровенныхъ фигурокъ на шкапчикѣ... изъ разлетѣвшихся складокъ; и — образы склоненныхъ волхвовъ въ великолѣпныхъ коронахъ надъ яснымъ Дитятей: въ кіотѣ; и моргаетъ кіотъ самоцвѣтнымъ рубиномъ; и отъ рубина протянутся красные, ясные лучики; одинъ волхвъ — трубочистъ: черенъ ликомъ и красенъ губами; и красныя губы раскрылись, какъ будто поетъ онъ; и мнѣ говорятъ про волхва, что онъ — Мавръ —

— на лакированномъ шкапчикѣ линіи деревянныхъ волоконъ сбѣжались къ двумъ пятнамъ: перепиленныхъ суковъ; и эти пятна — не пятна, а м а в р ы, то есть, темныя богомольныя лица: волхвовъ...

. .

Невыразимое чувство: —

— я его впослѣдствіи узнавалъ, неоткрытымъ въ своей остротѣ, но мнѣ глухо-звучащимъ подъ образами и событіями жизни — въ произведеньяхъ искусства, въ грохотѣ городовъ, между двухъ подъѣздныхъ дверей; болѣе всего — на ребрѣ хеопсовой пирамиды, въ часъ тихій вечера, когда солнце Египта зловѣще отускнѣвало въ подпирамидной пыли; и — плавали золотокаріе сумерки; плавали главы пальмъ, занесенныхъ песчаною пылью; и — будто безствольныхъ; чернѣя съ громадныхъ ступеней, феллахъ подымалъ на меня одиноко гортанный свой голосъ... —

— Много разъ приходило ко мнѣ мое странное чувство...

. . . . .

По утрамъ изъ кроватки, бывало, смотрю: на узоры стоящаго шкапчика; я умѣю скашивать глазки (смотрѣть себѣ въ носикъ); узоры, бывало, снимаются съ мѣстъ: прилипаютъ мнѣ къ носику линіи деревянныхъ волоконъ двумя темнородными пятнами перепиленныхъ суковъ; и мнѣ кажется: двѣ фигуры склонились своими неясными ликами, какъ два Мавра, — изъ разлетѣвшихся скадокъ: надъ маленькимъ мальчикомъ; пальчикомъ трогаю ихъ; но легко и воздушно сквозь лики проходитъ мой пальчикъ; моргну —

— и темнородныя пятна

перелетаютъ на шкапчикъ...

. .

Среди дня я на нихъ посмотрю — тысячелѣтіемъ древняго міра мнѣ нѣмо склонились фигурки; и мнѣ кажется, что у меня за спиною — не стѣны, а такіе же точно міры, какъ на маленькомъ лакированномъ шкапчикѣ: волокнисто-темнѣющіе, золотокаріе, гдѣ все плаваютъ сумерки межъ безствольными кущами; и чернѣя оттуда, зоветъ онъ (а кто — я не знаю); и — одиноко подыметъ гортанный свой голосъ —

— повертываюсь: —

— вмѣсто золото-каряго міра — стѣна: этажерочка (та же!) стоитъ себѣ; и на ней — строй солдатъ: оловянные гренадеры мои серебрятся мнѣ лицами... Сидитъ моя нянюшка.

.

Среди ночи, бывало, лежу; и повѣшено мнѣ на стѣнкѣ окошко; тамъ — стылая ясность вечерняго неба; и стылая ясность вечерняго неба дрожитъ; и —

— самоцвѣтная звѣздочка —

— мнѣ летитъ на постель; и — уколется усикомъ; я потру кулачкомъ свои глазки: и возникнетъ въ закрытыхъ глазахъ моихъ центръ; и — исходятъ изъ центра мнѣ трепеты молній; а центръ раздвигается: строятся свѣтлыя комнаты; изъ центра несутся: центръ ширится — раздвигается въ синій глазъ: синій глазъ — добрый глазъ; но... я глазки открою: —

— и вижу: —

— нянюшка моя подъ кіотомъ; кладетъ тамъ поклоны; и краснымъ рубиномъ моргаетъ протканная риза; и — Мавръ протянулъ свои руки: надъ яснымъ дитятей разводитъ ладонями — изъ разлетѣвшихся складокъ.

. . .

Я впослѣдствіи взрослымъ смотрѣлъ съ ожиданіемъ на лакированный шкапчикъ: двѣ фигуры, склоненныя смутными ликами тамъ слагались попрежнему; и — ничего не могли мнѣ повѣдать; пересчитывалъ я деревянныя волоконца подъ лакомъ; и разсматривалъ темнородныя пятна перепиленныхъ суковъ.

Церковь.

Спины, склоны, поклоны —

— какъ полное тайны сложеніе деревянныхъ фигурокъ на шкапчикѣ... —

И за спинами — голоса: —

— подъемлютъ какую то огромную, но позабытую истину: древнюю; мнѣ когда-то открытую въ храмѣ (когда это было?).

Громкій зовъ я забылъ: забылъ солнцевый голосъ!
И — вотъ онъ раздался: —

— дергаю бабушку за края ватерпруфа и собираюсь расплакаться...

Но меня приподняли (и — мнѣ узрѣть!): —

— блистающее, какъ золотое свѣтило небесное чернобородое божество тамъ стояло передъ распахнутой дверью — въ таимую комнату блесковъ; и, подымая высоко десницу, съ блистательной лентою, провозгласило: голосомъ, отъ котораго чуть не лопнули стѣны... —

— блескогромное, огромное Солнце, на которомъ я жилъ, опустилось на насъ: провозглашеннымъ глаголомъ — провозглашеннымъ единственный разъ, потому что міръ не способенъ вторично услышать гласимаго: онъ, навѣрно, провалится... тамъ — въ сіяющей синеватости дымовъ вставали свѣтящія: блага и цѣнности... неописуемыхъ, непонятнѣйшихъ формъ; тамъ, оттуда, — на мигъ показалась та самая Древность въ сѣдинахъ; и пышныя руки свои развела: изъ Золотого Горба; и казалося мнѣ, что стоялъ передъ нами: Золотой Треугольникъ; двѣ руки, какъ лучи, протянулись направо-налѣво отъ бѣлаго лика: бѣлый ликъ, точно око, глядѣлъ въ золотомъ треугольникѣ; и — міры міровъ тамъ чинились: подъ багряной завѣсою; человѣкоглавое серебро изъ руки затепляло звѣзду; золотою планетою дориносилася Книга... къ престолу, сквозь разрывы завѣсы; но таинница строгихъ дѣлъ тамъ закрылась; и —

— красные, кудлатые люди въ огнѣ, по бокамъ, какъ загаркали въ ужасѣ!.. —

— Тутъ меня опустили подъ спины; но еще долго мнѣ слышались какіе-то багровые ревы; серебрились и сінились дишканты: точно четыре животныхъ подхватили провозглашенные вопли; и катали ихъ... по мірамъ; изъ подкинутой чашечки на серебряной цѣпи вылетали душистые клубы... надъ спинами; какъ крылами, громами билъ храмъ; и въ глаголы облекся, какъ въ свѣты...

Очень скоро за узрѣннымъ раздаются глаголы и мнѣ: объ ангелахъ, раѣ и... Боженькѣ; окончательно выясняется мнѣ, что таимая комната — Церковь, гдѣ староста Свѣтославскій обходитъ съ таре-

лочкой; въ Золотомъ Го[illegible]ѣ, у престола подъемлющій руки, есть „батюшка“, или — священникъ; когда онъ безъ парчи, то онъ — „попъ“...

Попъ, попы, попадья, просфора, просвирня — слова, которыя меня просвѣтили; главнымъ образомъ — бабушка; тутъ она знала толкъ; я ее считалъ — подъ-просвирнею; бывало — она перекреститъ; бывало — подсунетъ мнѣ въ ручку пузатенькій хлѣбикъ: „просвирку“; поминаньице —

— лиловая книжечка —

— все, бывало, съ ней рядомъ; и даже она понесетъ поминаньице, лиловую книжечку, съ просфорой на подносъ: и ее унесутъ: въ міры блеска; и даже, бывало, пошутитъ она съ попадьею; и — даже! — пройдетъ съ крестнымъ ходомъ: за нимъ, за самимъ, — за Іоанникіемъ, Митрополитомъ Коломенскимъ и Московскимъ.

. .

Мнѣ дорога жизни протянута: чрезъ печную трубу, корридоръ, черезъ строй нашихъ комнатъ — въ Троице-Арбатскую Церковь, гдѣ нашъ староста, Свѣтославскій, обходитъ съ тарелочкой...

Строгіе строи.

Все, возникающее изъ-за коврика, было мнѣ не на пользу; тамъ, оттуда — шли поступи; и галлопада временъ приближалась; она разбивалась о правило: о мой завѣтъ съ нянюшкой —

— мнѣ жить по закону; и — въ правилѣ: около угла, сундучка, при часахъ; слушать тихое тиканье; то есть: жить въ строгихъ строяхъ; не перетягивать цѣпочки за гирю; не останавливать тиканье; не искать новыхъ комнатъ; галлопируя не забѣгать въ корридоръ; и не щелкать подъ креслами; не залѣзать подъ-подолъ; и пушистую кисиньку не таскать за приподнятый хвостикъ; главное — чтобы бабушка не сломалась, какъ сломалась однажды она, какъ недавно мной сломанный слоникъ: —

— какъ она къ намъ подсѣла; и подзывала меня: ее тиснуть; ну, — я ее тиснулъ; она же сказала: „Сломаюсь“. Я тиснулъ еще ее; и — сломалъ; хохотали всѣ: папа, мама и няня; но я... сломалъ бабушку!.. —

— словомъ мнѣ быть: не шалить; проживать формалистомъ; и даже... буддистомъ.

Что-то и доселѣ живетъ во мнѣ въ фугѣ Баха и въ бѣлой дори-

ческой коллонадѣ отъ моего міра съ нянюшкой; и отъ вѣчнаго тетидотина міра.

Въ болѣе позднемъ младенчествѣ этотъ міръ строгихъ строевъ (строевая служба моя) представляется мнѣ міромъ зданій, гаммъ, рулядъ, крамеровскихъ этюдовъ и Черни (экзерсисы Черни вы помните?); особенно: государственныхъ учрежденій, массивныхъ и каменныхъ, безъ орнаментной лѣпки, но съ колоннадою: николаевскихъ сѣрыхъ и бѣложелтыхъ казармъ, александровскихъ и маріинскихъ институтовъ, гуляющихъ парами, въ пелеринкахъ, больницъ, богадѣленъ; и даже— пожалуй—мнѣ розовый Вдовій Домъ напоминалъ этотъ міръ (неподалеку отъ Прѣсненской части, гдѣ выскакивалъ бородатый-рогатый козелъ, и бодаясь-брыкаясь летѣлъ впереди вѣстового, предшествуя „Части“; и гдѣ бродилъ онъ степенно отъ Прѣсни и до... Горбатаго Моста); всѣ богадѣленки—няни; вдовы же, то есть, старыя дѣвы (что-то-же) представляются мнѣ до сихъ поръ... интересами Вѣры Сергѣевны Лавровой:—

— Вѣра Сергѣевна Лаврова—знакомая тети Доти, пахла прѣлыми яблоками; и загадывала на... Бабашкина; выходило всегда, что Бабашкину предстоятъ интересы; исполненіе интересовъ—четыре десятки—ложилось не рѣдко...

. . .

Этотъ строй мнѣ знакомъ; противопоставленъ онъ рою; строй оковывалъ рой; строй—твердыня въ безстроицѣ; все остальное—течетъ, какъ напримѣръ... дѣти Вѣтвиковы: притекаютъ откуда то къ намъ—колесить и дразнить.

Все это на меня налетитъ, обезтолковитъ и схлынетъ. И останется тихій мой міръ; и въ немъ—я, надо всѣмъ—

— стрекотаніе спицъ изъ простѣнка и темныя орбиты нянюшки Александры: изъ подъ бѣлаго чепчика.

Фундаменталиковъ-Чемоданиковъ.

Фундаменталиковъ-Чемоданиковъ, ученикъ ремесленной школы,—этотъ былъ безобразникъ; на металлическій сундучекъ приходилъ онъ посиживать изъ угла корридора; и разговаривалъ съ нянюшкой о ремесленной школѣ; о воспитанникахъ этой школы; и о томъ,—сколько ихъ...

Мнѣ казалось, что они грохотали у насъ по ночамъ; въ лабиринтѣ изъ комнатъ съ толпами—вотъ такихъ же точно, какъ и они, безобразниковъ; это были дикія племена, населявшія міры дальнихъ комнатъ; я съ волненіемъ взиралъ на сидящаго безобразника

учиняющаго въ ночныхъ переходахъ ужасныя нападенія на дѣтей; (съ Фундаменталиковыми-Чемоданиковыми грозно бьются въ огняхъ трубочисты; отражая ихъ черныя полчища, намъ грозящія и угаромъ и сажами).

Папа его отчиталъ:

— „Знаете: вы — молодой человѣкъ...“

— „Ученикъ ремесленной школы...“

— „И — ай, ай — что вы сдѣлали!“

— „За такіе поступки вамъ, сударь мой, въ носъ продѣнуть кольцо: и — потащатъ по улицамъ съ городовыми“...

Мнѣ все думалось послѣ: Фундаменталиковъ-Чемоданиковъ —

— ай, ай, ай! —

— поступилъ, то есть, позволилъ себѣ своевольно тяжелую поступь: нарочно гремѣлъ по паркету; мнѣ открылось тогда: кто нарочно гремитъ по паркету, тотъ свершаетъ поступокъ; за поступокъ же — всякій! — огромныхъ размѣровъ кольцо продѣвается въ носъ; и тутъ вспомнилось мнѣ, что поступилъ еще хуже я: щелкнулъ во мракъ пустыхъ комнатъ; оттого-то и прибѣгалъ Доріоновъ: мнѣ продѣть въ носъ кольцо; и — утащить за собою...

И уже значительно позже: —

— видя черныя рожи индѣйцевъ съ продѣтыми въ носу кольцами, понималъ я отчетливо: всѣ они — безобразники: съ тяжелою поступью: Фундаменталиковы-Чемоданиковы.

Паяцъ-Петрушка.

Курій крикъ —

— Крр-кр! —

— каверзникъ: растрещался трещеткой; онъ —

— грудогорбая, злая, пестрая, полосатая финтифлюшка-петрушка: въ рѣдкостяхъ, въ ѣдкостяхъ, въ шустростяхъ, въ юростяхъ, востренькимъ, мертвенькимъ, дохленькимъ носикомъ, колпачишкой и щеткою въ рукѣ-раскорякѣ колотится, что есть мочи безъ толку и проку на балаганномъ углу —

— Крр-крр-кр! —

— высоко!

Я —

— подтянутый,

— схваченный,

— вскинутый! —

— съ изумленіемъ, строгостью и безо всякаго наслаж-

денія разсматриваю вредоносное, вострое, пестрое и очень злое созданьице, какъ дозираютъ тарантуловъ въ опрокинутой банкѣ: какъ бы не выскочилъ укусить; и —

— Кррр-крр-кр! —

— разрѣзаетъ картавенькій голосокъ какъ точеными ножницами: подчирикнулъ, подпрыгнулъ, подпрыгнулъ и нѣтъ его — на балаганномъ углу; падаютъ лишь снѣжинки на носикъ.

Тутъ ударили въ бубны!

Меня же, дрожащаго, покрытаго смертной испариной, продолжаютъ —

— подтягивать,
схватывать,
вскидывать! —

— тащутъ за руки, безъ всякаго милосердія: подъ полотно балагана, гдѣ кипятъ и пучатся бубны — подъ полотномъ балагана! Мы спѣшимъ въ кровавые кумачи, въ мимотекущіе ураганы и старыя-старыя ярости, гдѣ насъ всѣхъ прищемятъ, растиснутъ, раскрошатъ, завертятъ, закрутятъ, зажарятъ и... сбросятъ —

— въ пропасти колесящихъ карбункуловъ! —

— Вотъ уже кровавые кумачи съ курьимъ крикомъ Петрушекъ, изъ котораго вдругъ выхватывается на насъ, обдавая насъ пламенами, мѣлолицый колпачникъ и что есть мочи замахивается своей мѣдной тарелочкой. Мнѣ говорятъ:

— Вотъ — паяцъ! —

— но на бывалое безобразіе отвѣчаю я крикомъ!

Философъ.

Въ это время себя вспоминаю философомъ я: —

— ползая подъ столомъ, подъ подоломъ, подъ стуломъ — при нянюшкѣ! — я не просто ползалъ, а — такъ сказать — съ удареніемъ, какъ подобаетъ ползать дѣльцу, побывавшему во всѣхъ передрягахъ; и — колесившему по пустотамъ; ползалъ я — въ настоящемъ: безъ всякихъ видовъ на будущее — безъ проэктовъ, безъ плановъ; и — конечно же! — безъ надеждъ (обманула манная кашка!)...; съ достоинствомъ отдаюсь я

огромнымъ рукамъ; и меня, какъ царя, ужъ сажаютъ въ высокое креслице, откуда взираю я на текущія событія міра съ философскимъ спокойствіемъ: —

— стародавній орфистъ: я проникъ въ міръ мистерій; и о мірахъ изначальной змѣи, вспоминая свою коридорную бытность, кое что разсказать бы я могъ: мнѣ въ младенческихъ ужасахъ открывались міры древнихъ гадовъ, и гадъ, дядя Вася, стоялъ во главѣ ихъ...

— Я — боролся со Львомъ...

— Старый Гераклитіанецъ — я видывалъ метаморфозы вселенной въ пламенныхъ ураганахъ текущаго; и я зналъ очень твердо; что сегодня — нянина голова, то когда нибудь — отверстіе лампы; (няни нѣтъ уже — утекла: я не помню, когда это было; но знаю — прогнали мою молчаливую нянюшку).

— Папа бьетъ намъ вулканомъ; и — наполняетъ всѣ комнаты керосиновой копотью, въ копоти бросается трубочистъ меня выхватить изъ пожара; передаетъ меня нянюшкѣ; нянюшка строемъ дорическихъ стѣнъ отражаетъ огонь; и — отражаетъ намъ полчища „корибантовъ": Фундаменталиковъ-Чемодаников; докторъ Пфефферъ, паяцъ — нападаютъ на насъ; міръ хтоническихъ культовъ пронизанъ струей аполлонова свѣта; и возникаетъ трагедія: воспоминаній о нянюшкѣ...

Анаксимандръ, Ѳалесъ, Гераклитъ, Эмпедоклъ пробѣгаютъ по нашей квартирѣ на чувственныхъ знакахъ:

Говорю:

— „Рой, рой — все роится".

Ѳалесъ меня учитъ:

— „Все полно боговъ, демоновъ, душъ..."

Передо мною — огни: въ страшный міръ колесящихъ карбункуловъ распадается мнѣ темнота; метаморфозы охватываютъ; а — Гераклитъ мнѣ твердитъ:

— „Все — течетъ".

Съ Анаксимандромъ мы вѣдаемъ безпредѣльности; Эмпедоклъ бросается въ Этну; я — падаю въ обморокъ.

Въ эту давнюю пору разыграна и разучена мною: вся исторія греческой философіи до Сократа; и я ее отвергаю.

Перечитывая „Исторію греческой философіи":

— „Нечего ее изучать: надо вспомнить — въ себѣ".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Блески надъ блесками.

И этихъ грёзъ въ міровомъ дуновеньи
Какъ дымъ несусь я, и таю невольно,
И въ этомъ прозрѣньи и въ этомъ забвеньи
Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.
А. Фетъ.

Котикъ Летаевъ.

Мнѣ четыре года; родился я вечеромъ: около девяти; вскричалъ — ровно въ девять; надъ моимъ появленьемъ на свѣтъ постарался — лейбъ-медикъ: профессоръ Макѣевъ; и тутъ же его я обидѣлъ: —

— онъ, взявши на руки, меня хотѣлъ приласкать, а я... я... я...: словомъ — онъ побѣжалъ къ рукомойнику...

Я его видывалъ послѣ, на улицѣ; маленькій старичекъ, положивши на плэдъ свои руки, пролетитъ въ коляскѣ, бывало; и сѣдою головкой — направо — налѣво — направо; наушники шапки болтаются; и — удивляется улицамъ; дѣтскіе голубые глаза на меня уставятся — нѣтъ ихъ; думаю: вотъ — профессоръ Макѣевъ, лейбъ-медикъ, когда-то старался, чтобъ мнѣ его видѣть; кабы не онъ, мнѣ бы его не увидѣть; я его узнаю; а онъ — нѣтъ.

Говорили мнѣ: при моемъ появленьѣ на свѣтъ свой огромный томъ мнѣ прислалъ академикъ Гротъ съ своей надписью; не видалъ этой книги я, но всегда ей гордился.

Очень я любилъ повторять сò словъ мамы, что когда меня подносили къ окну, я увидѣлъ вспыхнувшій газъ въ колоніальномъ магазинѣ Выгодчикова, — разволновался, затрясся и торжественно произнесъ — свое первое слово:

— „Огонь“...

Это — помнилъ я твердо.

Я ходилъ — тихій мальчикъ, — обвисшій кудрями: въ пунсовенькомъ платьицѣ; капризничалъ очень мало; а разговаривать не умѣлъ; слушалъ рѣчи другихъ, склоняясь надъ сломаннымъ слоникомъ; и отвѣчая на ласки, я терся головкой о плечи; прогнанный, отходилъ въ уголокъ, чтобы оттуда мнѣ медленно подбираться къ колѣнямъ: поспать на колѣняхъ.

Или я смирно садился на креслицѣ: мнѣ подумать на креслицѣ; свои руки сложивъ въ ручкахъ креслица, — думалъ на креслицѣ:

— „Почему это такъ: вотъ я — я; и вотъ — Котикъ Летаевъ... Кто же я? Котикъ Летаевъ?.. А — я? Какъ же такъ? И почему это такъ, что —

— я — я?“...

Изъ подъ блѣдно-каштановыхъ локоновъ, падающихъ на глаза и на плечи, я изъ сумерокъ поглядывалъ: въ зеркала.

И становилось такъ странно...

День Котика Летаева.

Изъ кроватки смотрю: на букетцы обой; я умѣю скашивать глазки; и стѣны, бывало, снимаются: перелетаютъ на носикъ; легко и воздушно сквозь стѣны проходитъ мой пальчикъ; ахъ, туда бы головку; но — непроглядныя стѣны! — моргну: перелетаютъ на мѣсто.

Раиса Ивановна, бонна, встаетъ изъ постели; одѣяло откинетъ; и голыми ножками — въ полъ; подбѣжитъ босикомъ въ бѣлой теплой рубашкѣ: вынимать меня изъ постельки, одѣвать чулочки и лифчикъ, и мнѣ — улыбнется.

Девять часовъ; а не то — половина десятаго; и Раиса Ивановна въ ясненькой красненькой кофточкѣ разливаетъ чай (мама спитъ: она встанетъ къ двѣнадцати); самоваръ трещитъ: и самосыпныя искры летятъ намъ на скатерть; носикъ мой упирается въ край стола; и захрустѣлъ на зубахъ край поджаренной булочки; папа — въ форменномъ фракѣ: кудролобый, очкастый; захлебнулъ чай усами; свѣтлоливная капелька капнула съ его мокрыхъ усовъ въ синій бархатный отворотъ его синяго чистаго фрака; фалды фрака качаются; двуглавые золотые орлы золотыхъ его пуговицъ — строжайше разставили крылья.

Папа ѣдетъ на лекціи; лекціи — линіи листиковъ; многолѣтіе прожелтѣло ихъ; листики сшиты въ тетрадку; по линіямъ листиковъ — лекцій! — летаетъ взглядъ папочки; линіи лекцій — значки: круглорогій, прочерченный иксъ хорошо мнѣ извѣстенъ; онъ — съ зетикомъ, съ игрекомъ.

Папа водитъ по нимъ большимъ носомъ; и щелкая крѣпкимъ крахмаломъ, бормочетъ:
— „Такъ-съ, такъ-съ!“
И получается: „Таксъ“.
Иксики напоминаютъ мнѣ таксиковъ: напоминаютъ собачекъ; таксики (думалъ я) выростаютъ изъ этихъ крючочковъ; ихъ встрѣчалъ на бульварѣ я уже значительно позже: весною; продувныя, нелистыя дерева желтоглазились почками; бульваръ лился людомъ; и на пологіе лобики песиковъ я укладывалъ ручки.
Самовара нѣтъ. Папы — нѣтъ.

. . .

За окнами все-то крыши: и удивленные горизонты — раздвинуты, пусты.
Наша гостинная —
— уставлена красными креслами; съ подоконниковъ подымаютъ печальныя пальмы свои линіи листьевъ; злыя, зеленыя зеркала — въ ясномъ золотѣ рамъ: и Раиса Ивановна передается изъ зеркала въ зеркало; и все — валится, не падая, на бокъ; а полъ — скачетъ вверхъ. И Раиса Ивановна принимается меня обнимать; и — зеркалами пугать; и — все валится, не падая, на бокъ, а полъ — скачетъ вверхъ...

Наша столовая, какъ денница, вся бѣлая: —
— на летящихъ спираляхъ съ обой онѣмѣли давно: лепестки бѣлыхъ лилій легкотѣннымъ изливомъ; у обой гнули стулья ломкіе полукруги сидѣній; изъ обой просунулась круглота: деревянная голова; стрекотала строгими стрѣлками на циферблатномъ оскалѣ; кружевныя гардины, какъ вѣки, тишайше бѣлѣли подъ окнами; дубостопный желтый буфетъ — онъ одинъ будоражился; и бряцая посудой, кидался — на прохожихъ у двери.
Послѣ ночи, бывало, войду, посмотрю; и окнами, какъ глазами, посмотрятъ однѣ блѣдноглазыя стѣны; и блѣдноглазая ясность покроетъ покоемъ.
Наша столовая — утренница; а —
— темно въ корридорѣ: въ корридорной печи залетали огни; черногая женщина меня ждетъ въ корридорѣ.
Тонкою нитью прояснилось многокружіе паутины; и —
— Раиса Ивановна, —
— милая! —
— глядя искоса на меня, наклонилась кудрявой

головкой къ своимъ краснымъ тряпкамъ, перекусивши зубками нитку; протягивается иголка; и —

— „Was ist das?“

— „Das ist“... —

— мнѣ не помнится слово.

Мои кубики поразсыпались; и — головкой — въ колѣни; ручка въ ручку; и — ничего: мы — пройдемъ... корридоромъ...

Черногая женщина, можетъ быть, забодаетъ намъ — маму...

Мама проснулась — зоветъ насъ: —

— меня беретъ на постель; треплетъ кудри; и я — передъ ней кувыркаюсь:

— „Котикъ, маленькій“...

Альмочка кувыркается тоже: и уже бьетъ двѣнадцать часовъ; пора мамѣ вставать: ужъ на кухнѣ стоитъ дымношипный котелъ; и огонь бьетъ въ котелъ, прободая желѣзную вейку; тамъ — въ желѣзной печи, окаляетъ полѣнья: краснорогій огонь изъ трескучихъ печей поѣдаетъ полѣнья. Побѣгу въ кухню я — шепоты, шумы, шипы, огни, пары, чады.

Послѣ завтрака —

Нашъ веселый кузенъ Веревитиновъ съ дымнокудрой сигарой въ рукахъ, все-то щелкаетъ пальцемъ на Альмочку, которая поѣдаетъ щенятокъ, и Раисѣ Ивановнѣ нѣжно посмотритъ онъ въ глазки: въ агаты; изъ кудрокрылаго личика мамочка бирюзѣетъ глазами на насъ и капризно качается на качалкѣ въ своей красной косыночкѣ, поджидая къ себѣ Поликсену Борисовну Блещенскую въ великолѣпной каретѣ: кататься; и блѣдная ленточка съ яснымъ бубенчикомъ гремитъ въ ея пальцахъ: это — лиловая ленточка; бубенчикъ — серебряный; Миловзориковъ перевязалъ ею мамину руку.

Миловзориковъ — свѣтлогрудый гусаръ; и это все — „котильонъ“.

Поликсена Борисовна позвонилась: мамочка привскочила съ качалки и протянула мнѣ ручки; я зарылся головкой въ колѣняхъ: пеньюаръ разлетается отъ нея самокрылыми змѣями.

Кучеръ — съ лазурной подушкой на головѣ: приросъ толстымъ задомъ; вороные кони хрипятъ, жуютъ мыльные удила — съ угла Арбата: ждутъ мамочку; это вижу я изъ окна: изъ серебряныхъ листьевъ мороза; мамочка, въ коричневомъ казакинѣ и въ брошкѣ надѣла ротонду; она — къ Блещенскимъ на весь день; и вечеромъ — въ бенуаръ.

Намъ пора на прогулку.

Тутъ съ меня снимутъ туфельки; и продѣнутъ ножку чулочкомъ — въ мѣховой сапожекъ; и принимается кто-нибудь, сапожекъ уперши въ колѣни, крючочкомъ щипать мою ножку.

Каждый день мы идемъ: на Пречистенскій бульваръ погулять (на Смоленскій бульваръ мы не ходимъ: тамъ дурно воспитаны дѣти); кто-нибудь ходитъ тамъ; и вдругъ сядетъ на лавочку; на меня поглядитъ; и — значительно посылаетъ улыбки; всѣ они улыбаются мнѣ; всѣ они уже знаютъ, что Котикъ Летаевъ гуляетъ; хлопаетъ крыльями чернокрылый каркунъ и вислоухая шуба сутулится въ снѣгѣ; снѣгосыпное дерево вздрогнуло; а ужъ кто-нибудь, вставши —

— медленно уходитъ туда: въ крылоногіе вѣтерки; обернется киваетъ...

А уже набѣжали на насъ: крылоногіе вѣтерки; вѣютъ бѣлыя веи на разгасившихся щечкахъ; дымитъ куча снѣга; песикъ къ ней подбѣжалъ и надъ нею онъ поднялъ: мохнатую ногу; я бросаюсь къ лимонному пятнышку; но Раиса Ивановна — „пфуй!“

Ахъ, какъ жалко!

Безрукая шуба щетинится комомъ древняго мѣха: въ снѣга; и хлопаетъ въ воздухѣ крыльями; я бросаюсь на шубу: обхватить ее ручками; она нагибается низко и изъ шершаваго мѣха, подъ шапкой, уставятся: два очка; и бѣлая борода прожелтится усами; шуба — гуляетъ, какъ я; и она называется: Федоръ Иванычъ Буслаевъ; и Федоръ Иванычъ зашамкаетъ —

— птичка ему разсказала, что Котикъ Летаевъ сегодня гуляетъ; и онъ Котику принесъ на бульваръ кое-что: и дрожащей рукой меня треплетъ по разгасившимся щечкамъ; и кусочекъ рябиновой пастилы осторожно просунетъ мнѣ въ ротикъ, кивая очкастою головой; Федоръ Иванычъ Буслаевъ гуляетъ не на ногахъ, а... на шубѣ (живетъ въ своей шубѣ), а шуба проходитъ: чернокрылые каркуны сквозь суки пропорхнули ей вслѣдъ.

Разсыпаются снѣговые вьюны; разсыпаются неосыпные свисты; пахнетъ трубами въ воздухѣ; золотою ниточкой фонарей многоочитое время уже побѣжало по улицамъ: предвечернимъ дозоромъ; все на небѣ расколото; кто то блистаетъ оттуда, изъ-за багровыхъ расколовъ; желтѣетъ, мрачнѣетъ; и — переходитъ во тьму.

Мы — домой.

Вечеромъ: —

— на летящихъ спираляхъ, съ обой, кружевѣютъ, горя, косяки красныхъ зорь: блѣднорозовымъ роемъ, а —

— Раиса

Ивановна мягкимъ, агатовымъ взглядомъ таинственно переводитъ мой взглядъ: переводитъ туда, гдѣ —

— багровая голова, со стѣны хохоча, огрызнулась оскаломъ.

Не успѣю я вскрикнуть: Раиса Ивановна—

— милая! —

— шаловливо ужъ клонитъ свой локонъ въ мой локонъ; и — начинаетъ смѣяться.

Кружевные дни — на ночи: повторяютъ себя — на ночи: тѣни свѣялись изъ угловъ; тѣни свѣсились съ потолковъ; и возникая изъ воздуха, — черногорогія женщины проходили по воздуху.

. .

По вечерамъ мнѣ Раиса Ивановна все читаетъ —

— о короляхъ, лебедяхъ; ничего не пойму: хорошо!

Мы — подъ лампою; лампа — лебедь; и ширятся лучики — въ бѣлоснѣжные блески развернутыхъ солнечныхъ крылій, пересѣкаясь въ рѣсницахъ; застревая въ волосикахъ, пощекочутъ ушко они; полудремотно ласкаюсь я къ лучикамъ; голова на колѣняхъ: ласкаюсь къ колѣнямъ; все отхлынуло — въ тѣневое, темное море; спинка кресла — скала; она — набѣгаетъ, растетъ: хорошо!

Со скалы: —

— (Явь ушла въ полусонъ: въ полусонъ вошла сказка) — стародавній король проситъ вѣрнаго лебедя по волнамъ, по морямъ плыть за дочкой въ страну незабудокъ (когда это было?) —

— лампа — лебедь: съ лебедемъ улетаю и я: —

— мы —

кидаемся въ волны; несемся по воздуху въ голосъ: забытый и древній: —

— .

„Я плакалъ во снѣ...
„Мнѣ снилось: меня ты забыла.
„Проснулся... И долго, и горько
„Я плакалъ потомъ...“

(Это — кто-то: поетъ изъ гостинной)...

Полусонъ мѣшается мнѣ со сказкой, а въ сказку вливается голосъ: —

— мы — въ воздухѣ: на лебединыхъ, распластанныхъ крыльяхъ, гдѣ на протянутыхъ струнахъ воздуха разыгрались арфисты и гдѣ лебединыя перья, какъ пальцы, сіяніемъ проходятъ по нимъ; лебеди переливаются по лазурямъ, а изъ

лазурей —

— (**беззвучно, какъ прежде, уже киваешь мнѣ ты**: тебя не было; плакалъ я безъ тебя; все забывши я плакалъ; ты вернулась ко мнѣ — лебединая королевна моя) —

—

„Я плакалъ во снѣ.
„Мнѣ снилось: ты любишь, какъ прежде.
„Проснулся, а слезы все льются...
„И я не могу ихъ унять“... —

— Несемся: всѣ вмѣстѣ. Несется и красный Наставникъ за нами: тысячелѣтіемъ, пламенами и пурпуромъ: —

— открываю глаза: лебедь — лампа. Лебедя вырѣжетъ мнѣ Раиса Ивановна завтра...

. . . . .

Воспоминаніе дѣтскихъ лѣтъ — мои танцы: подъ лампою; **все во всемъ**: насыпаютъ въ чайницу чай; и надъ кускомъ кабинетной стѣны подъ самоваромъ бормочетъ быстроглазый мой папа; въ кабинетѣ стѣнъ нѣтъ: вмѣсто стѣнъ — корешки, за которые папа ухватится: вытащить переплетенный и странно пахнущій томикъ: вмѣсто томика въ стѣнѣ — щель; и уже оттуда намъ есть: —

— проходъ въ иной міръ: въ страну жизни ритмовъ, гдѣ я былъ до рожденія и оттуда теперь вынимаю я пальчикомъ... паутинникъ; папа же томикъ раскроетъ; и —

— бросятся —

— крючковатые знаки: дифференціала и... функцій; эти функціи ползаютъ на крючочкахъ; и, вѣроятно, кусаются, какъ... мурашки, которыя позаводились въ буфетѣ и которыя... —

— разъ принесли мнѣ кусочекъ черстваго хлѣбика... изъ него дѣлать грѣшника, то есть, обмакивать въ чай; разломили кусочекъ, а тамъ то —

— въ кусочкѣ-то! —

— мурашки: —

— красные! —

— ползаютъ! —

— папа придвинулъ свой носъ и подпирая очки двумя пальцами, онъ заерзалъ лицомъ и воскликнулъ:
— „Ай! Какая гадость: мурашки!“

Самъ же онъ поразвелъ на дому всякихъ функцій на листикахъ (до функцій Лагранжа включительно), и существа иныхъ жизней во всемъ: и въ буфетныхъ щеляхъ, и въ паутинѣ подъ шторой —

— видѣлъ я

тамъ брюхоногую функцію: —

— папа пестритъ своей функціей бѣлые листики; функціи съ листиковъ расползаются по дому; листики бросить въ корзиночку; я же листики вытащу; и — Раиса Ивановна мнѣ изъ нихъ нарѣжетъ воронъ; всѣ вороны мои не простыя, а — пестрыя; и — на себѣ онѣ носятъ: многое множество растанцевавшихся иксиковъ; мнѣ надоѣли вороны; и я — гляжу въ иксики: —

— въ

иксикахъ — не бывшее никогда!

Въ нихъ — предметность отсутствуетъ; и — угоняются смыслы...

Вечеръ: мнѣ — пора спать. Мамы нѣтъ (она на „Маскоттъ" — въ бенуарѣ); мы съ Раисой Ивановной за вечернимъ столомъ вмѣстѣ съ бабушкой и Серафимой Гавриловной, старушонкой; папа тамъ, подъ самоваромъ, бормочетъ: у чайницы, черной, лаковой и китайской; на этой китайницѣ — вижу я: золотые сады, многокрышіе домики, золотыя птицы и люди — китайцы.

Все одно: золотой Китай или... чай.

Папа выставитъ на Серафиму Гавриловну изъ-за книги и таинственно подмигнетъ ясноглазымъ лицомъ:

— „Серафима Гавриловна: Страшнаго Суда-то не будетъ".

— „А какъ такъ не будетъ?"

— „Судную-то трубу укралъ видно чортъ: переполохи на небѣ... Объ этомъ писали въ газетахъ".

И Серафима Гавриловна намъ обиженно пожуетъ блеклымъ ртомъ.

— „Переполохи и непріятности: у Николая Угодника съ Михаиломъ Архангеломъ"...

И тутъ примется утапатывать въ корридоръ повеселѣвшій вдругъ папа: и уже —

— „почистите сюртучекъ!" —

— раздается оттуда; мнѣ—не весело: что-то будетъ!

Папы нѣтъ; папа въ клубѣ: одни; и все — въ безподобіяхъ; переполохи въ углахъ; и непріятности — подъ поломъ; и лишь одинъ потолокъ въ свѣтовыхъ кружевахъ; комнаты, какъ ковши, зачерпнули за окнами мраку; и, какъ ковши, — полны мраку; Серафима Гавриловна спряталась въ листья лапчатой пальмы: озираться, топтаться и, содрагаясь, бояться — темнотнаго топота; тихонравная бабушка — ушла въ кухню; переливается звѣздами неосыпное небо.

И — ползаетъ функція.
Раиса Ивановна меня уложитъ въ постельку.

. . . .

Мнѣ не спится... Повѣшено мнѣ на стѣнкѣ окошко: тамъ — стылая ясность вечерняго неба; и стылая ясность вечерняго неба дрожитъ; и —

— самоцвѣтная звѣздочка —

— мнѣ летитъ на постель; глазикомъ поморгаетъ; усядется въ локонахъ; усомъ уколется въ носикъ: чихну.. А звѣздоглазое небо моргаетъ въ окошкѣ.
Вотъ откроютъ форточку, и какъ безгорбое облако тихоплавно войдетъ синій холодъ; остужать синеродомъ: —

— и пѣвчая стаечка звѣздъ — къ намъ ворвется; кружитъ по угламъ и наполнитъ все щебетомъ: —

— двѣ отъ стаечки отдѣлятся и начнутъ порхать другъ надъ другомъ, затѣявъ веселую драку, а какая-нибудь сядетъ къ Боженькѣ въ уголокъ; трогаетъ крылышкомъ огонекъ и пробуетъ маслица изъ лампадки: —

— всѣ же другія блистающимъ одѣяльцемъ опустятся на меня: распѣвать небесныя пѣсни... —

Сплю... —

.

А за окнами все подтянуто, втянуто: въ синеродную вышину, а она-то носится звѣздами, то — подъ собою ихъ гонитъ; катится наливная звѣзда за перекладину рамы; и быстротечное небо несется, чтобы прогнаться подъ утро: уйти восвояси.

Впечатлѣнія.

Впечатлѣнія первыхъ миговъ мнѣ — записи: блещущихъ, трепещущихъ пульсовъ; и записи — образуютъ; въ образованіяхъ встаетъ — что бы ни было; оно — образовано.
Образованіе мѣняетъ мнѣ все: —

— и точки моихъ впечатлѣній дробятся —

— душою моею! —

— и риза міра колеблется; по ней катятся звѣздочки законами пучиннаго пульса; и безболѣзненно гонится

смыслъ любого душевнаго взятія метаморфозами краснорѣчиваго блеска, гдѣ точка —

— понятіе! —

— множится многимъ смысломъ; и вертитъ, и чертитъ мнѣ звенья летящей спирали: объясненіе — возженіе блесковъ; пониманіе — блески въ блескахъ, гдѣ ритмъ пульса блесковъ мой собственный, бьющій въ странѣ танца ритмовъ и отражаемый образомъ, какъ —

— память о памяти!

Преображеніе памятью прежняго есть собственно чтеніе: за прежнимъ стоящей, не нашей вселенной; впечатлѣніе дѣтскихъ лѣтъ — пролеты въ небывшее никогда; и — тѣмъ не менѣе сущее; существа иныхъ жизней теперь вмѣшались въ событія моей жизни; подобія бывшаго мнѣ — сосуды; ими черпаю я — гармонію безподобнаго космоса.

Память о памяти — такова; она — ритмъ; она — музыка сферы, страны —

— гдѣ я былъ до рожденія!

Воспоминанія меня обложили; воспоминаніе — музыка сферы; и эта сфера — вселенная. Впечатлѣнія — воспоминанія мнѣ моей мимики въ странѣ жизни ритмовъ, гдѣ я былъ до рожденія.

Синій глазъ — добрый глазъ.

— „Сколько надеждъ дорогихъ" — поетъ мама, бывало...

— „Сколько счастья" — подхватитъ, бывало, двоюродный мой дядя.

— „Благихъ" — сливаются голоса...

Свѣтослуженіе — начинается: —

— свои глазки закрою я; ихъ потру кулачками; и возникнетъ въ закрытыхъ глазахъ моихъ центръ —

— желто-лиловый, бьющійся, свѣтлый! —

— и трепеты молній, изъ центра летящихъ спиралями, и исходящихъ мнѣ точками блесковъ, дробимыхъ метаморфозами краснорѣчивѣйшихъ свѣточей.

Желтолиловый центръ — счастье; а свѣтопись молній — мои дорогія надежды; образуютъ мнѣ — свѣтлую ризу подъ вѣками; я потру кулачками глаза; и свѣтлая риза колеблется; по ней катятся звѣздочки и развиваютъ хвосты свѣтлыхъ блесковъ — вокругъ лиловаго центра; и изъ свѣточей выдагаются: образы и подобія комнатъ; это —

комнаты космоса; это — таимыя комнаты; это — церковь, перенесенная мнѣ подъ вѣки; папа тамъ на мгновеніе возникаетъ; перебѣгаетъ мнѣ комнаты; киваетъ, какъ память о чемъ-то; и образуетъ проходъ — въ иной міръ: желтолиловый центръ мчится навстрѣчу мнѣ, раздвигается въ синій глазъ; синій глазъ — добрый глазъ: онъ моргаетъ рѣсницами блесковъ; онъ — ширится; и громаднѣйшимъ синимъ кругомъ несется навстрѣчу; мгновеніе: —

— я бросаюсь туда, въ эти звенья летящихъ спиралей и въ ритмъ пульса блесковъ (мой собственный), гдѣ я —

— былъ до рожденія!..

Мгновеніе — я забылся: и съ открытыми глазками протянулъ свои ручки навстрѣчу: —

— изъ подъ моргающихъ вѣкъ улетѣлъ космосъ свѣта; и — василькова комната передо мною: все та же.

„Сколько надеждъ дорогихъ,
„Сколько счастья!..“

Блески — счастье; они — дорогія надежды; и синій глазъ — добрый глазъ! — небо; и небо люблю я; люблю лучики; милліонами свѣтлыхъ пылинокъ клокочутъ они; я тянусь къ нимъ: ихъ взять моей ручкой; и — свободно проходитъ рука въ ясномъ блескѣ пылинокъ; огоньки свѣчей и, главнымъ образомъ, мамины алмазныя серьги вызываютъ воспоминанье во мнѣ: моихъ замкнутыхъ глазъ и подъ вѣками свѣтлаго желтолиловаго центра, бьющаго блескомъ молній и открывающаго мнѣ проходъ —

— въ иной міръ.

Синій глазъ узнаю я и послѣ: онъ — глазъ въ треугольникѣ; этотъ глазъ — въ церкви Тихона-на-Тупичкахъ — видѣлъ я.

Самосознаніе.

Самосознаніе этихъ миговъ — отчетливо: —

— самосознаніе: пульсъ; мыслю пульсомъ безъ слова; слова бьются въ пульсы; и каждое слово я долженъ расплавить — въ текучесть движеній: въ жестикуляцію, въ мимику; пониманіе — мимика мнѣ; и трепетъ мысли моей: —

— есть ритмическій танецъ; неизвѣстное слово осмысленно въ воспоминаніи

его жеста; жестъ — во мнѣ; и къ словамъ подбираю я жесты; изъ жестовъ построенъ мнѣ міръ; передо мной пробѣгаютъ слова: папы, мамы, Дуняши, профессора котораго я запомнилъ въ то время (онъ — въ желтомъ); и слова напечатаны на душѣ мнѣ невѣдомымъ гіероглифомъ: —

— и смыслъ звуковъ слова дробится —

— душою моею —

— и пониманіе міра не слито со словомъ о мірѣ; и безболѣзненно гонится смыслъ любого словеснаго взятія; и понятіе проростаетъ мнѣ многообразіемъ передо-мною гонимыхъ значеній, какъ... жезлъ Аарона; гонитъ, катитъ значенья; перемѣняетъ значенья...

Объясненіе — воспоминанье созвучій; пониманье — ихъ танецъ: образованіе — умѣніе летать на словахъ; созвучіе слова — сирена: —

— поражаетъ звукъ слова „Кре-мль“: „Кре-мль“ — что такое? Ужъ „кремъ-брюлэ“ мной откушанъ; онъ — сладкій; подали его въ видѣ формочки — выступами; въ булочной Савостьянова показали мнѣ „Кремль“: это — выступцы леденцовыхъ, розовыхъ башенъ; и мнѣ ясно, что —

— „к р е“—крѣпость выступцевъ (к р е-мля, к р е-ма, к р ѣ-пости), а:—м ъ, м л ь — мягкость, сладость: и потомъ уже изъ окошка чернаго хода (ведущаго въ кухню), гдѣ по утрамъ водовозъ быстроливнымъ ведромъ наполняетъ намъ бочку, — показали мнѣ: на голубой дали неба — кремлевскія башенки: розоватыя, крѣпкія, сладкія: —

— эти

башенки — животечные звуки словъ, возстающіе подкидною линіей красокъ; и — самоглавымъ соборомъ; линіи — бѣги ритмовъ, цвѣтущихъ мнѣ сонно-знакомою мимикой —

— свои

глазки закрой; и — потри кулачки: животечная свѣтопись молній изъ лилово-желтаго центра — летаетъ, блистаетъ; центръ — пульсируетъ молньями: —

— животечная свѣтопись молній — слова; а пульсація — смыслы; животечная свѣтопись словъ гонитъ въ сонъ; гонитъ въ комнаты смысла: —

— понятіе (душевное взятіе слова) есть свѣтопись дробимаго ритма; она вѣтвится, какъ древо; и возжигается блескомъ образовъ, точно свѣчекъ на елочкѣ; но ритмъ пульса блесковъ — мой собственный, бьющій въ странѣ танца ритма и отражаемый образомъ, какъ п а м я т ь о п а м я т и.

И впечатлѣнія словъ — воспоминанія мнѣ.

Валеріанъ Валеріановичъ Блещенскій сгораетъ отъ пьянства.

— „Валеріанъ Валеріановичъ Блещенскій..."
— „Что такое?"
— „Сгораетъ отъ пьянства."

И Валеріанъ Валеріановичъ Блещенскій встаетъ предо мною: черноусый, въ мундирѣ со шпагою, и — въ треуголкѣ съ плюмажемъ — въ огняхъ; звенья яркихъ спиралей трескучаго пламени возжигаютъ въ немъ блески; Валеріанъ Валеріановичъ Блещенскій дробится огнемъ свѣтлыхъ дымовъ и ужъ гонится онъ —

— метаморфозами дымныхъ пепловъ на небѣ; или онъ прогоняется мнѣ подъ вѣки (кулачкомъ потру я глаза) и тамъ крутится онъ на фонтанныхъ огнистыхъ хвостахъ, въ пьянствѣ свѣтовъ, въ метаморфозахъ краснорѣчиваго блеска: его — нѣтъ; онъ — сгорѣлъ; міръ сгоритъ отъ огня; свѣтопреставленіе — гибель вселенной въ пламенныхъ ураганахъ на насъ летящаго ока; Валеріанъ Валеріановъ — мнѣ уже преставился въ свѣтѣ: сгорѣлъ въ бѣгѣ блесковъ.

Отъ него остался лишь пепелъ.

И вотъ снова звонится къ намъ Валеріанъ Валеріановичъ Блещенскій, какъ ни въ чемъ не бывало.

Валеріанъ Валеріановичъ все равно, что полѣно: деревянная кукла онъ; деревянная кукла въ окнѣ парикмахера Пашкова мнѣ извѣстна: она похожа на Блещенскаго; Блещенскихъ продаютъ саженями; и потомъ ихъ сжигаютъ; Поликсена Борисовна Блещенская покупаетъ себѣ Валеріанъ Валеріановичей саженями; и постепенно сжигаетъ ихъ: одного за другимъ.

И пока одинъ изъ нихъ къ намъ заходитъ съ визитомъ, другой уже —

— растрещался въ каминѣ въ спиралахъ летящаго пламени и выгоняется метаморфозами дымовъ подъ небо: сгораетъ отъ пьянства. Объясненіе — вожженіе блесковъ; пониманіе — свѣтъ подъ вѣками; и Валеріанъ Валеріановичъ Блещенскій возникаетъ въ глазахъ изъ желтолиловаго центра спиралями молній.

Мамочка ѣдетъ на балъ.

Моя милая мамочка — молодая; и — ходитъ себѣ именинницей; а блѣдноустая тетя Дотя разводитъ... грустины и праздноглазо уставится въ мамочку: мамочка скажетъ ей:
— „И въ кого ты такая".

Щечки мамины — полнокровный, розовый мраморъ; и твердыя руки — въ трещащихъ браслетахъ: съ Поликсеной Борисовной Блещенской, въ великолѣпной каретѣ, поѣдетъ — на предводительскій балъ: вѣера, сюра, тюли! Въ мочкахъ ушекъ алмазныя, мелкогранныя серьги слезятся перебѣгающимъ пламенемъ; мамочка — въ бальномъ, бархатномъ платьѣ, въ опопонаксовомъ воздухѣ, изъ нѣжно кремовыхъ кружевъ склонила свою завитую головку и вѣющимъ вѣеромъ: на меня гонитъ холодъ...

Тетя Дотя разводитъ кислятину; старая бабушка куритъ опопонаксомъ; изъ пульверизатора вылетаетъ струя; изъ пульверизатора прытко прыщутся шипры; и этими смѣсями душится мамочка; завитыя валикомъ волоса —

— пуфъ-пуфъ-пуфъ! —

— покрываетъ пудрой пуховка: двѣнадцатисвѣчіе — въ зеркалахъ (по четыре свѣчи — въ трехъ углахъ: по четыре свѣчи въ зеркалахъ!). Зажмешь глазки; текучая свѣтопись самороднаго блеска уже закачалась въ закрытыхъ рѣсницахъ: —

— и мнѣ кажется: —

— мамочка въ великолѣпной каретѣ, отъ насъ проѣдетъ подъ аркою: въ иной міръ и въ свѣтлыя сферы мазурокъ, гдѣ Миловзориковъ въ малиновомъ ментикѣ гремитъ ясной шпорой, а красногрудый гвардеецъ, Гриневъ, гордо выпятилъ грудь, гдѣ раскинувши въ воздухѣ фалды фрака двубакій Азариновъ завиваетъ вальсъ въ бѣломъ блескѣ колоннъ; и неслышно несутся за нимъ — на легчайшихъ спираляхъ...

И Поликсена Борисовна Блещенская позвонилась... за мамочкой; мамочка въ ротондѣ проходитъ; карета несется по улицамъ; за каретой ряды огней: ряды убѣгающихъ дней — въ рой тѣней; —

— людоѣдное время хоронится тамъ, въ туманныхъ рояхъ; людоѣдное время погонится на черноярыхъ коняхъ...

. . .

Мамины впечатлѣнія бала во мнѣ вызываютъ: трепетанія тающихъ танцевъ; и мнѣ во снѣ вѣдомыхъ; это — та страна, гдѣ на вѣющихъ вальсахъ носился я въ бѣломъ блескѣ колоннъ; и память о блещущемъ балѣ — одолѣваетъ меня: свѣтлая сфера не нашей, за нами стоящей вселенной, гдѣ... —

— раскинувши въ воздухѣ фалды фрака вьетъ вальсы Азариновъ, гдѣ красногрудый гвардеецъ Гриневъ гордо выпятилъ грудь въ бѣломъ блескѣ колоннъ, гдѣ

Владимиръ Андреевичъ Долгорукій...—

— блещущіе существа посѣщаютъ насъ, и смѣщаютъ мнѣ представленія: драгунъ, драконъ — то же; появился однажды онъ: въ розовордяныхъ рейтузахъ; я все трепетно ждалъ: вотъ онъ будетъ изъ устъ намъ выкидывать пламень; но этого не случилось... И былъ — Глянценродэ (огромная шапка съ султаномъ!): носолобый, запутанный въ серебро; впечатлѣніе блещущихъ эполетъ было мнѣ впечатлѣніемъ: трепещущихъ танцевъ; и потянулся я все къ колесикамъ шпоръ; воспоминаніе это мнѣ — музыка сферы, страны —

— гдѣ я жилъ до рожденія!

Папа.

Быстроглазый мой папа: приземистый, головастый, очкастый; множитъ намъ толчею; и — угоняетъ намъ смыслы.

Распахиваетъ столовую дверь; и оттуда онъ смотритъ, какъ... память о памяти; память о памяти такова: она — проходъ въ иной міръ; и папа вторгается изъ проходовъ поговорить, пожить съ нами; и образуется — что бы ни было; образованія — строи; папа — строитъ намъ строи мыслей, приподымая при этомъ очки и вперяяся добродушно на насъ; это онъ — учитъ мамочку:

— „Математика — гармонія сферы... Риза міра колеблется строемъ строгихъ законовъ: по ней катятся звѣзды... Отъ ближайшей звѣзды лучевой пучекъ пробѣгаетъ къ намъ, знаешь, три года“...

Въ очкахъ дрожитъ солнышко; я — закрываю глаза; и — умножаются блески; и — свѣтлая риза колеблется; пролетѣли всѣ смыслы, а папа стоитъ, открывъ дверь въ кабинетикъ оттуда онъ смотритъ.

И поплачу я за окно — въ ясноглавое облачко.

Вотъ, бывало, заря; вотъ — оконная рама; вотъ — я: бабушка, мама и я — мы живемъ своей жизнью; а папа врывается... изъ за книжнаго шкафа; и — убѣгаетъ обратно: къ корешкамъ толстыхъ томовъ, таящихъ въ себѣ все какіе то гіероглифы: —

— дифференціалъ, интегралъ! —

— я ихъ зналъ: до рожденія!

— „Математика — гармонія сферъ“...

А мы папу не слушаемъ; и носъ уткнетъ въ книгу онъ: вертитъ — чертитъ на листики звенья какой то спирали; а войди къ нему въ комнату: онъ въ распахнутомъ, пыльномъ халатѣ цѣлится въ толстый томикъ: въ него бьетъ пыльной тряпкой; моргаетъ въ закаты...

Вижу я мамочкинъ взглядъ, переведенный на папу.

Бабушка оправляетъ косынку; мамочка оправляетъ нарядъ; мамочка моя, какъ... картинка; папинъ опущенный взглядъ: папа у насъ какъ бы... „такъ". Я — не радъ, видя мамочкинъ взглядъ, переведенный на папу: —

— воспоминанія облагаютъ меня; это — не бывшее никогда; и точно — бывшее прежде; папа мнѣ — существо иной жизни; ходитъ съ согнутымъ томикомъ, и, махая рукой, ею черпаетъ гармонію безподобнаго космоса: —

— папа мой — математикъ Летаевъ; и папа — мой папа: только мой, ничей иной; математикъ Летаевъ не можетъ быть папою никому на землѣ; онъ — папа мнѣ; и почему это такъ, что папа мой — математикъ Летаевъ.

Развѣ я виноватъ?

И поплачу я — за окно: въ ясноглавое облако.

Знаю я: —

— математику чистится сюртучокъ; и онъ, быстротечный, несется посиживать: —

— въ Университетъ,

— въ Совѣтъ! —

— если же математику не сидится на мѣстѣ, то математикъ забродитъ: безъ толку и проку по кабинетику — отъ книжной полки до полки; барабанитъ пальцами: по углу, по столу, по стѣнѣ; прибормочетъ, пришепчетъ — приземистый, темноглавый, очкастый:

— „Энъ-эмъ два на це три!"

Тарарахъ-тахъ-тахъ-тахъ!

— „И по модулю шесть..."

Тарарахъ-тахъ-тахъ-тахъ!

И тонко очиненнымъ карандашикомъ чертитъ-чертитъ на листикахъ. И что онъ наборючетъ, нашепчетъ, то — разскажетъ имъ всѣмъ: Василисимову, Притатаенкѣ и Брабаго.

Василисимовъ — „конгруируетъ".

Серафима Гавриловна, съ бабушкой и старой дѣвою Вѣрой Сергѣевной Лавровой, на математиковъ собираются посмотрѣть: изъ гостинной; и разводятъ руками на нихъ — изъ за листьевъ лапчатой пальмы.

— „Математики... Ученые... Головы"...

— „Все у нихъ тамъ — свое"...

— „Дифференцируютъ тамъ они!"

А бывало папа, прояснясь, наклонится великаньимъ лицомъ; и —

ясновзорнымъ, и — добрымъ, съ растормошенными космами и устало раскосыми глазками; и уставится ими въ душу; на заморщиненный выпуклый лобъ приподнявши блески очковъ, осторожно положитъ мнѣ ручку на свои большія ладони и изъ усатаго-бородатаго рта надуваетъ тепло подъ рукавчикъ; и легкодышащимъ ртомъ что-то шепчетъ про небо:

— „оно — сфера: гармонія безподобнаго космоса — въ немъ: по немъ катятся звѣзды законами небесной механики“...

И чертитъ и вертитъ подъ носомъ моимъ карандашикомъ звенья спирали; и впечатлѣетъ мнѣ въ душу; и точки моихъ впечатлѣній — дробятся; и риза міра колеблется.

Наливное, безглазое облако — посмотрю — тамъ проходитъ за окнами; своимъ пламеннымъ ободомъ ополчинится въ небо.

Пассажъ.

Изрѣдка беретъ меня мама.

И на саночкахъ, мимо саночекъ, пролетаемъ мы — въ саночки: въ бѣломъ шипнѣ метелицы; изъ метелицы — вь вьюгу; изъ переулковъ и улицъ — переулками, улицами: въ переулки и улицы.

Переулки и улицы пролетаютъ домами.

И уже таинственно пахнетъ Поповскій пассажъ; и надо мною, пустой, раздается онъ гулкими переходами сводовъ; зажигаютъ лапчатый газъ; въ окнахъ лоснятся ленты; малиновѣютъ матеріи; отъ окна — къ окну: вѣера, сюра, тюли.

Мы бѣжимъ прямо въ дверь, и —

— приказчики принимаются —

— изъ

стѣны выхватывать валики и кидаться ими въ прилавокъ, и вертясь на рукахъ, по прилавку забьютъ —

— вамъ —

— вамъ-вамъ —

— волосистые

валики, разливая б о р д о в а г о ц в ѣ т а матерію; и — на мамины руки!

Мама щупаетъ добротность матеріи, а галантерейный приказчикъ надъ нею разводитъ руками; и говоритъ ей:

— „Шан-жанъ!“

И уже накидаются желтыя, плотно-сжатыя плитки; развернутся, раскроются; и — ахъ! — все малина; развернутся, раскроются; и — ахъ! — все въ шелкахъ.

Мамочка залюбуется желтокрасымъ атласомъ; изъ руки приказчика

остервенѣло лязгнули ножницы; закусались и прытко запрыгали по желтокрасымъ атласамъ: отхватить атласца и намъ.

Мы выходимъ; мы — вышли; и — видимъ уже, что взлетѣлъ подкидной огонекъ; что на улицахъ порѣдѣлъ людоходъ; тихій мѣсяцъ прорѣзался; чешется многогрудая психа о трубу водостока: спиною; и — звѣздное небо выносится — отъ зари до зари, чтобъ другое, беззвѣздное выгнать: отъ зари до зари.

Уже мы — къ носорогой портнихѣ; черная, она выскочитъ каркнуть намъ:

— „Ну и атласъ: ну и вкусъ же у васъ!“.

Забодается длиннымъ носомъ на маму... Мама все ей отдастъ; и она убѣжитъ за альковъ: раскромсать намъ атласъ.

Вновь на саночкахъ, мимо саночекъ, пролетаемъ мы въ саночки; приморозило, а — тепло мнѣ подъ полостью; вздернешь голову вверхъ: иззвѣздилось все — до́-нельзя; неосыпное небо кипитъ, дрожитъ, дышетъ: переливается звѣздами:

— „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ: ты — не папинъ, не — маминъ... Ты — мой!..“

А млечный путь — присѣдаетъ.

Четырехлѣтіе.

Четырехлѣтіе перечертило жизнь на двое: я какъ бы пересыпался изъ эпохи въ эпоху —

— понимаю я пересыпь поколѣній — изъ эпохи въ эпоху: за сквознымъ людолетомъ временъ проясняется явственно — ангелъ эпохи —

— иная эпоха мнѣ свѣтитъ: —

— будто ночь, мрачный быкъ, бодалъ стѣны столовой; блескородные диски кидались спасительно въ окна; жизнь освѣщалась моя: будто: —

— на вновь образованной сушѣ приподнялся я со дна океановъ, гдѣ видѣлись гады; но суша сознанія простиралась: моря отступали; самовольные воздухи наполняли мнѣ легкія; иногда начинало душить: это — трогались зароставшія жабры во мнѣ древнимъ ужасомъ; и подымались — гэдливости; вь миголетахъ временъ начиналъ я дрожать, потопляемый миголетами времени; да, я плакалъ въ пучинахъ: и —

— впослѣдствіи, будучи уже гимназистомъ, прочелъ, что къ Калигулѣ приходилъ... Океанъ; приходъ Океана былъ вѣдомъ мнѣ въ дѣтствѣ: Океанъ и Титанъ —

это прощупи прежнихъ безднъ —

— (мнѣ впослѣдствіи представлялся Титаномъ, огромнымъ и грохотнымъ — Помпулъ) —

— эти прощупи гонятся: стародавнимъ Титаномъ. Титанъ бѣжитъ сзади.

Между тѣмъ все мѣнялось: сухо вѣяла въ окна метельная пересыпь; а потомъ: рыхло стала носиться она, — омягчая дома въ навѣваемой снѣжени; тепленѣло: вставали туманы; закапало бисернымъ дождичкомъ; послѣ дождиковъ — гололедица-лединица блистаетъ; и — хрустъ ледорогихъ сосулекъ; и — ломко, и — скользко..

Уже нѣтъ снѣгопада; въ сырыхъ, въ обливныхъ деревахъ — вѣтроплясы стоятъ; кудревато дымы выпрыгаютъ изъ трубъ и расчесанно низятся склоны ихъ; уже моютъ намъ стекла оконъ: и — запахъ замазки; стаканчики яда стоятъ; убирается вата; открыто окошко.

И — грохотно.

Я внимательно изучаю дома: по Косяковскому дому я знаю, что все это — тайны; можетъ быть, въ тѣхъ домахъ нѣтъ печей; можетъ быть, — тамъ не водятся папы и мамы, но дяди и тети.

Перевивы орнаментовъ, надоконныя арабески и полныя каменныхъ виноградинъ гирлянды — глядятся намъ въ окна: то — розовый домъ Старикова; но вотъ столбъ желтой пыли взлетитъ съ мостовой: и окно — закрываютъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ощупи космосовъ.

О, страшныхъ пѣсенъ сихъ не пой!..
Ѳ. Тютчевъ.

Вселенная.

Все смотрю я изъ оконъ: —

— примѣчательно мнѣ говорятъ: жесты каменныхъ, стѣнныхъ, длинныхъ линій, — подающіе кучами крышъ окопченныя трубы — подъ облако, которое вылагается въ небо; на трубѣ сидитъ котъ; къ ней идетъ трубочистъ; съ малой лѣсенкой, съ гирями; грохотно скалится мостовая, — внизу: крѣпкимъ, бѣлымъ булыжникомъ; многогрохотно бредитъ она —

— ррр... ррр... ррр... —

— съ колесомъ ломового, съ пролеткой, — внизу изъ ущелій: въ безмѣрностяхъ переулковъ и улицъ, ведущихъ въ тупикъ — къ міровой безоконной стѣнѣ съ водосточной трубою, въ которой зіяетъ жерло въ никуда, и откуда въ дождливые дни изольются небесныя хляби; жерло ведетъ въ бездну, около которой сидитъ рваный нищій и указуетъ на страшную свою язву; песикъ тоже почешетъ о край водосточной трубы, о дыру, безволосую спину свою; и — скулитъ тамъ: надъ бездной.

Троттуары, асфальты, паркеты, брандъ-мауэры, тупики — образуютъ огромную кучу; эта куча есть міръ; и его называютъ „Москва"; на асфальтахъ, паркетахъ, брандмауэрахъ повисаетъ „Москва" посрединѣ пустого огромнаго шара; въ этомъ шарѣ живемъ мы; онъ — небо; открываются форточки въ немъ; и — пропускается воздухъ: этимъ дѣломъ завѣдуетъ: приставъ Пречистенской части, прожи-

вающій въ каланчѣ и оттуда насъ извѣщающій приподнятымъ шаромъ, что онъ бодрствуетъ и что „міръ“ безпрепятственно повисаетъ. Окончаніе нашей квартиры — глухая стѣна; если въ ней пробить брешь, то небесныя хляби — хлынутъ; и будутъ потопы; по булыжникамъ будутъ пѣниться бѣлогривыя волны; и „Москва“ переполнится, какъ... водовозная бочка.

Между тѣмъ, за глухою стѣною, внѣ міра, давно проживаетъ — сосѣдъ: Христофоръ Христофоровичъ Помпулъ; непосредственно за стѣной тяжело повисаетъ во мракъ — его письменный столъ; и четыре колесика кресла блистаютъ — въ ничто; въ немъ-то вотъ возсѣлъ Помпулъ, съ огромнѣйшей книжищей; и колотится ею — намъ въ стѣну; полосатый животъ изъ за кресельныхъ ручекъ урчитъ и громами и бредами; въ животѣ — блескъ огней; будутъ дни — разорвется онъ въ стѣну ударитъ осколками; образуется черная брешь: въ нее хлынетъ потопъ.

Помпулъ.

Христофоръ Христофоровичъ Помпулъ — былъ совсѣмъ какъ... буфетъ хоть и жилъ онъ внѣ міра, за нашей глухою стѣною, онъ все же въ „міръ“ хаживалъ.

Если бы хорошенько приплюснуть нашъ столовый желтый буфетъ, то середина буфета бы вспучилась; было бы — набуханіе; было бы — круглотное брюхо буфета: въ никуда и ничто; были бы уши рвущіе грохоты посудныхъ осколковъ въ буфетѣ; и былъ бы онъ — Помпуломъ.

Говорилось у насъ: собираетъ все какія то данныя Помпулъ; за статистическимъ даннымъ бросается въ Лондонъ; и Лондонъ, я зналъ, есть ландо̀ (ландо видѣли мы на Арбатѣ). И Христофоръ Христофоровичъ Помпулъ въ моемъ представленіи цѣлый день гнался въ Лондонѣ за статистическимъ даннымъ; то-есть: цѣлый онъ день, проѣзжая въ ландо, (его все-то обыскивалъ онъ) — съ двумя желтыми баками; и — во всемъ полосатомъ; полосатое — думалъ я — и есть образъ жизни: по статистическимъ даннымъ.

По ночамъ же онъ, наперекоръ всему, — заводился у насъ за стѣною: внѣ міра... —

— я впослѣдствіи зналъ его комнату; я впослѣдствіи понималъ: заводился онъ среди очень громкихъ предметовъ, безалаберно тамъ возился; и вытаскивалъ переплетенные томы — огромнѣйшей библіотеки; погромыхивалъ

колотясь ими въ полки, въ столбѣ книжной пыли; мнѣ казалося: кто-то тамъ заживалъ; слышалось наступленіе дубостопнаго шага; изъ-за стѣны — въ корридорѣ; чуялась: неотдѣленность стѣною отъ шага; и стало быть: появленіе Помпула у постельки; и — съ толстымъ томомъ въ рукѣ; думалъ я: вотъ идетъ теперь Помпулъ: —

— и глухо бубукали звуки — изъ міровой пустоты: выбивалъ Помпулъ пыль; и отъ этого дубостопный буфетъ начиналъ будоражиться.

Ломаетъ пролетки.

Мы однажды весной шли гулять: было страшно. Надъ нами слѣзалъ тихолазный толстякъ —

— „Бѣда; это — Помпулъ.“

Христофоръ Христофоровичъ переламывалъ оси пролетокъ: подстережетъ онъ извозчика и бросается на него — прямо въ Лондонъ: ось — лопнетъ; извозчикъ — ругается; я, увидѣвши Помпула, сзади стучащаго желтой палкой, все-то думаю о извозчикѣ Прохорѣ — о лихачѣ; мнѣ хочется выбѣжать: передъ Помпуломъ хлопнуть дверью: и — раскричаться на улицѣ:

— „Бѣда...

— „Помпулъ сходитъ...

— „Спасайтесь, извозчики!..“

Извозчики отъ него — вразсыпную, бывало; гдѣ проходитъ по улицѣ Христофоръ Христофоровичъ, стуча желтой палкой о тумбы, — тамъ пусто: ни одной пролетки ужъ нѣтъ; а за углами ихъ — кучи; онѣ ожидаютъ; желтокосмый тамъ Помпулъ пройдетъ; съ грохотомъ послѣ этого онѣ вкатятся снова на бѣлые крѣпкіе камни.

— „Съ нами, баринъ!“

— „Пожалуйте...“

Выкинется, бывало, пролетка — изъ-за угла, невзначай; и уже несется она въ глубину Арбата — отъ Помпула.

Христофоръ Христофоровичъ это зналъ; и притаившись на корточкахъ за стѣной переулка — пыхтѣлъ онъ ужасно; и отиралъ себѣ потъ съ крѣпкокостаго лба полосатымъ платкомъ; и вотъ — ѣдетъ пролеточка: Помпулъ, уже увидѣвъ ее, задрожитъ; и подкрадется на карачкахъ къ углу перекрестка, чтобъ прыгнуть въ нее невѣроятно огромнымъ прыжкомъ: полосатымъ своимъ животомъ; и тогда-то вотъ, на переломленной оси, катается въ „Лондонѣ“ Помпулъ; и собираетъ въ немъ „данныя“.

— „Да — вотъ, знаете: Христофоръ Христофоровичъ-то — ломаетъ пролетки“... —

— доканчивалъ папа свою небылицу (смутно помнится это), лукаво смѣясь и блистая очками; я — вѣрю; а мама — разсердится: небылицы не любитъ она.
Папа скажетъ ей:
— „Врать ты мнѣ не мѣшай: а не любо — не слушай“...

Левъ Толстой.

Смутно помнится: папины небылицы выслушивалъ — Левъ Толстой ихъ любилъ.
Левъ Толстой — кто такой?
Я не зналъ, что такое — толстое (или, что-ли — толстовство): ну, тамъ, — званіе, какъ званіе архіерея, попа, математика; и гдѣ водятся архіереи, тамъ есть и толстые; такъ бы я отвѣтилъ тогда на неумѣстнѣйшій вопросъ о Толстомъ; еслибы въ это время я зналъ, что университетскіе города существуютъ повсюду, то я бы отвѣтилъ, что на городъ приходится: по математику, губернатору, архіерею и... Льву Толстому; впрочемъ, я зналъ одинъ городъ (о немъ говорилось, что мы туда ѣдемъ); и этотъ городъ есть „Клинъ“.
Всякій городъ есть „Клинъ“...

Видывалъ въ это время и я — одного Льва Толстого: онъ пришелъ къ папѣ въ гости; сидѣлъ въ красномъ креслѣ; ввели меня и сказали:
— „Вотъ — Левъ Николаевичъ“...
Я его не запомнилъ. Онъ бралъ меня на руки; но запомнились очень ярко: пылинки на сѣрыхъ толстовскихъ колѣняхъ; и огромная борода, щекотавшая лобикъ мнѣ.
Эти бороды, думалъ я, вѣрно львиныя гривы „Толстыхъ“; и я думалъ: о небылицахъ, объ оси пролетокъ, о Помпулѣ, о костромскомъ мужикѣ и о пророкѣ Магди; про „мужика“ и „Магди“ — это папа разсказывалъ: всѣмъ московскимъ извозчикамъ; и гремѣло папино имя въ городскихъ ночныхъ чайныхъ; извозчики, собираясь туда, передавали разсказы: о „мужикѣ“ и „Магди“...

Помню послѣ уже: изъ метели выносятся саночки; въ саночкахъ папа несется — въ огромной енотовой шубѣ; и изъ нея торчитъ — мѣховой колпакъ шапки, очки, два уса; прижимая къ груди свой портфель

полуразорваннымъ мѣховымъ рукавомъ, заливается смѣхомъ мой папа — грохочетъ извозчикъ:

— „А костромской-то мужикъ?“...

— „Хе-хе-хе-съ“...

И — уносятся саночки.

Я однажды встрѣтилъ извозчика (тому назадъ — шесть-семь лѣтъ); это былъ сутуленькій старикашка, который узналъ меня:

— „Какъ не помнить васъ: были вы Котенькой-съ...

— „Какъ-же-съ: барина-батюшку помню... Хе-хе-съ... Михаилъ Васильевичъ-съ... Шутники-съ... Ему скажешь, бывало: на Моховую на улицу... А они-то, бывало, разскажутъ: о мужикѣ да о чортѣ.

— „Не гнушались простымъ человѣкомъ... Бывало: стараются...

— „Вѣчная память имъ“.

Профессора.

Подозрительно я встрѣчаю гостей — профессоровъ и директоровъ казенныхъ гимназій, потому что я знаю про нихъ: —

— всѣ они — Украшенія; и потомъ еще: всѣ они — изваянія; они украшаютъ Имперію: это слышалъ я отъ тети Доти и бабушки; а о томъ, что они крѣпколобы, я слышалъ отъ дяди Ерша: бьются лбами о стѣны они; и всѣ прочіе мнѣ говорятъ, что „профессоръ“ — маститость —

— то-есть, то, чѣмъ мостятъ; и у меня слагается образъ —

— „Имперіи“, то-есть, какого-то учрежденія вродѣ Казеннаго Дома: колоннады, или — ну, тамъ, карниза, подпертаго теменемъ, очень крѣпкимъ; становится яснымъ: профессоръ —

— приходитъ съ карниза. —

— И меня уже грызутъ мысли: о ненормальности тѣлеснаго состава „профессора“; невыразимости, небывалости лежанія сознанія въ тѣлѣ профессора вѣдь должны быть ужасны; вѣдь онъ весь какое-то — то, да не то; я со страхомъ, бывало, все вглядываюсь въ ихъ безкровныя, мрачныя лица да, ихъ лбы — тяжелы, блѣднокаменны; ихъ стопы — тяжкокаменны голоса — скрипъ кирки о булыжникъ...

Профессора и „доценты“ —

— бывало, сойдется къ намъ славная стая

ихъ (со всѣхъ московскихъ карнизовъ); и разсядется: въ красныхъ креслахъ гостинной: горластые дымогоры взлетаютъ —

— ударяя пальцемъ по креслу, бывало, плететъ Грохотунко — извѣты: и — вѣтви извѣтовъ —

— а я не пойму; и — дрожу —

— отъ безсмыслицы громкихъ словъ и таимаго ужаса „профессорской жизни“; и старинные бреды подымутся: —

— самъ „профессоръ“ есть прощупь въ иную вселенную, гдѣ еще все расплавлено и куда профессоръ несетъ свои бреды; въ нихъ носится, какъ, бывало, носилась старуха; старуха — жена его; моя крестная мать, Малиновская, есть старуха — профессорша. Очень часто профессоръ — старикъ.

Стариковъ и старухъ я боюсь.

Брабаго.

И когда къ намъ звонится, кряхтя, головастый Брабаго, то боюсь я Брабаго; Брабаго ощупывалъ взглядомъ; щипался глазами; свинцовая боль подымалась въ вискѣ.

Голосъ Брабаго ужасенъ: грохотомъ головастыхъ булыжниковъ разбивался намъ громкій брабажинскій голосъ; и всякія „абры“, „кадабры“, бывало, какъ камни, слетали изъ кровогубаго рта; разбивали толкъ въ толоки; и толокли толчею.

Папа мой, бывало, не выдержитъ, задрожитъ и подскочитъ:

— „Какъ же вы это, мой батюшка: вѣдь это все только громкія фразы“.

А Брабаго каменно принависнетъ надъ кресломъ, да на меня, притихшаго въ ужасѣ, онъ уставится краснымъ ртомъ; и — очень злыми глазами; и лицо его наливается кровью, точно зобъ индюка; и я — тихій мальчикъ — бѣгу: прямо къ Раисѣ Ивановнѣ, на колѣни: —

— и плачу, и прячу — головку: въ колѣни; все — душитъ; все — давитъ; кудри мои безпокойными змѣями покрываютъ мнѣ плечики; все-то кажется мнѣ, что Брабаго тамъ лѣзетъ: подпалзываетъ; припадаетъ ко мнѣ; и мнѣ рушится въ спину: —

— въ красный міръ колесящихъ карбункуловъ распадается мракъ.

Посылаютъ за докторомъ.

Разъ я его подсмотрѣлъ: —

— какъ онъ, описывая спиною дугу, прилобился подъ тяжкогрузнымъ карнизомъ кирпично-краснаго дома — въ Криво-Борисовскомъ тупичкѣ: неподалеку отъ домика Серафимы Гавриловны, куда мы ходили съ Раисой Ивановной; онъ, Брабаго, одною рукою поддерживалъ грузы; другой онъ рукою сжималъ — опрокинутый каменный свѣточъ, и, описывая спиною дугу, собирался обрушиться на меня кирпично-краснымъ карнизомъ; протянулась его бѣлая голова съ будто жующимъ ртомъ и съ пустыми глазами; и — смотрѣла мнѣ вслѣдъ глухою, особою, стародавнею жизнью.

Домъ Косякова.

Впечатлѣнія — записи Вѣчности.
Если бъ я могъ связать воедино въ то время мои представленья о мірѣ, то получилось бы космогонія.
Вотъ она: —

— Домъ Косякова, мой папа и всѣ, что ни есть, Львы Толстые — мнѣ кажутся вѣчными: —

— все, крутясь, пролетаетъ во мглѣ, но не домъ Косякова: —

— до Арарата онъ всталъ изъ трепещущихъ хлябей; кусочекъ Арбата — за нимъ.
Папа мой переѣзжаетъ немедленно: въ номеръ одиннадцать; что-то тамъ образуетъ и пишетъ; между тѣмъ: образуются облака, образуются троттуары; мостятъ мостовую; съ дальней крыши пожарные Пречистенской части подымаютъ огромное Солнце; и законами пучиннаго пульса съ Дорогомилова пристаетъ къ намъ Ковчегъ; и изъ него, изъ Ковчега, —

— съ грохотомъ выгружается: Помпулъ; и — что бы ни было; Помпула тащитъ дворникъ, Антонъ, въ номеръ десять, въ квартиру, сосѣднюю съ нами; и она же есть — міровое ничто; и бубукаетъ Помпулъ; и міровое ничто обставляетъ бубуками онъ; въ него съ лѣстницы ведетъ дверь: золотая дощечка на ней: „Христофоръ Христофоровичъ Помпулъ“; дощечка глядитъ, точно память о времени допотопнаго бытія, откуда втащили къ намъ Помпула... —

— папа мгновенно по этому поводу покупаетъ: дубостоп-

ый буфетъ; Помпулъ бьется къ намъ въ стѣну: буфетъ громыхаетъ посудой...

А по Арбату уже: —

— въ сѣрой войлочной шляпѣ и въ валенкахъ пробѣгаетъ въ Хамовники... Левъ Толстой; и тамъ раздробляется онъ въ „толстовство“ законами пучиннаго пульса; и о толстовцахъ мы слышимъ; „толстовцы“ бываютъ у насъ; а смыслъ — колобродитъ: метаморфозами образовъ; метаморфоза проносится пылью по улицамъ; и возжигается: блескъ объясненій надъ ней, потому что —

— въ то самое время съ чердака выпускается на зеленую крышу луна: струитъ блескъ надъ блескомъ; и надъ фонарными огоньками несутся сіянія; — и умножаются блески катимой луною; луна, описавъ дугу, падаетъ —

— подъ тротуары: за парфюмернымъ магазиномъ „Безбардисъ“.

Папа все это создалъ: бацъ-бацъ быстро хлопаетъ дверь допотопнаго дома; и —

— папа мой съ міровою исторіей многосмысленно утекаетъ изъ косяковскаго дома: —

— въ Университетъ,

— въ Совѣтъ,

— въ Клубъ! —

— Наполеоны, Людовики, Киро Ксерксы и гунны пролетками громыхаютъ за нимъ:

— „Со мной, баринъ“.

И — угоняется смыслъ: на немъ Помпулъ сидитъ, оповѣщая Арбатъ дребежжащей рессорой, что онъ видитъ данное: видитъ данное мнѣ представленье о мірѣ.

Оно — нѣсколько фантастично: что дѣлать.

Такъ я видѣлъ дѣйствительность.

Нѣтъ уже Льва Толстого. И нѣтъ академика Помпула; Тертій Филипповичъ Повалихинскій засѣдаетъ въ Верхней Палатѣ, благополучно избавившись отъ тевтонскаго плѣна (по послѣднимъ извѣстіямъ онъ скончался: миръ праху его!); надъ могильнымъ крестомъ двѣнадцатилѣтіе падаютъ снѣжинки на надпись: —

— Михаилъ Васильевичъ Летаевъ —

— міровая брань не окончена; рушатся въ громѣ пушекъ со-

боры; и утонулъ Китчинеръ; риза міра колеблется: скоро попадаютъ звѣзды... —

— Не падаетъ домъ Косякова; онъ все такъ же стоитъ; и — кусочекъ Арбата предъ нимъ.
Рухни онъ, — все исчезнетъ.

„Я“.

Описанное — не сознанье, а — ощупи: космосовъ; за мною гонятся прощупи по вереницѣ изъ лѣтъ: стародавнимъ титаномъ; титанъ бѣжитъ сзади.
Нагонитъ и сдавитъ.
Въ дѣтствѣ онъ проливался въ меня; и я ширился отъ моихъ младенческихъ въятій — титана.
Но ощупи космоса медленно преодолѣвалися мною; и ряды моихъ „въятій“ мнѣ стали: рядами понятій; понятіе — щитъ отъ титана; оно — въ бредахъ островъ; въ безтолочь разбиваются бреды; и изъ тòлока — толчеи — мнѣ слагается: толкъ.
Толкованія — толки — ямою мнѣ вдавили подъ землю мои стародавніе бреды: надъ раскаленною бездною ихъ оплотнѣвала мнѣ суша: долго еще средь нея натыкался я иногда: на старинную яму; и изъ нея выгребали какую то нечисть; и ужасъ вилъ гнѣзда въ ней; съ годами она заростала; глухонѣмою безсонницей тяготила мнѣ память она. Тяготитъ и теперь.
Мигъ, комната, улица, происшествіе, деревня и время года, Россія, исторія, міръ — лѣстница моихъ расширеній; по ступенямъ ея восхожу: это — ростъ; я — росту; и иногда себя вижу повернутымъ и склонившимся въ ощупи, шелестящія, какъ дрожащее древо — о прошломъ.
Объ утратѣ старыхъ громадъ повѣствуетъ мнѣ вѣтеръ — въ сумерки, изъ трубы; и прощаюсь со старою былью: о рухнувшемъ космосѣ...
Громыхаетъ, а папа склоняется; и склоняяся, шепчетъ мнѣ:
— „Громъ — скопленіе электричества“.
А надъ крышами въ окна восходитъ огромная черная туча; тучею набѣгаетъ — титанъ; тихій мальчикъ, я — плачу: мнѣ страшно.

Я внимательно изучаю дома; и московская улица — передо мной возникаетъ стѣнами; и — орнаментной лѣпкою.
Перевивы орнаментовъ, арабески, вазы, полныя каменныхъ виноградинъ; гирляндой опутанный бородачъ на меня вперяетъ свои двѣ пустыя дыры; я его узнаю: это онъ, Доріоновъ; изъ раскаленнаго

состоянія онъ перешелъ въ состояніе каменное; онъ томится теперь, прислонясь къ углу дома, поддержкой карниза; какъ бы онъ не соскочилъ и, потрясая лѣпною плодовой гирляндой, какъ бы не принялся онъ оттопатывать по крѣпкозвучнымъ булыжникамъ, поспѣшая къ портному Лѣнтяеву: себѣ шить сюртучокъ.

Гибель.

Съ вечера громыхалъ Христофоръ Христофоровичъ Помпулъ за нашей стѣною: такъ еще онъ никогда не гремѣлъ; да, все — рушилось; сверканія начинали подбрасывать ночь: грохотали пожары; казалося: въ страшныхъ трескахъ разрушились троттуары и крыши; и — осыпались дома; хляби хлынули въ окна; думалъ я — за стѣною, какъ бомба, разорвался тресками Помпулъ, — пробивая въ стѣнѣ намъ огромныя дыры.
Вселенная кончилась: тьма. Ничего я не помню.

Вскорѣ помню опять: громыхало и рушилось; сверканія начинали подбрасывать ночь и освѣщались не стѣны, а — обступившія толпы Мавровъ, взирающихъ очень строго изъ разлетѣвшихся складокъ одеждъ.

Утромъ вижу я: —
— толпы Мавровъ — очень многія темнородныя пятна перепиленныхъ суковъ на деревянныхъ стѣнахъ неизвѣстной мнѣ комнаты; мнѣ къ постелькѣ склонилось молоденькое лицо съ завитыми кудрями; и говоритъ, съ яснымъ смѣхомъ, что уже мы въ деревнѣ, въ Касьяновѣ.
Молодое лицо съ завитыми кудрями — Раиса Ивановна. Помолодѣла она.

„Міръ“, Москва, переулки распалися; и чернородныя, жирныя земли простерты повсюду; рухнула міровая, глухая стѣна; и показались за прудомъ, куда все провалилось — проглядныя дали.

Воспоминаніе объ утратѣ громадъ меня давитъ: повѣствуетъ вѣтеръ въ поляхъ мнѣ о рухнувшемъ космосѣ: „Городѣ“; въ облачной стаѣ башенъ плыветъ этотъ „городъ“; тѣнитъ поля — прошлымъ: о М о с к в ѣ, о с т ѣ н ѣ, что-то такое пытаюсь припомнить; не помню; и — мучаюсь.

Грусть.

Небывалая грусть охватила меня.
Отступило мнѣ все и ушло въ кущу листьевъ: предметы, событія, люди; даже — папа и мама.
Въ прежде бывшей вселенной, въ „М о с к в ѣ“, —

— вспоминаю я, —

— мое „я“ было связано съ лабиринтами комнатъ; и комнаты мнѣ мѣнялись мгновенно: отъ моихъ о нихъ мнѣній; все обставшее связано съ „я“; всѣ предметы мѣняются: нянина голова мнѣ появится; я подумаю, что мнѣ страшно; и — вотъ: —

— вмѣсто няниной головы блещетъ лампа;
обои дымятся на стѣнахъ: пестрѣютъ мнѣ образомъ; —

— весело, и — уже: за стѣною во тьмѣ папа съ мамою веселятся кадрилями; грустно мнѣ, и — уже: чернобровая дѣвка, Ардаша, выходитъ изъ-подъ-полу...
Это все — отвалилось: всѣ событія и предметы отъ мысли моей отвалились; дѣйствія мысли въ предметахъ, метаморфоза предметовъ при моей о нихъ мысли — все теперь это кончилось: весело — за стѣною уже папа съ мамою не веселятся кадрилями; грустно — и дѣвка Ардаша не вылѣзаетъ изъ-подъ-полу.
Все лежитъ внѣ меня: копошится, живетъ, — внѣ меня; и оно — непонятно.
„Курица“... это... это... какое-то: гребенчато-пернатое, клохчетъ, клюется, топорщится; не мѣняется отъ моихъ состояній сознаній; непроницаема „курица“; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ она совершенно отчетлива; и — блистательно мнѣ ясна въ непонятностяхъ своей р а с т о п о р щ е н н о й, к л ю в н о й жизни.
Вотъ онъ „я“... А вотъ — „муха“.
И она меня мучаетъ.
Все, что ширилось, распирало меня, внѣ меня вылипаясь с т ѣ н о ю: ужасно распалось, разъялось на части; омертвенѣло землей, испаряющей вечеромъ паръ надъ душистыми травами; и — побѣжало по небу: обѣлоглавило небо: —

— облака бѣгутъ на громахъ и на молньяхъ,
а дни — на ночи: повторяютъ себя на — ночи: —

— свѣтлорогій пастухъ зоветъ рогомъ меня; черный быкъ — ночь — мычитъ на меня...

По вечерамъ, надъ столомъ, подъ открытымъ окномъ: мы сидимъ;

и — молчимъ: краснобрюхій комарикъ сразмаху ударится въ лампу изъ мрачнаго парка; вдругъ омолнится все; посребрѣютъ глазастыя окна; посмотрятъ, закроются; проговорятъ перекатные громы; и это все непонятно.
Пролетка проѣхала?

Гдѣ Москва?
Развалилась она: никогда не увижу ее.

Въ Касьяновѣ.

Я смотрю: и я думаю.
Передо мною на столикѣ молочко: въ круглой глиняной крынкѣ; и — два яйца въ смятку; а я, тихій мальчикъ, прислушиваюсь: —

— объ

утратѣ старыхъ громадъ повѣствуетъ мнѣ вѣтеръ: о рухнувшемъ космосѣ (грозами рушатся космосы; и возставая надъ липами, набѣгаютъ Титаны на насъ — бородатыми тучами) —

— передо мной на столикѣ молочко: и оно — бѣлотечно; и повѣствуетъ мнѣ вѣтеръ о рухнувшемъ —

— гдѣ-то близко за

окнами... —

— Все то воздухи вѣяли; гдѣ-то близко за окнами: самозвучныя кущи кипѣли: то липы; и — лѣто ходило по липамъ; и рушились космосы: липовыхъ листьевъ; и чащи кипѣли листами; и сочноствольный лѣсокъ кипѣлъ тоже...

Съ террасы ведутъ на дорожку: четыре ступеньки; направо, налѣво — трава; ты сойди — потеряешь себя; и открыта глубокая яма; она — заростаетъ; глухонѣмою тоской тяготитъ; въ ямѣ — страшно; тамъ курица... —

— Мигъ, комната, происшествіе, городъ — четыре ступеньки, мной пройденныхъ; я взошелъ на нихъ; и расширился міръ мнѣ деревней; и вмѣсто стѣнъ мнѣ открыты: проглядныя дали...

Курица.

Вспоминаю себя я, сходящимъ съ террасы: надъ шелестящими травами; колкіе ощупи травъ припадаютъ къ лицу; самоводный лужокъ ходитъ травами; а перелеты ихъ лоснятся: прохожу я — въ ста-

ринную яму; цвѣтокъ одуванчика, сорванный, огорчаетъ мнѣ ротикъ; тяжелые знои напали; порхаетъ невнятица листьевъ; безсмысленно — все; я уставился —

— въ курицу:

— „Здравствуй...

— „Ты...

— „Курица“...

А бѣлоглазая курица клювомъ уставилась въ стѣну; и — клюнула: мухи нѣтъ; желторотые шарики побѣжали...

Цыплята...

И я —

— вылѣзаю изъ ямы: глухонѣмая тоска тяготитъ; я — себѣ на умѣ: да, я знаю, что знаю: и — никому не скажу —

— какъ тамъ —

— бѣгаютъ... шарики.

И мнѣ пусто, мнѣ грустно... —

— склоняюсь головкой къ кому-то — въ колѣни, вперяясь въ пространства; невнятны пространства —

— (озерцо изморщинилось и издали сѝнилось)... —

— личико поднимаю (а оно все горитъ) и протянутой ручкою тереблю я Дуняшу.

— „Какъ тамъ курица...

— „Въ ямѣ: живетъ...“

Не понимаютъ меня.

Вдругъ горячимъ приливомъ, какъ матовымъ жемчугомъ, я согрѣтъ: меня поняли; и — бархатисто тепло льется въ грудку; Раису Ивановну, милую, которая меня поняла, я люблю; и склонилась ко мнѣ своимъ матовымъ личикомъ; и агатовымъ взглядомъ зажгла: въ моей грудкѣ тепло; поцѣловала она: ничего —

— мы надъ ямой пройдемъ: еще разъ — съ ней вдвоемъ; мы идемъ уже; курица клохчетъ, бѣжитъ: уморительно убѣгаютъ за нею всѣ желтые шарики на тоненькихъ лапочкахъ — въ травы; и присѣдаю я въ травы; и — вотъ: бѣлоглавый грибокъ: сыроѣжка; и — вотъ: мнѣ сухая лепешка (проходитъ здѣсь стадо); надъ ней вьется муха; смѣется Раиса Ивановна:

— „Нѣтъ, не надо...“

Сухую лепешку я трону.

А Раиса Ивановна:

— „Пфуй..."
Подсыхали вокругъ очень многіе „пфуи"...

Тихо движемся въ спящія чащи, въ листы: за листы; тамъ — жердисто, нелисто; схватились колючія поросли — рогорогими чащами; двигаюсь — въ сонныя сумерки, въ нѣмо нецвѣтныя воды болота.

Вода.

Тамъ стучатъ жернова: —

— и вода, зеленѣя, летитъ стеклянѣющимъ токомъ; а воду дробящіе камни прояснились лбами подъ нею: —

— Такъ же вотъ: —

— изъ меня, отъ меня улетитъ все-все-все, что когда-то мнѣ было; за улетающимъ токомъ душа улетаетъ; а душу дробящія дали окрѣпли мнѣ берегомъ; безобразное образовано: это — земли; а сонные образы — дымно кипящія воды: вода, зеленая, летитъ стеклянѣющимъ токомъ; а воду дробящія камни прояснились лбами.

У грустнаго пруда дохнуть я не смѣю: грустнѣю, нѣмѣю... —

— Серебрится изливами прудъ: а изъ него на меня смотритъ малюсенькій мальчикъ; онъ — въ платьицѣ, съ кружевомъ; безпокойныя кудри упали на плечики: —

— я таковъ на портретѣ, еще сохранившемся гдѣ то: я — въ платьицѣ, въ кружевѣ; кружево это помню: оно — блѣднокремовое; помню платьице я — изъ пунцоваго шелка... —

— малюсенькій мальчикъ, какъ я; все, что было, что есть и что будетъ — теперь между нами: изливы; изольется все.
— „Эй, ты, маленькій мальчикъ..."
А маленькій мальчикъ запрыгалъ на ряби: пропалъ; утекло — все, что было.
Ничего и нѣтъ: ряби...
Что же это такое, что есть?

Я бывало безъ мысли смотрю — въ эту мутную глубину; и бывало безъ мысли смотрю —

— какъ изъ мутныхъ глубинъ подтечетъ живо-

родная рыбка; и — пустить пузырики; передернулась; нѣтъ ея: рябп... Дробится и прыгаетъ маленькій мальчикъ на ряби: —

— Ахъ, рыбка его погубила: „Я“ — маленькій мальчикъ; меня ахъ, меня, — погубила она.

То, надъ чѣмъ я сижу, глубина: и она мнѣ темна, и она мнѣ мутна.

Дерево извѣтвится, излистится...

Мнѣ вѣтвятся, мнѣ листятся мысли...

Что то такое я думаю: но кишитъ безтолковица... Какая такая — не знаю... —

— Вотъ онъ — „я“; вотъ онъ — прудъ: прудъ кишитъ головастикомъ, а сребрѣетъ — изливами... —

— изливается дума моя; и сребрѣетъ она предо мною; а не знаешь, что въ ней.

Можетъ быть... — головастики?

Грозы.

Вставали огромныя орды подъ небо; и безбородыя головы тамъ торчали надъ липами; среброглазыми молньями заморгали; обѣлоглавили небо; кричали громами; катали-кидали корявыя клади съ огромнаго кома: намъ на голову.

Это, спрятавшись въ облако, облако рушили въ липы — титаны; и подымали надъ дачами первозданные космосы: —

— рухнувшихъ городовъ и міровъ: улицы, дома, башни — кремнѣли надъ ними: и грохотали пролетки... —

— Каменистыя кучи облакъ сшибая трескучими куполами надъ каменистыми кучами, возставалъ тамъ Титанъ, весь опутанный молньями: да, тамъ пучился міръ; да, и въ безтолочь разбивались тамъ бреды; и — толоклась толчея: —

— складывался толковый и облачный комъ въ мигахъ молній, съ туманными улицами, происшествіями, деревнями, Россіей, исторіей міра; и міровая исторія разгремѣлась надъ парками; и Титанъ, поднимая ее, точно старую быль, на насъ гнался, врѣзался грудью въ кипящія кущи; уже проходилъ онъ по парку сквозь листья; подъ тяжелой стопою Титана дрожала земля... —

— И я, тихій мальчикъ, увидѣвъ носимое

— тамъ, надъ нами, — бѣжалъ въ темный уголъ; а папа бѣжалъ вслѣдъ за мною.
И — принимался нашептывать:
— „Это, видишь ли, Котенька, — громъ...
— „То есть, это...
— „Скопленіе электричества“...
Прощупи прежнихъ лѣтъ шевелились во мнѣ; безтолочь прежнихъ лѣтъ громыхала...

Помню разъ: —

— обезвоздушилось все; и — душило меня; все притихло; вдругъ: —

— заскрипѣли стволы; бурно хлынули главы; рванулись рои живолистыхъ вѣтвей прямо въ окна, треща и кидаясь суками; и — откачнулись назадъ; увидалъ тамъ въ окошкѣ, что Мрктичъ Аветовичъ пробѣгаетъ изъ чащи съ распущеннымъ зонтикомъ; утка хлопала крыльями; и крикливо сухой треснулъ звукъ: опустилась въ кусты многолѣтняя вѣтвь; и — повисла на бѣломъ расщепѣ: —

— бѣлолобое облако подошло; бѣлолобое облако хлопнуло частымъ градомъ: намъ въ стекла.

Въ этотъ вечеръ гуляли; блистали намъ слякоти; всѣ проглядныя дали изсинились тучами; некудрыя тучи замазались въ небѣ; и — шлепало стадо на насъ.
Громкорогій пастухъ мнѣ понятенъ: зоветъ за собою.

Снова молнилась ночь.
Сверканія начинали подбрасывать ночь; глухонѣмая безсонница нападала, я просился къ Раисѣ Ивановнѣ: изъ постельки въ постельку; и Раиса Ивановна поднялась: и босыми ногами она полусонно прошлепала — меня взять; я испуганно обнялъ ее; между бѣлыми блесками падали темени; какъ рубашки, срывались съ деревъ, зеленя ихъ въ безстыдную ясность; то пурпуровымъ, то фіолетовымъ летомъ бросались отъ края до края летучія лопасти: каменистое тѣло Титана возстало; и надъ всѣмъ, тамъ стояло...

Съ той поры начались неизливные дни.

Купанье.

Побѣжали купаться: —

— Раиса Ивановна, барышни, Нина Васильевна: съ полотенцами, въ сарафанахъ, по полю.

Бѣгу и я съ ними; а кругозорное небо надъ — полемъ: глядится; работники: въ бѣлотканныхъ вспотѣвшихъ рубахахъ тутъ ходятъ по грядамъ душистаго сѣна съ огромными вилами; въ воздухѣ сыплется сѣно сухое, шершавое; быстрый рогъ длинной вилы мелькаетъ по воздуху; мы бѣжимъ, а мужикъ — обругался...
Мы — дальше: —

— тропинкою — въ ольхи: подъ гору; тихохолмные брега зашершавились мохомъ; сѣрѣютъ намъ издали крышей недымной деревни; пескомъ прожелтился откосъ; и цвѣты, молочаи, на немъ... вотъ — и засыпалось издали, въ ольхи — все ближе; и вотъ — хлынуло холодомъ; надъ головой все рванулось; и — ясновзорные просвѣты бросились на летучихъ листахъ; и — рогатая вѣточка ходитъ единственнымъ листикомъ надъ живою рѣкою: купальня; — туда —

— я, Раиса Ивановна, барышни, Нина Васильевна Вербова! —

— и говорятъ, что наружу онѣ выплывать не хотятъ: восьмиклассникъ Щербининъ съ подзорной трубой залегъ прямо въ ольхи; качается лодка; и переходные мостики — гнутся; и — рыбка пускаетъ пузырикъ; тутъ въ сухіе дни — плѣсенѣютъ круги: въ водоливные дни — пузыри...

Купаются всѣ. А меня посадили на лавочку. Поснимали свои сарафаны; и поснимали рубашки; и — длинноногія, бѣлыя, ходятъ: полощатся, мочатся; мнѣ отчего-то ихъ стыдно; меня — имъ не стыдно...
И скрывая свой стыдъ, я кричу:
— „Ахъ, какія вы всѣ“...

Воспоминанія о Касьяновѣ.

Воспоминанія о Касьяновѣ растворяютъ въ себѣ воспоминанья о людяхъ, тамъ жившихъ въ то время; изумрудныя кущи кипятъ: и туда, въ эти кущи, уходятъ — мнѣ люди; бѣгаю къ пруду я, гдѣ уходятъ стальные отливы подъ липы и ивы; и трескаетъ въ лобикъ сухое крыло коромысла; а однорукая статуя встала изъ зелени — стародавнимъ лицомъ и щитомъ: на насъ смотритъ...
Подъ ней проповѣдуетъ папѣ на лавочкѣ, гдѣ яркокрасныя розы, — Касьяновъ. Папа съ нимъ несогласенъ, кричитъ:
— „Я бы всѣ эти рѣчи“...

Ина него замахнулся онъ въ спорѣ своимъ дурандаломъ (корнистой дубиной, съ которой онъ ходитъ) —

— впослѣдствіи мама сожгла дурандалъ — потихоньку отъ папы; онъ въ спорѣ махалъ имъ; свою палку назвалъ папа мой дурандаломъ, производя это слово отъ „дюрандаля“ — меча: (имъ сражался Роландъ) —

— папа цѣлыми днями, бывало, летаетъ въ огромныхъ аллеяхъ, махая своимъ дурандаломъ; это онъ возмущается: это все — различія убѣжденій; и натыкается на Мрктича Аветовича; Мрктичъ Аветовичъ есть горбунъ въ ярко-красной рубахѣ; Мрктичъ Аветовичъ съ папою несогласенъ; припирая къ стволу его, папа мой раскричится:
— „Позвольте же...
— „Нѣтъ-съ...
— „Что такое вы говорите?...
— „Да васъ бы я...“ —

— Мрктичъ Аветовичъ —

— много лѣтъ ужъ спустя я читалъ толстый томъ его: „Эра“ —

— язвительно тыкаетъ папу, блистая зубами подъ папой, огромной рукою — въ животъ:
— „Нѣтъ, а все-таки...“
— „Все-таки...“

Мрктичъ Аветовичъ часто, увидѣвши папу, стремительно убѣгаетъ подъ липы; присѣдая въ кустахъ, онъ оттуда краснѣетъ горбами; это — разности убѣжденій; „они“ убѣгаютъ отъ папы — въ лѣсныя убѣжища; и убѣждая „ихъ всѣхъ“, потрясая своимъ дурандаломъ, вспотѣвшій мой папа за ними гоняется въ кущахъ Касьянова.

Раиса Ивановна.

Затрясется матрасикъ подъ ней; и босыми ногами — къ окошку; дырявая ставня скрипитъ подъ напорами вѣтра и свѣта; покрывая волною волосъ, вся какая-то мягкая, — тащитъ меня за подмышки; надъ одѣяльцемъ нагнется своимъ мыльнымъ личикомъ; бѣгаемъ въ однихъ рубашенкахъ.
Какъ весело!

Завиваются легкіе локоны легкими кольцами надъ ея легкимъ личикомъ; и со мною отпивъ молочка, выбѣгаетъ со мною она — въ росянистые колокольчики, къ лавочкѣ: мнѣ оттуда киваетъ; и собираемъ букетъ колокольчиковъ; Мрктичъ Аветовичъ къ намъ подходитъ: себѣ попросить колокольчикъ; колокольчикъ протянетъ она; Мрктичъ Аветовичъ радъ.

Мы всѣ трое — на лавочкѣ: шутимъ; Раиса Ивановна, не отвѣчая на шуточки, въ зонтикъ уставится глазками, а — кончикъ зонтика ходитъ; закушена пухлая губка, дрожащая отъ улыбокъ, когда снимаетъ съ меня, жарящаго имъ изъ песочка котлету, — мурашика; эта блѣдная ясность лица — мнѣ мила; и Мрктичу Аветовичу — мила тоже; и онъ напѣваетъ тогда, что: —

„Изъ подъ лодки плывутъ рыбки, —
„Это милаго улыбки“ —

— а пѣсинька, съ холмика, изогнетъ свою спину и сядетъ на четырехъ своихъ лапахъ, что-то силясь намъ сдѣлать: Мрктичъ Аветовичъ опускаетъ глаза; и краснѣетъ Раиса Ивановна: мнѣ это все — любопытно.

Такой смѣшной пѣска...

Бывало, передвигая тазы, мы сидимъ у жаровни; блистающій тазъ въ пузыряхъ; и Раиса Ивановна съ ложечки мнѣ даетъ желторозовыхъ пѣнокъ; и вотъ восьмиклассникъ Щербининъ пристанетъ:

— „И мнѣ пѣночекъ.“

А, бывало: на липовый листикъ положитъ она земляннички; и черною шпилькой уколется въ ясныя ягоды: кушаетъ ягоды:

— „Мнѣ-бы...“

— „И мнѣ...“

Пристаетъ восьмиклассникъ Щербининъ.

— „Нѣтъ вамъ...“

Мы любили, обнявшись, сидѣть, протянувъ свои личики въ зорьку

Любили купаться (я еще не купался); она сниметъ кофточку, юбку, чулочки; и, остывая, болтаетъ ногами; даетъ понять взглядомъ: ай, ай, будетъ — Богъ знаетъ что, когда съ досокъ она прямо бросится въ воду; и бѣлоносная пѣна покроетъ.

Любили ходить по грибы; подъ кустами увидимъ, бывало, мы тугопучный березовикъ.

— „Мой...“

— „Нѣтъ, — мой.“

Отбиваемъ его другъ отъ друга.

Я ее обиралъ. Даже, разъ она плакала; кузовокъ тяжелѣлъ: подосинники, яркіе, на черныхъ ножкахъ, жемчуговыя сыроѣжечки, желтяки, бѣлоглавики въ немъ пестрѣли и пахли листами.

Мрктичъ Аветовичъ.

Мрктичъ Аветовичъ, знаю, — добрякъ; Мрктичъ Аветовичъ — весельчакъ; поднимаетъ огромную руку къ лунѣ надъ горбомъ; и поетъ изъ аллей, вставъ на лавочку:

„Ты, всесильный Богъ любви,
„Ты услышь мои мольбы“...

И всѣмъ это нравится; и встаетъ надъ Мрктичемъ Аветовичемъ красный мѣсяцъ; чернѣютъ горбы на дорожкѣ; то — тѣни.
Таинственно...

Мрктичъ Аветовичъ возитъ насъ всѣхъ — на пикникъ, онъ садится на козлы — высоко, высоко надъ нами; качаетъ горбами; лошадь встанетъ, бывало: но Мрктичъ Аветовичъ ни за что не прибѣгнетъ къ кнуту; а обращается къ лошади:
— „Милостивая государыня, лошадь“. —

— И всѣмъ это нравится.

Насъ везетъ на пикникъ: намъ зажарить шашлыкъ: и прочесть подъ луною молитву: армянскому богу; пріѣхали: выгружаютъ посуду, бутылки, пироги съ грибами, паштеты; разстилаютъ скатерть на травы; накидаютъ, бывало, сухой и трескучій валежникъ; зачиркаютъ спичками; куча покроется дымомъ; и — подкидными огнями; желтокрылое пламя заширится; и ясными лапами пляшетъ: мама сниметъ шелковый фартучекъ, полосато-пятнистый (и желтый, и красный) и Мрктичу Аветовичу перевяжетъ горбы она; Мрктичъ Аветовичъ выставитъ черную бороду, и надъ огромнымъ, теперь полосатымъ горбомъ — простираетъ свои волосатыя руки въ огни и распѣваетъ молитвы армянскому богу: надъ вертеломъ; дымы вздымаются; падаютъ въ поле хвостами; шаръ солнца блистаетъ изъ нихъ самоварною мѣдью; уже любопытно зарница забѣгала въ тучѣ.
Мрктичъ Аветовичъ въ пламени тамъ стоитъ; и чадитъ: шашлыками.

Смутно помнится мнѣ: —

— ужъ колотится колотушка; края тихорогаго

мѣсяца ясно прорѣзались въ вѣтви; на ясныя дали разрѣзались мраки; взошла колоколенка; знаю я —

— завываютъ собаки подъ дачами: у потайной ямы, въ бурьянѣ, толкается кучеръ Федоръ съ Дуняшею нашею, а колючіе ежики бѣгаютъ по аллеямъ; ихъ тронь: станутъ шариками; надъ могильнымъ крестомъ возникаетъ полковникъ Пупонинъ; фосфорически свѣтится онъ; и несется въ кустахъ... на касьяновскій паркъ... —

— Мрктичъ Аветовичъ, обнимая меня, убѣждаетъ меня, что нисколько не страшно; и говоритъ:

— „Вотъ Ивановъ-жучокъ".

Присѣдаю на корточки я.

Убѣжденія наши сошлись: мы — друзья.

Осень.

Дни летѣли въ дожди, въ желтолистіе.

Залетали синицы; красногрудая пташка, тиликая, перестала метаться за мошкою на стѣнѣ бѣлой дачи; трещали сороки; пироги съ грибами пошли; у камина глядѣлись въ огни — въ смолянистые трески вѣтвей; отсырѣли углы нашей дачи; пооткрывались болѣзни желудка; пооткрывались болѣзни сѣдалищныхъ нервовъ; и любовались осеннимъ осинникомъ: онъ — красноглавый.

Поразставились досчатые ящики — съ сѣномъ: огромныя банки и склянки туда опускались; изъ порѣдѣвшихъ вѣтвей выкруглялся откуда-то — клинскій вокзалъ: краснымъ куполомъ.

Какъ случилося это — не помню, но помню послѣдствія „случая": мы стояли растерянно передъ множествомъ полинялыхъ, синихъ пролетокъ, передъ множествомъ рваныхъ, синихъ халатовъ, отчаянно подпоясанныхъ краснымъ и на насъ громко лаявшихъ изъ подъ лаковыхъ рваныхъ шапокъ:

— „Со мной, барыня..."

— „Со мной..."

— „Вотъ извозчикъ..."

И — мостовая гремѣла.

„Случай" этотъ мнѣ помнится: мы вернулись въ Москву.

Удивляемся мы съ Раисой Ивановной тѣснотѣ нашихъ комнатъ; передо-

мной на ладони квартира: очень тѣсненькій корридорчикъ и ползающій по стѣнѣ таракань: очень тѣсная дѣтская.
Та-ли это Москва?
Не отсюда уѣхали мы: мы уѣхали изъ огромнаго міра комнатъ: онъ рухнулъ.
Вспоминаемъ Касьяново мы. И мы слушаемъ музыку.

Андрей Бѣлый.

Окончаніе повѣсти „Котикъ Летаевъ“ — во второмъ сборникѣ „Скиѳы“.

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

Древніе скиѳы.

Мы — тѣ, объ комъ шептали въ старину,
Съ невольной дрожью, эллинскіе миѳы:
Народъ, взлюбившій буйство и войну,
Сыны Геракла и ехидны, — скиѳы.

Вкругъ моря Чернаго, въ пустыхъ степяхъ,
Какъ демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдругъ, чтобъ сѣять всюду страхъ,
Къ верховьямъ Тигра иль къ низовьямъ Истра.

Мы ужасали дикой волей міръ,
Горя зловѣще, тамъ и здѣсь, зарницей:
Предъ нами Дарій отступилъ, и Киръ
Былъ скиѳской на пути смиренъ царицей.

Что были мы? — Щитъ, ножъ, колчанъ, копье,
Лукъ, стрѣлы, панцырь, да коня удила!
Блескъ, звонъ, крикъ, смѣхъ, налетъ, — все бытіе
Въ разгулѣ бранномъ, въ пирѣ пьяномъ было!

Лелѣяли насъ вьюги да морозъ;
Насъ холодъ влекъ въ метельный вихрь событій:
Ножемъ вино рубили мы, волосъ
Замерзшихъ звякали льдяныя нити!

Нашъ вѣрный другъ, учитель мудрый нашъ,
Вино ячменное живило силы;
Мы мчались въ бой подъ звоны мѣдныхъ чашъ,
На поясѣ, и съ ними шли въ могилы.

Дни битвъ, охотъ и буйственныхъ пировъ,
Смѣняясь, обликъ создавали жизни...
Какъ было весело колоть рабовъ,
Предъ тѣмъ, какъ зажигать костеръ, на тризнѣ!

Въ курганахъ грузныхъ, сидя на конѣ,
Среди богатствъ, какъ завѣщали дѣды,
Спятъ наши грозные цари: во снѣ
Имъ грезятся пиры, бои, побѣды.

Но, въ сторонѣ отъ очага присѣвъ,
Порой, когда хмелѣли сладко гости,
Нашъ юноша выдѣлывалъ для дѣвъ
Коней и львовъ изъ серебра и кости.

Иль, окруживъ суроваго жреца,
Держа въ рукѣ высоко факелъ дымный,
Мы, въ пляскѣ ярой, пѣли безъ конца
Неистово-восторженные гимны!

1916.

Валерій Брюсовъ.

МИХАИЛЪ ПРИШВИНЪ.

Страшный судъ.

I.

На трубу Архангела.

На войну ѣхали разные люди, какъ будто затрубилъ Архангелъ и всѣмъ неотложно понадобилось вставать и бѣжать.

Овечки—тѣ просто стадомъ пошли и говорить о нихъ нечего, а козлища-грѣшники торопились ужасно.

— Не успѣю, не попаду,—каждый думалъ про себя и спѣшилъ перебить дорогу другому.

На моемъ пути явился какой-то Причисленный къ министерству, глазки у него ребячьи, ротъ старческій, губки тонкія, какъ листики. Онъ для войны и причислился, ходилъ въ полувоенной формѣ, обѣщалъ меня устроить, во всемъ помочь и даже сказалъ:

— Я буду вашей нянюшкой.

Стали мы съ нимъ ходить въ кофейню, бесѣдовать. Вокругъ насъ, столикъ къ столику, собиралось множество всякихъ людей, всѣ говорили, что война эта послѣдняя и у всѣхъ былъ тайный послѣдній вопросъ: „Чѣмъ все это кончится?“ Многимъ казалось, что старый генералъ знаетъ больше другихъ, всѣ его спрашивали и доходили до послѣдняго: „Чѣмъ все это кончится?“ Когда доходили до послѣдняго, генералъ откидывался на спинку стула, разводилъ руками и на всю кофейню всѣмъ заразъ объявлялъ:

— Ну, господа, этого никто не знаетъ!

— Какъ-же такъ, какъ-же быть?—всюду спрашивали генерала. Еще разъ, и еще, и еще, въ разныя стороны медленно повертываясь, повторялъ генералъ:

— Никто, никто этого не знаетъ!

— А Вильгельмъ?

— И самъ Вильгельмъ ничего не знаетъ!

Въ кофейнѣ наступало молчаніе, всѣхъ давило неизвѣстное будущее: какъ будто раньше все знали впередъ и теперь только стало видно, что никогда никто ничего не зналъ ни о чемъ.

— Все таки во всякомъ-же дѣлѣ необходима какая нибудь логика,—пробовали сказать самые ученые люди.

— Никакой логики,—твердилъ генералъ,—никто ничего не зналъ, не знаетъ и никогда никому ничего не узнать.

— Какъ же быть?

— Такъ и будете, пройдетъ, все само узнается.

Всѣ понемногу смирялись, пили кофе молча, только мой Причисленный кривилъ свои тонкія губы. Я иногда высказывалъ ему свои предположенія, онъ сейчасъ-же ихъ опровергалъ и даже иногда умѣлъ склонить меня на свою сторону. Я потомъ высказывалъ его собственные взгляды, онъ ихъ также разбивалъ. Когда я приходилъ воодушевленный побѣдой, онъ старался запугать меня какими-то огромными германскими мортирами. Если при неудачахъ я падалъ духомъ и ссылался на тѣ мортиры, онъ увѣрялъ меня, будто всѣ эти мортиры—одежда голаго короля и ихъ вовсе нѣтъ. Утомленный безплодными разговорами, я напомнилъ Причисленному о его обѣщаніи устроить меня на войну, и какъ объ этомъ сказалъ — онъ исчезъ. И опять мнѣ стало, какь въ сновидѣніи о Страшномъ Судѣ, что я не попаду ни къ овцамъ, ни къ козлищамъ и останусь жить попрежнему одинъ безъ Суда.

А туда мимо меня все ѣхали и ѣхали разные люди. Ѣхали гимназисты и старцы, княгини, купчихи, лабазники, осетины, евреи, татары. Ѣхали всякіе ряженые: путешественникъ неоткрытаго сѣвера ѣхалъ членомъ общества изученія культурныхъ звѣрствъ, собиратель византійскихъ эмалей прикомандировался къ обществу сохраненія памятниковъ братскихъ могилъ, этнографъ ѣхалъ буфетчикомъ въ Львовъ, журналистъ дьячкомъ въ уніатскую церковь.

Не одинъ разъ такъ повторялось мнѣ сновидѣніе о Страшномъ Судѣ, что на какомъ-то огромномъ вокзалѣ собираются всѣ съ вещами самые обыкновенные люди, обыватели, которыхъ ежедневно всюду всю жизнь встрѣчалъ и среди нихъ нѣтъ ни одного большого человѣка. Сквознякъ на вокзалѣ ужасный, у меня инфлюэнція, насморкъ, платка съ собой нѣтъ, чихаю, на меня обижаются, поведеніе мое неприлично, выйти невозможно: въ мужской уборной дамы устроились...

Воскресали мертвые, приходили изъ далекаго моего умершаго, забытаго прошлаго и даже говорили со мною „на ты". Одинъ даже расцѣловалъ меня, и въ кантахъ и ремешкахъ непонятнаго мнѣ военнаго назначенія едва узналъ я контролера нашей Рязано-Уральской

желѣзной дороги: сыскалъ нѣкогда себѣ большую извѣстность за покровительство зайцамъ. Расцѣловались...

— Ты теперь кто?—спросилъ я.

— Бѣлый волкъ,—отвѣтилъ онъ,—ѣду устилать поле сраженія своими собственными трупами.

Я одинъ не имѣлъ никакой лазейки на войну, и такъ мнѣ всегда представлялось о Страшномъ Судѣ, что затрубитъ Архангелъ, всѣ побѣгутъ къ поѣзду, а у меня чемоданъ преогромный, тяжелый, бѣгу я съ чемоданомъ, запыхался, спотыкаюсь и вотъ все-таки кое какъ добѣжалъ до станціи къ третьему звонку, сунулъ чемоданъ на ходу.

— Нельзя,—кричатъ,—не туда!

— Ради Бога,—прошу,—хоть чемоданъ-то отдайте!

Не пускаютъ и чемоданъ не отдаютъ, а въ чемоданѣ и все мое оправданіе на Страшномъ Судѣ. Согласенъ теперь остаться и безъ Суда, лишь бы отдали мнѣ чемоданъ. Но поѣздъ съ чемоданомъ уходитъ и къ одинокому на пустой покинутой всѣми землѣ подходитъ моя покойная старушка съ назиданіемъ:

— Говорила я тебѣ, дитятко, собирай свои ноготки, затрубитъ Архангелъ, полѣзутъ всѣ къ нему на гору, срастутся ноготки и будетъ чѣмъ уцѣпиться, а вотъ ты не слушалъ меня, ну, и сиди теперь съ голыми пальцами!

II.

Отсрочка.

Прошло года два съ половиной, опять я въ той-же кофейной и опять толчея, валомъ валитъ народъ, какъ и тогда, и генералъ попрежнему сидитъ и Причисленный, и всѣ прежніе знакомые приходятъ, совѣтуются, бѣгутъ, какъ и раньше бѣжали на трубу Архангела, только теперь назадъ, въ обратную сторону.

— Куда вы такъ спѣшите?

— На мѣста продовольствія!

— Что-же такъ, или Страшный Судъ не удался?

На ходу всѣ повторяютъ:

— Отсрочка, отсрочка Суду!

Вотъ дипломатъ, баронъ Пупсъ, бывшій начальникомъ санитарнаго отряда, теперь ѣдетъ въ другомъ какомъ-то костюмѣ.

— Вы теперь кто, баронъ?

— Уполоборона.

Это значитъ, уполномоченный по оборонѣ.

Причисленный перечислился. Рекомендуется:

— Женотрудъ!

Организуетъ женскій трудъ на трамваяхъ столицы. Кто заготовляетъ горохъ, кто фасоль, кто мороженое мясо и солонину, не пере-

честь всѣхъ, не пересчитать, все вмѣстѣ называется Заготосель, значитъ, заготовка по сельскому хозяйству.

— Заготосель на учетѣ?—спрашиваютъ генерала.

— Отсрочка,—говоритъ генералъ.

Путешественникъ неоткрытаго сѣвера служитъ въ особомъ совѣщаніи по топливу—Осотопъ, журналистъ, что ѣхалъ дьячкомъ въ уніатскую церковь, сидитъ на бобахъ, знатокъ византійскихъ эмалей въ комиссіи „Трофей", и множество всякихъ другухъ знакомыхъ и незнакомыхъ подходятъ къ генералу совѣтоваться.

— Женотрудъ на учетѣ?

— Отсрочка!

Осотопъ, Уполоборона, Трофей, вся Заготосель вокругъ генерала.

— Отсрочка, отсрочка!

Явился и тотъ, кто поле сраженія хотѣлъ устилать своими трупами: Бѣлый Волкъ теперь въ смокингѣ и лакированныхъ сапогахъ, поставляетъ на заводы рабочихъ китайцевъ и персовъ.

— Китоперсъ!—говоритъ онъ генералу.

— Не понимаю, какъ ты сказалъ?—спросилъ я.

— Китоперсъ!—повторилъ онъ,—былъ Бѣлый Волкъ, теперь Китоперсъ.

Всѣ торопились, какъ и раньше, и меня опять увлекли.

— Ваше превосходительство,—говорю я,—нельзя-ли и мнѣ на учетъ?

— Ваше занятіе?

— Мое занятіе особенное, я такъ себѣ человѣче, сочинитель, но теперь хочу бросить, хочу быть, какъ всѣ.

— Какъ вамъ не стыдно,—отвѣчаетъ генералъ,—молодой и здоровый, идите на фронтъ!

Такъ я опять не попалъ, опять, какъ во снѣ, всѣ бѣгутъ, а у меня чемоданъ огромный, сунулъ чемоданъ на ходу...

Сновидѣніе повторяется, я одинъ на покинутой землѣ и опять съ назиданіемъ подходитъ старушка:

— Говорила я тебѣ, дитятко, собирай ты свои ноготки...

— Милая, да это-же не Архангелъ трубитъ, это бѣгутъ обратно за отсрочкой, тутъ, кажется ногти не нужны!

— Какъ такъ не нужны, для всякаго дѣла нужны ногти, гордецъ ты! все сочинялъ, а время ушло, видишь, всѣ теперь кашу варятъ себѣ, попробуй теперь сварить для себя на землѣ что-нибудь съ голыми пальцами!

1916. *Михаилъ Пришвинъ.*

НИКОЛАЙ КЛЮЕВЪ.

Земля и желѣзо.

1.

Есть горькая супесь, глухой черноземъ,
Смиренная глина и щебень съ пескомъ,
Окунья земля, травяная медынь,
И пѣгая охра, жилица пустынь.

Межъ тучныхъ, глухихъ и скудельныхъ земель
Есть Матерь-земля, бытія колыбель,
Есть пѣстунъ Судьба, вертоградарь-же Богъ,
И въ сумеркахъ жизни къ ней нѣту дорогъ.

Лишь дочь ея, Нива, въ часы бороньбы,
Какъ свитокъ являетъ глаголы Судьбы,—
Читаетъ ихъ пахарь, съ нимъ нѣкто Другой,
Кто правитъ огнемъ и мужицкой душой.

Мы внуки земли и огню родичи,
Намъ радостны зори и пламя свѣчи,
Язвитъ насъ желѣзо, одеждъ чернота,—
И въ памяти нашей лишь радугъ цвѣта.

Въ кручинѣ по крыльямъ, пригожихъ лицомъ
Мы „соколомъ яснымъ" и „павой" зовемъ.
Узнайте-же нынѣ: на кровлѣ конекъ
Есть знакъ молчаливый, что путь нашъ далекъ.

Изба—колесница, колеса—углы,
Слетятъ серафимы изъ облачной мглы,
И Русь избяная—несмѣтный обозъ!—
Вспаритъ на распутья взывающихъ грозъ...

Сметутся народы, изсякнутъ моря,
Но будетъ шелками расшита заря,—
То дѣвушки наши, въ поминокъ вѣкамъ,
Разстелютъ ширинки по райскимъ лугамъ.

2.

У розвальней—норовъ, въ телѣгѣ-же—умъ,
У карягo много невыржанныхъ думъ.

Ихъ вѣдаетъ стойло, да дѣдъ дворовикъ,
Что кажетъ лишь твари мерцающій ликъ.

За скотьей вечерней въ потемкахъ хлѣва,
Плачевнѣе вѣтра овечья молва.

Вздыхаетъ каурый, какъ грѣшный мытарь:
„Въ лугахъ Твоихъ буду-ли, Отче и Царь?

„Свершатся-ль мои подъяремные сны,
„И, взвихренъ, напьюсь-ли небесной волны?..“

За конскою думой кому услѣдить?
Она тишиною спрядается въ нить.

Изъ нити-же время плететъ невода,
Чтобъ выловить жребій, что свѣтелъ всегда.

Прообразъ всевышнихъ, крылатыхъ коней
Смиренный коняга, стражъ жизни моей.

Съ нимъ радостнѣй трудъ, благодатнѣй посѣвъ,
И смотритъ ковчегомъ распахнутый хлѣвъ.

Взыграетъ прибой и помчится ковчегъ
Подъ парусомъ яснымъ, какъ тундровый снѣгъ.

Орломъ огнезобымъ взметнется мой конь,
И сбудется дѣдовъ дремучая сонь!

3.

Звукъ ангелу собратъ, безплотному лучу,
И недругъ топору, потемкамъ и сычу.
Въ предсмертномъ „ы-ы-ы!..“ таится полузвукъ,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ,—
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ цвѣтъ,
Но трепетъ не глаголъ, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Потемки съ топоромъ и правнукъ ночи, сычъ,
Въ обители лѣсовъ поднимутъ хищный кличъ,
Древесной крови духъ дойдетъ до Божьихъ звѣздъ,
И сирины въ раю слетятъ съ алмазныхъ гнѣздъ;
Но крикъ желѣза глухъ и тяжекъ, какъ валунъ,
Ему не свить гнѣзда въ блаженной рощѣ струнъ.

Надъ зыбкой, при свѣчѣ, старуха запоетъ:
Дитя, какъ злакъ росу, впиваетъ пѣвчій медъ,
Но древній рыбарь—сонъ, чтобъ лову не скудѣть,
Въ затонѣ тишины созвучьямъ ставитъ сѣть.

Въ бору, гдѣ каждый сукъ—моленная свѣча,
Гдѣ хвойный херувимъ льетъ чашу изъ луча,
Чтобъ пріобщить того, кто голосъ уловилъ
Кормилицы мірской и пѣстуньи могилъ,—
Тамъ, отроку-цвѣтку лобзаніе даря,
Я слышалъ, какъ зарѣ откликнулась заря,
Какъ вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крылъ возникъ,
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ...

Мигъ выткалъ пелену, видѣніе темня,
Но нѣкая свирѣль томитъ съ тѣхъ поръ меня;
Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,
Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ!

4.

Гдѣ пахнетъ кумачемъ—тамъ бабьи посидѣлки,
Медынью и сурьмой—дѣвичій городокъ...
Какъ пряжа мѣренъ день, и солнечныя бѣлки,
Покинувъ райскій боръ, усѣлись на шестокъ.

Бесѣдная изба—подобіе вселенной:
Въ ней шоломъ—небеса, палати—млечный путь,
Гдѣ кормчему уму, душѣ многоплачевной,
Подъ веретённый клиръ усладно отдохнуть.

Неизреченнъ Духъ и несказанна тайна
Двухъ чашъ, двухъ свѣчъ, шести очей и крылъ!
Бесѣдная изба на свѣтѣ не случайна,—
Она Судьбы лицо, преддверіе могилъ.

Мужицкая душа, какъ кедръ зеленотемный,
Причастье Божьихъ росъ неутолимо пьетъ;
О, радость быть простымъ, носить кафтанъ посконный
И тѣльникъ на груди, сладимѣй дикихъ сотъ!

Индійская земля, Египетъ, Палестина—
Какъ олово въ сосудъ, отлились въ наши сны.
Мы братья облакамъ, и савана холстина—
Нашъ вѣрный поводырь въ обитель тишины.

5.

Прекраснѣйшему изъ сыновъ крещенаго царства,
крестьянину Рязанской губерніи,
поэту Сергѣю Есенину.

Оттого въ глазахъ моихъ просинь,
Что я сынъ Великихъ озеръ.
Точитъ сизую киноварь осень
На родной, бѣломорскій просторъ.

На закатѣ плещутъ тюлени,
Заглядѣлся въ озеро чумъ...
Златороги мои олени—
Табуны напѣвовъ и думъ.

Потянуло душу, какъ гуся,
Въ голубой полуденный край;
Тамъ Микола и Свѣтлый Іусе
Уготовятъ пшеничный рай!

Прихожу. Вижу избы—горы,
На водахъ—стальные киты...
Я запѣлъ про синіе боры,
Про Сосновый Звонъ и скиты.

Мнѣ ученые люди сказали:
„Къ чему святыя слова?
„Укоротьте поддевку до таліи
„И обузьте у ней рукава!"

Я заплакалъ Братскими Пѣснями,—
Порѣшили: „въ риѳмѣ не смѣлъ!"
Зажурчалъ я ручьями полѣсными
И Лѣсныя Были пропѣлъ.

Въ поученіе дали мнѣ Игоря
Сѣверянина пудреный томъ,—
Сердце поняло: заживо выгорятъ
Тѣ, кто смерти задѣтъ крыломъ.

Лихолѣтья часы желѣзные
Возвѣстили войны пожаръ,—
И Мірскія Думы болѣзныя
Я принесъ отчизнѣ, какъ даръ.

Разсказалъ, какъ еловые куколи
Осѣняютъ солдатскую мать;
И бумажные дятлы загукали:
„Не поэтъ онъ, а буквенный тать!

„Русь Христа промѣняла на Платовыхъ,
„Рай мужицкій—ребяческій бредъ"...
Но съ Рязанскихъ полей коловратовыхъ
Вдругъ забрезжилъ конопляный свѣтъ.

Ждали хама, глупца непотребнаго,
Въ спинжакѣ, съ кулаками въ арбузъ,—
Даль повыслала отрока вербнаго,
Съ голоскомъ слаще дѣвичьихъ бусъ.

Онъ повѣдалъ про сумерки карія,
Про стога, про отжиночный снопъ;
Зашипѣли газеты: „татарія!
И Есенинъ—поэтъ-юдофобъ!"

О, бездушное книжное мелево,
Воронъ ты, я-же тундровый гусь!
Осѣняетъ Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!

Пѣвчимъ свѣтомъ алмазно заиндивѣлъ
Надо мной древословный навѣсъ,
И страна моя, Бѣлая Индія,
Преисполнена тайнъ и чудесъ!

Жизнь-праматерь заутрени росныя
Служитъ птицамъ и правды сынамъ;
Книги-трупы, сердца папиросныя—
Ненавистный Творцу ѳиміамъ!

Николай Клюевъ.

1916 г.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ЯСНЯ.

Русалія въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица: Алитъ. Каквасъ. Ноя. Педарейка. Кумирня. Ясня. Служка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена 1-ая

Около полдня. Красно и знойно. Въ долинѣ голый камень. Алитъ всякій день ходитъ учиться къ старцу Каквасу въ кумирню, изучаетъ священныя книги. Камень — перепутье. На камнѣ ему отдыхъ.

Алитъ прилегъ на камень, раскрылъ книгу. Книга о любви.

— Любовь, какъ вѣтеръ, налетитъ, понесетъ,
ты лети, ничего не страшись. Любовь,
какъ смерть: придетъ, не уйдешь.

Красно и знойно. Алитъ любитъ жену Ною. Съ ней ему спокойно: весь домъ и хозяйство на ней. Вернется онъ вечеромъ изъ кумирни, все есть. Онъ любитъ Ною.

— Любовь, какъ вѣтеръ, налетитъ, понесетъ,
ты лети, ничего не страшись. Любовь,
какъ смерть: придетъ, не уйдешь.

Онъ любитъ Ною, чего жъ ему бояться? — *Засыпаетъ.*

На горной тропинкѣ показывается Ясня. Она идетъ къ камню. Легка, какъ вихрь.

Ясня видитъ Алита. Стала — вся зарь. Красно и знойно. И на сердцѣ ея зной и красно. Она зазнобитъ его сердце, повлечетъ за собой въ горы. — *Колдуетъ.*

— Какъ крѣпокъ голъ-камень и жадны
степные пески, такъ его любовь
крѣпка и ненасытна!

И руки ея, какъ свѣчи.

Алитъ открываетъ глаза:

— Любовь, какъ смерть: придетъ, не уйдешь!

И смотритъ,—Ясня удаляется въ горы,—и смотритъ ей вслѣдъ, не можетъ оторваться.

Красно и знойно. Полдень. Пора въ кумирню.

Алитъ складываетъ книги.

— Надо торопиться. Старецъ ждетъ. — *Уходитъ.*

А за нимъ, какъ вихрь, тоска о той, что пришла изъ-за горъ, посмотрѣла на него и скрылась.

Сцена 2-ая.

Поздній вечеръ.

Ноя ждетъ Алита. Все давно готово: и обѣдъ и чай.

— Отчего такъ долго нѣтъ его? Задержалъ ли
старецъ въ кумирнѣ или случилось
дорогой что? Не дай Богъ, бѣда.

Подкладываетъ огня. Въ окно смотритъ ночь.

— Господи, не дай Богъ, бѣда. Никогда еще
такъ не запаздывалъ. А какъ она
обрадуется, когда онъ вернется!

Алитъ *входитъ.* И съ нимъ тоска — тоска о той, что пришла изъ-за горъ, посмотрѣла на него и скрылась.

— Къ старцу пріѣхало много народу, долго
не расходились, пришлось оставаться въ кумирнѣ!

Присѣлъ къ столу: не ѣстъ, не пьетъ. Въ окно смотритъ ночь. Въ домѣ пусто.

Н о я.

— Что съ тобой? Ты скучаешь?

А л и т ъ.

— Нѣтъ, ничего! — но ужъ не улыбнуться ему, какъ прежде.

Н о я.

— А помнишь, какой ты былъ веселый? Почему ты скучаешь?

А л и т ъ.

— У меня совсѣмъ памяти нѣтъ. Все забываю: утромъ что услышу отъ учителей, къ вечеру ничего не помню. Очень это меня тревожитъ.

Н о я.

— Съ какихъ это поръ? Ты былъ такой памятливый.

А л и т ъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не знаю, что съ собой дѣлать.

Въ окно смотритъ ночь. Съ горъ налетѣлъ вихрь, стучитъ въ окно. И тоска превратилась въ боль.

Нѣтъ, онъ больше не можетъ оставаться въ домѣ, онъ пойдетъ къ камню, и по ея слѣдамъ, еще не остывшимъ, дойдетъ до ея дома, хотя бы на самую вершину или спуститься въ пропасть.

— Я пойду на охоту, приготовь мнѣ въ дорогу.

Н о я обрадовалась: такъ давно онъ не охотился, охота развлечетъ его.

А л и т ъ *уходитъ*.

Н о я одна. Убралась. Приготовилась спать. Ночь, горный вихрь стучитъ. И вдругъ тревога:

— Господи, не дай Богъ, бѣда!

А вихрь вихрѣе, зловѣщѣй.

И огонекъ погасъ.

Въ тревогѣ, ничего не зная, только чуя, заплакала Ноя.

— Зачѣмъ онъ покинулъ ее въ такую ночь, одну,—
одну на всемъ свѣтѣ!

ДѢЙСТВIЕ ВТОРОЕ.

С ц е н а 1-ая.

По слѣду Ясни отъ камня поднялся Алитъ на самую вершину. Въ вершинной сини волшебный домъ.

Педарейка.

— Ты зачѣмъ сюда?

Алитъ.

— Я ничего не знаю. Такъ, случай.

Педарейка.

— Коли случай, войди. У насъ одна заболѣла.

Алитъ.

— Кто такая?

Педарейка.

— Намедни вернулась изъ степи.

Алитъ.

— Гдѣ она?

Педарейка растворяетъ дверь. Алитъ переступилъ порогъ: Ясня лежитъ больная.

Алитъ.

— Что съ тобой?

Ясня.

— Я полюбила тебя.

Алитъ.

— Я какъ увидѣлъ тебя, не знаю покоя. Все забылъ, одну тебя вижу, какъ стояла тогда у камня и руки твои. Я оставилъ домъ, я пришелъ поглядѣть на тебя.

Ясня.

— Вотъ я и совсѣмъ здорова!

Алитъ подаетъ хлѣбъ. И они ѣли. И на сердцѣ у нихъ такъ легко.

Ясня.

— Давай будемъ жить вмѣстѣ.

Алитъ.

— Только съ тобой. Навсегда!

Сцена 2-ая.

Вершинная синь. У входа въ домъ.

Педарейка.

— Сорокъ дней, сорокъ ночей.

Алитъ выходитъ, за нимъ Ясня.

Алитъ.

— Три дня прошло.

Ясня.

— Не три дня, сорокъ дней и сорокъ ночей ты прожилъ со мной.

Алитъ.

— Мнѣ пора.

Ясня.

— Жена твоя горюетъ, ослѣпла отъ слезъ.

Алитъ.

— А если я по тебѣ затоскую?

Ясня.

— Вотъ тебѣ вѣеръ: затоскуешь, трижды наступи на порогъ, трижды обмахнись и я явлюсь къ тебѣ.

И въ вершинной сини руки ея, какъ свѣчи.

Алитъ.

— Только съ тобой. Навсегда!

Сцена 3-ья.

Ноя одна. Чуть огонекъ. Слѣпая, не узнаетъ она вошедшаго Алита.

Ноя.

Ты померъ. Это витаетъ твоя душа. Ступай, гдѣ живешь. Завтра я поставлю свѣчку.

Алитъ.

Ноя, Ноя, я не померъ.

Ноя.

Мой мужъ померъ. Сорокъ дней прошло съ его смерти. Ступай, гдѣ живешь. Завтра я справлю по тебѣ сорокоустъ.

Алитъ.

Ноя, я живъ. Помнишь, какъ ты меня ждала, какъ встрѣчала.

Ноя.

Ступай! Я одна, я одна.

Алитъ идетъ къ порогу, беретъ вѣеръ и дѣлаетъ заклинаніе.

Чуть огонекъ. Слѣпая Ноя безнадежна. Вихорь стучитъ въ окно. Появляется Ясня.

Алитъ.

Что такъ не скоро? Не трижды, я трижды три раза обмахнулся.

Ясня.

Для нея?

Алитъ.

Исцѣли!

Сцена 4-ая.

Ясня беретъ камень и тихо наклоняется надъ Ноей.
— Этимъ камнемъ!

Вихорь воетъ.

Ноя вскрикиваетъ: она видитъ Алита, и не вѣритъ.

Алитъ.

Ноя!

Ноя.

Да, вѣрю.

Алитъ.

Все пойдетъ по старому. Я буду ходить въ кумирню къ старцу, ты меня будешь ждать: такого кушанья никто не сумѣетъ приготовить и такого чаю никому не сварить, вѣкъ бы чай пилъ!

Ноя раздуваетъ огонекъ.

Ноя.

И ты будешь всегда веселый?

Алитъ.

Всегда, Ноя, всегда.

Онъ забылъ о Яснѣ, а она тутъ, никуда не ушла.

Ноя сварила чай. И все, какъ по старому. Алитъ вынулъ книжку, присѣлъ къ столу. Чай крутой и крѣпкій.

Ноя.

Гдѣ же ты пропадалъ такъ долго?

Алитъ.

Въ горахъ.

Н о я.

А я такъ боялась. Думала, конецъ.

А л и т ъ.

Я навѣстилъ всѣхъ нашихъ старцевъ. Когда-нибудь разскажу. А какихъ только чудесъ насмотрѣлся!

Н о я.

Больше ты никуда такъ надолго не уйдешь?

А л и т ъ.

Всегда буду съ тобой.

Н о я вдругъ видитъ Я с н ю.

Н о я.

Кто это?

А л и т ъ.

Гдѣ?

Н о я.

Вонъ у окна.

А л и т ъ.

Развѣ ты ея не знаешь?

Н о я.

Нѣтъ, я ея не знаю.

А л и т ъ.

Она будетъ всегда съ нами. Она тебя исцѣлила.

Н о я.

Она съ тобой пришла?

А л и т ъ.

Она много знаетъ.

Н о я.

Ты ее любишь?

А л и т ъ.

Будемъ жить вмѣстѣ.

Н о я.

Ее или меня?

А л и т ъ.

Безъ нея я не могу жить. А развѣ не видишь, какъ я люблю тебя.

Н о я поднялась.

Ноя.

Это неправда.

Алитъ.

Куда ты?

Ноя.

Старецъ разсудитъ.

Алитъ.

Ноя!

Разсвѣтаетъ. Ясня, хоронившаяся въ уголку, выходитъ.

Ясня.

Теперь я тутъ одна хозяйка!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена единственная.

Вся кумирня въ свѣчахъ. Еще не началась служба. Собирается народъ. Старецъ Каквасъ, весь въ желтомъ, выходитъ вмѣстѣ съ Ноей и Алитомъ. Судъ совершился. За Ясней посланъ служка: она должна явиться въ кумирню.

Каквасъ.

Женщина, пришедшая съ горъ, не простая, она вѣдьма, я ее застрѣлю.

Служка.

Она не простая, она вѣдьма. Я сразу не рѣшился ее звать. Я подошелъ къ окну, хотѣлъ посмотрѣть, что она дѣлаетъ, и едва сдержался, чтобы не закричать отъ страха: передъ ней на столѣ горѣли двѣ зажженныя свѣчи, и вдругъ она подняла руки, отдѣлила свою голову отъ туловища и стала расчесывать волосы.

Кумирня.

Не простая! Вѣдьма!

Каквасъ взялъ три стрѣлы и сталъ у алтарныхъ вратъ.

Каквасъ.

Я застрѣлю ее.

Служба началась. Отъ пѣснопѣній и свѣчей душно въ кумирнѣ. Появляется Ясня и идетъ къ алтарнымъ вратамъ. Кумирня разступается. Всѣ глаза на Ясню. И слышно, какъ свѣчи горятъ.

Каквасъ пустилъ стрѣлу,
Ясня схватила стрѣлу.
Алитъ отошелъ отъ Нои, слѣдитъ за Ясней.
Каквасъ пустилъ другую стрѣлу.
Ясня схватила и эту стрѣлу.
Каквасъ пустилъ третью стрѣлу.
Ясня схватилась за сердце и со стрѣлой закружилась. И кружилась въ вихрѣ. И въ вихрѣ пропала.

Въ кумирнѣ горѣли свѣчи. Старецъ Каквасъ весь въ желтомъ стоялъ у алтарныхъ вратъ. А тамъ крутило, вихрь вился и стучалъ, гасилъ свѣчи.

Алитъ, вырываясь къ старцу:
— Освободи меня!—*Умираетъ.*

Кумирня.

Любовь, какъ смерть: придетъ—не уйдешь.

КОНЕЦЪ.

1916 г.

Алексѣй Ремизовъ.

СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ.

Голубень.

1.

Осень.

Р. В. Иванову.

Тихо въ чащѣ можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешетъ гриву.

Надъ рѣчнымъ покровомъ береговъ
Слышенъ синій лязгъ ея подковъ.

Схимникъ вѣтеръ шаго́мъ осторожнымъ
Мнетъ листву по выступамъ дорожнымъ,

И цѣлуетъ на рябиновомъ кусту
Язвы красныя незримому Христу.

О красномъ вечерѣ задумалась дорога,
Кусты рябинъ туманнѣй глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жуетъ пахучій мякишъ тишины.

Осенній холодъ ласково и кротко
Крадется мглой къ овсяному двору;
Сквозь синь стекла желтоволосый отрокъ
Лучитъ глаза на галочью игру.

Обнявъ трубу сверкаетъ по повѣти
Зола зеленая изъ розовой печи.
Кого-то нѣтъ, и тонкогубый вѣтеръ
О комъ-то шепчетъ, сгинувшемъ въ ночи.

Кому-то пятками уже не мять по рощамъ
Щербленый листъ и золото травы.
Тягучій вздохъ, ныряя звономъ тощимъ,
Цѣлуетъ клювъ нахохленой совы.

Все гуще хмарь, въ хлѣву покой и дрема,
Дорога бѣлая узоритъ скользкій ровъ...
И нѣжно охаетъ ячменная солома,
Свисая съ губъ кивающихъ коровъ.

3.

Синее небо, цвѣтная дуга,
Тихо степные бѣгутъ берега,
Тянется дымъ, у малиновыхъ селъ
Свадьба воронъ облегла частоколъ.

Снова я вижу знакомый обрывъ
Съ красною глиной и сучьями ивъ,
Грезитъ надъ озеромъ рыжій овесъ,
Пахнетъ ромашкой и медомъ отъ осъ.

Край мой! любимая Русь и мордва!
Притчею мглы ты какъ прежде жива.
Нѣжно подъ трепетомъ ангельскихъ крылъ,
Звонятъ кресты безымянныхъ могилъ.

Многихъ ты, родина, ликомъ своимъ
Жгла и томила по шахтамъ сырымъ.
Много мечтаетъ ихъ, сильныхъ и злыхъ,
Выкусить ягоды персей твоихъ.

Только я вѣрю: не выжить тому,
Кто разлюбилъ твой острогъ и тюрьму...
Вѣчная правда и гомонъ лѣсовъ
Радуютъ душу подъ звонъ кандаловъ.

4.

О товарищахъ веселыхъ,
О поляхъ посеребренныхъ,
Загрустила, словно голубь,
Радость лѣтъ уединенныхъ.

Ловитъ память тонкимъ клювомъ
Первый снѣгъ и первопутокъ.
Въ санкахъ озера надъ лугомъ
Запоздалый окрикъ утокъ.

Подъ окномъ отъ скользкихъ елей
Тѣнь протягиваетъ руки,
Тихихъ водъ парагушъ квелый
Куритъ люльку на излукѣ.

Легкимъ дымомъ къ дальнимъ пожнямъ
Шлетъ поклонъ день ласкъ и вишенъ.
Запахъ травъ отъ бабьей кожи
На губахъ моихъ я слышу.

Миръ вамъ, рощи, лугъ и липы,
Литіи медовый ладанъ!
Все пріявшему съ улыбкой
Ничего отъ васъ не надо.

1916 г.

Сергѣй Есенинъ.

А. ТЕРЕКЪ.

Прологъ.

(Къ роману „Оглашенные“).

I.

Стоитъ, качается, у грязной пристани, свѣже-покрашенный монастырскій пароходъ; на мачтахъ у него золотые кресты, а голубые билеты стрижетъ въ кассѣ ножницами не обыкновенный угрюмый кассиръ, а сладкогласый монахъ о. Ареѳій.

Пропускаетъ Ареѳій одного по одному сѣрыхъ богомольцевъ, а самъ, знай, коситъ смышленымъ глазомъ на нестарыхъ еще барынь-завсегдатаекъ, что павами проплываютъ въ каюты. За барынями толкутся богомолки по обѣщанію, и купецъ, и военный, и батюшка въ потертой ряскѣ, и несчастный алкоголикъ Александръ Ивановичъ подъ руку съ своимъ пріятелемъ маляромъ.

— На излеченіе?—подмигиваетъ парѣ Ареѳій,—ну чтожъ, не впервой, послушаніе примете—бѣду, какъ рукой!

— Тягчайшаго, отецъ, попрошу, наитягчайшаго, ибо я есть ал-ко-голикъ...

— Послѣднюю трешницу въ моментъ прочайпили,—прерываетъ маляръ, и обхвативъ пріятеля, ведетъ прилечь на канаты.

Къ Ареѳію подходитъ какой-то толстый въ очкахъ, трясетъ ему пухлую бѣлую руку:

— Самому въ монастырь ноньче некогда съѣздить, вамъ, отче, крестницъ препоручаю; дѣвицы онѣ, пугливенькія...

— Ужъ мы досмотримъ, попеченіе имѣть будемъ,—щурится на розовыхъ барышень Ареѳій, блеститъ зубами промежду черныхъ какъ смоль бороды и усовъ, жметъ барышнямъ ручки и бѣжитъ обратно къ своей кассѣ, почему-то другимъ ходомъ, мимо третьеклассниковъ и багажа.

— Шельма,—хрипитъ Ареѳію въ спину независимый изъ богомольцевъ, съ обмотанной шеей,—домъ себѣ цѣлый наплавалъ, и вмѣняется ему сіе плаваніе въ послушаніе...

Послѣдній возгласъ іеромонаха, напутствующаго молебномъ отъѣзжающихъ, послѣдняя запоздавшая старушонка съ жестянымъ чайникомъ и узломъ, пароходъ свиститъ, съ неба сѣется частый дождь, и сквозь него сразу далекими дѣлаются красныя фабрики береговъ, а скоро и вовсе пропадаютъ въ густомъ, какъ туча, дыму парохода.

Долго охаютъ и крестятся богомолки въ платкахъ, просятъ Николу о безбурномъ плаваніи, роются въ своихъ корзинахъ и сумкахъ и, сбѣгавъ за кипяткомъ, тянутъ горячій, жидкій чай.

— Гурій, слышь Гурій,—высовываетъ изъ каюты Ареѳій черную бороду,—чайку бы намъ съ лимончикомъ, да растегайчика...

Гурій—молодой послушникъ при буфетѣ. Чуть опушилъ ему первый пухъ лицо; волосы у него очень черные, кудрявые, кожа бѣлая, какая бываетъ только у иноковъ, а глаза такіе неподходящіе, свѣтлые, голубые; нельзя пройти мимо, этихъ глазъ не замѣтить: какъ пустые смотрятъ они на вещи и на людей, ничего для себя не удерживаютъ, ничего никому отъ себя не даютъ.

Мысли одолѣли Гурія, да мудреныя... оплели душу, что буйный хмѣль оплетаетъ тростинку—вотъ-вотъ не выдержитъ она, подломится, гдѣ же тутъ воли взять міръ принимать, себя міру давать? Тутъ впору одно: въ пещерѣ схорониться, свѣта Божьяго не видать.

Просился Гурій у о. игумна совсѣмъ изъ монастыря, а тотъ, возлюбивъ юнца за тихость, благословилъ къ Ареѳію на пароходъ: дескать, по молодости лѣтъ плаваніемъ развлечется, мірской суеты насмотрится, а мірскимъ душа чистаго скоро пресыщается, вновь запросится въ тихую радость обители.

И могъ такъ просто думать немудрящій старецъ, вѣдь и ему, какъ никому изъ братіи, своихъ разныхъ мыслей не открылъ Гурій.

Да, Гурій... носится сейчасъ по лѣстницамъ, изъ буфета на палубу, то съ пирожками, то съ кофеемъ, все молчитъ, пустыми глазами мимо лицъ смотритъ...

Въ каюткѣ, слышно, пищатъ съ Ареѳіемъ розовыя барышни:

— Мы и по скитамъ хотимъ потрудиться, мы и на полунощницу сходить не полѣнимся.

— Ой-ли, не вѣрю,—жеманится Ареѳій,—вы не на богомолье, вы для провожденія времени, островъ обозрѣвать... хе, хе! На палубѣ дождикъ что макъ сѣется, а у насъ въ каюткѣ вдвое теплѣй, съ чайкомъ съ лимончикомъ втрое, съ вами, медмезель, вчетверо.

— Ахъ какой вы математикъ!—веселятся барышни.

— А на обѣдъ намъ, слышь Гурій, сижка толстопузку, да сладкаго, что послаще...

Шумитъ, бѣжитъ пароходъ, везетъ пассажировъ.

Спятъ богомолки на желтыхъ корзинахъ, читаетъ „Новое Время“ военный, бунтуется на канатахъ алкоголикъ, хочетъ сѣсть у борта, а пріятель его не пускаетъ:

— Не хорошо вамъ, Александръ Иванычъ, головка закружится, долго-ль въ водицу, трахъ-чебурахъ! лучше отлежитесь—анъ къ обители духъ излетучится, неблагопріятно вѣдь съ духомъ-то.—Вотъ какъ ослабли,—обращается маляръ къ публикѣ,—а между всѣмъ прочимъ, они благороднаго происхожденія-съ; я хоть простого званія, а много ихъ аккуратнѣе.

— Протрезвится—не дешевле тебя будетъ,—обрываетъ независимый съ кутаннымъ горломъ:—и большой пьяница самъ исправится, а дурака, братъ, могила!

— Слабъ, слабъ,—убивается Александръ Ивановичъ, тонкой рукой обираетъ съ давно небритаго лица длинные волосы, упавшіе на кроткіе нетрезвые глаза,—сказано, азъ есмь ал-ко-го-ликъ, погибшій человѣкъ, а людей люблю. Вонъ тамъ черти,—онъ махнулъ рукой на встрѣчныя баржи,—тамъ черти рабочихъ гноятъ, когда не пьянъ, я о нихъ плачу; впрочемъ пьянъ я всегда. Міра не пріемлю—Александръ Ивановичъ всхлипнулъ,—а міръ меня; по французски—ресипрокъ...

Къ вечеру вышло солнце: молодыми барашками разбѣжались по небу облака, и вдругъ подъ огнемъ заката, въ нарядномъ убранствѣ предстала обитель. Высоко на горѣ бѣлый храмъ съ уходящими въ небо синими куполами, сады, огороды, золотые кресты часовенокъ, красныя скалы въ разноцвѣтныхъ бархатныхъ мхахъ, лодки съ монахами въ тихихъ заливахъ.

Клобуки, яркіе зонтики, картузы, платочки.

На козлахъ двумѣстнаго тарантаса, съ парою толстыхъ монастырскихъ лошадокъ, подростки-послушники кучерами.

Вышли свѣжіе пассажиры, смѣшались съ встрѣчающими—одна толпа.

Радуются монахи пріѣзжимъ: больше гостей—больше доходовъ. Любопытны свѣжіе гости, но сердцу милѣй старые знакомцы, притомъ же они и съ гостинцемъ; кому въ руку коробку сардинокъ, кому табачку, а послушнику Дормидонту:

— „Тайны Мадридскаго двора“!

Залился алою краскою Дормидонтъ—еще бы не радъ! Подбирается у него понемногу свѣтская библіотечка, какъ разъ и помѣщеніе для нея недавно закончено: будучи въ столярномъ послушаніи,

у о. игумна нарочно благословенія испросилъ, кровать себѣ новую сдѣлать, старую, дескать, червь источилъ.

Благословилъ усердное послушаніе простодушный игуменъ, и Дормидонтъ на диво сработалъ кровать, отполировалъ—смотрись ровно въ зеркало, а дно двойное; по рисунку дерева кусокъ выпиленъ—анъ подъ нимъ библіотечка малая: Натъ Пинкертонъ, Арцыбашева Санинъ, да Льва Толстого, великаго еретика, сочиненія.

Узнаетъ о. игуменъ, по головкѣ не погладитъ, особливо за Толстого; такого-то ересіарха, монахи говорятъ, въ монастырѣ держать, все равно, что бѣсамъ двери настежь—пожалуйте!

Недаромъ въ корридорѣ вдоль келій большіе листы порасклеены съ устрашающей духъ аллегоріей: Христосъ среди бѣлыхъ барашковъ. Со всѣхъ сторонъ еретики сквозь щели забора этихъ барашковъ увести норовятъ и подпись подъ каждымъ еретикомъ: баптистъ, адвентистъ, братчикъ, папизмъ—нѣкто всѣхъ выше ростомъ съ тіарою; соціализмъ—тоже ересь, расхлестанный парень, картузъ на бекрень, въ зубахъ цыгарка. У каждаго еретика на плечѣ сидитъ чортъ хвостатый, а у стоящаго на пригоркѣ, не въ примѣръ прочимъ, графа Толстого, чортъ съ языкомъ зміевиднымъ и всѣхъ хвостатѣе, для наглядности и сравненія.

Знаетъ Гурій: одна цѣна любимцу Дормидонтову Санину, совсѣмъ иная книжкамъ Толстого, да толковать не охота; нужно будетъ Дормидонту—и своимъ умомъ доберется, а нѣтъ—и того счастливѣе дни протянетъ.

—Охъ, познаніе—великая грусть!—часто, бывало, о. Павлинъ говорилъ.

Отецъ Павлинъ...

Есть о чемъ раздуматься Гурію, да гдѣ мысли собрать? Назначилъ гостинникъ дежурнымъ; отъ богомольцевъ ни шагу, и ночью покоя не дали, перессорились изъ-за коекъ, до утра разнималъ. А чай выпили—развози ихъ по святостямъ.

Веселыя розовыя барышни бѣгутъ первыя къ паровому катеру, бѣжитъ и гостинодворская чета, старшій приказчикъ съ женой—стиль модернъ: высокіе каблучки, шиньонъ барашкомъ; за ними грузный багроволикій купецъ, важныя барыни.

Въ третій классъ, на огромныя баржи, канатомъ привязанныя къ катеру, идетъ простенькій батюшка изъ провинціи, съ своей попадьей, и народный учитель, и картузники, и богомолки съ пузырьками для святостей, и цѣлая рота солдатъ.

— Са-адись ребята!—командуетъ молодой офицерикъ, еще безъ усовъ, и—скорѣй къ палубѣ перваго класса, откуда ему кто-то машетъ платочкомъ.

— Сюды, служивые, сюды... наперерывъ приглашаютъ монахи, охотно тѣснятся, запахиваютъ ряски, чтобы очистить просторнѣе мѣсто.

Довѣрчиво рады другъ другу, шепчутся про начальниковъ, про порядокъ, про пищу, про правила,—все будто разное, а все похоже: и тутъ нѣтъ своей воли, и тамъ; а всмотрѣться—и лица похожія, даромъ что у монаховъ заросшій лобъ ушелъ подъ клобукъ и черный подрясникъ бьетъ по пятамъ; всюду тѣ-же простодушно-лукавыя, или смиренныя, или совсѣмъ продувныя черты ярославца, москвича, тверичанина, всѣ вмѣстѣ—большіе несуразные дѣти—Русь военная, Русь монашеская...

Двѣ-три черты, и легко передѣлать одно лицо въ другое: сбрить вотъ этому, что рядомъ съ молодцеватымъ фельдфебелемъ, разбойничью рыжую бороду, отъ густыхъ кудрей оставить слѣва чубъ, заломить на бекрень лихо шапку—чѣмъ не казакъ! а тихому солдатику, что на окрикъ „пос-сунься!" когда и двинуться уже некуда, кротко поджимается, ему-бъ вотъ клобукъ да ряску...

Спокойно грѣетъ солнце съ ровнаго синяго неба, бодро бѣжитъ паровой катерокъ, на буксирѣ ведетъ за собой огромныя лодки съ монахами, солдатами, богомольцами; жужжатъ, какъ улей, пригрѣтые люди.

Беззубый батюшка, котораго матушка зоветъ Сёмочкой а онъ ее Симою, поспѣлъ слазить и на колокольни, и древлехранилище осмотрѣлъ, и сейчасъ дивуется:—Ирмалогій-то, Сима, каковъ? пятнадцатаго столѣтія, полууставъ, анфологіонъ древній, алфавитъ фифами, фифами... еще архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ составленный.

— Этого, Сёмочка, ничего я не смыслю,—отмахивается китайскимъ вѣеромъ отъ комаровъ попадья,—по мнѣ любопытнѣй рѣка „времянъ всемірной исторіи", аль вериги вѣсомъ съ полъ-пуда, аль вотъ еще...

— Если вы сами себя довольно уважаете, то въ подобной тѣснотѣ извольте свой зонтикъ закрыть,—шипитъ на матушку толстая мѣщанка съ мальчишкой-картузникомъ на рукахъ,—глазъ ребенку выколете.

— Спицей и кепку ему не достать, отъ нахальности своей просите!—вспыхиваетъ матушка.

— Отъ нахалки и слышу!

На кормѣ шепоткомъ судачатъ монахи: недавно постриженный бѣлокурый, жалуется другому постарше, на своего старца что дюже капризенъ:—ты, гритъ, Никандръ, раздражать меня не помысли, почитай, духомъ слушайся, ты меня, ты меня... кишки тянетъ!

— А я такъ Николая намедни встрѣтилъ,—озираясь вторитъ пріятель,—тотъ за два шага благословлять норовитъ, буде встрѣчный забудетъ, что онъ, Николай, въ іеромонахи пожалованъ; а благословлять-то по правилу еще не обвыкъ; сомкнетъ чудно персты въ щепотку—ровно любимымъ своимъ табачкомъ посыпаетъ — любитель вѣдь былъ, хе, хе, хе...

— Чего былъ! И есть и будетъ: гдѣ монахъ, тамъ табакъ.

— У барынь ноньче волосья густыя пошли, съ чего-бъ это?—пытаетъ послушникъ солдата.

— Не свои чай,—смѣется солдатъ,—песьи...

— Съ покойниковъ, безстыжія, носятъ,—ворчитъ сѣдой грубый монахъ, — съ покойниковъ. Штрафъ на нихъ сотенный — опростоволосѣли-бъ! Къ нашему Нестору послушнику, одна такая о прошломъ годѣ пристала. Нестору идти подъ призывъ, а Господь благословилъ его гущиной—до ремня! Золотыя волосья, что рожь. Вотъ барыня и пристала: продай ты мнѣ волосы, двѣнадцать рублей даетъ.

— Скажи-ите,—дивится солдатъ,—за волосья-то? Да неужто не продалъ?

— Ты и продавай, а нашъ Несторъ отвѣщалъ сей сорокѣ съ гордостію: Божьимъ благословеніемъ не торгую, гдѣ отростилъ тамъ и оставлю.

Пересудники и сплетники монахи, что бабы, и такихъ много, большая часть. Мужицкій монастырь: грамотѣ братія здѣсь научается между тяжкими послушаніями и почти непрерывнымъ церковнымъ стояніемъ, гдѣ тутъ къ чтенію пристраститься? Въ свободный часъ только и впору отдохнуть, посудачить...

Завернулъ пароходъ на скиты, потянулъ за собой огромныя широкодонки съ богомольцами, пошли служить молебны.

На минуту вспомнилось Гурію, какъ еще недавно, когда приходилось посѣщать эти маленькіе острова съ уютными церковками и часовнями, съ пещерами подвижниковъ—одна была мечта: благословилъ бы Господь имъ сподобиться. И вѣдь вотъ не вернуть—увяла душа. Равнодушно указываетъ Гурій богомольцамъ на святыни, по готовому, печатному объясненію, не своими словами восхваляетъ пустынножителей; не забудетъ прибавить, какъ это принято у монаховъ для назиданія мірянъ, въ память какого святаго не вкушаютъ молока, гдѣ отреклись рыбнаго, гдѣ не пускаютъ въ храмъ женщинъ, а на сердцѣ, ровно въ погребѣ, холодно да темно; вотъ только за пѣніемъ чуть отпускаетъ...

На обратномъ пути, всю дорогу монахи поютъ хвалу обители, вдохновенную прекрасную пѣсню. Трогательно поютъ монахи; каждое

слово въ пѣснѣ правда, каждое красота; всякій, какъ вторую отчизну, нелицемѣрно любитъ тихія воды заливовъ, красныя скалы, дремучія ели. И все въ пѣснѣ милое, все понятное сердцу.

— Богоизбранная обитель, пречудный островъ...

Хорошо поютъ монахи, словно распеленываютъ свои взнузданныя, съеженныя души въ привольѣ пѣсни; не могутъ удержать слезъ богомолки, подпѣваютъ солдатики, и батюшка Сёма, и матушка Сима.

А только пріѣхали, опять въ церковь—акаѳистъ Іисусу Сладчайшему.

Двумя каменными лѣстницами идутъ черноризцы и богомольцы, что поусерднѣй, въ большой верхній храмъ, а ихъ будто провожаютъ святые угодники очами, простертыми для благословенья руками и паникадилами; все черные клобуки или схимы, рѣдко пышное княжеское облаченіе, еще рѣже женщина.

Въ уснащенной золотомъ, хоругвями и образами церкви, стоитъ уже у своего темнаго рѣзнаго сѣдалища о. игуменъ, глубокій старецъ, съ добрымъ, справедливымъ, мужицкимъ лицомъ, стоитъ, молится, по сторонамъ не смотритъ.

Славятъ пѣвчіе Іисуса, сравниваютъ его съ криномъ райскимъ, съ мирромъ и нардомъ; то и дѣло проходитъ гоголемъ отъ одного клироса къ другому о. Іустинъ, голосистый канонархъ, и, не жалѣя горла, такъ что въ ушахъ щекотно, подаетъ канонъ, а ему, какъ изъ пропасти, отдаетъ голосъ октава.

Торопится Гурій къ тихому монастырскому кладбищу, хоть до вечерней трапезы побыть одному, анъ и на кладбищѣ нѣтъ безмолвія; тутъ-какъ-тутъ розовыя барышни, а съ ними всеконечно Ареѳій, да еще учителекъ семинаріи въ желтыхъ перчаткахъ, съ какимъ-то значкомъ на груди. Фасонится Ареѳій пуще прежняго предъ барышнями, про свой подвигъ разсказываетъ; Гурій уже разъ съ сотню разсказъ этотъ слышалъ: какъ пароходъ какъ-то прорѣзало якоремъ наскочившаго въ туманѣ судна, Ареѳій не растерялся, пробоину затыкалъ, пассажировъ перепуганныхъ успокаивалъ:—уже не смиреньемъ иноческимъ, а своею, можно сказать, собственною натурою.

— Какая такая у васъ натура?—играютъ барышни.

— Темпераментъ бурный имѣю!

Однако, подойдя къ строгимъ монашескимъ гробницамъ, Ареѳій вдругъ вспомянулъ свой санъ, съ достоинствомъ, словно окутываясь добродѣтелью погребенныхъ, читаетъ:—монахъ Исаакій, ревностно потрудившійся въ послушаніи, и въ обиліи источавшій по кончинѣ и при отпѣваніи токъ живой и чистой крови...

— Обратите вниманіе: плита сѣрая, дорогого камня, буквы красныя.

Духовникъ іеромонахъ Агаѳангелъ... іеросхимонахъ Анастасій ризничій, письмоводитель, не знавшій праздности, іеросхимонахъ Евфимій, пустынникъ и старецъ, просіявшій глубокимъ смиреніемъ.

— Нѣтъ вы сюда, медмезель, перекиньте глазокъ,—ревнуетъ успѣху Ареѳія учителекъ,—тутъ въ сторонкѣ и частныя лица сподобились, примѣчательна орѳографія...

И крутя усъ, не безъ свѣтской ироніи учителекъ водитъ тросточкой по камню:

„Дотоле слезы будутъ литца,
пока мой духъ съ твоимъ не съединитца.
Благодарный мужъ изъ Дѣтми".

Ударилъ на большой колокольнѣ колоколъ, на рукахъ донесло густой важный звонъ до кладбища, заторопилась компанія, не опоздать бы къ вечерней трапезѣ; опоздаешь—сиди голоднымъ до утра, кому удовольствіе!

Опять ползутъ по чернымъ корридорамъ старушки-салопницы, картузники и дѣвицы, чинно всѣ строятся въ трапезной вдоль столовъ, установленныхъ тарелками съ хлѣбомъ и жбаночками квасу прикрытыми бѣлымъ вышитымъ рушникомъ, слушаютъ, крестятся, хватаютъ ложки. Послушники, вихрастые здоровые парни, всѣ, словно бы не монахи, а запорожцы изъ древней Сѣчи, заносятъ ловко надъ головами горячую кашу, ставятъ миску вразъ, промежду четырехъ богомольцевъ съ скороговоркой молитвой:

— Сусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Насытятся богомольцы, помолятся и по кельямъ—оконченъ долгій монастырскій день.

II.

Ночью Гурій проснулся раньше звонка на полунощницу, вскочилъ и спѣшно вышелъ изъ своей кельи въ монастырской гостинницѣ.

Какое безмолвіе! въ пустыхъ безконечныхъ корридорахъ чуть мигаютъ лампы, и неподвижными, притихшими бѣсенятами, взявшими руки въ бокъ, чудятся самовары, выставленные за дверь каждаго номера; только у Богоматери, противъ входныхъ дверей, во весь огонь, какъ и днемъ, неугасимая теплится лампада, бросаетъ красные отсвѣты на украшающіе образъ фольговые цвѣты; ликъ Богоматери теменъ и великъ.

Гурій тихо прошелъ чернымъ ходомъ, мимо бѣлыхъ келій братіи, мимо судомоечной, гдѣ днемъ стрекочатъ безъ умолку богомолки, послѣ трапезы моютъ посуду, а промежду нихъ то и дѣло снуютъ съ бѣлыми чайниками и русокудрые и смолекудрые послушники, и красавецъ съ иконы суздальскихъ мастеровъ Нимфадоръ и о. гостинникъ, что рыщетъ какъ котъ зеленымъ глазомъ... теперь безмолвіе.

Мелькнулъ дежурный монахъ съ фонаремъ, чуть брякнулъ ключами и прижатымъ къ подряснику колокольчикомъ, бѣжитъ будить братію...

Спитъ за оградой цвѣтущій шиповникъ, спятъ темныя сосны, и заливы, и скалы, спитъ чудный весь островъ, а надъ островомъ и небо, и звѣзды.

Большой соборъ съ немерцающими крестами, многоголовый, выходитъ изъ зелени на предутреннемъ небѣ; въ открытыя настежь двери храма видать—теплятся отдѣльными огоньками свѣчи, стоятъ два-три неусыпныхъ старца въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ. Въ притворѣ и на дворѣ еще пусто; безъ тѣней, ровныя, темныя притаились деревья.

Гурію жутко: безмолвіе, бѣлизна, сотни притихшихъ жизней, черная вода безъ теченія подъ мертвыми скалами...

Но вотъ по красному огоньку фонаря можно слѣдить, какъ, словно летучая мышь, черной тѣнью взлетаетъ дежурный братъ вверхъ внизъ по витой лѣстничкѣ въ келіи братій, колокольчикъ дзинькаетъ жидкимъ звономъ, а за нимъ надрывистый теноръ: Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, пѣнію бдѣнію время, молитвѣ часъ...

Въ часовенкѣ, между розами, мальвами и другими кустами дрогнулъ вздремнувшій старецъ, смигнулъ тонкій сонъ, оправилъ лампаду, ждетъ не спросятъ-ли свѣчку.

„Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ“...

Чуть звенитъ колокольчикъ отъ дальнихъ келій, а изъ ближнихъ уже плывутъ черные клобуки, не глядя ни на мальвы, ни на шиповникъ, уставя очи въ одну землю; въ притворѣ облачаются монахи въ черныя просторныя мантіи и, шурша ими по каменнымъ плитамъ, идутъ въ алтарь.

Видитъ Гурій издали аналой среди церкви, кто-то высокій читаетъ изъ древней книги, освѣщая страницы желтенькой тонкой свѣчой, возвышаетъ голосъ мѣстами, гдѣ надо, и падаютъ на колѣни монахи, склоняются къ каменнымъ плитамъ черные клобуки.

А съ неба Денница, большая звѣзда, словно живая, смотритъ на призраки зеленой сѣверной ночи.

Всего годъ назадъ, и онъ, Гурій, лежалъ на полунощницѣ дольше всѣхъ на холодномъ полу, плакалъ не только о грѣхахъ—о дѣлахъ несвершенныхъ о тайныхъ помыслахъ... Теперь въ храмъ не вошелъ, спустился никѣмъ незамѣченный къ озеру, и, когда увѣрился, что по близости нѣтъ никого, сѣлъ на камень и крѣпко задумался.

Вспомнилъ, какъ еще недавно, вернувшись съ полунощницы, бывало достаивалъ ночь въ своей кельѣ передъ кіотомъ, съ розовѣвшими отъ лампады окладами и ожившими въ свѣтѣ ликами.

„Отъ юности моея мнози борютъ мя страсти"...

Въ изнеможеніи и срамѣ лежалъ долго прильнувъ лбомъ къ половицѣ, пока вдругъ, разрѣшенный отъ тягостей, окрыленный незримымъ утѣшителемъ, въ сіяющей вѣрѣ привѣтствовалъ восходящее солнце, благословлялъ радость и горе и всѣ судьбы людей—Его воля!

Два года выполнялъ Гурій тягчайшія послушанія: и кашеваромъ былъ, и злому настоятельскому коню Соколу конюшню какъ собственную келейку выметалъ, и все это съ пламенемъ, съ такой ретивостью, что случалось, его братія замертво выносила изъ церкви—немощна плоть была, не поспѣвала за столь борзымъ духомъ. Отецъ игуменъ обезпокоился, опредѣлилъ Гурія въ иконописную мастерскую, сначала такъ, для отдыха, а оказались способности—и оставили. Тутъ вотъ и вышло знакомство его съ о. Павлиномъ, поэтомъ и первымъ иконописцемъ обители.

Пригрѣлъ о. Павлинъ Гурія ласковой рѣчью, привязалъ къ себѣ, что пса вѣрнаго, душѣ его первый свѣтъ далъ. Стиховъ зналъ онъ несмѣтное множество и сказать ихъ умѣлъ хорошо, ко времени; гдѣ-нибудь въ дальнемъ скиту, куда иной разъ благословлялся у о. игумена съ послушниками на этюды для фона, станетъ о. Павлинъ на высокой скалѣ надъ обрывомъ, огнемъ горитъ небо, внизу вода—золото, надъ водою, какъ памятникъ темной бронзы недвижимый замретъ о. Павлинъ, воздѣнетъ медленно руки, клобукъ долой, пушистые кудри какъ сіянье вокругъ чистаго лба, голосъ душу пронизываетъ:—„Духовной жаждою томимъ, въ пустынѣ мрачной я влачился"...

Или вечеромъ у залива, когда потухнетъ солнце, а ночи все нѣтъ, и оставленной Богомъ, холодной покажется вся обитель, о. Павлинъ у себя въ келейкѣ на сундукѣ сидитъ задумавшись, съежится словно знобитъ его, и вдругъ немолодой, много чего испытавшій, заговоритъ шепоткомъ уже свое собственное:—„Лишь во тьмѣ мы звѣзды различаемъ"...

Тяжко Гурію вспомнить о. Павлина: душѣ онъ первую радость далъ, онъ же и отраву влилъ.

Проступаютъ, какъ огнемъ сжигаютъ, событія недавнихъ дней: какъ-то, въ свободное время, направлялся онъ по обычаю въ келью

о. Павлина, а путь перерѣзалъ ему сѣдой суровый монахъ, ненавистникъ женщинъ, о. Іона—постникъ.

— Ходи, ходи, до добра находишься!—сказалъ, ровно плеткою стебанулъ.

О. Павлинъ къ себѣ въ келью впустилъ всего на минуту, стоялъ передъ глубокимъ, въ садъ выходящимъ, окномъ, блѣдный и старый, съ заплаканными прекрасными глазами. Обернулся, положилъ руки Гурію на плечи, сказалъ молящимъ скорбнымъ шепотомъ:—Съ тобой, юноша, честенъ былъ, такимъ меня и попомни... иди.

Къ вечеру не стало въ обители ни о. Павлина, ни послушника Петеньки, обоихъ свезли сытыя игумновы лошадки въ разныя стороны, на отдаленные пустынные острова, а братія за трапезой ѣсть не могла, шушукалась: на Гурія глумливо подмигивали, задавали непотребные вопросы, и когда онъ, далекій отъ монашеской сплетни, сказалъ негодуя, что никакого онъ худа отъ Павлина не видѣлъ, только стихи его слушалъ, да псалмы вмѣстѣ пѣли, такъ и прыснула братія и пошли нашептывать съ смакомъ, уснащая быль своей поганью.

Чуть держась на ногахъ пошелъ Гурій въ вечеръ того страшнаго дня не ко всенощной, а въ монастырскую больницу, къ доброму завѣдующему о. Паисію.

О. Паисій, благой лекарь, онъ хоть по званію фельдшеръ, а любого врача за поясъ заткнетъ; кромѣ того, день деньской вѣдаясь съ различнымъ монашескимъ недугомъ, знаетъ онъ, сколь много приходится нести каждому человѣку, и не обременитъ своею рукой никому и безъ того горькую ношу.

— Ты что?—обернулся къ Гурію, на высокій морщинистый лобъ вздернулъ стальные очки,—отъ какой такой болѣзни?

— Не могу пребывать съ прочей братіей,—сказалъ Гурій, зная, что Паисію выдумывать незачѣмъ.

— Эге, Павлиномъ укоряютъ,—усмѣхнулся Паисій,—ну, иди на крайнюю койку, сейчасъ послѣдняго болящаго отпущу, пусто тутъ, отдохнешь.—Эй, страдалецъ, твой часъ!

— Ой не можно дышать мнѣ, о. Паисій,—жалуется красноносый Демьянъ-пьяница,—къ грудямъ подступаетъ, удавиться мнѣ впору.

— Отложи... и своей смертью, Богъ дастъ, помрешь, аквы жизни глотни—и отпуститъ. Сразу, братъ, курица, и та пить не прекращаетъ.

И разбавляетъ о. Паисій чистѣйшій спиртъ водой, даетъ выпить о. Демьяну, а чтобы духу не было слышно, оставляетъ на отдыхъ до завтра—проспись!

Ушелъ спать Демьянъ, остались Паисій и Гурій одни. Паисій копался надъ чѣмъ-то, въ своемъ медицинскомъ шкафу, спиной къ Гурію, а тотъ шагнулъ вдругъ къ нему, отъ волненія блѣдный и дрожа весь сказалъ:—Гдѣ у васъ правда здѣсь, гдѣ? Лучшіе монахи: одинъ развратникъ, другой пьяницамъ потатчикъ...

— Ой, щенокъ,—качнулъ головою Паисій,—глупъ, а кусавый. Ты что видалъ отъ Павлина? Темной души своей просвѣтленье. Добро его проглотилъ, а на грѣхъ пальцемъ тычешь? Не твое это дѣло, да и ничье. Кто судить Павлина берется, сложи стихъ столь дивно, сколь онъ ихъ слагалъ, или образъ Богоматери скорбный измысли, что безъ сокрушенія взирать невозможно...

— Зачѣмъ допустилъ себя?

— За-чѣмъ?—передразнилъ гнѣвно Паисій,—а ну-ка кровь его буйную, замѣсто своего лимонада въ жилы влей, тогда и спрашивай! А лучше попомни, что до часа, пока Павлинъ бѣсомъ не уязвляется, сравнится-ли кто съ нимъ по высокому ладу души, по паренію мысли? И меня моимъ пьяницей не кори: кому на горѣ стоять, охранять свои ризы бѣлыя, а кому къ пьяненькому, къ слабенькому въ грязь его прыгнуть, поприДержать, чтобы совсѣмъ, съ макушкою не увязъ. Тутъ васъ, монаховъ, тысяча человѣкъ: и дураковъ, и мерзавцевъ и ребятъ желторотыхъ, какъ твоя милость—всего въ волю; а ближнему служителей, а Богу предстателей, разъ-два—и обчелся; изъ нихъ, сколь ни слабъ въ паденіяхъ—Павлинъ заключается.

Принимаетъ умомъ-сметкою Гурій оправданіе Павлина, а своимъ чистымъ, нерасколотымъ, еще не знающимъ сердцемъ принять не можетъ; помнитъ какъ стоялъ онъ на скалѣ, темной бронзы изваяніе на золотѣ неба:

„И шестикрылый серафимъ на перепутьи мнѣ явился“...

Не грѣха, не слабости простить Гурій Павлину не можетъ,— а обмана, а совлеченнаго бѣлоснѣжнаго одѣянія.

Изъ цѣльнаго камня, тверда душа юноши, и смертельно для такой души разъ подсѣкшее ея вѣру сомнѣніе: какъ изъ прободеннаго мѣха по каплѣ уходитъ вино, такъ сомнѣніе, пробравшись къ тому, кто себѣ не умѣетъ солгать, возвращается снова и снова, какъ злой тать, пока не расхититъ послѣднихъ сокровищъ.

Вздрогнулъ Гурій, глубже намѣтилась между черныхъ бровей первая морщина, обхватилъ руками голову, и, глядя въ черную, не оживающую безъ солнца воду, вспомнилъ другое, тягчайшее опустошеніе.

Спасаясь отъ смертной тоски послѣ отъѣзда учителя, какъ утопающій хватается за плавательный кругъ, въ свободное отъ службы время, съ головой ушелъ Гурій въ рисованіе.

Неутомимыми пальцами зажметъ уголь и, устремивъ вниманіе на мучительную Лаокоонову маску, уже какъ бы не принадлежитъ себѣ; прослѣживаетъ ромбической формы пятно, съ скорбной вздернутой бровью и въ прозрачныхъ тѣняхъ закатившійся зракъ—и вотъ добился: удачное достиженіе, а съ нимъ трепетъ, восторгъ, великое напряженіе силъ и знакомая спутница взлета—умиленное размягченіе духа.

Боже мой! Да вѣдь это-жъ то самое, что онъ извѣдалъ на полунощномъ бдѣніи, въ келейной молитвѣ, въ своей пламенной дѣтской вѣрѣ. Значитъ что же? Не въ молитвѣ вовсе и дѣло, а въ особенномъ устремленіи, въ собранномъ духѣ, въ сгущенной жизни всего существа?

И у одного это дѣло молитвы, у другого искусства, у третьяго?

— У третьяго, можетъ быть и грѣха.

Къ кому пойти Гурію, кто пуды съ него сниметъ?

Есть одинъ въ обители, есть истинный сердцевѣдъ и помощникъ—Иларіонъ старецъ. Взять что-ли лодку, поплыть къ нему по тихимъ водамъ на дальній островокъ?

Благословилъ о. Иларіона игуменъ на пустынное жительство, и ушелъ себѣ въ облюбованное мѣсто легонькій старецъ, волоса бѣлый пухъ. Съ собой взялъ Евангеліе, да поклажи необходимѣйшій свертокъ. День деньской о. Иларіонъ въ черной работѣ: то дрова колетъ, топитъ печи, рогожи плететъ, огородъ лопатой воздѣлываетъ, а чуть смеркнется, не разъ видѣли мимо плывущіе монахи, на всю ночь становится старецъ въ „умной" молитвѣ на высокой скалѣ надъ водой, гдѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, однимъ корнемъ-пяткой, чуть держатся за обрывъ кудрявыя ёлочки.

Знаетъ Гурій: возносится душа старца въ умной молитвѣ въ безпредѣльное чистое небо, а въ сердце его, какъ волны въ одиноко стоящій маякъ среди бурнаго моря, ударяется чужая злоба и боль, и грѣхи.

Говорятъ про о. Иларіона монахи:—„прибѣгни къ нему хотя мыслью и то облегченье получишь!" А если кто маловѣръ, изъ мірскихъ, словамъ такимъ не повѣритъ, суетой своей уединенье старца прерветъ, на островокъ его вступитъ, съ какимъ бы грѣхомъ ни пришелъ, одинаково отвѣтствуетъ старецъ: подыметъ старыя благословляющія руки, вмигъ тяготу сыметъ, прошепчетъ:—„нѣтъ грѣха твоего, дитятко, нѣтъ страховъ, родненькій, одинъ страхъ Господенъ, одинъ Праздникъ Праздниковъ—святая Пасха, Христосъ Воскресъ!"

Нѣтъ, не пойдетъ къ свѣтлому старцу Гурій, и въ мысляхъ даже не призоветъ его въ помощь, хотя вѣритъ, что есть такая сила у человѣка другому помочь и что этой силы старецъ сподобился.

Обманулъ первый учитель, и не принять больше сердцемъ учителя—человѣка. Можетъ, прельщенъ Гурій злѣйшимъ изъ бѣсовъ, бѣсомъ тонкой гордыни, а можетъ и то: кому свою правду добыть суждено, тотъ ни, у кого брать не можетъ, тотъ самъ и добудетъ.

III.

Претерпѣлъ кое-какъ Гурій лѣто, плавая служкой на пароходѣ, замотался бѣгать по лѣстницамъ съ кофеемъ да пирожками, до тошноты наглядѣлся богомольцевъ и такъ усталъ, что кажется и души нѣтъ, вся тутъ въ побѣгушкахъ истратилась.

Окончился монастырскій сезонъ, облетѣли деревья и бѣлымъ снѣгомъ укрылась обитель; пушистыя лиственницы, не поспѣвъ стрясти рыжихъ иглъ на опавшіе листья, лѣниво добрасывали ихъ на снѣжную пелену.

Монахи, еще сытые міромъ, встрѣчали радостью эти первые, безлюдные мѣсяцы. Отцы плотники, маляры и слесари работали надъ ремонтомъ гостинницы завернувъ къ поясу подрясники, и, когда не видать было старшихъ, пѣли вольныя пѣсни. На службы церковныя послушники ходили по собственному добровольному наряду, поочередно, умѣючи, распредѣлялись по клиросамъ, чтобы игумну не казалось пусто въ церкви; оставшіеся по кельямъ ловко прятались подъ кровать, загораживаясь отъ своего старца сундучкомъ, гдѣ по обычаю хранятся вещи и бѣлье; шаритъ полузрячій старецъ деревяннымъ посохомъ, а настороживщійся послушникъ выдвигаетъ безшумно предъ собою защиту.

Выждавъ, когда монахи соберутся въ церкви, удираютъ послушники въ конюшню, гуськомъ другъ за дружкою строются подъ отдушиной: первый скручиваетъ длинную цыгарку, затянется и даетъ ближнему, тотъ сосѣду, и такъ до конца и обратно, пока пальцевъ себѣ не ожгутъ.

Расчихался какъ-то отъ дыма одинъ злющій меринъ, сталъ бить копытомъ да фыркать, прибѣжалъ на шумъ о. Іона, лихой добровольный дозорщикъ, насплетничалъ о. игумну; на цѣлый мѣсяцъ наказалъ игуменъ курильщиковъ бить во время трапезы поклоны предъ тѣмъ самымъ образомъ, который столь дивно измыслилъ Павлинъ, что Гурію бывало глазъ не поднять къ умиленному лику, чтобы на людяхъ не блеснула слеза.

Чавкаютъ монахи щи со снѣткомъ, гнусавитъ протяжно о. Нимфадоръ житіе св. Калинника, спотыкается на городахъ и трудныхъ словахъ, припадаетъ къ распухшей книгѣ, словно бодаетъ ее клобу-

комъ; то и дѣло падаютъ на колѣни предъ иконой наказанные послушники, здоровые бородатые парни, стукаютъ лбомъ о деревянныя половицы; идутъ тягучія монастырскія будни, наматывается черный клубокъ. Долгія службы то на верху, въ свѣтлой церковкѣ, то внизу, въ темной, разукрашенной позолотой, гдѣ, вышитый золотомъ на малиновомъ бархатѣ угодникъ, прикрываетъ свои же, еще не открытыя мощи.

На послушаніе Гурія опять поставили, по мнѣнію братіи, на легчайшее, а ему наигоршее—къ буфету: у всякаго на виду, на юру, въ суетѣ; къ тому жъ на бѣду, по первопутку сталъ опять богомолецъ наклевываться, да самый плохой, богатый бездѣльникъ, тотъ, что смертнаго часа трепещетъ. Кого сюда путнаго понесетъ зимой щей хлебать — у всѣхъ свое дѣло-занятіе.

Гурій за черной доской дежуритъ, куда богомольцы ключи отъ номеровъ своихъ вѣшаютъ, то тому подай, то другому; а тутъ еще старухи въ шелкомъ крытыхъ салопахъ, въ буфетную приплетаются, съ о. гостинникомъ объ адскихъ мукахъ, о загробныхъ наслажденіяхъ шепчутся. И не хочешь, самъ лѣзетъ въ уши вздоръ; и съ воли и монастырскій; про Павлина монахи всю подноготную расписали: не первый, дескать, случай съ Петенькой, а привычное дѣло, имена называли...

Полонъ Гурій унынія и совершеннаго изнеможенія духа, ощущаетъ себя какъ бы безводнымъ облакомъ, гонимымъ вѣтромъ куда и зачѣмъ — невѣдомо.

Тщетно предлагаетъ ему крѣпкая память горячія предупрежденія св. Іоанна Кассіана „отбивать остна всепожирающей печали“, которая, если получитъ возможность обладать нашимъ сердцемъ, то пресѣкаетъ въ немъ и созерцаніе и дѣланіе, и разслабляетъ до погибели весь перстный составъ, и глубокое знаніе Лѣствичника, и ободряющія напоминанія Ефрема Сирина — опустѣли былые мѣха, ушло питавшее душу вино...

Какъ послѣдній оплотъ въ великой скорби унынія, раскрываетъ Гурій любимую свою книгу Миней-Четьи; на закладкѣ сами собой распадаются листы и жадно пытается онъ, какъ бывало, пріобщиться житію своего излюбленнаго подвижника, перваго столпника Симеона...

Еще юношей, въ строгомъ монастырѣ, гдѣ братія вкушала пищу единожды въ день, подвижникъ вкушаетъ всего разъ въ недѣлю, обвиваетъ вокругъ тѣла жестокое пальмовое вервіе, пока оно не вопьется ему до костей, не загноятся раны, не закишатъ червями, и испуганная братія не донесетъ о семъ игумну.

Дабы не смущать немощныхъ, гонимый жаждой духа своего все дальше, покидаетъ Симеонъ монастырь, живетъ вмѣстѣ съ гадами,

въ безводномъ колодцѣ; извлеченный оттуда насильственно, подымается на безплодную гору, цѣпью приковываетъ себя къ скалѣ, дабы по слабости не сойти долу, наконецъ слагаетъ столпъ высокій и всходитъ на многая лѣта, палимый зноемъ, омываемый дождями, претерпѣвая и гладъ и мученія.

Кому изъ мірскихъ безуменъ святой, а Гурію и правъ и святъ, ибо постигалъ Гурій, какъ учатъ старцы, что всѣ эти, какъ бы жестокія и ненужныя самоистязанія, для избраннаго духа не что иное, какъ путь къ совершенной свободѣ, къ торжеству надъ перстью земной, и самое главное—къ стократному умноженію силъ своихъ добро творить, людямъ свѣтить, Богу предстоять, достичь предѣла и верха блаженствъ „боговселенія", по истинному слову тайновѣдца св. Антонія Великаго.

И какимъ несказаннымъ трепетомъ исходила бывало душа, когда доходилъ въ чтеніи своемъ до страницы, гдѣ завершались ступени личнаго восхожденія святаго, и далеко окрестъ уже дѣйственной живой силой и совершеннымъ вѣдѣніемъ пылалъ его духъ; до конца познавшій свое сердце познаетъ безъ словъ и другого — всѣ люди!

И притекали къ столпнику ученики, бѣсноватые и блудницы, и зловреднѣйшій изъ разбойниковъ нѣкій Іонафанъ, и всѣмъ, какъ владыка, разрѣшалъ старецъ узы невѣдѣнія и грѣха и болѣзни...

— Есть-ли власть большая, есть-ли мѣсто царственнѣй? — Кривятся губы Гурія нехорошей усмѣшкой, когда сейчасъ, безъ прежняго уже пламени, одной хладной памятью перебираетъ минувшее; да не вернуть головой того, что ушло изъ сердца.

— Когда вѣровалъ, о соблазнахъ власти не раздумывалъ, не дозволялъ сатанинскимъ проискамъ подрывать честь подвижника, не смятеннымъ умомъ принималъ: столь густой броней окутали землю грѣхи людей, ихъ злоба и похоть, что не пробиться сквозь эту толщу самой Божіей благодати, не упасть сѣменамъ животворящимъ: глухъ, слѣпъ, непріемлемъ міръ. И какъ въ дальнія времена, потребны и нынѣ добровольные очищенные сосуды для пріятія драгоцѣннаго міра Господня, нѣкіе живые проводники, посредствующіе звенья между небомъ и озвѣрѣвшей глухою землей.

И молилъ бывало Гурій напролетъ долгой ночью, чтобы впустилъ его святой Столпникъ къ себѣ за ограду, коей окруженъ былъ нѣкогда видимо всѣмъ мірскимъ недвижный его столпъ высокій, и за которую, только по долгомъ и тяжкомъ искусѣ впускались обрекшіе себя служить міру.

Что же, бывало вѣдь, бывало,—къ разсвѣту впадалъ Гурій какъ бы въ особенный тонкій сонъ, и зрѣлъ онъ себя вознесеннымъ на каменный столпъ у израненныхъ ногъ подвижника, лобызалъ его ветхую

благословляющую руку, и зналъ надолго, по разрѣшающимъ уныніе сердечнымъ слезамъ, по великому ликованію, что услышаны зовы его, и сораспятъ онъ Господу, и пріобщенъ онъ къ ищущимъ скорби за всѣхъ людей и стенающихъ тварей.

О, сколь ничтожны, легко отметаемы, безъ соблазна, чудились грубыя страсти плотскихъ бѣдныхъ людей, предъ этимъ огнемъ поядающимъ, передъ жаркимъ взлетомъ духовнаго дѣланія.

Да, такъ бывало, а нынѣ?

Мечется Гурій въ мысляхъ-соблазнахъ, что бѣлка въ колесѣ: полно, вѣра-ли то была? Не разсчетъ-ли тончайшій, подсказанный духомъ лжи, ибо—гдѣ же есть мѣсто царственнѣй, гдѣ есть власть большая? Можно-ль умнѣе придумать, чтобы ничто земное не смогло расточить гордую цѣлостность духа?

Пусть лично и святъ великій подвижникъ, путь-то его—не единый, а для иного и не истинный путь...

— Кому на горѣ стоять, міру свѣтить, ризы бѣлыя охранять, а кому въ грязь-то, къ грязненькому, чтобы съ макушкой совсѣмъ не увязъ!

Какъ ни защищается отъ словъ Паисія, благого лекаря, Гурій, знаетъ онъ, что горячія это слова и въ нихъ правда. Какъ вспомнитъ— заяснѣется на душѣ, тепломъ ее всю обдастъ, словно сразу накормитъ. Ничего и воображать себѣ не надо, ни молиться, ни духъ свой настраивать, слова эти сами, одной своей силой въ плѣнъ берутъ.

Ну, въ плѣнъ Гурій ни къ кому не пойдетъ, изъ желторотыхъ выскочилъ, чужихъ знаній, чужой вѣры не приметъ; но и пути своего не видать, и ледяной пустоты своей долго не вынести...

А въ трапезной, своимъ чередомъ наказанные послушники все еще бьютъ поклоны. Не боится больше Гурій взглянуть на образъ Богоматери, не умиляетъ его скорбная Матерь печали: Павлиновы руки образъ писали.

Какъ-то послѣ трапезы, одинъ изъ наказанныхъ послушниковъ, веселый хохолъ, приступая къ своимъ простывшимъ щамъ вымолвилъ:

— Ще битый часъ отъ поклоновъ колѣни ноютъ...

— А все Іона-фискалъ...

— О, щобъ бісовъ китъ заново слопалъ того Іону, якъ першаго, тілько во вѣки бъ не отрыгнулъ...

Пока братія давилась смѣхомъ, подкрѣпляла, кто чѣмъ, затѣю хохла, Гурій благословился выйти изъ трапезной; прошелъ было въ келью, да воздуху въ груди не хватило, не дошелъ, опустился на деревянную скамью въ корридорѣ.

Шелъ мимо о. Паисій, взглянулъ на Гурія, рядомъ присѣлъ; помолчалъ, потомъ рукой плечо его тронулъ:

— Невесело, друже? ну чтожъ, потерпи... бобъ турецкій видалъ? Здòровъ онъ проростать-то! Такъ все нутро себѣ и разворотитъ, чтобы два листика какихъ на свѣтъ Божій выпустить; чего-жъ ради намъ-то иной законъ? Всѣ какъ есть по бобовому...

— Складно придумано,—усмѣхнулся Гурій,—ну а что, если разворотишь себя попусту да не проростешь? Не лучше-ль, какъ хохолъ Илья говоритъ: сиди себѣ, да не рыпайся...

О. Паисій всталъ и склонясь къ Гурію строго, почти гнѣвно сказалъ:—Такого случая еще, друже, не было, чтобы кто до конца себя разворотилъ да не проросъ, и быть такого не можетъ — ибо законъ. Только, братъ, не жалѣй себя, гони до послѣдняго, до смертнаго часа! Вотъ, коли живый для людей, а самъ трупъ, и надежду на воскресенье утратишь и Лазаревъ срокъ не пикнувъ пропустишь — анъ гляди, и пойдутъ листики...

Еще разъ тронулъ Паисій рукой плечо Гурія, толкнулъ иль погладилъ, и побѣжалъ по своимъ дѣламъ.

А Гурій поднялся и твердымъ шагомъ прошелъ къ игумну. Чтобы избѣжать долгихъ увѣщаній да разспросовъ, просто испросилъ у старца благословенія отбыть въ городъ на зиму, въ рисовальную школу.

Просьба была не удивительная: изъ монастыря было въ обычаѣ отправлять одного-двухъ монаховъ совершенствоваться въ рисованіи, а Гурій стоялъ на хорошемъ счету въ иконописной. Игуменъ былъ въ отличномъ расположеніи духа, отпустилъ Гурія легко:—Вотъ съ о. Іоной и отправляйся, онъ двухъ жеребятъ въ Савватіевскій монастырь повезетъ; учись, милый, учись, церкви наши украсишь, а то, прости Господи, все отцы богомазы пошли, у нихъ что Никола угодникъ, что Варвара великомученица — все одна примусія, въ бородѣ только и разницы.

Игуменъ благословилъ Гурія и далъ въ подставленную для поцѣлуя горсточку свою отекшую желтую руку.

Поѣхали въ снѣжную пургу: снѣгу—что сахару намело и еще подбавляетъ, конца нѣтъ.

О. Іона, суровый монахъ, указалъ кнутовищемъ Гурію мѣсто позади связанныхъ жеребятъ, стеганулъ сытыхъ лошадокъ, поѣхали... Зудилъ всю дорогу, чуялъ сѣдой дозорщикъ, что въ монастырь назадъ Гурію не дорога; зудилъ, растравлялся безмолвіемъ послушника, гдѣ-то въ старомъ сердцѣ глухо завидовалъ его юности и свободѣ; вдругъ не стерпѣлъ, ровно ненарокомъ вытряхнулъ въ сугробъ Гурія; назадъ не пустилъ, крикнулъ:—Кони упыхались, на волю хочешь, самъ дорогу найдешь!

Взмахнулъ кнутомъ, уѣхалъ старый, шепча скупыми губами молитву.

Что взять съ него? По вѣрѣ дѣлалъ: зналъ твердо, что самый послѣдній монахъ, оттого только, что постриженъ, въ рай попасть можетъ, а мірской, будь хоть брилліантовый, въ аду изжарится. За монаха, если грѣшенъ, братія замолитъ, а за мірского кому молиться? По своимъ же дѣламъ всѣ разбойники, всѣмъ та же геенна.

Уѣхалъ о. Іона, остался Гурій одинъ. Первыя версты даже радостно: вольно дышать среди бѣлоснѣжнаго океана, а какъ пошло мести, черезъ часъ-другой—и не стало вдругъ силы окостенѣвшему тѣлу идти противъ бѣлой стѣны, пропадать видно тутъ, среди мертвыхъ полей, ровно псу безхозяйному...

Осѣлъ Гурій на сугробъ, глубоко ушелъ въ снѣгъ валенками, не отряхиваетъ со спины, съ рукавовъ бѣлыхъ мягкихъ хлопьевъ; клонитъ ко сну его, кружатся мысли, что снѣжинки, вотъ слабѣютъ, выцвѣли, стаяли—нѣтъ больше мыслей.

Ничего нѣтъ: снѣгъ впереди, снѣгъ кругомъ, въ отвѣтъ тоскѣ предсмертной, далеко въ лѣсу, одинъ заяцъ, какъ дитя больное плачетъ, низменный звѣрь, лисица, его съ заду терзаетъ, скорой смерти ему не даетъ.

Нечѣмъ удержать себя Гурію, нечѣмъ отстоять свое особое мѣсто на землѣ, свой единственный, данный Богомъ и принятый обликъ.

Принятый-ли?

Въ самое ухо баюкаетъ чей-то шепотъ: откажись, заглуши, вернись въ Безликую... о, сколь блаженно забыть, сколь отрадно, вдругъ смирившись, безвозвратно не быть, вернуть солнцу душу, а тѣломъ пойти на питанье простыхъ, нужныхъ злаковъ и травъ, и не знать, и не думать, не чувствовать, не имѣть муки выбора, ни бременъ свободы, ни самаго имени—Человѣкъ...

Съ закрытыми вѣками, въ снѣговой шапкѣ, чуть качается въ дремѣ Гурій, еще таютъ снѣжинки на посинѣвшемъ лицѣ, а дышетъ, а живъ-ли?

Едва-едва бьется ни съ чѣмъ на землѣ не связанное, пустое сердце—смерть идетъ.

Не плачетъ въ лѣсу заяцъ,—прикончила съ нимъ лиса.

И вдругъ—словно-бъ молнія заогнила глухой тяжкій мракъ и ярко увидѣлось освѣщенное:

— Ну что-жъ—окно кельи Паисія, добраго лекаря, на окнѣ цвѣтокъ лиловый—Пассифлора по латыни зовется, цвѣтокъ страстей Господа. Большой цвѣтоводъ Паисій, между прочими и этотъ у него, лиловый. Помнится объяснялъ какъ-то; всѣ тутъ орудія пытки Христовой: пестикъ—крестообразенъ, пыльники—гвозди, вѣнчикъ—вѣнецъ терновый.

О. Іларіонъ, съ подъятой благословляющей рукой, и мірской человѣкъ какой-то, въ очкахъ.

Блестятъ стекла очковъ мірского человѣка, глазъ подъ ними не разобрать, и говоритъ онъ о. Иларіону, ухмыляясь себѣ въ бороду:
—Какія же это у васъ доказательства тому, что Онъ Сынъ Божій, да и что вообще такія слова означать могутъ?

Встрепенулся о. Иларіонъ:—А ты, милый, не ищи вовсе, что слова значутъ, и не вѣруй ты, когда вѣры нѣтъ, Ему ни-че-гошеньки отъ тебя не нужно—это Онъ тебѣ нужный! Мы съ тобой мертвенькіе, хоть на ногахъ, одинъ Онъ живый, съ головы до пяточекъ. Пробьетъ часъ, хладъ духовный подступитъ, возопи: Самъ Живый, не дай смертію помереть! Придетъ, милый, тепломъ обойметъ, угрѣетъ... а ты себѣ вѣрь-не-вѣрь, позови!

— Пожалѣй, верни душу, страшно мертвому умереть!

Сказалъ Гурій. Глаза открылъ. Смотритъ—человѣкъ къ нему по сугробамъ бѣжитъ, старичокъ легонькій, въ ряскѣ путается, вотъ плашмя шлепнулся, обронилъ что-то, подымать повернулся—анъ на спинѣ тузъ бубновый; каторжникъ бѣглый тотъ старичокъ, или такъ нарядился?

Вотъ подбѣжалъ близко, глазами моргаетъ, слезятся глаза, отъ мороза, или правда слезинки бѣгутъ—старые глаза, а какъ у младенца, голубые. На головѣ шапки нѣтъ, волоса—бѣлый пухъ, развиваются... Господи, отецъ Иларіонъ!

Гнѣвъ схватилъ Гурія, смерть забылъ, огнемъ взялась кровь, пришелъ старецъ непрошенный.

— Не звалъ я!

Опять обронилъ старецъ что-то, согнулся, розовой лысиной засвѣтилъ, подаетъ Гурію въ скрюченныхъ пальцахъ цвѣтокъ лиловый:

— Хоть меня и не звалъ, Живого позвалъ, прими Христа ради вотъ... самъ себѣ, дитятко, выкликнулъ, меньшаго не хотѣлъ.

Лиловый цвѣтокъ въ рукѣ у Гурія, а старца ужъ нѣтъ; подобралъ старецъ ряску, по дальнимъ сугробамъ легко бѣжитъ, тузъ бубновый—точечка на спинѣ.

А. Терекъ.

1916 г.

А. АВРААМОВЪ.

Въ дебряхъ эстетики.

(Интуиція или эрудиція?)

Если спроектировать бытіе вселенной на плоскость, удобную для человѣческаго разсмотрѣнія,—пути живыхъ міровъ нанесутся на нее въ видѣ сѣти загадочныхъ линій, о направленіи и формѣ которыхъ въ настоящее время врядъ-ли смогутъ судить и „höhere Bildung" и „allerhöchste Scharfsichtigkeit"—безразлично. Нѣкая точка означитъ начало солнечной системы; гдѣ-то на пути ея движенія отмѣтятся послѣдовательно моменты: зарожденія земли, возникновенія жизни на ней, появленія человѣка; отсюда протянется въ будущее проекція исторіи человѣчества—единственная, о которой мы кое-что знаемъ... для небольшого отрѣзка ея мы можемъ во временныхъ координатахъ составить частное уравненіе, установить нѣкоторыя постоянныя его свойства, попытаться утвердить ихъ единство на всемъ протяженіи линіи—быть-можетъ даже рискнуть распространить наши выводы и на другія линіи, буде ихъ подобіе въ той-же проекціи представится намъ несомнѣннымъ и достовѣрно-значимымъ.

Отрѣзокъ, данный намъ фиксированною исторіей столь невеликъ, что лишь постулируя вѣру въ непреложность законовъ нашего мышленія, мы можемъ на подобныя обобщенія рѣшиться,—но вѣдь безъ такой вѣры и всѣ наши знанія тщетны: геометръ изъ сомнѣвающихся былъ-бы осужденъ на измѣреніе милліардовъ радіусовъ, одного и того-же круга, чтобы принять ихъ равенство, на безконечное продолженіе вѣтвей параболы, чтобы установить ихъ симметрію... скепсисъ столь безнадежный къ счастью крайне рѣдко наблюдается,—насъ не пугаетъ, не останавливаетъ ни положительная безконечность—будущее, ни отрицательная—прошлое, теряющіяся въ туманныхъ даляхъ недосягаемости. Съ одинаковымъ рвеніемъ погружаемся мы

въ глубь отошедшихъ вѣковъ и тьму грядущихъ—въ исканіи истины: мы вѣримъ: она тамъ, въ той никогда недостигаемой точкѣ, гдѣ встрѣчаются обѣ безконечности, замыкая великій кругъ бытія міра.

Ретроспективный анализъ, вскрывая первоистоки земной жизни, шагъ за шагомъ завоевываетъ область, въ которой донынѣ царилъ безраздѣльно миѳъ: очищая наше міровоззрѣніе отъ полусгнившихъ (въ лучшемъ случаѣ—порядкомъ износившихся) вѣрованій, онъ даетъ твердую опору истинному жизнепознанію, открываетъ новые пути истинной интуиціи, все глубже проникающимъ въ завѣтные тайники бытія.

Въ авангардѣ человѣчества побѣдно шествуетъ Синтезъ, срывая одинъ за другимъ покровы съ тайнъ грядущаго, сдергивая попутно философскія маски съ праздныхъ измышленій прорицателей-астрологовъ и воздавая дань уваженія истиннымъ пророкамъ—интуитамъ, изрѣдка встрѣчающихся ему въ запредѣльностяхъ жизни.

Такъ идетъ упорная кропотливая работа на обоихъ полюсахъ, медленно, но неизмѣнно подвигающая человѣка къ завѣтной цѣли...

Увы, нетерпѣливъ двуногій: слишкомъ коротка его сага! Умереть, завѣщавъ потомкамъ ту-же муравьиную долю, не вкусивъ плодовъ самоотверженнаго труда своего? Нѣтъ, это слишкомъ. Пусть нелогично, самообманно, но завершеннымъ узрѣть упорно-несмыкающійся кругъ—его исконная мечта. Довременно-исчерпывающій синтезъ—вотъ подлинная религія человѣчества. Взобраться на высочайшую изъ завоеванныхъ вершинъ и охвативъ единымъ взглядомъ убѣгающія въ безпредѣльность дали, властнымъ порывомъ вдохновенія прорвать запретные покровы—задача, достойная величайшаго генія, цѣль—воистину-высокаго искусства.

Пусть возразятъ мнѣ вооруженные знаніемъ первоистоковъ, что историческая религія, историческое искусство возникли на иной почвѣ, что цѣли само и міропознанія не были рѣшающимъ импульсомъ творчества: на то есть вѣское возраженіе. Если-бы даже и такъ,—какое мнѣ, современному человѣку дѣло до всего этого? Если воздухоплаваніе служитъ въ нашу эру цѣлямъ взаимоистребленія, ужели не въ правѣ мой потомокъ, дать ему иное, болѣе осмысленное и гуманное употребленіе? Если исторически-законнорожденныя религія и искусство влачатъ въ наши дни существованіе, ужели такъ тому и быть до скончанія вѣка?

Историческій ретроспективизмъ на другомъ полюсѣ познанія: его роль — въ перво-истокахъ, на аванпостахъ-же человѣчества онъ не годится въ руководители и указчики. Къ тому-же: всѣ религіи оставили намъ свои попытки міросинтеза, а геніальное, пережившее

вѣка искусство неизмѣнно взрастало на религіозной почвѣ—факты общеизвѣстные.

Въ поступательномъ движеніи человѣчества—отъ исходной точки къ безконечной, неизмѣнно дѣйствуетъ сила самоопредѣленія: своимъ постояннымъ присутствіемъ она обусловливаетъ и форму, и направленіе линіи, и опредѣляетъ скорость поступательнаго движенія, всюду внося свой плюсъ или минусъ въ прямолинейность и равномѣрность стихійной инерціи, присущей міровому процессу въ его цѣломъ.

Мы не знаемъ эпохи, которая не имѣла-бы своей науки, своихъ религіи и искусства—феноменовъ, которые суть реальныя проявленія этой неизмѣнной силы; пусть они были нѣкогда примитивны, недифференцированы—но они были во всѣ времена и идеальною своею сущностью служили самоопредѣленію человѣка, выясненію его роли въ міровомъ процессѣ. Они нераздѣлимы: въ раздѣльномъ бытіи становятся враждебными, утративъ свою единую природу, свою единую цѣль... такъ отталкиваются одноименно-наэлектризованныя частицы матеріи, утратившія молекулярную связь съ цѣлымъ.

Художественная и религіозная косность человѣчества, вражда религіи и искусства съ наукою—несомнѣнные симптомы разложенія единой силы, отсталости и реакціонности двухъ первыхъ ея элементовъ. Религіозный кризисъ современности очевиденъ, художественный назрѣваетъ. Всѣ попытки предотвратить тотъ и другой—только жалки и жалки потому, что базируются на невѣжествѣ, а не на истинной интуиціи. Долго-ли устоишь въ наши дни на такомъ базисѣ? Не думаю: слишкомъ глубоко проникаетъ жизнь критицизмъ мышленія, слишкомъ требователенъ сталъ человѣкъ въ многовѣковыхъ поискахъ смысла своего существованія. Чтобы идти впереди (интуиціи только сіе и подобаетъ), нужно быть во всеоружіи, не то и самъ будешь плестись кое-какъ, да и другимъ, словно кандалами, свяжешь ноги...

Сумма человѣческаго знанія въ любой историческій моментъ—конечна. Запросы человѣческаго самоопредѣленія—всегда безграничны Безконечность мѣрами конечными—не исчерпать.

Слѣдовательно: всегда существуетъ граница за которою геніальной, вѣрующей въ истину своихъ прозрѣній интуиціи открытъ безграничный просторъ, область, вполнѣ недоступная критикѣ. Но это „за“ и является рѣшающимъ: интуиція должна начинаться лишь тамъ, гдѣ эрудиціи данного эпохой положенъ временный предѣлъ, отнюдь не ранѣе,—въ иномъ случаѣ это не интуиція, а попросту невѣжество, и все зданіе, возведенное на таковомъ фундаментѣ развалится отъ самаго легкаго прикосновенія критической эрудиціи.

И искусство, и религія нашихъ дней невѣжественны для своего времени. Въ силу своей кастовой косности они не хотятъ, да и не могутъ, выбраться изъ создавшагося тупика: здѣсь и разгадка утраты ихъ былой власти надъ душою человѣка. Религія откровенно уходитъ въ некультурные низы, искусство не менѣе откровенно переселяется изъ храма въ будуаръ, кафе-шантаны, на улицу... такъ будетъ, доколѣ дѣятели ихъ не сбросятъ съ себя лакейской ливреи, усвоенной за вѣка вражды съ культурными аванпостами человѣчества и не пойдутъ рука объ руку съ недавними врагами.

Черезъ эрудицію—къ интуиціи,—такова единственно-возможная формула всякаго истиннаго—художественнаго или религіознаго—миѳотворчества.

* * *

Въ дальнѣйшемъ мы не будемъ касаться религіи,—она далеко выходитъ за предѣлы дебрей эстетики. Воплощеніе религіознаго миѳотворчества—лишь одна грань искусства, съ моей точки зрѣнія—совершеннѣйшая, другому можетъ казаться иначе: ниже я и попытаюсь доказать, что такъ-называемое содержаніе искусства—внѣ всякой связи съ его формой, тоже „такъ-называемою", ибо по существу въ искусствѣ только форма и есть. И понятіе интуиціи въ этой области придется весьма и весьма обузить.

Міръ внѣ бытія разума есть хаосъ,—хаосъ формъ, какъ силъ, разрушающихъ и созидающихъ формы, хаосъ безграничный и безнадежный. Побѣда надъ нимъ возможна лишь въ бытіи разума. Макрокосмическій Разумъ, Божество, какъ бы отъ вѣка познавшее Лапласовскую формулу міра и потому надѣленное всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ—идея несомнѣнно религіозно-антропоморфическая, ибо въ микрокосмѣ разумъ человѣка рѣшаетъ ту-же проблему диффеpенціаціи и познанія хаоса въ доступныхъ ему микрокосмическихъ предѣлахъ.

Разложеніе формальнаго хаоса человѣческимъ разумомъ и есть первоисточникъ искусства.

Вѣчно-живыя плотью, но мертвыя духомъ стихіи творить не могутъ: оглушительный ревъ и грохотъ водоворота, падающій количественно до журчанія и шелеста въ лѣсномъ ручейкѣ, но въ существѣ своемъ неизмѣнно-хаотичный—такова ихъ извѣстная quasi-симфонія. Лишь человѣку, осознавшему свое индивидуальное бытіе, вставшему надъ стихіей, дано управлять ею: огонь, воздухъ, вода—все въ его рукахъ поетъ гимнъ освобожденія отъ власти хаоса... такъ рождается музыка, не такъ-же ли всѣ искусства?

Понятіе красоты, неразрывно связанное съ понятіемъ самого искусства, не вмѣщаетъ-ли идею формальной закономѣрности? Про-

никновеніе въ тайны закономѣрностей—не величайшее-ли изъ наслажденій, доступныхъ духу человѣка? Я утверждаю, что эстетическое созерцаніе и связанное съ нимъ наслажденіе того-же порядка и качественно не разнится отъ наслажденія математика, созерцающаго стройную цѣпь формулъ, установляющихъ бытіе нѣкоего закона. Между таковымъ математикомъ и художникомъ, созерцающимъ произведеніе архитектуры не большая дистанція, чѣмъ между послѣднимъ и музыкантомъ, внимающимъ Баховской фугѣ. Каждый изъ нихъ лишь внимаетъ своему языку, издавна знакомому и потому болѣе понятному: заставить ихъ обмѣняться объектами восхищенія—значило-бы лишить ихъ существенной доли наслажденія, и, думается,— музыкантъ, вниманію коего была-бы предложена міровая формула Лапласа былъ-бы не болѣе огорченъ, чѣмъ архитекторъ— фугой Баха.

Скажу просто: линія, звукъ, краски, объемныя формы, всѣ матеріалы, изъ которыхъ искусство строитъ свои великолѣпныя зданія— сутъ лишь различные алфавиты, не болѣе; когда хаосъ разложенъ достаточно глубоко, когда найдены законы, ими управляющіе, они могутъ стать для человѣка-художника языкомъ, на которомъ онъ сумѣетъ передавать болѣе тонкія движенія духа, недоступныя варварскому языку условныхъ звукосочетаній, разъ навсегда связанныхъ съ опредѣленными „понятіями“: таковой годенъ для цѣлей общежитейскихъ, для „прозы жизни“. Все, что возвышается надъ этимъ уровнемъ, ищетъ другого языка, другой формы выраженія, себя достойной: одинъ мыслитель находитъ ее въ алгебраическихъ знакахъ, другой въ звукахъ, третій въ линіи и краскѣ etc... и настаиваю— „мыслитель“, ибо не мыслителю одинаково нечего дѣлать и съ первыми, и со вторыми, и съ третьими: вѣдь извѣстно, что идіотъ, скажемъ, можетъ лишь мычать... и обычный „прозаическій“ языкъ ему вполнѣ безполезенъ.

Выводъ, подтверждающій мое первое положеніе уже напрашивается самъ собою: если то или иное искусство есть лишь своеобразный языкъ, доступный специфически-одареннымъ физіологически лицамъ—не отпадетъ-ли роковая дилемма формы и содержанія. На любомъ языкѣ можно говорить все, что вздумается — лишь-бы владѣть имъ въ совершенствѣ. О единоцѣлесообразности въ области искусства не можетъ-быть и рѣчи, какъ не можетъ быть рѣчи о ней всюду, гдѣ на лицо средство и цѣль — не „сочиненность“, но „подчиненность“.

Всякій художникъ, каково-бы ни было его эстетическое credo, долженъ быть прежде всего законченнымъ maestro, — необходимость, но недостаточность таковаго условія для „геніальности“ творчества—

какъ нельзя болѣе ярко подтверждаетъ мою основную мысль: искусство можетъ служить чему угодно, можетъ наконецъ — если это ему угодно — ничему не служить, отъ этого оно не перестанетъ быть искусствомъ, какъ таковымъ.

Такая постановка вопроса развязываетъ всѣмъ руки: утверждая примать религіозно-миѳотворческаго искусства надъ всякимъ инымъ, даже отрицая (не бытіе, а—) смыслъ этого иного, я чувствую неоспоримое право на это — право свободнаго избранія цѣли, предоставляя всякому художнику избрать себѣ какую-угодно иную цѣль. Спорамъ здѣсь нѣтъ и не можетъ быть мѣста.

Искусство — чистая форма, свободный языкъ духа художника. Какъ ребенокъ безъ труда, исподволь усваиваетъ языкъ своихъ предковъ, такъ и художникъ — часто тоже съ дѣтства — находитъ свой родной языкъ и постепенно, шагъ за шагомъ, овладѣваетъ средствами его спеціальной выразительности.

Заманчивая аналогія, оставаясь на почвѣ которой можно сдѣлать безчисленное множество болѣе или менѣе серьезныхъ промаховъ... Остановимся во-время.

Нашъ житейскій языкъ обладаетъ одною особенностью, о возможности присутствія коей въ другихъ языкахъ искусства можно помыслить лишь съ чувствомъ подлиннаго ужаса: нѣкогда, въ началѣ среднихъ вѣковъ, западная церковь допускала полу-сценическое, полу-ритуальное дѣйство въ храмѣ на темы изъ жизни библейскихъ пророковъ, Христа, апостоловъ etc. Эта первобытная мистерія не владѣя еще разработанными средствами музыкальнаго выраженія, пользовалась для характеристики дѣйствующихъ лицъ такимъ своеобразнымъ пріемомъ: Іисусъ, скажемъ, произносилъ свои речитативы на звукѣ ля, Іуда Искаріотскій на до, большою секстою ниже, Іоаннъ—на верхнемъ теноровомъ ми etc, etc... такимъ образомъ, закрывши глаза и даже ни слова не понимая по латыни, можно было-бы по камертону опредѣлить—кто изъ персонажей произноситъ свою очередную реплику...

Развивая послѣдовательно сію плодотворную идею, столь рабски послѣдовавшую примѣру условнаго житейскаго языка, можно было-бы дойти до Геркулесовыхъ Столповъ художественнаго варварства... Къ счастію такой символизмъ широко не привился, если не признать нѣчто отъ него въ ортодоксальномъ вагнеріанствѣ, съ его развитою системою лейтъ-мотивовъ и пр.

Ввиду указанной особенности общежитейскаго языка, искусства, имѣющія съ нимъ дѣло, всѣми возможными и невозможными способами стремятся разрушить его окостенѣлую, мертвую форму: тяга къ ритму и прочимъ нарушеніямъ синтаксической правильности рѣчи;

исканіе путей словотворчества, злоупотребленіе внутренними рифмами, аллитераціями etc, наконецъ полное разрушеніе языка „футуристами“—все это обильныя жертвы искупленія, ибо со свойствами своего матеріала художникъ слова обязанъ считаться.

Но творецъ, имѣющій дѣло съ свободнымъ звукомъ, несимволизованными—линіей, формой, краской... внутри себя долженъ найти онъ законы ихъ выразительности. Разрушать ему нечего—но какъ созидать? Не будутъ-ли безнадежно-субъективны найденные имъ законы и нормы? Поймутъ-ли его языкъ слушатели, зрители? Какъ обойтись безъ грубо-аллегорическихъ ярлыковъ и этикетокъ?

* * *

Есть два пути: подвергнуть матеріалы строго-научному анализу, найти наиболѣе объективныя, общезначимыя свойства его, вскрыть въ немъ закономѣрности, подчиненныя общечеловѣческой логикѣ мышленія, примѣнить ихъ въ творческой дѣятельности и тогда смѣло (постулируя лишь единство породы съ остальнымъ человѣчествомъ) можно идти впередъ, будучи увѣреннымъ, что тебя поймутъ.

Таковой путь вполнѣ возможенъ въ наши дни, когда наука оставила далеко за собою наивныя откровенія жрецовъ искусства. Не то было прежде.

Архаическое искусство, не имѣя въ рукахъ научнаго компаса, принуждено было быть антропо и зооморфическимъ, чтобы разсчитывать на признаніе и пониманіе: музыка, въ области коей первые объективные законы были найдены въ незапамятныя времена, почитались древними философскими школами за науку—такъ далеки были люди отъ мысли внести эрудицію въ сферу искусства!

Но вотъ что меня останавливаетъ и поражаетъ: вѣдь изобразительныя искусства, какъ то свидѣтельствуютъ и сами названія ихъ—до сей поры пребываютъ въ стадіи первобытныхъ -морфизмовъ. Философія искусства сегодняшняго дня (если не считать за таковой зарю нарождающагося футуризма)—въ лицѣ, напримѣръ, Бродера Христіансена—утверждаетъ, что высшее достиженіе живописи—портретъ; стилизованныя головы животныхъ до сегодня украшаютъ архитектурные фронтоны, вѣнчики цвѣтовъ донынѣ „вѣнчаютъ“ собою массивныя колонны... даже наиболѣе современная изъ всѣхъ графика, и та не сдѣлала ни одного рѣшительнаго шага отъ... „до“ Іуды Искаріотскаго.

Въ чемъ дѣло?

А вотъ въ чемъ: что можетъ быть легче,—придать нѣкоей линіи выразительность, заставивъ ее изображать простертыя къ небу съ мольбою человѣческія руки? Что можетъ быть проще,—вылѣпить

изъ глины чувственно-прекрасную женскую фигуру и... выдать выразительность ея позы за подлинный *языкъ формы*? Или заставить насъ любоваться гармоніей красокъ... пейзажа, — насъ, городскихъ жителей, всю жизнь лишенныхъ элементарнаго клочка яснаго голубого неба? А какъ легко сдѣлать „выразительною“ самую ничтожную мелодійку, подписавъ подъ нею: „Ахъ, истомилась, устала...“ etc., etc., etc!..

Въ положительной формѣ мой отвѣтъ будетъ таковъ: дѣло въ томъ, что Selbstvergötterung художниковъ давно уже достигло границъ патологической маніи величія; свой даръ интуиціи они считаютъ единственнымъ средствомъ міропознанія, къ наукѣ относятся съ естественнымъ, при такой точкѣ зрѣнія, высокомѣріемъ, а не менѣе ихъ невѣжественная толпа всегда готова увѣнчать лаврами и званіемъ генія-пророка любого изъ нихъ, коль скоро ему удастся „открыть новые пути“ въ его искусствѣ, хотя бы этотъ его американкоидъ давнымъ давно былъ извѣстенъ ученому міру... Сопротивленіе, якобы оказываемое новшествамъ критикою и публикою, по совѣсти говоря — чистѣйшая бутафорія: „абы реклама!“—шумъ поднятъ, „признаніе“ ждать себя не заставитъ.

Меня поразила-бы колоссальная „интуиція“ ребенка, который выдумалъ-бы (или *прозрѣлъ*, выражаясь излюбленно-эстетически) столь законченную форму, какъ эллипсъ: интуитивный путь въ данномъ случаѣ былъ-бы поистинѣ изумительнымъ; но если я покажу ему, какъ легко здѣсь обойтись безъ самомалѣйшей интуиціи— просто вбить въ землю два колышка, привязать къ нимъ веревочку подлиннѣе, натянуть ее заостренною палочкой и спокойно чертить— мы оба перестанемъ тогда изумляться... хотя полученный такимъ образомъ эллипсъ будетъ куда совершеннѣе перваго — „интуитивнаго“...

?

Утверждаютъ о Скрябинѣ, что онъ *интуиціей* дошелъ до созвучій изъ обертоновъ (до 13-го включительно) и на семъ основаніи почитаютъ его музыку пребывающей „въ астральномъ планѣ“, въ „ультрахроматической сферѣ“. Да проститъ мнѣ читатель кажущуюся дерзость: кѣмъ долженъ былъ бы себя почитать я, знающій (безъ намека на интуицію), какъ сочетать въ великолѣпныя созвучія сколь угодно высокіе обертоны, хотя-бы порядка трехзначныхъ чиселъ. Взявъ любыя два простыхъ числа, вычтя одно изъ другого, разность изъ меньшаго, новую разность изъ первой разности etc., пока не дойду до единицы, облекши въ звуки (по отношеніямъ къ колебаніямъ тоновъ) полученный такимъ образомъ рядъ, я получу консонирующій аккордъ великолѣпной звучности, долженствующій быть на-

званнымъ nec plus-ультрахроматическимъ и по справедливости — пребывать по крайней мѣрѣ „ментальномъ планѣ“.

Колоссальная „революція“, якобы произведенная въ музыкѣ Скрябинымъ—на самомъ дѣлѣ лишь робкая попытка (и та подъ вопросомъ) овеществить тысячелѣтія существующій законъ простыхъ отношеній, извѣстный уже Пиѳагору, а можетъ-быть и египетскимъ жрецамъ глубочайшей древности.

Апологеты Скрябина увѣряютъ, что умозрительнымъ путемъ тутъ ничего не подѣлаешь: лишь творческій, интуитивный взоръ, проникнувъ вь нѣдра ультрахроматизма, можетъ овладѣть его средствами,—я-же не безъ основаній, и вѣскихъ, имѣю смѣлость думать, что всякій музыкантъ, для котораго звуки вообще могутъ стать языкомъ его духа, быстро сумѣетъ оріентироваться въ какихъ угодно звуковыхъ сферахъ, лишь бы у него въ рукахъ былъ надежный компасъ, а таковымъ можетъ быть лишь эрудиція, подлинное знаніе свойствъ того матеріала, съ которымъ имѣешь дѣло.

И напрасно издѣваются иные эстетики надъ „примитивностью“ музыкально-теоретическихъ вычисленій, которыя будто-бы дальше „ариѳметики“ не идутъ: одно дѣло — ариѳметика, другое — аритмологія, да будетъ сіе извѣстно издѣвающимся. Натуральный рядъ чиселъ, играющій столь большую роль въ построеніи музыкальныхъ звукорядовъ, конечно, есть базисъ всяческихъ ариѳметическихъ дѣйствій, въ томъ числѣ и элементарныхъ, но свойства этого ряда, законъ появленія въ немъ, напримѣръ, простыхъ чиселъ, даже самый составъ ряда—не подлежатъ вѣдѣнію элементарной ариѳметики.

Число или нѣтъ—нуль? единица? Странный будто-бы вопросъ, а между тѣмъ съ IX-го по XVII-е столѣтія существовали школы, даже за единицей признававшія лишь потенціальныя свойства числа...

2 — число четное, но и простое: единственное простое изъ четныхъ, для которыхъ оно играетъ роль единицы. Неправда-ли хочется сказать, что оно не простое? Во всякомъ случаѣ какое-то особенное глубоко-гармоничное? И не въ связи-ли это съ нашими представленіями о симметріи?

И не потому-ли октава (столь абсолютное созвучіе, что можетъ быть удвоена въ гармоніи сколько-угодно разъ не нарушая единства созвучанія) такъ идеальна, что представлена акустически числомъ 2, что мы идемъ въ данномъ случаѣ по оси симметріи?

И не правда-ли „ариѳметика“ въ такихъ построеніяхъ не причемъ?

А вотъ гдѣ подлинная, да еще предурного тона „ариѳметика“, квинтсекстаккордъ, дуодецима, и прочій классификаторскій

арсеналъ современныхъ музыкальныхъ теоретиковъ; всѣ эти отсчеты интерваловъ отъ баса, не считаясь съ подлинною величиной интервала, ведущіе къ фатальной путаницѣ въ эстетической оцѣнкѣ средствъ музыкальнаго выраженія. Нужно обладать завидною вѣрой въ непогрѣшимость такой ариѳметики, чтобы запрещать параллелизмы двухъ квинтъ, изъ коихъ одна — $\frac{2}{3}$, а другая — $\frac{45}{64}$; или не различать столь характерно отличныхъ другъ отъ друга септимъ, какъ $\frac{9}{16}$, $\frac{5}{9}$ и $\frac{4}{7}$; чтобы квалифицировать, какъ консонирующій — секстаккордъ мажорнаго трезвучія, чтобы не дѣлать различія въ правилахъ обращенія съ мажорнымъ и минорнымъ трезвучіями и т. д., и т. д...

Если иной читатель, по незнакомству съ музыкой, не пойметъ меня — могу его утѣшить: съ такимъ-же недоумѣніемъ эту страницу будетъ читать девять-десятыхъ современной музыкальной профессуры...

Когда авторъ, въ бытность свою въ одной изъ высшихъ музыкальныхъ школъ Россіи, пытался вбить эти элементарныя истины въ голову своему профессору, тотъ только разводилъ руками и съ искреннимъ недоумѣніемъ восклицалъ: „Въ первый разъ слышу! Да откуда вы это взяли?“ — „Ужъ не начитались-ли вы „акустики“ какой-нибудь?“ — догадался наконецъ профессоръ, и эта „какая-нибудь акустика“ звучала такъ иронически въ устахъ генерала-отъ-музыки, что мнѣ его было искренне жаль... Вы думаете такой профессоръ—исключеніе? Да ничего подобнаго: изъ-за своей акустической настойчивости мнѣ пришлось однажды предстать передъ профессурою in corpore въ директорскомъ кабинетѣ... и что-же? Переводчикомъ между мною и остальными оказался лишь историкъ музыки, но и его мнѣ никакъ не удавалось убѣдить, напримѣръ, въ томъ, что трезвучіе второй ступени мажора фактически не существуетъ въ предѣлахъ этого лада и появленіе его должно знаменовать либо модуляцію, либо введеніе въ гармонію неладоваго (такъ-называемаго натуральнаго) нонаккорда (6 : 7 : 9); въ первомъ случаѣ одинъ звукъ, во второмъ — два въ ступени лада не укладываются: „Ничего не понимаю!“—удивлялся уже историкъ: „нонаккордъ — доминантовой группы, вторая ступень — субдоминантовой... чепуха какая-то!“ — На томъ наши споры и окончились. Все это, скажете вы, — гнилой академизмъ, но чѣмъ лучше наипередовые модернисты, строющіе аккорды по квартамъ и незадумываясь употребляющіе увеличенную кварту (32 : 45) рядомъ съ чистыми (3 : 4), какъ нѣчто однозначущее?

Какъ-то на страницахъ „The Musical Times“ я наткнулся на двѣ статьи едва-ли не подрядъ, весьма обстоятельно трактовавшія тему объ отсталости музыкальной теоріи отъ практики современнаго искус-

ства: подобныя статьи теперь не рѣдкость на страницахъ спеціальныхъ журналовъ. Точка зрѣнія ихъ авторовъ, очевидно такова: интуиція (формальная) значительно опередила эрудицію въ сферѣ даннаго искусства... Странно: лица, стоящія на такой точкѣ зрѣнія, по своему глубоко правы, ибо современная „теорія" искусствъ дѣйствительно идетъ позади ихъ практики, — но именно здѣсь-то и вскрывается вся бездна эстетическаго невѣжества: если вдуматься въ то потрясающее обстоятельство, что сѣтуя на отсталость своихъ теорій и чая отъ ихъ прогресса какихъ-то откровеній, не замѣчаютъ того, что сами „практически" плетутся гдѣ-то въ хвостѣ культуры — становится просто-таки страшно. То, что музыкальные теоретики считаютъ сейчасъ послѣднимъ словомъ эрудиціи, восходитъ ни болѣе, ни менѣе какъ къ эпохѣ... Александра Македонскаго! Современникъ великаго завоевателя, философъ Аристоксенъ изъ Тарента, въ борьбѣ своей съ канониками-пиѳагорейцами, опирался на тѣ-же истины, которыя столь охотно въ неизмѣнномъ видѣ принимаются современными теоретиками. Для своего времени Аристоксенъ былъ великъ — несомнѣнно... но если-бы возможно было устроить диспутъ: Аристоксенъ противъ Гельмгольца, боюсь—сильно ушибся-бы древній философъ о такого противника; а вспомнить, что дали полвѣка послѣ Гельмгольца, учесть тотъ форсированный темпъ, коимъ идетъ современная наука—анахронизмъ формъ искусства представится вопіющимъ!

Научный анализъ въ наше время такъ глубоко внѣдрился въ тайны формальныхъ закономѣрностей, что игнорировать его и ощупью пробираться въ этой области, опираясь на одну „интуицію" — нѣчто самоубійственное до крайности, до послѣднихъ предѣловъ...

Живописью, ваяніемъ и зодчествомъ исчерпывается наличность зрительно-художественныхъ наслажденій современнаго человѣка. „Орнаментика" (каковъ терминъ?) до сихъ поръ не получила самостоятельнаго значенія и проституируетъ у каждаго изъ „признанныхъ" по очереди... А между тѣмъ изъ нея именно, при должной эрудиціи художниковъ, могло-бы вырости новое искусство, адекватное чистой музыкѣ — искусство линій, формъ и красокъ, какъ таковыхъ: сверкающій красочный потокъ, заключенный въ причудливо-извивающееся русло фантастически-сплетающихся линій, — развѣ не была-бы это подлинная музыка для глаза? Правда — музыка статическая, — но вѣдь и всѣ зрительныя искусства роковымъ образомъ искусства статическія, застывшія, и всѣ попытки расплавить ихъ должны неизмѣнно кончаться неудачей, ибо человѣческій глазъ ограниченъ

въ эстетическомъ воспріятіи движенія. Разсматривая калейдоскопъ мы наслаждаемся смѣной ряда неподвижныхъ узоровъ. Стоитъ лишь привести рукоять въ непрерывное вращеніе, чтобы не увидѣть ничего кромѣ утомительнаго мельканія, — поэтому всѣ затѣи съ балетомъ и чистой пластикой въ итогѣ ничего не привнесутъ въ сокровищницу искусства, тѣмъ болѣе, что живой человѣкъ — плохой матеріалъ для художественнаго „творчества", будучи разъ навсегда вылѣпленъ отъ природы...

Но вотъ вопросъ: что-же останется отъ „изобразительныхъ" искусствъ, если художники перестанутъ изображать, а станутъ творить? Не лишатся-ли они вдругъ самыхъ глубокихъ средствъ выразительности? Я возражу: развѣ даже „азы" формальныхъ закономѣрностей въ ихъ отвлеченно-геометрическомъ видѣ совсѣмъ лишены выразительности? Не глубочайшіе-ли символы—спираль, прямая, шаръ, пирамида? Кто склоненъ у этого предѣла до конца отрицать эстетическій элементъ, тому я напомню радугу, многажды воспѣтую поэтами, и, увы!—до сихъ поръ недосягаемую для живописцевъ... а вѣдь радуга—лишь элементарнѣйшее проявленіе спектральной гармоніи, не болѣе...

А симметрія вообще, — въ частности, въ антропоморфическомъ искусствѣ, — правильность чертъ лица, линій тѣла?

И развѣ ассимметричность — лозунгъ новаго искусства — не есть лишь углубленіе симметріи?

И классическая музыкальная форма не на симметріи-ли частей во времени была построена? И всякія уклоненія отъ нея не назывались-ли расширеніями и уменьшеніями... чего? — правильныхъ симметрическихъ построеній?..

Кстати: въ подобныхъ уклоненіяхъ хотятъ видѣть основной критерій художественной оцѣнки... На нашемъ языкѣ это значило-бы признать до конца разложенный хаосъ—объектомъ науки, а не искусства... въ концѣ концовъ, дѣло здѣсь лишь въ зыбкости иныхъ терминовъ. Можно было-бы предложить и такую терминологію: подъ искусствомъ понимать лишь то, что обычно называютъ содержаніемъ искусства, художникомъ называть человѣка имѣющаго (и умѣющаго) сказать нѣчто на языкѣ звуковъ, линій etc.; самое-же форму, языкъ художника, этимологію и синтаксисъ этого языка назвать—ну, хотя-бы эстетической морфологіей. Что это дѣйствительно наука яркимъ доказательствомъ служатъ многіе и многіе посвященные въ глубочайшіе тайны закономѣрностей формы, и не имѣющіе ничего сказать на ея языкѣ; эта категорія лицъ имѣетъ столь опредѣленную физіономію, что никакихъ сомнѣній въ своей непринадлежности къ искусству вызывать не можетъ.

Итакъ: то, что обычно принимаютъ за интуицію въ области формы—есть уже фактическое творчество изъ ея элементовъ; поскольку оно базируется на глубокой эрудиціи въ той-же области — это цѣнно, но если творецъ, руководясь лишь азами, эмпирическимъ путемъ идетъ къ завоеванію, кто можетъ поручиться, что весь пройденный имъ путь не всуе пройденъ? И какую цѣнность можетъ имѣть эмпирическое, случайное „открытіе" въ данной области?

Если бы нужно было начертать планъ будущей истинной „Академіи Художествъ", я представилъ-бы его въ такомъ приблизительно видѣ:

I. Полное физико-математическое образованіе для всѣхъ будущихъ „свободныхъ художниковъ" съ детальнымъ прохожденіемъ курса по данному отдѣлу: акустики — для музыкантовъ, оптики — для живописцевъ etc.

II. Полный курсъ научной философіи, доведенный до послѣдней буквы современнаго знанія, съ детальнымъ изученіемъ иныхъ отдѣловъ психо-физіологіи и соціологіи, имѣющихъ прямое отношеніе къ той или другой художественной спеціальности.

III. Исторія религіознаго и художественнаго миѳотворчества въ связи съ общей исторіей культуры.

IV. Художественная спеціальность и техника даннаго искусства.

Лишь человѣкъ, прошедшій такую школу, при достаточной талантливости, сознавалъ-бы право публично выступать со своими откровеніями; квалифицировать самое эту талантливость—школѣ не было-бы никакой надобности: ее квалифицировала-бы сама жизнь, та аудиторія передъ которою выступалъ-бы художникъ. Въ случаѣ художественнаго краха его творчества, онъ могъ-бы при своей колоссальной эрудиціи стать полезнымъ работникомъ въ области систематизаціи и подведенія итоговъ наканунѣ истекшимъ десятилѣтіямъ научной, художественной и религіозной жизни общества, либо—по прохожденіи дополнительнаго техническаго курса—заняться усовершенствованіемъ средствъ и орудій того или другого искусства...

Утопія? Ну, конечно: лучшіе годы, молодость, когда творческія силы максимальны, уйдутъ на „сухое" образованіе и т. д., и т. д...

А что, если зрѣлый художникъ современности, оглянувшись на эти „лучшіе годы" отречется отъ тѣхъ прозрѣній, которыя принадлежали этому періоду? Это—не трагедія? И такъ не бываетъ?

Многіе, попавшіе уже въ исторію, катастрофическіе переломы въ творчествѣ художника, которые обычно ставятъ подъ знакъ вопроса

его искренность, ибо (наиболѣе типично) бываютъ рѣзкими срывами въ модернизмъ, — объясняются на самомъ дѣлѣ очень просто: творецъ сдѣлалъ какое-то новое завоеваніе въ области эрудиціи, усложнилъ или упростилъ схему своего творчества за счетъ этого пріобрѣтенія — и все тутъ: въ дальнѣйшемъ онъ будетъ столь-же искрененъ (или неискрененъ) какъ и раньше... но ложный стыдъ заставляетъ его маскировать истинный смыслъ этого пріобрѣтенія, и выдать его чуть-ли не за „откровеніе свыше". О именахъ — умолчимъ: de mortuis nil, nisi bene, а живые пусть наединѣ съ собственною совѣстью рѣшаютъ этотъ щекотливый вопросъ, — вѣдь все равно на публичную исповѣдь ихъ не вызовешь...

Что такія катастрофы нежелательны — объ этомъ никто не станетъ спорить, а что онѣ не неизбѣжны, это можно доказать: путь полной освѣдомленности — не въ примѣръ интуитивному — подчиненъ законамъ эволюціи и на жизнь человѣческую съ избыткомъ хватитъ его устойчивости и прямолинейности; что-же касается момента вѣчности — не пожелаемъ ничему быть вѣчнымъ: скучная это исторія и печальная; художникъ долженъ творить для современниковъ — избранныхъ или не избранныхъ — это дѣло его соціально-моральныхъ воззрѣній и отчасти... размѣровъ и глубины его таланта, — но если уклоняться сознательно отъ суда современности, лучше тогда совсѣмъ не творить.

„Футуризмъ" — гибельный терминъ: нѣкогда всякій футуризмъ станетъ классицизмомъ — неизбѣжно, но лучше быть искреннимъ и сознательнымъ модернистомъ, ибо кто можетъ поручиться за то, что будущія поколѣнія не усвоятъ болѣе совершеннаго языка, и футуристъ, никогда не побывавъ въ модернистахъ, сразу угодитъ въ категорію историческаго атавизма...

І. С. Бахъ — одинъ изъ величайшихъ воистину-футуристовъ своего вѣка, являетъ собою примѣръ печальной участи всякаго футуризма вообще: несмотря на недосягаемые (даже для насъ) размѣры его генія, творчество его въ наше время можно принять лишь съ значительными формальными оговорками... Отсюда весь тотъ яростный вандализмъ (и безцеремонный притомъ-же), жертвою котораго становится на нашихъ глазахъ великій художникъ. Оправдать вандаловъ — невозможно, но понять ихъ нетрудно: сколь-бы ни мнилъ себя художникъ стоящимъ выше современности, онъ все-же плоть отъ плоти ея, и будущія поколѣнія если и оцѣнятъ его геній, то во всякомъ случаѣ перерастутъ его и эмоціально, и технически: прѣсный привкусъ „историческаго" будетъ вѣчнымъ для нихъ искушеніемъ подправить вывѣтрившіяся вкусовыя ощущенія острымъ перцемъ модернизма.

Но и современный художникъ—я понимаю подъ таковымъ у б ѣ ж д е н н а г о м о д е р н и с т а —долженъ удовлетворять многочисленнымъ и высокимъ требованіямъ, чтобы блестяще выполнить свою миссію передъ современниками: прежде всего онъ долженъ быть недосягаемъ для критическаго анализа современной ему эрудиціи, а для этого онъ долженъ разъ навсегда перенести понятіе интуиціи изъ области средствъ своего искусства въ область его цѣлей, ибо лишь тамъ его прозрѣнія цѣнны для человѣчества...

1916 г.

Арсеній Авраамовъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

Жезлъ Аарона.

(О словѣ въ поэзіи).

Смыслъ въ здравомъ смыслѣ.

Нѣкогда всѣ слова были значимы; то есть: были со смысломъ; реализмъ слова въ смыслѣ; смыслъ же слова не связанъ съ предметностью; смыслъ—„предметъ", не ощущаемый пальцами, не имѣющій цвѣта и не имѣющій звука, безвкусный; онъ—предметъ sui generis.

Обыденное взятіе нами звука слова „предметъ" есть двусмыслица; ассоціируемъ мы его съ матеріальнымъ предметомъ; матеріальный предметъ есть сложеніе въ насъ воспринимаемыхъ качествъ; это намъ становится яснымъ позднѣе; преобразуется въ насъ самый взглядъ на предметность; предметъ есть единство многоразличія качествъ; воспріятіе наше его предваряетъ; онъ есть „самъ въ себѣ": онъ для насъ—„предметъ въ насъ"; въ воспріятіи онъ дается сліяннымъ съ играющимъ моремъ чувствъ, по существу безпредметнымъ; связь предмета и чувства не подвержима сомнѣнію; содержаніе чувствъ расплавляетъ предметности; аллегорія „предметъ чувства" не выражаетъ собою поэтому содержанія; предметъ мысли и чувства въ сознаніи противостоитъ обычному представленію о предметахъ, употребленіе звука слова „предметъ" по отношенію къ синтезу чувствъ по существу внѣпредметно; образъ мыслей и чувствъ въ насъ течетъ, проявляя себя, какъ движеніе жизни сознанія; существо этой жизни кипѣнье игры; образованіе сознательной жизни вполнѣ уловимы, какъ ритмы кипѣнія.

Порожденія ритмовъ суть смыслы.

Смыслъ—„предметъ" sui generis; смыслъ—предметъ безпредметный; недоразумѣнія коренятся въ неправильномъ приложеніи

звука слова „предметъ" къ областямъ, внѣлежащимъ предметному міру: и они намъ туманятъ реальное представленіе о существѣ познаванья и мысли. Многіе промахи философіи не возникли бы вовсе, если-бъ звуку слова „предметъ" во-время отвели бы мы должное мѣсто.

Слово, взятое безотносительно къ смыслу, есть слово пустое, если даже ему соотвѣтствуетъ матеріальный предметъ. Есть такія слова: очень часто они покрываютъ собой группу терминовъ; и уже этимъ самымъ теряютъ они первоначальные, конкретные контуры.

Эти слова не суть термины; но они утеряли уже индивидуальный свой смыслъ; группу терминовъ покрываютъ они обыкновенно случайно; отъ чеканной ясности логики всѣ такія слова далеки; всѣ такія слова далеки отъ первичной миѳической свѣжести живого, народнаго слова.

Термины—философскія риѳмы; терминологія—поэзія логики; терминологи суть поэты; очень многіе пишутъ прозою; не желая поэзіи философіи, не желаютъ они и поэзіи собственно; называютъ они философское творчество особаго рода болѣзнью; и они же не вѣрятъ тому, что первичная поэзія слова пульсируетъ смыслами молодого, живого сознанія, о которомъ забыли они, или котораго не достигли.

Обыденная философія отскочила въ „паническомъ" ужасѣ отъ метафоры; и потомъ на метафору наложила узду аллегоріи; а поэзія пошлаго слова проявляетъ „паническій" ужасъ передъ критическимъ смысломъ, отрѣзая отъ смысла себя провозглашеньемъ себя, какъ „нутра".

Наша рѣчь потеряла свой смыслъ; quasi ясное слово полно химерическимъ содержаніемъ; это пляска тѣней, завлекающихъ въ эфемерный свой міръ, въ неживую механику звуковыхъ повтореній, очень позднихъ и нарочито составленныхъ; тѣло и слово здѣсь умерли; еле дышутъ одни окончанія—„с т ь" или—„и з м ъ",—окончанія, намекающія на какія то блѣдныя иллюзіи смысла.

Логики нашему здравомыслію нѣтъ: въ немъ нѣтъ „логики собственно". Наша рѣчь, противополагающая себя „неосмысленной" поэтической рѣчи, для поэзіи—нищенка; „нищенка" горделиво сбросила съ себя свои ризы, ставъ л о г и ч е с к и неосмысленной рѣчью, а п о э т и ч е с к и безсмысленной вовсе; „здравый смыслъ" нашей рѣчи—абсурдъ для поэзіи; и—невнятица въ логикѣ; логикѣ современныхъ философовъ просто нечего дѣлать съ понятіями, въ которыхъ течетъ наша жизнь; мы говоримъ: реал-и з м ъ, мистиц-и з м ъ, религіозно-с т ь, логично-с т ь и при помощи э с ъ—т э—е р ъ превращаемъ конкретное слово въ абстракцію; всѣ абстракціи—вытяжки изъ звучащихъ и красочныхъ словъ; удовлетворяютъ, быть можетъ, онѣ элементарнѣйшимъ разсу-

жденіямъ объ общихъ и частныхъ понятіяхъ; приставляя абстрактныя окончанья къ словамъ, подмѣняемъ мы логику очень смутнымъ процессомъ произнесенія мнѣній; мышленіе при помощи такихъ словъ— суррогатно, разъ теченію словъ не соотвѣтствуетъ теченіе смысла.

Произнося звуки словъ, мы вызываемъ ассоціацію, обращенную къ памяти о какихъ либо господствующихъ философскихъ или научныхъ тенденціяхъ; напримѣръ: „эволюція“ всплываетъ въ сознаніи нашемъ, какъ дана она Спенсеромъ; но по мнѣнію одного изъ философовъ „эволюція“ Спенсера—выраженіе порочнаго круга; то есть: она отрицаетъ себя.

Все это насъ не заботитъ: произнесенъ звукъ слова мысли,— мы его считаемъ за мысль.

Подмѣняя именемъ мысли индивидуально текущую мысль, предполагаемъ мы въ собесѣдникѣ одинаковый смутный процессъ вызыванія гдѣ-то усвоенной мысли; если бы разобрать, что встаетъ въ насъ при этомъ, какъ смыслъ, мы поймали-бъ въ себѣ повтореніе популярнаго мнѣнія; наша бѣдная блѣдная мысль произноситъ звукъ слова, не мысля.

Мышленіе нашихъ дней—въ именованіи, въ произнесеніи абстрактнаго и некритичнаго слова; оно для насъ догматъ; а туманный процессъ усвоенія словъ есть отдача какому нутряному процессу: сваренія пищи; отправленіе физіологическихъ функцій—не мысль; возведеніе этого процесса до мысли—залитіе мозга желудочнымъ сокомъ: „нутро“; совершается насилье надъ мыслью въ абсолютизмѣ „нутра“, бронированномъ какимъ либо случайно услышаннымъ догматомъ; догматы въ насъ растутъ, какъ грибы, вытѣсняя изъ мозга ритмъ подлинно мысли и обращая его въ ассоціативную отрыжку сознанія; динамизмъ мысли падаетъ; мысль впадаетъ въ сонливое состояніе: она не мыслитъ, а варитъ; результатъ сваренія—отбросъ: предметность понятія (въ динамизмѣ мыслительной жизни оно— безпредметно); таковое понятіе—гетерономно всегда; оно — „для чего либо“; „что либо“—матеріальное условіе жизни.

Такъ рождается здравый смыслъ.

Слово.

Слово-терминъ и слово-образъ по существу въ насъ не живы; поэтическій и критическій смыслы раздавлены предметнымъ понятіемъ. Наша рѣчь напоминаетъ сухія, трескучія жерди; отломанныя отъ древа поэзіи, превратились онѣ въ палочные удары сентенцій;

наше слово есть жезлъ, не процвѣтшій цвѣтами; оно было мудрою и живою змѣей; но змѣя умерла.

Смыслъ народнаго слова—внутри звука корня; нѣкогда принималъ этотъ смыслъ многообразіе очертаній и жестовъ въ мн гообразіи внутреннихъ своихъ измѣненій: въ перебѣгѣ приставокъ и окончаній; въ абстракціи, возлежащей на словѣ, не явленъ онъ: онъ—внутри.

Абстракціи покрываютъ корою жизнь слова.

Превращеніе „змѣи" въ сухой жезлъ есть итогъ надруганій разсудочныхъ сатировъ надъ дріадами слова; изъ подъ короста отложеній порою бьетъ снова наружу живой, былой смыслъ; мертвый смыслъ отпадаетъ каркасомъ отъ остро ожившаго слова, язвящаго жаломъ своихъ звуковыхъ сочетаній, глубоко осмысленныхъ для себя и поражающихъ „здравый смыслъ"; звуки слова сбиваютъ наросты абстракціи съ корня; возстаніе къ жизни словеснаго корня подъ каменнымъ гробомъ абстракцій начинается нынѣ уже; но еще въ голомъ бунтѣ корней нѣтъ конкретно-разумнаго смысла.

Отношеніе звука къ абстракціи — отношенія луны и земли: и луна, и земля суть разломы единаго тѣла; и есть земность луны; но привыкли мы видѣть луну ослѣпительной ночью; и безлуненъ для насъ небосводъ надъ дневною землею (днемъ луна—невидимка; или днемъ она—блѣдная).

Смыслъ и корень—луна и земля; умираніе корневого значенія связано съ твердененіемъ мысли, съ приближеніемъ къ предмету понятія; наоборотъ: закричи на насъ корень,—абстракція, какъ кора, отстаетъ. Намъ кричанія корня—ударъ томагавка, сѣкущаго терминъ въ агломераты звучащихъ беззначностей.

Смыслъ не связанъ ни съ корнемъ, ни съ терминомъ: по отношенію къ солнцу луна и земля (смыслъ абстрактный и корень)—расщепы словеснаго органа; блескъ луны и земли—въ блескѣ солнца; и угасни намъ солнце, угаснетъ земля вмѣстѣ съ днемъ; и угаснетъ луна: ослѣпительный, видимый блескъ нашей логики и цвѣтущія звучности слова—два луча солнца смысла; и понятья, и звуки—не смыслъ; въ нихъ—его излученія.

Проростаніе короста словъ мудрой змѣйностью корня суть цвѣтенія жерди-жезла: слово-жезлъ, слово-терминъ, какъ жезлъ Аарона, исходитъ цвѣтами значеній; трезвость логики, не теряя лучей, наливается соками жизни, чтобъ стать древомъ жизни.

Слово-мудрость бѣжитъ по исторіи въ олицетвореніяхъ растительной жизни (проповѣдь подъ смоковницей Будды, проклятіе засохшей смоковницы).

Слово мудрость—въ смоковницѣ сочной: въ смоковницѣ жизни.

Попытаемся пережить первобытнаго человѣка; пребываніе его—въ безымянныхъ мірахъ, въ безымяностяхъ состояній сознаній; безымянное устрашаетъ; отсутствуетъ смыслъ; пробуждаясь во внѣ, онъ внѣ-смысленно утопаетъ въ предметахъ; у него нѣтъ критерія противопоставить предметамъ себя; переживаніе предметовъ, какъ органовъ тѣла, ощущеніе міра огромностью тѣла, ощущеніе себя этимъ тѣломъ—состоянья сознанія этого, если можетъ быть названъ сознаніемъ бредъ бытія; переживаніе идіота подобно описанному.

Пробуждаясь внутри себя—внутрь себя, человѣкъ ощущаетъ провалъ въ безпредметностяхъ внутреннихъ ритмовъ, какъ въ пульсацію органовъ; внутри пульсовъ имѣетъ онъ смутное представленье о времени; состояніе сознанія въ немъ—не человѣческое, а какъ бы червиное. Мы его утеряли; оно въ насъ живетъ за порогомъ.

Пересѣченіе двухъ этихъ бредовъ въ одно, есть первичный генезисъ сознанія въ нашемъ смыслѣ, какъ смутное чувство безсмыслицы; это чувство есть „смыслъ“; онъ—трагедія столкновенія двухъ чудовищъ: тутъ рождается „я есмь я“ въ бредѣ боя безсмыслицъ; „и з в н ѣ“, „и з н у т р и“ переживаютъ всѣ ужасы, ненормальность сжатія міра „внутри“ до комочка, давимаго громадной природой; слетаетъ съ души безотчетно.

— Какъ „сюда“ я попалъ?

Въ бредѣ боя безсмыслицъ—прётъ міръ „и з н у т р и“, заливаетъ „и з в н ѣ“, отчего внутренности переживаютъ безмѣрное расширеніе; ощущенія снимаются съ мѣста; кожная поверхность уносится внутрь пульсацій; переживается тѣлесный составъ, какъ безмѣрность внѣ тѣла бушующихъ щупальцевъ: убѣжала дѣйствительность! Все „извнѣ“, внѣ „внутри“ есть ничто: человѣкъ—внѣ дѣйствительности.

Соединеніе въ одно двухъ безсмыслицъ—рождаетъ паническій ужасъ; безумѣя отъ ужаса, человѣкъ переступаетъ былые предѣлы, создавая иныя: рождается крикъ, (запечатлѣніе міра чувствъ въ въ мірѣ внѣшнемъ); крикъ есть заговоръ; крикъ есть творчество изъ отчаянья и рожденье рѣшимости: одолѣть что бы ни было.

Здѣсь—рожденіе слова и смысла. Слово смысла равно смыслу слова; смыслъ здѣсь дѣйствененъ, жестикуляціоненъ, мимиченъ; жестикуляція крикомъ слова есть творчество выносимаго бытія надъ невыносимымъ, томящимъ: сознаніе необходимости крика слова, какъ смысла,—есть творчество; сознаніе необходимости крика слова, какъ смысла—рожденіе сознанія въ нашемъ смыслѣ; и оно—въ борьбѣ съ ч е р в е м ъ времени (состояніемъ сознанья „внутри“) и съ шаромъ

пространства (ничего внутри—все во внѣ!); этотъ шаръ становится послѣ „яйцомъ“, изъ котораго вылѣзъ орѳическій змѣй, Протагонъ.

Переживаются звуки грома; они устрашаютъ.

Воспроизведеніе звука природы гортанью—начало познанія; здѣсь звукъ слова есть щитъ; здѣсь онъ — толкъ; здѣсь онъ — островъ надъ безтолочью.

Въ звукахъ слова „г“, „р“ (слова гр-омъ), иль „d“, „r“ (слова Donner) есть извѣстное проницанье природы гремящаго звука: въ приспособленьи гортани, въ умѣніи управлять языкомъ струей воздуха и т. д., въ умѣніи слагать слово—начало науки; душа овладѣваетъ тѣлесностью: ее заговариваетъ.

Звуки словъ—заговоръ.

Корни словъ—результаты творческихъ упражненій въ искусствѣ познанія; они—магія; корни словъ суть умѣніе выражать нутромъ духа стихіи при помощи звука; „философія тождества“ природы и духа (позднѣйшая философія Шеллинга)—безсознательная предпосылка сознанія примитивнаго человѣка; она—его вѣра; этой вѣрѣ обязаны мы самому словесному бытію; философское отверженіе этой вѣры (напримѣръ, сознаніемъ Канта) привело къ разрушенію вѣры въ слово: отсутствіе вѣры разрушило слово.

Корень—творческій образъ, соединяющій двѣ стихіи (природы и духа) въ единую цѣлостность; цѣлостность двухъ безсмысленно данныхъ частей („в н ѣ“, „внутри“) есть дѣйствительность; дѣйствительность есть ничто внѣ познанья; познанье ничто безъ словесности; дѣйствительность есть живое слово о данномъ; данный міръ—недѣйствителенъ; опознаніе въ словѣ его есть в п е р в ы е созданье дѣйствительности.

Внутренне движенье души сочетается съ пересозданной природой въ частичную форму: въ звукъ слова; въ звукѣ слова—душа; одушевленіе даннаго міра въ творимой дѣйствительности невозможно внѣ слова; первоначальное слово есть сочетаніе творчества смысла съ познаніемъ данной внѣ-смыслицы въ бытіе sui generis; сочетаніе это отражаетъ намъ миѳъ.

Первоначальное слово миѳично.

Примитивная рѣчь продолжаетъ въ искусственной рѣчи свое бытіе: она—корни, въ насъ глухо звучащіе; мы настроили надъ корнями строенія изъ искусственныхъ смысловъ въ чудовищныхъ зданіяхъ позднихъ словъ; убѣжденіе сопровождало насъ: корни мертвы; корни живы, но—замерли: они спятъ въ летаргическомъ снѣ; пробужденіе ихъ въ словахъ отзывается въ искусственныхъ смыслахъ—подземнымъ ударомъ; смыслы рушатся, погребая въ обломочномъ мірѣ разсудокъ-гомункулъ.

Примитивное слово живетъ независимо отъ логическихъ и миѳическихъ примышленій; въ немъ—чудо духовности: соединеніе духа и плоти въ конкретность эмпирики.

Духовная эмпирика—эмпирей—существо жизни слова: оно—инспирируетъ.

Рѣчь корней—поблѣднѣла: въ насъ—позднѣйшія развѣтвленія первой рѣчи; въ боляхъ роста первичнаго слова совершается въ словѣ распадъ на двѣ новыя данности, новые виды безсмыслицъ—на эстетическій, на логическій и на магическій смыслы; образъ рѣчи—душа; имагинація, образованіе жизненныхъ образовъ (смысловъ жизни) въ распадахъ первичнаго слова,—распалась; смыслъ жизни разрушенъ; вмѣсто него отверденѣлъ міръ понятій, предметовъ; образованіе твердаго міра и стылаго смысла понятій—образованіе новой данности въ мѣстѣ павшей дѣйствительности; преодолѣніе данности и опознаніе данности (мертвыхъ терминовъ и корней)—преодолѣніе имагинаціи слова при помощи инспираціи слова.

Гдѣ путь къ инспираціи?

Слово мы застаемъ въ условіяхъ переходнаго времени, когда голосъ ломаясь, становится грубо-мужскимъ, оплотнѣвшимъ и неосиленнымъ. Поэтическая юность метафоры пробивается въ рѣчи растительностью аллегорій.

Въ метафорѣ насъ встрѣчаетъ сліянье двухъ образовъ въ третій; въ немъ нынѣ—трещина.

„Зеленокудрые лѣса“! Выраженіе это—метафора: здѣсь сравненье двухъ образовъ по общему признаку; здѣсь есть третій ихъ смыслъ, метафорическій смыслъ, создаваемый передъ нами: утверждается бытіе „кудролистія“; листья, кудри суть данности; кудролистіе—соединенье двухъ данностей: дѣйствительность собственно; существо жизни дерева—въ немъ: дерево есть дріада.

Такъ любая метафора заключаетъ потенцію миѳа.

Метафора — соединеніе образовъ. Но первыя метофоры—соединенія многоразличія звуковъ въ единство: ге, еръ звука слова громъ есть не г+р, а звукъ гр, не исчерпывающій своего содержанія въ суммѣ звуковъ; звуковое единство—не сумма; звуковое единство—произведеніе звуковъ; неразлагаемый, синтетическій смыслъ зарождается въ немъ.

Корень слова—метафора сама по себѣ; и она не нуждается въ образномъ поясненіи; корень слова—метафора всѣхъ позднѣйшихъ метафоръ, отсюда возставшихъ; и—миѳъ суммы миѳовъ, разцвѣтшихъ изъ суммы метафоръ; корень слова есть корень огромнаго, многовѣтвистаго древа значеній, покрытаго неисчислимостью листьевъ—

позднѣйшихъ движенiй динамики мысли: соединенiе природы и духа осуществило себя въ непрерывномъ дѣторожденiи; первый смыслъ (корневой) измѣряемъ по образцу и подобiю этой первой метафоры; противополагаемъ онъ и безличiю духовной стихiи, и мертвой природѣ; смыслъ—демонъ слова, соединяющiй смыслы и звуки; у поэзiи съ философiей—одна общая муза: премудрость, Софiя.

Корень слова есть первая метафора-миѳъ; въ грамматикѣ и въ эстетикѣ онъ позднѣй себя выразитъ въ принципахъ строенiя словъ, въ звуковомъ эстетизмѣ.

Въ корнѣ словъ уже есть совпаденiе содержанiя съ формою: грамматика (форма), эстетика—реальное содержанiе—разовьются позднѣе; дано ихъ единство (слово-творчество звука есть слово-законъ); непроизвольная религiя слова необходимо сопутствуетъ его зарожденiю (философiя тождества Слова и Плоти дана въ фактѣ слова); магiя сопутствуетъ слову (оно—заговоръ). Въ аналитикѣ корневыхъ элементовъ заключена позднѣйшая аналитика всѣхъ возможныхъ сужденiй; сужденiе a priori въ Кантовомъ смыслѣ есть связь двухъ понятiй въ расширенномъ содержанiи; въ корнѣ слова встрѣчаетъ насъ многообразiе звуковыхъ элементовъ въ одномъ синтетическомъ звукѣ.

Корень слова есть сочетанiе множества звуковыхъ элементовъ въ единствѣ; а возможность познанья по Канту—въ возможности покрывать категорiей многообразiе чувственныхъ элементовъ; соединенiе чувственно даннаго матерiала съ внѣчувственно-даннымъ единствомъ разсудка совершается при помощи кантовой схемы; ея корни—въ фантазiи.

Трансцендентальная схема у Канта есть парадоксъ; она—соизмѣряющее начало познанiя; двѣ половинки сужденiя — чувственная и разсудочная—соединяются при помощи схемы; схема у Канта искусственна; она—методъ изображенiя понятiя въ образахъ. Изображенiе понятiя въ образѣ или есть совершенный абсурдъ, или онъ полагается въ самой основѣ сужденiя. Кантову схему слѣдуетъ положить вовсе не тамъ, гдѣ она положена Кантомъ; схема есть предваренiе самой возможности мышленiя; она есть первичная данность, въ которой не можетъ быть еще раздѣльно данныхъ—понятiя и предмета; Кантова критика есть лишь методъ щепленiя схемы, то есть, образа на раздѣльно положенный мiръ категорiй и чувственныхъ формъ; только въ такомъ положенiи Кантова схема выноситъ опредѣленiе Канта; въ положенiи ея Кантомъ внутри аналитики она—звукъ пустой. Аналитика Канта вскрываетъ условiя возможности составить сужденiя; ученiемъ Канта о схематизмѣ понятiй должно намъ предварять самую аналитику.

Трансцендентальная схема у Канта есть образъ мысли; правильнѣе сказать: она условiе становленiя понятiй и мiра; въ ней—и

мысль въ становленіи; и—предметъ въ становленіи; въ Кантовомъ построеніи понятія и предметы суть „ставшее"; они—продукты процесса. Продуцирующее начало положено Кантомъ внутри міра продуктовъ, какъ одинъ изъ продуктовъ; неудивительно, что ученіе о схематизмѣ понятій у Канта есть тѣнь понятія на предметѣ, или тѣнь предметнаго міра въ безпредметномъ понятіи; между тѣмъ понятія и предметы суть тѣни схемы, которая въ такомъ видѣ не можетъ быть названа схемою собственно, а полнокровнѣйшимъ миѳомъ, условіемъ познаванія.

Познавательный миѳъ есть метафора; въ метафорѣ—образъ мысли; ученіе Канта о схемѣ—весьма показательно; необходимость ввести въ міръ сужденій міръ схемъ—показательна; здѣсь въ познаніе вплавлена миѳологія; познаніе начинается съ метафорическаго условія; и—кончается миѳомъ.

Корень слова—метафора всѣхъ метафоръ; и—миѳъ миѳологіи; въ этомъ смыслѣ же онъ—схема схемъ; въ корнѣ словъ міръ и мысль (міръ предметовъ, понятій) сліянны въ первичномъ единствѣ; корневое слово—начало возстанья дѣйствительности, идеально-конкурентнаго бытія, противопоставленнаго матеріи и разсудку, двумъ не сущимъ наростамъ на мірѣ и мысли.

И въ началѣ—оно: оно было у Бога.

Въ словѣ данъ намъ логическій смыслъ; данъ и смыслъ звуковой; именованіе—первое явленіе смысла; имя рекъ есть душа всего сущаго; въ имятворчествѣ, въ имяславствѣ—оплодотвореніе Духомъ (Зевесомъ)—природы: дѣти Духа и міра суть: души; эти души—слова. Мы душевны по стольку, по скольку словесны: въ неизрѣченномъ, въ безсловномъ мы воистину внѣ души; или—надъ, или—подъ: главнымъ образомъ—подъ; въ выхожденьѣ изъ словъ есть опасность и рискъ; выхожденье изъ словъ насъ обязываетъ къ величайшему напряженію: къ прорыванію оболочекъ душевности; здѣсь—прорывъ души къ духу: разрывъ ея въ духѣ; если въ насъ не исполнится жертва души міру духа, то выхожденіе наше изъ словъ есть начало паденія въ животную безглагольность; умолчаніе, неизрѣченность есть подвигъ рожденья подъ словомъ словъ внутреннихъ и духовныхъ; если молчаніе наше не вопіетъ передъ Господомъ своимъ внутреннимъ словомъ, мы въ молчаніи нашемъ становимся изъ людей непрекословными тварями.

Въ изреканьѣ названій животному міру Адамъ—уже духъ: онъ воистину вдохновитель природы: струитъ свою душу, какъ слово живое; слово его, какъ душа, продолжаетъ жить внѣ его.

Именованіе, заговоръ и сотвореніе міра — троякое содержаніе смысла словесности; въ развѣтвленіяхъ позднѣйшаго слова содержаніе намъ дано, какъ три смысла.

Слово—заговоръ и доселѣ въ насъ живо; номенклатура понятій есть заговоръ противъ... конкретнаго смысла (во имя абстрактнаго смысла), временно мертваго въ насъ и звучащаго въ сотрясеніяхъ воздуха, въ механикѣ произнесенія термина.

Смыслъ научныхъ понятій—въ примѣненіи ихъ, какъ условій опытной техники; внѣ приборовъ, машинъ, они пусты; логика предполагаетъ матеріально данный предметъ; слова „атомъ", „энергія" не имѣютъ значенія внѣ реторты, внѣ колбы, внѣ холодильниковъ, внѣ тепловыхъ очаговъ; міровоззрительнымъ, объяснительнымъ смысломъ звучатъ они намъ. Въ произнесеніи звукосочетанія „атомъ" для объясненія смысла подмѣняемъ мы логику и поэзію ритуаломъ магическихъ заклинаній; парализуемъ мы смыслъ.

Слово—творчество бытія—продолжаетъ въ насъ жить какъ метафора; но миѳическій смыслъ ея стертъ; въ насъ теорія (соединеніе THEOS и ORAO)—не видѣніе божества, а лишь нить непроявленныхъ мыслей, туманныхъ и блѣдныхъ.

Слово-собственно—(слово словъ)—какъ единство словесныхъ плотей съ ихъ духовной динамикой продолжаетъ въ насъ жить... смысломъ логики.

Смыслъ логическій, смыслъ живой, здравый смыслъ въ нашемъ словѣ расщепы: изъ смѣси поэзіи и абстракцій возникла невнятица стертой рѣчи, „словесность"; торчитъ непроцвѣтшимъ жезломъ, гдѣ убита „змѣя" и гдѣ смыслъ механически вбитъ въ нашу голову палочнымъ ударомъ сентенціи, именуемой „мышленье".

Логика и грамматика.

Одно время развитіе логики было развитіемъ аналитики, расчленяющей жизнь сужденій.

Слово—атомъ сужденій—первѣе понятія; и—первѣе предмета; связь, субъектъ, предикатъ въ немъ—единство, лежащее корнемъ. Но слово не атомъ, а если угодно—молекула, сложенная изъ буквъ звуковъ. Чередованіе пространственно изрекаемыхъ звуковъ во времени, ихъ единство, какъ корень, покрытое смысломъ есть сужденіе sui generis; протекаетъ оно въ элементахъ сужденія въ нашемъ смыслѣ; формальныя условія жизни сужденій присутствуютъ налицо: здѣсь субъектъ—корневой матеріалъ; а предикатъ—ихъ единство, какъ корень; въ звукѣ слова—сужденіе создаванія самаго условія возможности мыслить.

Грамматика—первѣй логики.

Таковы положенья грамматиковъ въ ожесточеніи спора ихъ съ логикой; и таковъ разрывъ филологіи съ философіей слова. Представитель грамматиковъ, Маутнеръ, заключаетъ рѣшительно: такъ какъ логика—отрасль грамматики, то ея въ нашемъ смыслѣ и нѣтъ; и безсмыслица думать о мысли, что она существуетъ отдѣльно отъ слова; и логическій Логосъ, не—Логосъ, а слово. Обостренія логической школы довели насъ до тезиса: мысль не воплотима въ словахъ; словесное выраженіе мысли ее искажаетъ; удѣлъ мысли—молчаніе. Логика противоположна грамматикѣ; для нея смыслъ грамматики теменъ: онъ есть фонетическій, алогическій крикъ. Въ блѣдной немощи термина, въ футуристическомъ крикѣ продолжается споръ эпикурейской фонетики съ аскезою термина; въ терминѣ—молчаніе слова; въ немъ—іога слова; выразить безсловесность значенья въ словесномъ значеньѣ; здѣсь въ обычное слово положенъ невообразимѣйшій смыслъ; таковы понятія познаванія. Въ этомъ взятіи слова, какъ жеста, какъ знака,—вся суть гносеологіи; и оттого гносеологія есть особое искусство изламывать живой смыслъ; для неспособнаго къ этому она есть безуміе, о чемъ заявляютъ подчасъ намъ умнѣйшіе люди и на что ссылается Маутнеръ; въ футуризмѣ и въ нео-логикѣ утопленъ послѣдній остатокъ конкретнаго смысла; здѣсь—пустая дыра, кое какъ прикрытая хворостомъ общихъ мнѣній ходячаго смысла.

Слово въ словѣ разбито: въ немъ духъ отлетѣлъ; а въ обломочномъ мірѣ корней, кое какъ нанизанныхъ другъ на друга и являющихъ немыслимость сочетаній, разбитое тѣло безсильно закорчилось.

Намъ грамматики не кажутся правыми; грамматика есть абстракція отъ словесности; въ ней подмѣна миѳа застылою формою; будь у насъ разработана теорія слова живого, въ ней полнѣй, непосредственнѣй отразилась бы жизнь слова-миѳа; но такой теоріи нѣтъ; въ ея мѣстѣ—молчаніе и кое какъ оформленный матеріалъ; осознаніе слова, какъ миѳа, первѣй осознанія его въ граматическихъ отношеніяхъ; и первѣй оно термина; намъ въ грамматикѣ, въ логикѣ слово явлено не вполнѣ, а въ двоякой абстракціи; изъ двоякой абстракціи этой должны мы сложить наше слово о словѣ.

Миѳъ о словѣ.

Человѣкъ погруженъ въ неосознанность буйныхъ стихій неосознаннымъ духомъ; рожденье сознанія—въ словѣ; въ немъ природа и духъ сочетаемы въ то, что уже ни природа, ни духъ въ прежнемъ смыслѣ: въ словѣ явлена намъ духовность природы сознанія;

въ словѣ явлена намъ природа духа въ законѣ; слово-корень—законъ жизни духа въ природѣ; и выраженье закона—цвѣтущая миѳомъ метафора.

Произволы созданія и вмѣненной законъ (анархическій эстетизмъ и мораль) сочетаемы въ моральной фантазіи; пусть рисуетъ она мнѣ меня самого, пересоздающаго жизнь по образу и подобію мнѣ открытаго лика духовной природы. Этикѣ, обоснованной на законѣ, непонятны бунты моего произвола; но произволу эстетики—кнутъ.

И поэтому для законнаго слова всѣ звуки природнаго слова—суть фавны; футуризмъ языка здѣсь внушаетъ паническій ужасъ. Наоборотъ законъ, Логосъ, мертвящимъ морозомъ грозитъ футуризму; слово-ледъ, слово-пламень, сталкиваясь, рождаютъ лишь паръ да туманъ.

Слово-собственно—невыразимо логически; футуристически еще менѣе выразимо оно; въ футуристическомъ словѣ огонь слова жизни хладнѣетъ отъ коростовъ терминологической жизни, обставшихъ фонетику; еще паръ ходячей словести, а не пламень живой поднимается отъ футуризма, не способнаго пробиться наружу сквозь корысты ледяной нѣмоты; футуризмъ есть гримаса на словѣ; подкупаетъ въ ней искренность: вѣришь скрежету футуристическихъ мукъ.

Сущность слова вполнѣ выразима лишь въ миѳѣ—о миѳахъ. Всѣ иные миѳы—произростанье метафоръ; но есть миѳъ о словѣ; въ немъ, по моему, схвачена символика тайныхъ дѣйствій, текущихъ внутри корня слова. Онъ—слово о словѣ.

Вдохновитель древняго аркадскаго культа, Гермесъ, есть сынъ Духа (Зевеса) и Маи (природы); человѣка Гермесъ надѣляетъ искусствомъ сложенія словъ, ударомъ словъ объяснять (hermeneueïn); словесность стоитъ передъ нами теперь герметическимъ культомъ; съ распространеніемъ аркадскаго культа по Греціи—говоритъ намъ проф. Зѣлинскій—Гермесъ превращается въ дарователя рѣчи-ума; онъ становится Гермесъ-Логіосъ: Козловидный Панъ, (слово, жизнь котораго—въ звуковомъ футуризмѣ, внушающемъ ужасъ)—одно изъ гермесовыхъ дѣтищъ; культъ Гермеса, далѣе, переходитъ въ Египетъ; первично-рожденное слово возносится въ небо; оттуда, изъ неба, вбираетъ въ себя и природу стихій; претворяется хаосъ въ гармонію Космоса. Здѣсь становится Гермесъ-Логіосъ—три-имяннымъ: Гермесъ-Логіосъ-Космосомъ; въ этомъ Логосѣ-Словѣ находимъ и Нусъ, и весь Космосъ природы: Слово есть теперь Плоть. Въ метафизической абстракціи миѳа рождается философія Логоса; одновременно: и философія логики, и философія слова; культъ природнаго слова (т. е. крайности утвержденіи грамматиковъ объ алогичности логики) осуществляетъ себя въ низменномъ герметизмѣ. Здѣсь Гермесъ словес-

ности—есть Луна-Тотъ, Владыка словесъ*), упадающая въ откровенную магію къ каковой относится химія. По Зѣлинскому химія возникаетъ въ искусствѣ, которому отдаетъ себя египетскій родъ происшедшій отъ смѣщенія людей съ духами; родъ этотъ—Chêma; магія съ алхиміей словъ переплетались уже; переплетаются нынѣ; номенклатура есть магія заклинаній, именованій, а метафора есть эликсиръ жизни слова.

Эстетизмъ, футуризмъ, фетишизмъ научныхъ понятій отражаютъ, варьируя низменный египетскій герметизмъ.

Мудрость высокаго герметизма продолжается нынѣ въ сужденіяхъ о логическомъ Логосѣ. Здѣсь логическій Логосъ вступаетъ въ борьбу съ лѣснымъ Паномъ (природою звучнаго слова). Футуризмъ и логизмъ (звуки словъ, смыслы словъ) примиряемы въ наши дни не возвратомъ къ природѣ первично рожденнаго слова и не возвратомъ къ первично рожденному миѳу, а углубленіемъ, обостреніемъ антиноміи словъ до сознанія, что мѣсто логики не въ томъ планѣ, гдѣ логика положила свое бытіе, а въ иномъ, болѣе коренномъ,—до сознанія, что звуковая значимость не есть форма гласящаго звука, а — смыслъ его; можетъ быть въ смыслѣ звука и въ смыслѣ конкретно-логическомъ пересѣченіе звука и логики явитъ подземное слово въ дневномъ своемъ видѣ; можетъ быть смыслъ абстрактнаго термина зацвѣтетъ, точно жезлъ Аарона.

И слово пустое, дневное, и слово ночное, глухое соединятся по новому въ слово, живое, цвѣтущее.

Слово въ поэзіи.

Возьмемъ стихъ поэта.

Здѣсь въ метрической формѣ встрѣчаетъ насъ мысль, облеченная листвою метафоръ, эпитетовъ и звучностей языка; перезвоны корней, аллитераціи, ассонансы вплавляются въ содержаніе: сплавляются съ содержаніемъ; цвѣта звуковъ сплавляются съ звуками цвѣта заката; метафоры переходятъ въ идеи, идеи—въ метафоры.

При углубленіи въ существо поэтической рѣчи намъ становится все невнятнѣй она; передъ нами вопросъ: что въ ней есть?

Въ наши дни большинствомъ голосовъ будетъ признано, что поэзія намъ нужна; при ближайшемъ знакомствѣ съ поэзіей недоразумѣніе лежащее въ основѣ признанія этого—вскроется; и откроется намъ несомнѣнно: представленія наши о словѣ противорѣчатъ наличности поэтическихъ формъ.

*) Всѣ эти данныя мною заимствованы изъ статьи Ѳ. Ф. Зѣлинскаго „Гермесъ Трижды-Величайшій", напечатанной въ его сборникѣ „Изъ міра идей".

— „Поэзія намъ нужна“—скажутъ многіе: „въ образно-поэтической формѣ изображаетъ идеи и мысли она“.

— „Поэзія намъ нужна“, скажутъ многіе: „въ идеологической, мыслительной формѣ изображаетъ она звуки словъ“. „Самая идеологія въ ней лишь средство выразить рядъ внѣ мысленныхъ, душевныхъ эмоцій: и для этой же цѣли она подбираетъ пѣвучіе звуки“—такъ отвѣтятъ намъ третьи.

Или метафора есть приманка, т.-е. сѣти міровоззрѣній, ведущихъ свою агитацію въ поэтической маскѣ; или же облеченіе міра метафоръ въ понятія есть иллюзія ясности: поверхности поэтической бездны; отраженные на поверхности солнца и луны идейнаго міра поэзіи не присущи; человѣку, припавшему всѣмъ существомъ къ поэтической думѣ поэта,—эта дума отвѣтитъ:

Дитя,—отри заплаканное око:
Не довѣряй мечтамъ...
Луна блеститъ и катится высоко:
Она не здѣсь, а—тамъ.

Поэзія есть стихійная бездна; и глаголы ея только зыби поверхности безглагольныхъ глубинъ, ужасающихъ насъ нѣмотою подъ отблескомъ свѣточей: отблески свѣточей суть идеи поэта, протекающія у насъ между пальцевъ; если мы попытаемся ихъ зачерпнуть въ горсти рукъ, онѣ тотчасъ исчезнутъ.

Протекающая между пальцами мудрость міра,—вотъ образъ поэзіи по мнѣнію многихъ.

Смыслъ философа, погруженный въ стихію поэта, намъ явитъ иллюзію приближенія мысли смысла до частностей жизни, конкретизируя мысли; все это—к а к ъ б ы; чистота абстрактнаго смысла мутнѣетъ въ поэтѣ: банализируетъ философію онъ, превращая звукъ лиры философа въ сентиментальную пошлость; изжитыя, избитыя темы въ позолотѣ метафоръ и въ сладости звуковъ намъ явятъ—полетъ поэтической мысли: въ недолетахъ критической мысли.

Утвержденіе это звучитъ парадоксомъ.

Но попробуйте обнажить наиболѣе изъ идейныхъ твореній поэзіи отъ метафоръ, отъ красокъ, сравненій, эпитетовъ, звучностей (аллитерацій и ассонансовъ); оно—сразу увянетъ; философская глубина превратится въ иллюзію; мысль окажется бреннымъ покровомъ на наготѣ чистыхъ звуковъ; увлеченіе философіей Шопенгауэра не испортило намъ поэзіи Фета и музыки Вагнера; а теоріи знанія, вдохновляемой Фетомъ и Вагнеромъ—нѣтъ: быть не можетъ; теорія знанія въ аналитическомъ контрапунктѣ симфоніи міра мысли; а этотъ міръ—міръ сужденія; вся поэзія темъ субъектности, предикатности у поэта

погаснетъ, потому что болѣе, чѣмъ на столѣтія опередила чистая мысль—мысль поэтовъ; и поэтому чистые мысли обыкновенно теряютъ строгую свою красоту, становясь матеріалами поэтическихъ вдохновеній; въ чистой мысли, въ рискованныхъ парадоксахъ ея есть огромная красота, есть огромная глубина; мысль имѣетъ особыя переживанія мысли; прикосновеніе поэтическихъ чувствъ къ переживаніямъ этимъ плодитъ намъ безвкусицу; есть своя красота у барокко и есть красота примитива; соединеніе на одномъ полотнѣ штриховъ кисти Беато съ штрихами позднѣйшихъ фламандцевъ есть варварство. Влитіе философской формы въ поэзію таково: очень часто поэтъ въ философіи есть филистеръ.

За философіей, занятой вскрытіемъ внутренне логическихъ истинъ, не угоняться поэту. Если смыслъ поэзіи—въ мысли, то современный поэтъ долженъ былъ бы описывать намъ въ предлиннѣйшихъ поэмахъ, что жизнь есть—

...метафизическая связь
Трансцедентальныхъ предпосылокъ.

Нѣтъ поэзіи, выражающей современную философскую мысль: и появись передъ нами поэзія философіи Ласка, Когена и Наторпа,—отъ нея отшатнулись бы всѣ приверженцы взгляда на то, что задача поэзіи живописать намъ міръ мысли.

Если задача поэзіи въ описаніи водопадовъ фантастики, то поэзія слишкомъ тѣсна для огромности образовъ, здѣсь кипящихъ и безпредѣльныхъ; въ поэтическихъ формахъ предѣльна фантазія. Предѣлъ тотъ отсутствуетъ въ насъ; оттого то вотъ: наиболѣе одаренные фантазіей люди, не имѣя возможности себя выразить въ формѣ, очень часто бѣдны, какъ поэты. Неизрѣкаемое въ поэтическомъ образѣ намъ глаголетъ, какъ внутренній образъ; поэтическій образъ въ своихъ элементахъ есть все же природа,—пусть взятая какъ модель заприродного; по завѣренію лицъ, проходившихъ мистическій путь, мы во внутреннемъ образѣ переступаемъ границы природы въ ея элементахъ; поэзія не совпадаетъ съ фантазіей; сфера фантазіи необъятнѣй: поэзія не содержится въ ней всецѣло, пересѣкая отчасти ее; совпаденіе фантазіи и поэзіи обыкновенно случайно; исключительный культъ фантазіи для поэта угрожаетъ ему.

Центръ кипѣнія образовъ—въ насъ; законы метаморфозы кипѣнія не воплотимы ни въ мысли, ни въ словѣ; поэзія, выражающая исключительно внутренній образъ, есть поэзія умолчаній и старчества: но и мистикъ, и старецъ намъ выскажутъ: образованія внутренней жизни неизрѣченны для слова.

Остается намъ думать: смыслъ поэзіи въ звуковомъ значеніи слова и въ ритмической модуляціи рѣчи; и этотъ смыслъ — внѣразуменъ: въ сочетаніи словъ, въ темномъ хаосѣ словъ, намъ слагающихъ форму, есть онъ.

Этой темной природою слова, стихіею слова, является громкій звукъ, возстающій на голую абстракцію мысли; козловидный Панъ,— онъ кидается на философа.

Аполлоновъ міръ слова — сломанъ: звукоподражаніе отломилось отъ мысли; трещина въ мірѣ словъ глубока; поэзія сломомъ слова обломана; нѣтъ былого и нѣкогда цѣльнаго слова поэта; раздвоенія его — въ немъ и въ насъ; въ эсперанто и въ крикѣ, въ фонетикѣ, въ логикѣ, въ корневицѣ и въ жерди — осуществляетъ себя разломъ словъ.

У поэзіи нѣтъ особаго міра поэзіи, потому что ея уже нѣтъ въ быломъ смыслѣ потому что она не нужна ни ученому, ни стилисту; ея подлинный смыслъ утерялся въ безсмыслицѣ звуковыхъ сочетаній и смысловыхъ искривленій.

Цѣнителямъ поэтической рѣчи поэтическій Разумъ сталъ чуждъ для былого поэтичнѣе терминъ; терминологія, методологія логики, привлекаетъ своею эстетикой часть былыхъ цѣнителей поэтической мысли; а другую часть привлекаетъ теперь не умѣніе прочитать лепетанія Парокъ, а самый процессъ лепетанія.—„Разумъ въ поэзіи закатился“. Такъ гласятъ намъ поэты, философы, футуристы и мистики.

Но—

Ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Привѣтствіе Разуму нынѣ чуждо логику и поклоннику Пушкина.

Логику слѣдуетъ углубить свою логику—отъ представленія о ней, какъ единствѣ разсудка, къ представленью о ней, что она—Имя Рекъ. Цѣнителю звуковъ словъ слѣдуетъ углубить представленье о звукѣ до представленья о смыслѣ словесной фонетики: звуковая фонетика въ смыслѣ загадана, какъ умѣніе знать тайну звуковъ, слагающихъ храмъ Бога-Слова. Смыслъ фонетики въ имяславствѣ; имяславство выражаетъ намъ опытъ, неизреченный доселѣ:-умѣніе слагать Имя Рекъ; центръ души, безымянный доселѣ, есть знаніе духовнаго слова: безымянное нашей души есть Духъ Имени.

Философія сосредоточила абстрактныя представленія въ субъектѣ познанія; философіей индивидуальнаго Имени должна она стать; мистика Имени и фонетика Имени—соединяются въ насъ по новому

въ Слова: и это Слово есть Логосъ, но—Логосъ конкретный, рождаемый внутреннимъ словомъ къ произнесенію вслухъ; Онъ распинается въ насъ на половинкахъ когда то единаго слова, какъ на страстныхъ перекладинахъ Жизненнаго Креста. Онъ же — долженъ воскреснуть, какъ Разумъ, чтобъ озарить намъ поэзію.

Да здравствуетъ Солнце! Да скроется тьма!

Поэзія будущаго—новорожденное слово изъ музыки. Между нашими представленіями о томъ, что есть слово, и словомъ—лежитъ нынѣ бездна. Слово нашего представленья о словѣ въ насъ смутно рождается; а остатки разбитаго, ветхаго слова, какъ выкрикъ и голая схема разсудочной мысли безсильно метаются на поверхности бурей изорванной рѣчи въ заливающемъ морѣ ходячаго, пошлаго слова; и подъ этою бурею—огромная и глубокая тишина: тишина ожиданія; подъ тишиною — звукъ: первый звукъ благовѣстія о грядущей, о новой, о чаемой инспираціи слова; долетаетъ какъ музыка онъ, изобразимый во внутреннемъ жестѣ.

Въ жестикуляціи, въ нѣмой гаммѣ жестовъ, въ акомпаниментѣ глазъ, въ интонаціяхъ голоса прорѣзается нерожденный еще новый Разумъ поэзіи въ стертыхъ смыслахъ понятій и въ звуковомъ грохотаньѣ такъ тупо гласящаго корня.

За всѣмъ этимъ—внутренне-рожденное Слово стоитъ, и беззвучно глядитъ.

Не слова во мнѣ: въ Словѣ—Я. Я—не я: это—Слово во мнѣ!

Вотъ что должно понять.

Освѣщеніе корневого и абстрактнаго смысловъ поэзіей - собственно переноситъ насъ къ отысканію ея инспиративнаго корня: онъ — въ Логосѣ; этой поэзіи чаемъ; внѣшними средствами ощутима возможность ея при погруженіи въ аналитику звукового состава, потому что стихія поэзіи, звукъ, при погруженіи въ звукъ намъ не выглядитъ столь уже темной; межъ неизрѣченнымъ и изрѣкаемымъ передвижима граница.

Въ настоящее время жизнь звука и ритма всплываетъ предъ нами въ законахъ; въ алогизмѣ заложена логика, неуловимая нашей логикой; она чуема въ космическомъ шелестѣ фонетическихъ изліяній.

Въ логикѣ прорѣзается новый смыслъ: звукомъ новаго слова; и—новыми звуками мысли, вліянной въ звукъ слова.

Инструментовка поэзіи—солнечно-разумная рѣчь; у нея—свои знаки; и знаки ея не прочитаны; въ предпріимчивой гибкости отысканія соотвѣтствій межъ звукомъ и мыслью—умѣніе чтенія новаго слова въ изношенномъ словѣ; нашъ младенецъ еще не рожденъ; но мы чувствуемъ его жизнь въ предлежащей утробѣ словесности; наше мертвое слово, разъятое въ корнѣ и смыслѣ, родитъ свое слово;

терминъ-духъ и природа корней, Зевсъ и Мая, рождаютъ младенца—Гермеса.

Или мы онѣмѣемъ на вѣкъ, или снова словесность намъ станетъ воистину „герметическимъ“ культомъ, а даръ объясненія (hermeneuein) соединитъ намъ по новому глоссологію съ дарами духовнаго назиданія—въ конкретной разумности.

Филологъ, философъ, словесникъ.

Философія, филологія и словесность по разному намъ вскрывали укрытую „герменейю“ словесъ.

Слово выдохлось въ трансцендентальную логику Канта; исторія философіи (отъ Декарта до Канта, отъ Канта до Наторпа) нарисовала намъ разложенія слова живого; методика, номенклатура понятій,—кристалы разложенной жизни.

Корневое значеніе слова отъ этого опустилось подъ терминъ: въ животное подъ-сознаніе.

Современный философъ молчитъ изсушѐннымъ сознаніемъ, прòклятымъ, какъ сухая смоковница; и отъ этого запорожныя корни сознанія въ немъ демоничны: козлины; сочетаніе корней и вѣтвей въ немъ смѣсительно, противоестественно, пошло; въ немъ смѣшеніе чувственной жизни съ абстрактной—чудовищно; оно—сатиръ: оттого оно превращаетъ живое текучее слово въ козлиное слово; очень часто въ философѣ именно такъ сочетается природа и духъ; для него нѣтъ духовной природы; для него она—шаржъ и гротескъ.

Преобладанье разсудка въ дневной его жизни ведетъ къ порабощенью стихій его жизни животной природѣ; современный софистъ зачастую днемъ—логикъ; вечеромъ—помираетъ онъ со-смѣху надъ Раблэ; ночью—гонится въ снахъ за какой либо мыслимой нимфой.

Козловидная природа разсудка есть корень абстракцій.

Отношеніе къ слову поэзіи разсудочной философіи—непорядочно; пользуясь лаcкою слова она—насилуетъ слово; и заключаетъ бракъ съ чистой логикой, неизобразимой словами. Наоборотъ филологія зачастую роститъ корневое начало словесности; какъ философъ кощунственно вырвалъ съ корнемъ словесное древо, такъ вздулъ корень слова филологъ, а стволъ—атрофировалъ; филологія утучняетъ себя отъ корней; и—культивируетъ корни, а листья—бросаетъ.

Филологія живетъ въ подсознаніи слова; она—внѣ-сознательна; филологія не легко процвѣтаетъ идеей, позволяя явные романы со смысломъ; филологъ вступаетъ въ союзъ съ корневою стихіею слова И тутъ онъ—добродѣтеленъ, пребывая въ паѳосѣ рожденія архаизмовъ.

Филологія—геологія слова; философія—метеорологична и вѣтряна; филологія—внѣ словесно-общественныхъ интересовъ; у нея интересы—семейныя.

Третій типъ измѣрителя слова—словесникъ: его роль въ жизни слова—огромна; но до недавняго времени рѣдкій словесникъ насъ радовалъ.

Жизнь его въ отношеніи къ слову проявлялась порой лишь въ заемахъ: межъ исторіей корней и идей онъ бездомно блуждалъ; уподоблялся онъ существу, проживающему попеременно въ двухъ враждебныхъ другъ другу квартирахъ: въ холостой квартирѣ философа и семейной филолога. Перекочевывая изъ квартиры въ квартиру, онъ естественно становился подчасъ разносителемъ слуховъ о словѣ: и—смѣсителемъ методовъ; очень часто бывалъ онъ поклонникомъ ходячаго слова, ибо самъ онъ ходилъ и осѣдлости не имѣлъ; отъ него пошли сплетни—поэту природнаго слова: объ ущербности Разума; очень искренній, очень цѣнный въ иныхъ отношеніяхъ паѳосъ за слово, гонимое разумомъ,—все же есть порожденіе недоразумѣній и сплетенъ; наоборотъ терминологу было нѣкогда нашептано объ оргійной жизни корней.

Обыкновенный словесникъ намъ ссорилъ филолога съ философіей; раздѣляя, онъ побѣждалъ; воздвигалъ онъ чертоги ходячаго слова и „здраваго смысла".

Всѣ теоріи слова—словесность, грамматика, логика—не удовлетворяютъ насъ нынѣ; въ нихъ отсутствуетъ теорія: собственно слова.

Крахъ философскихъ абстракцій и крахъ филологіи (обращеніе въ горы сырыхъ матеріаловъ), обнаружилъ намъ явное отсутствіе теоріи слова.

Въ соединеніи философіи съ филологіей по иному начало разцвѣта: словесности собственно.

Заданіе новой словесности.

Въ настоящее время намъ рано заботиться о возведеніи зданій теорій словесности. Слѣдуетъ опростать при закладкѣ фундамента мѣсто, гдѣ будемъ мы строить. Въ этомъ мѣстѣ возведены нынѣ два „павильона" словесности: слово есть выраженіе звука; оно—органъ понятія; эти два „павильона" намъ должно сломать. Идеологія и фонетика въ словѣ должны быть единствомъ его содержанія съ формою: и не въ томъ вовсе смыслѣ, что форма есть первое содержанія, ни—въ обратномъ; тезисъ нашъ не такъ простъ; соединяя наличныя дан-

ности содержаній и формъ, мы не сможемъ придти къ ихъ единству; въ одномъ случаѣ мы придемъ только къ „формѣ“ въ расширенномъ смыслѣ; здѣсь живое, конкретное содержаніе, идеологія собственно, непосредственно приметъ пустой, реторическій образъ т. е. будетъ формально; таковое единство — единство эстетовъ, лингвистовъ, грамматиковъ: въ этой школѣ оцѣнка поэзіи производится съ точки зрѣнія архитектоники изобразительныхъ средствъ, гдѣ въ самомъ голомъ средствѣ намъ видятся цѣли поэзіи: смыслъ логическій въ этой школѣ—простой результатъ комбинаціи словъ: испареніе глубинъ жизни формы; углубляется, разбирается въ этой школѣ лишь форма; содержаніе остается не вскрытымъ критически; и отъ этого тезисъ единства двухъ смысловъ осуществляетъ себя однобоко: внутри фонетической сферы поэзіи заключены де уже сферы мысли. Въ другой школѣ обратно: признавая единство, его полагаютъ въ томъ смыслѣ, что высказываніе содержанія истинно въ ему свойственной формѣ; несказуемость многаго, напримѣръ, невозможность выразить въ словѣ глубину мистическихъ опытовъ или даже понятійной жизни—будто бы есть дефектъ содержанія мыслей и чувствъ. Въ этой школѣ невольно внутри содержательной сферы положена форма.

Обѣ школы ведутъ къ катастрофѣ во взглядѣ на слово; благополучіе этихъ школъ налицо: переживаніе кризисовъ слова и мысли имъ чуждо. Первая—вырождается въ парнасизмъ (сколькіе символисты имѣютъ уклонъ къ парнасизму!); вторая же—въ возвращеньѣ къ тенденціи (есть тенденціозные символисты); исходя изъ тезиса пересѣченія содержанія съ формою, пересѣченіе понимаютъ они, какъ знакъ равенства: содержаніе—формѣ, забывая при этомъ: содержаніе логики несоизмѣримо съ фонетикой, или съ формой; слѣдуетъ переплавить намъ въ насъ содержаніе, форму, чтобы въ иной, третьей плоскости, вскрылась бы подлинное соизмѣреніе; данныя содержанія не соизмѣримы съ намъ данными формами: произведеніе ихъ — единство, не сумма; поступая иначе въ a priori принятомъ тезисѣ, мы абстрагируемъ то — содержанье, то — форму; некритичное отношеніе къ понятію „содержаніе“ вырождаетъ символику въ парнасизмъ; некритичное отношеніе къ формѣ выщелуцииваетъ тенденцію изъ символики слова. Тезисъ символа, какъ единства, одинаково подмѣненъ содержаніемъ, даннымъ въ формѣ, содержаніемъ, вылагающимъ свою форму во внѣ. Синтетическій смыслъ поэзіи гаснетъ: въ одномъ случаѣ онъ становится лишь анализомъ, выведеніемъ „формы“ изъ нѣдръ содержанія; въ другомъ случаѣ онъ становится выложеніемъ „содержанія“ изъ нѣдръ формъ; въ первомъ случаѣ самой формою слова дана намъ абстракція; во второмъ—содержаніе есть абстракція. Двѣ опасности отношенія къ слову подстерегаютъ насъ внутри тео-

ріи слова-символа; нѣкогда провозгласила себя она революціоннымъ теченіемъ, признающимъ катастрофу смысловъ словъ и ищущимъ выхода къ подлинной жизни смысла; революціонно-словесныя заданія символизма при нежеланіи глубже вскрыть символизмъ, превращаются въ благополучіе эволюціонирующаго теченія: отъ новаго къ старому; отъ символизма, какъ жизни пути слова-собственно къ двумъ культурамъ до революціонной словесности: къ культурѣ тенденціи и неживого Парнаса. Здѣсь живое сознаніе кризиса слова и мысли, стерилизуясь, блѣднѣетъ въ реторику „символистики", въ благополучіе сытаго „буржуа", наконецъ пріобрѣтшаго собственность на „Парнасѣ", или сложившаго сбереженія своей музы въ „міровоззрительный" банкъ, и поэтому съ невниманьемъ уже относящагося къ дрожанію передовыхъ сейсмаграфовъ мысли, оповѣщающихъ, что „міровоззрѣніе" рушится, съ невниманіемъ относящагося къ демонстраціямъ футуристовъ, гласящихъ, что уже разрушенъ Парнасъ. Пастораль досимволическихъ, докритическихъ школъ словесности совершенно наивна; пастораль же иныхъ „символистовъ", въ свое время разсчетливо снявшихъ квартиры въ „міровоззрительномъ" домѣ есть обманъ пасторали... „надъ бездной". Первая пастораль намъ гласитъ: „Широко, глубоко это море словесности!" Смыслъ второй пасторали ехиднѣй: „Aprês nous le déluge"...

Принимая сліянности формъ съ содержаніемъ, полагаю единство ихъ не въ той плоскости, гдѣ оно положено многими школами современной поэзіи. Благополучіе спѣшнаго единенія отвергаю рѣшительное: содержанье и форма суть двѣ половинки разбитаго камня словесности; соединеніе двухъ частей камня слова нуждается въ цементѣ. Гдѣ тотъ цементъ? Онъ—въ насъ, внутри насъ: слово подлинно при дверяхъ; его нѣтъ еще: соединяющій цементъ—не можетъ быть пылевыми остатками стараго разбитаго слова; межъ гласящими звуками и безгласною мыслью—воистину бездна: не парнасцамъ, логикамъ, футуристамъ будетъ подлинно явлено внутренне поющее слово: оно—въ будущихъ, побѣдившихъ себя въ своемъ ветхомъ составѣ.

Признавая единство расколотыхъ половинокъ дѣйствительности (слова-термина и предметнаго корня), я его полагаю не въ плоскости даннаго слова; въ данной плоскости принимаю наличнымъ—расщепъ: параллель; въ данной плоскости слова логическій смыслъ не пересѣкаемъ никакъ съ фонетическимъ; третій смыслъ отдѣленъ несознаніемъ нашимъ отъ двухъ его тѣней; несознаніе наше—въ душевномъ покровѣ, въ которомъ мы ходимъ; онъ и есть тотъ порогъ, черезъ который не переступимъ мы, пока себя не взорвемъ, какъ „душевныхъ людей", чтобы вызвать въ себѣ человѣка духовнаго: третій смыслъ, Слово-Плоть, есть духовное слово: душевное слово

себя завершило въ понятіи, потому что понятія, **термины**, мертвыя шкуры души: катарактъ на глазу ея, образующій слѣпоту душевнаго зрѣнія; а тѣлесное слово есть каменно-нѣмой звукъ, воспринимаемый въ крикѣ.

Сферы „содержаніе“, „форма“—непересѣченныя сферы; внутри содержанія не встрѣчаетъ насъ форма; внутри самой формы отсутствуетъ содержаніе; соединеніе ихъ въ третьей сферѣ, гдѣ они — одно въ духѣ; соединеніе—въ одновременномъ разбитіи оболочекъ (понятійной, матеріальной) на двухъ половинкахъ разбитаго слова; соединеніе содержанія съ формою въ духѣ словъ, въ смыслѣ словъ, еще безгласныхъ, глаголющихъ тайно; внутренне рождаемый голосъ есть Голосъ Безмолвія; и его проэкціи—въ матеріальной „глоссоляліи“, въ фонетикѣ; и его проэкціи — въ душевно-безгласномъ, абстрактно-логическомъ смыслѣ.

Положеніе нашей словесности было бы доказуемо эмпирически, если бы мы при описаніи словеснаго матеріала натолкнулись бы на такое явленіе: выявляя въ стихахъ содержаніе, мы бы видѣли, что содержаніе это въ „дневномъ“ его смыслѣ бѣднѣй впечатлѣнія (въ поэзіи земной разумъ—„ущербенъ“); желая осмыслить въ себѣ глубину впечатлѣнія, полагали бы мы глубину въ подсознательномъ выявленіи жизни образовъ,—въ **сонной грезѣ** поэзіи; выявленіе „сонныхъ грезъ“ въ матеріалѣ метафоръ эпитетовъ красокъ и т. д. намъ опять таки показало бы: „греза“ въ поэзіи насравненно бѣднѣе того, что она пробуждаетъ; пробуждаетъ она въ ней безгласную и внѣ образовъ пребывающую цѣлину подъ-сознанія: „греза“ образовъ въ поэзіи—рябь поверхности „**сна безъ грезъ**“. По ученію индусовъ „**сонъ безъ грезъ**“ проницаемъ сознаніемъ: онъ цвѣтетъ полнотою духовно-сознательной жизни; по ученію современныхъ физіологовъ „**сонъ безъ грезъ**“ есть лишь чувство процессовъ; неуловимое для внутреннихъ опытовъ, уловимо при опытѣ внѣшнемъ: физіологія есть дневной разсказъ о глубиннѣйшемъ; она — связь физико-химическихъ процессовъ; не болѣе: такъ что жизнь „**сна безъ грезъ и безъ мысли**“ есть жизнь въ насъ матеріи. Матерія—глубочайшая суть бытія; всѣ ученія о безсознательномъ, какъ основѣ сознанія,—ученія о матеріи. Прилагая къ поэзіи здѣсь изложенный критерій сужденій, мы должны бы сказать: „**сонъ безъ грезъ**“, глубочайшее въ мірѣ поэзіи—есть матерія ея средствъ, физіологія словеснаго ея тѣла: составъ ея звуковъ; смыслъ поэзіи—въ ритмикѣ, въ инструментовкѣ, въ кадансахъ; все эстетское „**credo**“—матеріастично насквозь; изученіе звукового состава было-бъ намъ обиліемъ здѣсь текущихъ законностей; но законы словеснаго механизма не объясняютъ намъ впечатлѣнія формы; впечатлѣ-

ніе формы „духовнѣе“ представленья о формѣ, къ которому обязаны мы притти; матеріалисты слова, эстеты, отступаютъ въ ужасѣ отъ крайняго вывода физіологіи слова: отъ вмѣненія поэзіи быть наборомъ звучащихъ кричаній; футуристы—провозгласители культа голаго слова; отношеніе футуриста къ эстету—отношеніе русскаго нигилиста къ умѣренно-либеральному барину; футуристы правѣе эстетовъ въ парадоксальности, въ прямотѣ, въ неприкрытости голаго „credo“, въ отрицаніи „разума“.

Впечатлѣніе смысла словъ, кореннѣе и глубже всѣхъ трехъ обнаженій (въ понятіи, въ метафорѣ, въ звукѣ); ни понятіе, ни звукъ не сводимы къ метафорѣ; ни метафора, ни понятіе не сводимы намъ къ звуку; а сведеніе третье—сведеніе къ разсудочной мысли—не соотвѣтствуетъ въ свою очередь впечатлѣнію смысла; не удовлетворяетъ простое сложеніе смысловъ: звукового, метафорическаго и разсудочнаго: сложенія смысловъ способно лишь выявить параллель: понятія, образа, звука. Параллель освѣщаема положеніемъ смысла, общаго тремъ, какъ основы поэзіи, или какъ ея конечныхъ заданій: этотъ смыслъ отразимъ непосредственно въ словѣ, какъ тѣнь слова собственно.

Мы должны a priori положить этотъ смыслъ, чтобъ поэзія могла состояться, чтобы фактъ непосредственно перваго впечатлѣнія „глубины“ былъ сознательно освѣщенъ и оправданъ. Но нуждается ли слово поэзіи въ оправданіи своего бытія?

Да, нуждается.

Непосредственность впечатлѣнія „глубины“ словъ поэта наполовину утрачена нами въ условіяхъ искусственной жизни; существуя еще вопреки современному бытію, разрушается оно въ насъ; какъ сознаніе человѣка, которому угрожаетъ разстройство психическихъ функцій, оно все еще вопрошаетъ себя,—„а здорово ли я“; вопрошанія наши—остатокъ здоровья, потому что больное сознаніе не сомнѣвается никогда въ правотѣ своего бытія, а себя утверждаетъ здоровымъ съ самоувѣренной дерзостью; въ крайнихъ выводахъ мистики, логики, футуризма есть подобное утвержденіе; смыслъ поэзіи для нихъ—парадоксъ.

Смыслъ поэзіи мы должны a priori положить внѣ метафоры, звука, понятій въ искомомъ соединяющемъ словѣ, насъ способнымъ воистину вывести изъ словесной разрухи, намъ данной; мы должны ту разруху снести: мѣсто новому слову очистить. Наша вѣра въ словесность воистину обязуетъ насъ снять съ себя—загнивающій коросте „словесъ“ съ прорѣзей новаго слова; что подъ „словами“ есть Слово—эмпирически доказуемо это: звуки слова не суть „жизнь въ себѣ“; онѣ—мимика „ущербнаго смысла“; въ ихъ звучащемъ

кричаніи вписаны космосы звуковъ, слагающихъ свои смыслы. Съ описанія словеснаго матеріала, съ ряда опытовъ надъ словесными элементами въ ихъ отношеніи къ „дневной“ мысли поэта начинаетъ свое бытіе та словесность, которая намъ по новому можетъ связать философію съ физіологіей, — въ нихъ связать нашъ разсудочный логосъ съ намъ данной словесною плотью, въ слово-плоть совершенно конкретнаго, не „ущербнаго“ Разума.

1

Поэтическій организмъ.

Стихотвореніе есть организмъ; въ немъ понятіе мысли есть мозгъ; переживанія—это нервы поэзіи; отъ мозга отходятъ двѣнадцать паръ нервовъ; отъ понятійной мысли отходятъ главнѣйшіе нервы соединенія образовъ; главнѣйшія соединенія образовъ—вѣчные лики поэзіи: Апполонъ, Діонисъ, Афродита, Деметра, Психея и прочіе образы тысячевидно вѣтвятся въ своихъ модуляціяхъ; и вѣтвятся нервные стволы организма въ многообразіе окончаній; отъ основного ствола до послѣдняго волокна бѣжитъ нервный токъ; отъ основного, исконнаго миѳа и до случайнаго образа бѣгутъ токи творчества; подъ многовидною субъективностью образовъ коренятся немногіе миѳы; нервныя волоконца, переплетаясь, вплетаются въ ткани; и такъ точно образы; переплетаясь, вплетаются въ ткани формы они; и подобно тому какъ ткани нервовъ, являяся тканью средь тканей, есть мостъ отъ тѣлеснаго уплотненія до сознанія организма, такъ ткани миѳическихъ образовъ строютъ мосты отъ тѣлесности слова, съ ними къ сознанію тѣла, какъ жизнь идеи; рухни нервы въ насъ, какъ сознаніе угаснетъ; рухни образъ въ поэзіи—перервется связь между мыслью и формой; безсловесная мысль, миѳы, образы, звуки и ритмы—сліянны другъ съ другомъ; звуки формы въ поэзіи живописуютъ молчаніе мысли; голосъ мысли поэзіи живописуетъ „внѣмысленный“ трепетъ формъ. Переживаніе — нераздѣльная уплостность; его форма есть поэтическій образъ; образность въ поэзіи—ея жизнь; смыслъ ея не сводимъ къ смыслу звука, ни къ смыслу абстракціи. Смыслы образовъ намъ не вскрыты ни въ матеріальномъ, ни въ абстрактно-духовномъ; смыслъ, не вскрытый, таится за ними: смыслъ третій.

Что изнутри переживаемо, извнѣ ощущаемо: переживаемы образы, а ощутимы—метафоры; морфологія и физіологія нервовъ поэзіи—морфологія и жизнь изобразительныхъ средствъ; теорія метонимій, метафоръ и пр. есть теорія поэтической жизни.

Звуковой матеріалъ — соединительно тканная система поэзіи; соединительно-тканныя тѣльца въ многообразіи своихъ сочетаній

образуютъ намъ и систему ея железъ, и систему костей; переливы гласныхъ, градаціи гласныхъ, своеобразіе ихъ сочетаній образуютъ намъ железы, а ассонансы и особыя гармоніи въ сочетаніи гласныхъ (регрессіи и прогрессіи) образуютъ дыханіе. Такъ жизнь ассонансовъ осуществляетъ въ себѣ жизнь дыханія; ассонансы суть легкія; ими мы привыкаемъ дышать; ими дышетъ поэзія; дыханье кровно связано въ насъ нашей жизнью сознанія; ослабленіе, усиленіе ритма вздоховъ черезъ посредство нервовъ очень часто зависитъ отъ тонуса внутреннихъ образовъ; ассонансы, прогрессіи не образуютъ безсмысленности въ себѣ протекающей жизни; жизнь ихъ связана съ цѣлостной жизнью слiянія тканей. И если поэзія организмъ, то ея живой смыслъ инспирируетъ ассонансъ быть осмысленнымъ ассонансомъ.

Что касается жизни согласныхъ, то она проявляется многообразіемъ внутренней жизни, результатомъ которой, доступнымъ сознанію намъ является аллитераціонные звоны: въ сущности то, что зовемъ аллитераціей мы есть поверхность огромнаго сложенія звуковъ, намъ явно торчащая изъ подъ волнъ безсознательности; въ сущности жизнь согласныхъ въ намъ явленной аллитераціи еще только поверхностна.]

Берегъ вѣчнаго веселья.

Въ этой строчкѣ встрѣчаетъ насъ аллитераціонный мотивъ (*бвв*) т. е. здѣсь есть повтореніе группы согласнаго звука. Аллитерація въ этомъ видѣ—грубѣйшее и плотнѣйшее выявленіе жизни звука, ощутимое нами надъ поверхностью образа, какъ ощутима намъ твердая кость подъ слоями изъ мускуловъ. Что такое есть кость, мы не знаемъ еще: знаемъ мы существованіе факта кости; лишь позднѣйшая физіологія и эмбріологія обнаружили намъ процессъ жизни кости; образованіе ея изъ соединительной ткани; соединительно-тканныя тѣльца, вростая черезъ надкостницу въ кость производятъ огромный процессъ, сопровождающійся отложеніемъ извести; собственно говоря, наша кость,—отложеніе въ итогѣ процесса; она—ракушка на процессѣ; [аллитерація есть sui generis ракушка, ощутимая грубо;] становленіе кости—въ космосѣ перепетій, претерпѣваемыхъ клѣтками соединительной ткани; аллитерація насъ уводитъ отъ внѣшняго своего бытія къ многообразной внутренней жизни своихъ элементовъ; морфологія насъ ведетъ къ физіологіи; аллитерація—понятіе морфологическое; она обусловлена огромнымъ процессомъ переплетанья согласныхъ другъ съ другомъ и съ гласными; физіологія аллитераціонной жизни почти не извѣстна; и поэтому мы не въ правѣ сказать, что жизнь

звуковъ въ себѣ не проницаема содержаніемъ, что она отъ содержанія не зависитъ, что углубленіе въ звуковой составъ словъ есть лишь праздное занятіе формою; утвержденіе этого рода напоминало бы намъ утвержденіе древняго человѣка Галлену: занятіе анатоміей и физіологіей формъ не способно де насъ вести въ круги знанія о человѣческомъ естествѣ; медицина не обогатится де отъ нашего занятія анатоміей.

Утвержденія эти теперь въ отношеніи къ организму показались бы намъ жалкою и пустою абстракціей, потому что мы знаемъ: гистологія, физіологія, эмбріологія намъ раздвинула медицину; связь межъ тѣломъ и духомъ впослѣдствіи обнаружилась.

Утвержденья эстететовъ и антиэстетовъ о внѣ-смысленности внутренняго содержанія поэтической формы или, наоборотъ—объ ея осмысленности одинаково насъ ведутъ: къ вскрытію организма изъ формы, къ изученію ея тканей, къ эмбріологіи и гистологіи тканей формы: изобразительности и звукового состава; непостижимая толща формы вполнѣ проницаема для эмпирическаго рѣшенія вопроса о томъ, аккомпанируетъ ли жизнь звуковъ формы содержанію переживаній и мысли; если да,—то смыслъ звука-мысли, смыслъ т р е т і й, конкретно-разумный, доказанъ: и намъ остается ему найти „и м я р е к ъ“.

Можно сказать, что въ примитивной метрической формѣ имѣемъ мы систему движенія—„мускулы; риѳмы суть сухожилія, прикрѣпляющія поэтическій организмъ къ кости крѣпкаго звука: къ согласнымъ; а оживляющій поэтическій организмъ внутри метра заложенный ритмъ есть пульсація кровеносныхъ сосудовъ поэзіи; и подобно тому, какъ тончайшія капилляры пронизываютъ, оплетаютъ, вплетаются въ органы, проницая ихъ существо, такъ и ритмъ (глубочайше невскрытое для сознанья начало поэзіи, ея с о н ъ б е з ъ г р е з ъ“) органически связанъ съ суммою тканей формы; единство ритмическихъ модуляцій поэта и есть его сердце, противоположное началу абстракціи, головѣ; еслибы между безднами верхней и нижней поэзіи, несказуемой въ поэзіи мыслью и не сказуемымъ, безобразнымъ ритмомъ, отдѣленными другъ отъ друга огромною толщею промежуточныхъ переплетенныхъ пластовъ изъ метафоръ, аллитераціи, ассонансовъ и метровъ,—еслибы между этими безднами было бы обнаружено соотвѣтствіе жестовъ, то вопросъ о смыслѣ поэзіи перенесли бы мы прямо къ вопросу о томъ, какъ намъ вскрыть т р е т і й с м ы с л ъ, пересѣкающій двѣ половинки поэзіи (ея мысль, ея ритмъ, ея мозгъ, ея кровь),—потому что присутствіе этого третьяго смысла поэзіи было бы вполнѣ установлено и было бы установлено этимъ, что въ данности поэтической жизни нѣтъ слова къ смыслу, что этотъ смыслъ въ насъ живетъ, лишь, какъ внутренне произносимая

завязь словъ, могущая въ насъ прорости явнымъ цвѣтомъ, какъ жезлъ Аарона.

Кантіанское представленіе о содержаньѣ и формѣ превратило намъ представленіе о поэтическомъ организмѣ въ представленіе воздушной машинѣ для печатанія абстракцій разсудка, именуемыхъ мыслью; слово есть такая машина; его формальная значимость, какъ машины, ничто; наоборотъ, матеріальное представленье о словѣ, какъ машинѣ, передающей намъ наши процессы питанія мыслями, умертвило смыслъ жизни мысли въ поэзіи и привело къ убѣжденію насъ, что эта жизнь есть „ущербность".

Между мыслью и формою звука, межъ содержаніемъ звука и формою мысли—нѣтъ связи: непереступаема граница межъ ними, сознаніе ограничено чувственнымъ, переживаніе огриничено мыслью—вотъ лозунги нашихъ дней, сковавшіе насъ въ словесномъ распадѣ.

Мы должны утверждать: переступаемы границы познанія; переживаніе не ограничено мыслью, потому что оно—насквозь мысль, между мыслью и формой поэзіи есть живѣйшая связь—вотъ наши лозунги, освобождающіе насъ отъ словеснаго плѣна и влекущіе на пути новыхъ словъ.

Такъ ли это?

Посмотримъ.

Изобразительность.

Изобразительность тѣсно связана со стихійнымъ началомъ поэта, съ природой стихій у поэта: метафора—одновременно и ось формъ словесности, и граница дневного сознанія поверхности внѣ сознательныхъ, заграничныхъ цѣлинъ; освѣщаетъ она—трепетъ образной грезы; все, стоящее надъ метафорой, проницаемо въ мысли; все, лежащее подъ метафорой, есть ночная стихія; и сорви мы съ поэзіи метафорическій „Аполлоновъ коверъ", мы воскликнемъ, какъ Тютчевъ: „Не пой, страшныхъ пѣсенъ"!

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ пѣсняхъ ночи поэзіи роковое „наслѣдіе" наше.

И—въ темномъ, неразгаданномъ ночномъ,
Онъ узнаетъ наслѣдье роковое.

Этотъ хаосъ стихій—роковое наслѣдіе ущербнаго, денного разума; онъ—змѣиное продолженіе высохшей мысли, наполовину намъ явленной, наполовину намъ скрытой; пополамъ перерѣзана мысль, межъ частями—порогъ; чтобы выявить полную мысль, мы

должны передвинуть пороги; это выглядитъ взрывами въ насъ темнолоннаго хаоса; въ одолѣніи хаоса—долгъ суровый поэта; изъ пиѳійской дыры поднимается паръ; претворимый въ кастальскія струи; вся поэзія Тютчева есть кипѣніе хаоса и цвѣтеніе хаоса; здѣсь сознаніе Тютчева отступаетъ въ ужасѣ отъ видѣнія своего двойника: полуночнаго сознаванія поэтической пиѳіи; мужество передвиженья пороговъ покидаетъ вдругъ Тютчева; темный хаосъ, непросвѣтленно бунтуя, тутъ запертъ испугомъ разсудка; часть дневного сознанія не питаема ночью; въ Тютчевѣ она засыхаетъ славянофильской абстракціей; и оттого подсознаніе звукъ,—еще воющій хаосъ, а не змѣиное жало.

Тютчевъ чувствуетъ замкнутый кругъ, имъ самимъ вкругъ себя обведенный.

Мысль изрѣченная есть ложь...
Умомъ Россію не понять... и т. д.

Наоборотъ: безстрашіе Пушкина вопрошаетъ ночную стихію:

Я—понять тебя хочу:
Темный твой языкъ учу.

Оттого то поэзія Пушкина — музыкальное клокотаніе аполлоновыхъ струй: процвѣтаніе мысли природою звука; гдѣ шевелится Тютчеву хаосъ, тутъ именно зажигается Пушкину звукъ; исчезаетъ пугающій призракъ грозящій съ порога сознанія: размыкается кругъ ложной мудрости въ неложную мудрость.

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
При солнцѣ безсмертномъ ума!
Да здравствуетъ солнце!

Но не солнце ума—солнце мудрости; въ исполненьи сознанья стихіями мрака абстракція свѣта пестрѣетъ цвѣтами: и ширится; наоборотъ, въ филигранной чеканкѣ все того же объема сознанія намъ куется разсудокъ

И Тютчевъ умнѣетъ разсудкомъ: отъ философской системы; а Пушкинъ—мудрѣетъ въ стихіяхъ; и понимаетъ Россію онъ болѣе Тютчева.

Метафора есть порогъ подъ-сознанія; соединеніе дня и ночи поэзіи—въ ней; жизнь метафоры проявляетъ себя многоразлично въ поэзіи; передвиженье порога намъ ширитъ сознаніе: оживляя сознаніе, пресуществляя метафору; вѣдь метафора—зерно миѳа, по иному мо-

гущаго процвѣсти въ разумѣ; передвиженье порога сознанія есть внесеніе миѳологіи въ мысль: соединеніе миѳа и мысли; изъ первичнаго темнаго миѳа разростается солнечный миѳъ, (какъ первичный „Аркадскій“ Гермесъ проросталъ въ Трисмегиста-Гермеса); какъ въ „Аркадскомъ“ Гермесѣ тянулась въ дневное сознанье природа“, быть можетъ, Аркадіи, такъ въ позднѣйшее Слово-Логосъ вошла вся природа, весь космосъ. Вся природа поэзіи Тютчева метафорична насквозь: здѣсь встрѣчаетъ насъ въ собственномъ смыслѣ метафора: соединеніемъ образовъ; какъ мы видѣли ранѣе, метафическая осмысленность корня первѣе метафоры въ нашемъ смыслѣ; корень слова—метафора всѣхъ метафоръ; проницанье стихіи дневнымъ свѣтомъ сознанія, воплощеніе духа слова въ плоть слова вызываетъ бурную мимику въ перезвонностяхъ слова; въ умѣніи достигать перезвономъ корней явной мимики смысла, есть живая магія непосредтвенной мудрости; ея дѣйствіе въ насъ непосредственнѣй, перваго слоя метафоръ: соединенія образовъ.

Какъ богата метафора Тютчева! Какъ сравнительно здѣсь бѣдна муза Пушкина, какъ богата она метонимiей! Пушкинъ—поэтъ метонимій, а Тютчевъ—метафоръ. Наоборотъ: перезвонности звуковъ у Пушкина несравнимы, огромны; и входя въ жизнь согласныхъ и гласныхъ поэзіи Пушкина отступаешь въ нѣмомъ изумленіи: грандіозны, воистину титаничны, прозрачны по смыслу созвучія Пушкина; соединеніе корней и группъ звуковъ слагаютъ картину огромнаго смысла; звуковая осмысленность есть осмысленность слова; въ ней—метафора всѣхъ метафоръ и миѳъ миѳологіи, соединеніе образовъ, пронизанныхъ смысломъ, то есть, „ц в ѣ т е н і е г р е з ы“,—периферичнѣе области „с н а б е з ъ г р е з ъ“, ночи, мглы, предъ которой дневное сознаніе Тютчева отступаетъ въ испугѣ; въ эту-то запорожную область безстрашно спускается Пушкинъ; и говоритъ темной Паркѣ, которая воетъ на Тютчева шевелящимся хаосомъ:

Я—понять тебя хочу:
Темный твой языкъ учу.

И изъ хаосовъ, лепетовъ, воевъ, сознаніемъ взятыхъ въ себя, выростаютъ пѣвучіе, нѣжные перезвоны корней, соединяясь въ огромное звуковое единство: въ соединеніе звука смысла и образа. Соединеніе это ломаетъ метафору, понятую какъ сліяніе образовъ въ грезѣ; изъ подъ короста этой метафоры, за порогомъ метафоры, освѣщается звукъ, неосвѣщенный доселѣ: свистъ змѣи въ немъ становится пѣніемъ Сирина; надъ порогомъ сознанія, гдѣ господствуетъ философическая аллегорія Тютчева, ея прорѣзь въ понятіе—Пушкинскій метонимическимъ смысломъ; самая абстракція мысли, разсудочное понятіе, пре-

вращается Пушкинымъ въ кипучую жизнь метонимій; метонимія есть перенесеніе образовъ, ихъ замѣна другъ другомъ по отношенію; когда Гоголь намъ говоритъ, будто звѣзды въ водѣ „о т д а ю т с я“ (вмѣсто обычнаго—„отражаются“), онъ творитъ метонимію; по Потебнѣ и самый логическій стержень, причинность,—абстракція метонимической жизни;трансцендентальная схема у Канта есть, собственно, метонимія; и когда увѣряетъ насъ Кантъ,—будто схемою времени намъ является линія, что потребность пространственнаго изображенія времени въ познаніе вписана, a priori, то влагаетъ онъ вопреки своей волѣ метонимическій примамъ въ жизнь познанія-собственно. Метонимія, какъ она намъ раскрыта въ словесности,—знакъ пустой; метонимія есть познавательный жестъ матеріально живущаго слова; и она же есть тайное оживанье разсудка въ динамикѣ разума; что въ словесности метонимія, то въ аналитикѣ Конта есть схема; метонимичность познанія есть живой показатель того, что въ разсудочность вписано нѣкое живое начало; обиліе метонимій у Пушкина мы встрѣчаемъ какъ разъ въ мѣстѣ Тютчевскихъ голыхъ абстракцій, повисающихъ въ Тютчевѣ надъ кипѣньемъ стихій его жизни: и обиліе это гласитъ, что до дна окунулъ дневной разумъ свой Пушкинъ въ стихію природы; и оттого область грезы разсѣялась въ мѣстѣ грезы у Тютчева (т. е. въ мѣстѣ метафоры); глубина же безóбразныхъ сновъ (область воевъ и хаосовъ) озарилась чудеснымъ, мудрѣйшимъ и пѣвчимъ сознаніемъ: звуки пушкинскихъ словъ непосредственно осознали себя; и гдѣ Тютчевъ рисуетъ намъ пышности образовъ, тамъ рисуетъ намъ Пушкинъ чуть-чуть, добавляя рисунокъ рисункомъ осмысленныхъ звуковъ.

Положеніе обѣихъ поэзій графически изобразимо намъ такъ: часть дневного сознанія Тютчева не погружалось въ природу стихій; въ этомъ мѣстѣ является Тютчевъ разсудочнымъ: изучаетъ онъ Шеллинга, развиваетъ разсудочный паѳосъ славянофильскихъ тенденцій (здѣсь онъ менѣе всего символистъ, здѣсь онъ болѣе всего направленецъ); часть дневного сознанія Тютчева окунулась въ ночную стихію: и со стихіею справилось; въ этомъ мѣстѣ поэзія Тютчева торжествуетъ надъ хаосомъ: соединеніе хаоса съ мыслью озаряется великолѣпнымъ покровомъ метафоръ; въ великолѣпныхъ метафорахъ передъ нами цвѣтущее слово поэта; и отъ болѣе глубокаго пояса подсознанія (тамъ гдѣ міръ Матерей) отступаетъ съ трепетомъ Тютчевъ:

Мысль изрѣченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи.

Здѣсь с к а з у е м о е есть лишь крикъ, есть фонетика хаоса, непокоренная Тютчевымъ; по сравненію съ Пушкинымъ не процвѣтаетъ

стозвонными звуками; Тютчевъ будучи фонетически чрезвычайно богатъ, все же пиръ его звуковъ по сравненію съ пиромъ пушкинскихъ звуковъ—убогая трапеза, потому что воистину Пушкинъ учился глубинному лепету Парокъ (у Матерей научился онъ мудрости); и въ пустынѣ молчанія инспирированъ голосъ раздавшихся пушкинскихъ звуковъ.

И жало мудрое змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ...
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
„Возстань пророкъ: и виждь и внемли!
„Исполнись волею моей,
„И обходя моря и земли,
„Глаголомъ жги сердца людей"!

Тютчевъ насъ омываетъ волною роскошнѣйшихъ образовъ, многосложнымъ эпитетомъ и обильемъ метафоръ: имагинація, осмысленность образовъ, преобладаетъ въ немъ надъ инспираціей, которая—въ раскрытіи смысла звуковъ; инспирація есть рожденіе внутреннихъ словъ въ внѣшній звукъ; имагинація есть введеніе внутреннихъ красокъ во внѣшнюю красочность; въ инспираціи—преобладаютъ начала духовности; имагинація есть душа; преобладаніе имагинаціи и ея матеріальное выраженіе въ жизни метафоръ поэзіи Тютчева—освѣщаетъ сознаніемъ первую запорожцую зону: жизнь сновъ; въ инспираціи мы не нуждаемся въ метафорѣ собственно; ея мѣсто—жизнь звука; жало мудрости, опаляющее насъ глаголомъ, поэтому поэзіи Тютчева чуждо; а поэзія Пушкина ближе къ зонѣ палящаго, инспиративнаго звука, пребывающаго въ самомъ центрѣ земномъ для дневного сознанія (въ подсознаніи собственно); въ ней, въ поэзіи этой, симфонія звуковъ смываетъ симфонію образовъ: метафора, разбухая, подъемлетъ ростокъ своей жизни до... полярнаго круга абстракцій.

И проливаяся въ немъ, измѣняетъ свой видъ: процвѣтаетъ въ понятійномъ мірѣ она... метонимической зеленью.

Я не стану доказывать многообразьемъ примѣровъ конкретный, осмысленный разумъ обычно внѣ-смысленныхъ звуковъ у Пушкина; они расцвѣтаютъ въ отчетливо зрительной краскѣ; и эта краска, вплетаяся въ красочность образовъ, образуетъ въ ихъ смыслахъ, иные, огромные смыслы.

Для ихъ вскрытія необходимъ огромный трактатъ.

Приведу всѣмъ извѣстный примѣръ, живописующій аллитерацію Пушкина:

Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.

Подчеркну здѣсь одни неслучайные звуки „курсивомъ".

*Шипѣнье пѣ*нистыхъ *бокало*въ
И *пунша пламень голубой.*

Изъ 43 звуковъ 29 звуковъ мудро-осмысленныхъ, неотчленимыхъ отъ смысла; и 14 звуковъ обычныхъ; эти 29 звуковъ намъ образуютъ какъ бы звуковой корень смысла, выростающій изъ сложенія многихъ звуковъ въ намъ внятно гласящее слово; оно—слово звука.

Обыкновенно здѣсь отмѣчаютъ аллитерацію „*п*" (ши*п*ѣнье *п*ѣнистыхъ бокаловъ и *п*унша *п*ламень голубой), не объясняя ее: аллитерація де есть самоцѣнность; отнесеніе ея къ смыслу словъ де предвзятость, натяжка; и оттого то одни (обыкновенно эстеты), упиваяся сладостью звука, погребаютъ въ ней смыслъ; и оттого то другіе, смѣяся надъ сладостью звука, создаютъ себѣ представленіе о поэтическомъ смыслѣ абстрактно, разсудочно.

Постараюсь я здѣсь разложить слово звука на отдѣльные звуки и изъ этихъ буквъ звучнаго смысла сложить слово смысла.

Эти звуки суть: 1) „*ш-с-ш*", 2) „*п-п-б-п-п-б*", 3) „*ѣ-ѣ-а-у*", 4) „*а-о*", 5) „*бкл-глб*", 6) „*н-н-н-н*", 7) „*пѣ-пѣ*".

Изъ семи звуковыхъ, динамическихъ линій сплетается слово.

Живописуется въ образахъ: 1) шипѣнье „влаги" бокаловъ (здѣсь „бокалъ"—метонимія, замѣняющая „влагу" бокаловъ) 2) живописуется голубой пламень пунша.

Живописуется звуками:—

—1) самый звукъ пѣны шампанскаго-„*ш-с-ш*"; три свистящія „*ш*", „*с*", „*ш*" образуютъ здѣсь симметрію: ш а, э с ъ, опять ш а.

—2) живописуются самыя бутылки шампанскаго въ звукахъ взлетающихъ пробокъ: „*п-п-б-п-п-б*"; звуки здѣсь расположены опять таки въ симметріи (два *пэ, бэ*, два *пэ*).

—3) живописуется самое теченіе влаги шампанскаго изъ горлышка въ подставимый бокалъ: при наливаніи изъ полной бутылки теченіе влаги въ стаканъ совершается не непрерывно, а—какъ бы толчками; толчки звуковъ влаги даны—въ толчкахъ звуковъ: „*пѣ-пѣ-бо-пу-пла-лубой*"; при наливаніи шампанскаго въ бокалъ влага сперва вылетаетъ маленькими толчками („*пѣ-пѣ*"), а потомъ вырывается мощно („*пла-лубой*").

—4) оттѣняется влажность „влаги“ расплывчатымъ звукомъ „*ннн*“: пѣ-*н*, пѣ-*н* (шипѣ*нье*, *пѣн*-истыхъ, *пл*ам-*ень*).

—5) звуковая регрессія (линія отъ болѣе высокаго звука къ низкому) живописуетъ теченіе струи сверху внизъ: „*е-е-а-у*“ (шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ и пунша).

—6) А звуковая прогрессія „*уа*“ (пунша пламень) живописуетъ взлетающую линію пламени.

Замѣчательно, что живописаніе звука пробокъ, теченье струи— „толчками внизъ“, живописанье звука взлетанія пламени вписываютъ въ образъ, разсказанный словомъ, другой образъ, въ словѣ не данный, но данный лишь звуками. А если явно раскрытый намъ образъ гласитъ: „Бокалы пѣнистые шипятъ. Голубой пламень пунша горитъ“, то соединеніе звуковъ, вплетаяся въ образъ, даетъ *звуко-образъ*: и *звуко-образъ* гласитъ несравненно болѣе намъ: „Взлетаютъ пробки бутылокъ шампанскаго; струя влаги, сначала маленькими толчками, а потомъ и большими ниспадаетъ, пѣняся, въ бокалы и стоитъ „*шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ*“; взлетающей вверхъ линіей подымается „*пунша пламень голубой*“.

Вотъ какая детальная картина встаетъ передъ нами; рядъ мельчайшихъ штриховъ передаютъ одни звуки безъ внѣшняго образа, потому что явно начертанный образъ гласитъ лишь одно:

Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.

Звуки словъ, ихъ осмысленность—*тайное* даннаго образа; слово образа Пушкина наполовину *внутренне*: передается молчаніемъ образовъ; и разцвѣтаетъ, какъ жезлъ Аарона въ душѣ, потому что душа въ невыразимѣйшей сладости звуковъ переживаетъ рядъ образовъ, Пушкинымъ пережитыхъ и Пушкинымъ незарисованныхъ.

Чудо сліянія смысла, образа, звука въ единую цѣлостность „*звукообраза*“ есть итогъ разцвѣтанья сознанія въ *безсознаніи* звука; это— жесть инспираціи; это—*мудрое жало змѣи*..

Другой примѣръ:

*Р*оняетъ лѣсъ баг*р*яный свой убо*р*ъ.

Здѣсь три „*р*“, „*ссв*“ и „*нн*“—краски звука.

В. Ф. Ходасевичъ (поэтъ и цѣнитель поэзіи Пушкина) обратилъ вниманіе мое на симметрію въ расположеніи звука: по серединѣ строки стоитъ „*р*“; съ „*р*“ строка начинается; съ „*р*“ кончается; межъ тремя словами на „*р*“ два безъ „*р*“ („*лѣсъ*“ и „*свой*“); и характерно: слова эти звуками живописуютъ намъ шелестъ листьевъ: „*с-св*“; звукъ же „*эръ*“ въ трехъ словахъ, гдѣ стоитъ этотъ звукъ, расположенъ опять таки

симметрично: 1) открываетъ слово (*р*-оняетъ), 2) стоитъ посрединѣ (баг-*р*-яный), 3) кончаетъ (убо*р*ъ); что-то подлинно музыкальное заливаетъ строку; музыкальность же—въ симметріи: въ динамикѣ перемѣны мѣста *„эръ“* въ трехъ словахъ (*р*-оняетъ, баг-*р*-яный, убо-*р*ъ); *„эръ“* какъ бы проницаетъ тѣла звуковъ словъ; достигается: при экономіи звука—значеніе звука; звуковой скелетъ строки—въ *„эръ“*.

Смыслъ звука?

Онъ—въ тонкой ассоціаціи звука со словомъ: *„багряный“*; багряный цвѣтъ листьевъ особенно оттѣняется, безсознательно повторяется тѣмъ, что ось звуковой симметріи *„р“* ложится на словѣ „баг-*р*-яный“; двумя звуками *„эръ“* (убо*р*ъ и *р*оняетъ) создается особая ясность багряности цвѣта листьевъ; листва здѣсь горитъ, чуть не свѣтится; звукъ здѣсь — кисть огромнаго мастера. Въ образѣ багрянаго лѣса намъ чуется меланхолія и вмѣстѣ воздушность; меланхолическую воздушность создаютъ звуки *„н“*, прилежащіе къ *„р“*: *рон*яетъ, баг*рян*ый...

„Н“ есть фонъ звука *„р“*: *„рн-рн-рн“* напѣваютъ намъ звуки; въ *„энъ“*—расплывчатость, грусть и воздушность; звуки *„эръ“*, живописующіе намъ цвѣтъ листьевъ, въ сближеньѣ съ расплывчатымъ *„энъ“* поэтому особенно выпуклы; и поэтому образъ багряной листвы начинаетъ горѣть и свѣтиться; а въ звукахъ *„с-св“* листва оживаетъ и движется; вѣтерокъ, пролетающій сквозь листву, не описанъ въ словахъ, а — данъ въ звукахъ.

Создается опять таки *звуко-образъ,* метафора, символъ; этотъ символъ-метафора вписанъ и въ образъ, и въ звукъ; самый образъ и звукъ—половинки единой метафоры; ея цѣлостность въ томъ, что въ ней звуки суть краски, а краски суть звуки; вѣтви образовъ зацвѣтаютъ цвѣтами, какъ звуки; корни звуковъ, листвой проростая, цвѣтутъ.

И — жезлъ Аарона покрывается лиліями.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

„Рнс-рнс-р“ — мудрое живописаніе звукомъ словъ здѣсь встающаго образа; живописаніе, соединясь своимъ смысломъ со смысломъ дневнымъ, даннымъ намъ, намъ гласитъ: „Стоитъ осень: невыразимо прозраченъ, отчетливо-ясенъ багряный уборъ передъ нами встающаго лѣса; въ грусти осени пробѣгающій по листвѣ вѣтерокъ, заставляетъ ее шелестѣть: съ шелестомъ „роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ“.

Здѣсь разсказанное, — переводъ звуко-образа въ образъ, распространяющій образъ, намъ данный; группы звуковъ *„рнс-рнс“* процвѣтаютъ значеніемъ образовъ. Главное звуко-образа — въ мимикѣ, въ жестѣ; внутренній жестъ созерцателя Пушкина воскресаетъ предъ

нами; за лицомъ строки — выраженіе лица Пушкина, передавшаго себя звукомъ.

И здѣсь мудрое жало змѣи — налицо.

И. о ней, о змѣѣ, говоритъ поэтъ Клюевъ:

Звукъ ангелу собратъ, безплодному лучу
И недругъ топору, потемкамъ и сычу.
Въ предсмертномъ „ы-ы-ы!..“ таится полузвукъ,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ,—
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ цвѣтъ,
Но трепетъ не глаголъ, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Корневая народная сила змѣинаго звука прозрачна поэту, корнями своими вспоеннаго этой народною мудростью.

Я слышалъ, какъ зарѣ откликнулась заря,
Какъ вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крылъ возникъ,
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ.

Изъ звуко-образа, не изъ образовъ только, и не только изъ мыслей возникаетъ вся роскошь позднѣйшихъ метафоръ.

Здѣсь поэтъ знаетъ то, что искусственно намъ препарируютъ въ школѣ эстетовъ; въ этой школѣ эстетовъ искусственно варятъ метафоры и уснащаютъ ихъ солью искусственныхъ звуковъ.

Народный поэтъ говоритъ:

Оттого въ глазахъ моихъ просинь,
Что я сынъ Великихъ озеръ.
Точитъ сизую киноварь осень
На родной бѣломорскій просторъ.
На закатѣ плещутъ тюлени,
Заглядѣлся въ озеро чумъ...
Златороги мои олени—
Табуны напѣвовъ и думъ.

(Н. Клюевъ).

Напѣвы и думы, сливаясь въ единство, рождаютъ намъ метафоры образа; и—бѣжитъ „златорогій олень“ цвѣто-звука.

Оттого то и новое слово поэзіи не родится изъ мысли абстракцій; не родится оно ни въ нигилизмѣ футуристическихъ криковъ, ни въ сытостяхъ эстетскаго упражненія звуковъ тяжелозвучной, искусственной аллитераціи, неосмысленной, матеріалистичной насквозь;

новая поэзія намъ рождается въ устахъ тѣхъ, кто воистину видѣлъ Ликъ Слова живого, кто Его роститъ и питаетъ, какъ тайное слово свое всѣмъ горѣніемъ подвига жизни.

Хорошо сказалъ Клюевъ:

Мигъ выткалъ пелену, видѣніе темня,
Но нѣкая свирѣль томитъ съ тѣхъ поръ меня;
Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,
Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ.

Краски природы поэта.

Не случайны намъ краски природы поэтовъ; не случайны глаголы, въ которыхъ живописуется намъ природа поэта; природа поэта, оставаясь картиной природы, намъ данной, есть все же символъ, потому что природа души соединяется съ ней; и оттого то стихіи природы въ живописаньѣ поэтовъ суть метафоры, т. е. образы природы стихій, колышащихъ зыбь поэзіи. Тѣло природы поэта не матеріально, конечно; матеріалъ красокъ, звуковъ ея облекаетъ стихійное тѣло души, по существу динамичное, выражаетъ свое становленіе въ ставшихъ образахъ будто бы обставшей природы; въ краскахъ неба, въ сіяніи солнца и мѣсяца безсознательно отображается скрытая отъ поэта его душевная *аура*.

Кажется Чуковскій назвалъ поэзію Брюсова поэзіей *прилагательныхъ*. Прилагательность поэзіи Брюсова—въ приложеньѣ эпитета къ существительному; „существительное"-жъ поэзіи Брюсова есть данность предметовъ дѣйствительности; существительныя его музы — всегда матеріальны, плотны; они — ставшее; становленья, динамики—нѣтъ въ поэзіи Брюсова; существительное есть предметъ матеріальный: матеріальная женщина, матеріальная страсть; къ матеріально-данной дѣйствительности прилагаетъ Брюсовъ импрессію: прилагательное импрессіонистично у Брюсова. Импрессіонизмъ музы Брюсова есть анализъ душою поэта предмета природы, ему даннаго внѣшне.

По сравненію съ Музой Брюсова Муза Блока насквозь динамична; Блокъ—поэтъ главнымъ образомъ не прилагательныхъ, а глаголовъ; и эта особенность Блока, глагольность поэзіи Блока, воспринимается Брюсовымъ, „статикомъ" (и не динамикомъ вовсе) съ особою чуткостью, когда Брюсовъ пишетъ о Блокѣ: „Онъ охотно ставитъ одни глаголы: „поднимались изъ тьмы погребовъ", „выходили",

„смѣялись“, предоставляя читателю угадать, кто поднимался, кто выходилъ, кто смѣялся“ *).

Этотъ же по существу динамизмъ характеренъ въ живописаньѣ природы поэтами; извнѣ данная намъ природа—статична; а стихія природы поэта—стихійное тѣло его—есть кипѣніе внутреннихъ, безсознательныхъ жестовъ; мѣсяцъ, солнце, земля, огонь, воздухъ поэта суть всегда отраженія на поверхности безобразной глади пучинъ природнаго лика, гдѣ напримѣръ подъ луной намъ дана не луна, а—кольца свѣта луннаго отраженія; въ этихъ пляшущихъ кольцахъ луны на пучинѣ живописуется не луна: живописуются образы и подобія динамическихъ отраженій луны; отраженье въ лунѣ безсознательныхъ душевныхъ движеній; оттого то самые образы луны, солнца, звѣздъ суть метафоры: сѣть метафоръ, бѣгущихъ по строкамъ, есть нервная ткань поэтическаго организма: въ ней—первый, непосредственно прилежащій къ сознанью безсознательный слой поэтической глубины; изученіе формъ образностей и законы, встающіе здѣсь, плодотворнѣе изученья того, что поэтъ о себѣ говоритъ явно сказаннымъ въ словѣ переживаніемъ; тайное переживаній поэта явно брошено намъ въ лицо, какъ изображеніе природы въ его поэтическомъ ликѣ.

Что одинъ поэтъ видитъ главнымъ образомъ зарю желтой, другой—только красной (заря же бываетъ и желтой, и красной, и фіолетовой, и оранжевой и т. д.),—показуетъ намъ главнымъ образомъ не зарю, а цвѣтъ ауры поэта.

Такъ ли это?

Приведу здѣсь примѣръ.

Вода не случайно является намъ стихіею страсти. Состояніе страстнаго организма поэта живописуется безсознательно въ отношеніяхъ поэта къ водѣ. Неужели же состоянье воды у поэта—показуетъ намъ состоянье страстей его? Возьмемъ воду у Тютчева: вода Тютчева—и зеркальная влага, и воющая пучина; она—обильна, ясна, глубока; живописаніе воды Тютчевымъ показуетъ ее, какъ нѣкую мощную силу, могущую быть и нѣжной; не мутна она; не скудна она; очень мало въ ней льда; никогда почти она не „болото“. Переходя отъ воды къ жизни Тютчева, мы должны здѣсь отмѣтить: страстная натура поэта, какъ и *„водъ“* его, глубока; никогда не бываетъ больною; мятется природа поэта,—словно юноша, не утратившій способность любить.

Возьмемъ *„воду“* у Блока въ отношеніи къ идейному лику Музы. Этотъ ликъ въ немъ мѣнялся; сперва не было явлено намъ его Имя: потомъ Блокъ его назвалъ—Прекрасною Дамою, обращаетъ къ ней

---

*) Изъ статьи Брюсова о Блокѣ въ „Русской Литературѣ XX вѣка“ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова (выпускъ VII).

поэтъ свою нѣжную страсть; разгораяся явною страстью къ Видѣнію Неба, поэзія Блока какъ-то путаетъ планы; изъ смѣшенія ея земно-оргійныхъ и небесныхъ началъ выростаютъ болѣзни экстазовъ—радѣній поэзіи Блока. *„Радѣніе“* ведетъ къ срыву: жизнь страстей получаетъ ударъ; заболѣваетъ она; Ликъ Небесной Подруги становится Маскою; и когда спадаетъ она—подъ ней видимъ мы пустоту: женщина легкаго поведенія появляется откуда издали; хирѣетъ въ поэзіи Блока здоровая страстность.

Возьмемъ *„воду“* въ поэзіи Блока въ отношеніи къ перипетіямъ явленія и превращенія Лика Музы его. Поразительна параллель *„водъ“* въ поэзіи Блока, состоянья страстей и измѣненія лика Музы.

Наблюдаемы здѣсь три главнѣйшихъ этапа.

Этапъ первый: Небесное Видѣніе еще не посѣтило поэта; и спятъ страсти поэта.

Какъ въ періодѣ этомъ живописуется Блокомъ вода?

Она—лѣнива, сонна; или—ропщетъ угрюмо; нѣтъ разбѣга въ ней Тютчевскихъ бурь; нѣтъ и ясности.

Появилась Прекрасная Дама. Поэтъ ее любитъ.

Какъ въ періодѣ этомъ живописуетъ онъ воду?

Закипаетъ вода: рѣки рвутъ коростъ льда; разливаются; и, бушуя, поютъ. Если сжать сумму словъ о *„водѣ“* и найти къ ней модель въ одной фразѣ, то—вотъ она:

Мы—живемъ въ старинной кельѣ
У разлива водъ.
Здѣсь весной кипитъ веселье
И рѣка поетъ.

Экстазъ влажной стихіи поэта живописуется въ экстазѣ воды.

Этапъ третій: Прекрасная Дама скрывается.

Экстазъ чувствъ обрывается; и *„вода“* не поётъ, не бѣжитъ; очень много стоячей воды; она ржаво цвѣтетъ; лейтъ-мотивомъ *„болота“* исполнены пѣсни Блока. Появляется Незнакомка подъ Маской: вода замерзаетъ, становится снѣгомъ.

Здѣсь, въ лѣнивой водѣ, въ пѣньѣ водъ, въ зацвѣтающемъ гнилью „болотѣ“ и въ снѣжной метели съ неподдѣльною ясностью передъ нами проходятъ перипетіи глубиннѣйшихъ переживаній поэта, которыя скрыты и отъ него, и отъ насъ въ своемъ подлинномъ образѣ; этотъ подлинный образъ поэтомъ однако намъ данъ не въ словахъ о себѣ, а въ картинѣ природы; такъ изъ суммы пейзажей слагается подлинный нелицепріятный отчетъ о состояніи стихій у поэта. Пейзажъ природы аккомпанируютъ дневнымъ смысламъ своимъ

ночнымъ смысламъ природы поэзіи; форма образовъ (сумма словъ о природѣ) соотвѣтствуетъ идейному содержанію; ночной смыслъ, данный въ образахъ, заживаетъ согласно идеѣ.

Параллели двухъ смысловъ гласятъ, что они суть единство, въ искомомъ, не данномъ намъ смыслѣ.

Ассонансы.

Ассонансъ образуетъ дыханіе въ поэтическомъ организмѣ; поэтическій организмъ внѣ дыханія мертвъ; ритмъ дыханія аккомпанируетъ ритму мысли; дыханіемъ выражается жизнь смысла мысли въ физіологическихъ глубинахъ поэзіи.

Что такое есть ассонансъ? Пусть разскажетъ намъ о себѣ: привожу стихотвореніе З. Гиппіусъ, построенное на ассонансѣ:

Ст*о*ны,
Ст*о*ны,
Ист*о*мные, безд*о*нные,
Д*о*лгіе, д*о*лгіе зв*о*ны,—
Похор*о*нные
Ст*о*ны.

Ж*а*лобы,
Ж*а*лобы на Отц*а*...
Ж*а*лость язвящ*ая*, ж*а*ркая
Ж*а*жда конц*а*,
Ж*а*лобы,
Ж*а*лобы...

*У*зелъ т*у*же, т*у*же,
П*у*ть все кр*у*че, кр*у*че,
Все́ *у*же, *у*же, *у*же,
*У*грюмѣй т*у*чи
*У*жасъ д*у*шу р*у*шитъ,
*У*зелъ д*у*шитъ
*У*зелъ т*у*же, т*у*же...

Господи, Господи—н*ѣ*тъ!
В*ѣ*щее *се*рдце в*ѣ*ритъ!
и т. д.

Здѣсь въ первой строфѣ всѣ ударные звуки на „*о*“; во второй—на „*а*“; въ третьей—на „*у*“.

Жизнь ассонанса не изучена нами вовсе; предположеніе, что движеніе звуковъ слѣпо, безсмыслено, коренится въ предвзятой обиднѣйшей мысли: звуковая де волна матеріальна; матеріей звуковъ безобразно де обвисъ поэтическій смыслъ; безобразный де придатокъ стиха есть матерія звука; стихъ-де надо кастрировать; таковая кастрація стихотворной строки съ извлеченіемъ идейнаго смысла учинялась десятками лѣтъ теоретиками словесности; и смыслъ слова ссыхался въ абстракцію; и когда пересохъ онъ до термина, то словесники въ ужасѣ отскочили отъ крайнихъ выводовъ теоретической разсудочной мысли; эту мысль принялись они прирумянивать и припудривать поэтическимъ образомъ; былъ вялъ этотъ образъ; аллегорія образа не процвѣтала въ символику.

Отъ такой идейно-ходячей поэзіи отказались поэты.

Къ сожалѣнію многіе въ полемическомъ спорѣ съ тенденціей ударились въ обратную крайность; они утверждали: „Если форма въ поэзіи есть мертвѣйшій наростъ для идеи, то идея поэзіи не нужна: нужна форма".

Утвержденіе формы, какъ матеріала изъ звуковъ, не сліяннаго съ мыслью, есть впаденіе въ матеріализмъ: разъ вступивъ на путь формы, должны мы притти къ убѣжденію: матеріальнѣйшія элементы ея суть важнѣйшія; ощутимѣе всего въ формѣ—звукъ; изъ матеріи звуковъ сплетаются ткани формы; здѣсь внутренній образъ, извнѣ отразимый въ метафорѣ,—лишь покровъ тѣла формы; „образъ", „миѳъ" символистовъ безъ достаточнаго углубленія въ его жизнь, безъ вскрытія тайны теченія образовъ, безъ духовной культуры ихъ жизни, безъ вѣрнаго знанія превращается въ фиговые листочки надъ наготою кричащаго звука; матеріализмъ парнассистовъ умѣренъ; нагота звуковыхъ матеріаловъ цѣломудренно прикрывается аллегорической завѣсью образовъ. Въ футуризмѣ срывается съ наготы тѣла звука листочки засохнувшихъ образовъ; звукъ цинично кричитъ; онъ ведетъ себя нигилистомъ; въ футуризмѣ намъ уличенъ эстетизмъ, парнассизмъ и умѣренный символизмъ. Пусть теперь утверждаютъ парнассцы исключительность формы въ поэзіи; мы ихъ спросимъ тогда: „Почему же вы не идете въ своемъ утвержденіи до конца? Почему же вы не становитесь футуристами?" Между логикой когеніанства и логикой „Крученыхъ" [1]) намъ расплющенъ Парнасъ, если онъ упорствуетъ въ нежеланіи прихорашивать звукъ аллегоріей образовъ и абстракціей мысли, отставшей отъ подлинной мысли на столѣтье; и—болѣе.

Положеніе третье почти не разобрано: содержаніе и форма въ ихъ смыслахъ суть тѣни конкретнаго, но не дан-

---

[1]) Футуристическій поэтъ.

наго смысла, гдѣ ликъ слова мысли и ликъ звука слова сливаются въ образъ живого Архангела; это—вѣдомо Клюеву:

Но древній рыбарь—сонъ, чтобъ лову не скудѣть
Въ затонѣ тишины созвучьямъ ставитъ сѣть.

Между мыслью и звукомъ, въ которыхъ расколото прежнее слово—затонъ тишины: молчаніе, подвигъ жизни поэта,—они лишь родятъ слово жизни, гдѣ образъ и звукъ суть единство, чтобъ—

... Вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крылъ возникъ
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ.

И тогда поэтъ скажетъ:

Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ...

Ликъ звука не виденъ словеснику былой памяти, разогрѣвавшему ту иль другую идейку подъ соусомъ аллегорій; онъ не виденъ парнассцу, потому что парнасецъ не вѣритъ, что—

Звукъ ангелу собратъ, безплотному лучу...

Звукъ—матерія для парнасцу: онъ—гутируетъ звукъ; парнассизмъ—плотоядное пожираніе звуковъ, смакованіе звуковъ; звукамъ надо учиться, надо ихъ погружать въ тишину, чтобы тамъ, въ тишинѣ, разцвѣтая, они раскрывались, какъ... ангелы („звукъ ангелу собратъ").

И потому-то Парнасъ ведетъ къ полному срыву души жизни звука; и этотъ „срывъ", какъ болѣзнь, выступаетъ на ликѣ россійской словесности чревовѣщаніемъ футуризма, гдѣ всѣ звуки—какіе-то недоноски, какіе-то невнятные „ы-ы-ы". Полузвуки они!

Въ предсмертномъ „ы-ы-ы!.." таится полузвукъ,
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ,—
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ свѣтъ,
Но трепетъ не глаголъ, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Н. Клюевъ.

Надо намъ in concreto рѣшить, матерьяльна ли форма, или форма—духовна; а для этого надо уйти въ изученіе жизни тканей словесности; эта ткань, образующая органы вдыханія и выдыханія звука, есть ассонансъ. Стихотвореніе пульсируетъ ассонансами; о пульсаціи этой мы мало что знаемъ; матеріалъ ассонансовъ не собранъ, не сортированъ; законностей нѣтъ въ этой области; здѣсь теорія словесности проглядѣла громаднѣйшій континентъ; существованье его

нами только недавно открыто; наблюдены кой-какія законности, намъ едва уловимыя; но опытный глазъ наблюдателя съ изумленіемъ видитъ міры; протекаютъ волшебные перспективы, пролетаютъ пейзажи.

Напримѣръ, характерны нѣкоторые выводы изъ статистики употребленія ударныхъ гласныхъ поэтами. Знаете-ли, что въ поэзіи Баратынскаго, Пушкина, Тютчева на ударныхъ слогахъ главенствуетъ звукъ „*о*“, а не „*а*“. Кажется, что наша русская рѣчь инструментована главнымъ образомъ при помощи „*а*“; скелетъ гласныхъ стиха суть ударные звуки; въ нихъ главенствуетъ „*о*“; совершенно обратно: въ нѣмецкой поэзіи главенствуютъ высокіе звуки главнымъ образомъ „*е*“, *ei*, *i*; принимая, что шкала гласныхъ идетъ сверху внизъ отъ высокаго „*и*“ черезъ „*е*“, черезъ „*а*“ къ наиболѣе низкимъ звукамъ „*о*“, „*у*“, мы должны заключить, что нѣмецкая муза скорѣе сопрано, а наша—контральто.

То, что мы зовемъ ассонансомъ, есть видъ звуковыхъ переливовъ; ассонансами не исчерпана гармонія гласныхъ; ассонансъ показуетъ намъ статику, длительность выдыханія звука; наоборотъ контрастами („и—у“), сѣтью прогрессій (уоаеи), регрессій (иеаоу) выражаетъ себя динамизмъ жизни гласныхъ; въ обиліи гласныхъ—воздушность и легкость стиха; въ этомъ смыслѣ чешскій языкъ, напримѣръ, отвердѣлъ, пересохъ въ преобладаніи согласныхъ надъ гласными; въ изобиліи гласныхъ намъ явлены все здоровыя легкія организма поэзіи. Анатомія и физіологія системы дыханія есть существенно важный отдѣлъ въ изученіи организма.

Въ управленіи воздушной струей, въ упражненьѣ съ дыханіемъ достигается многое въ школахъ Іоги.

Есть-ли это умѣніе у поэтовъ? Осмысленно-ль катятся волны гласныхъ въ поэзіи, иль теченіе ихъ не есть мимика къ внѣшне явному смыслу?

Приведу здѣсь примѣры:

Т*ѣ*н*и* с*и*з*ы*я см*ѣ*с*и*л*и*сь,
Св*ѣ*тъ—побл*е*кн*у*лъ: зв*у*къ *у*сн*у*лъ.

Звуковая волна такова, если примемъ въ разсчетъ мы ударныя гласныя: „и-и-и-е-е-у-у“; градація нисходящаго звука—регрессія—проницаетъ насквозь приводимыя строки. Каковъ ея смыслъ? Она аккомпанируетъ мысли; медленному угасанію свѣта, ухожденію свѣта подъ землю (въ зарѣ) и паденію сумрака съ неба на землю соотвѣтствуетъ упаданіе звука, угасаніе звука отъ высокаго, остраго, яркаго „*и*“, черезъ болѣе низкое „*е*“ къ вовсе темному, низкому и глубоко закрытому „*у*“. Разумѣется параллель между волнами гласныхъ и смыс-

ломъ непроизвольна и внѣ-разсудочна: въ интуитивной гармоніи смысла гласныхъ и смысла образовъ мы видимъ присутствіе третьяго, тайнаго смысла: за смысломъ логическимъ стоитъ Ликъ Логоса; и за смысломъ гармоніи звука стоитъ Ликъ Звука.

Строчка Лермонтова, живописующая благодатность молитвы преобладаніемъ открытаго *„ааа“*, есть опять-таки чудо: рожденія сознанія въ звукѣ.

Есть сил*а* бл*а*г*а*д*а*тн*ая*.

Я пишу строку такъ, какъ она произносится.
И опять-таки я беру случайно у Клюева:

Осѣняетъ Словесное дерево
Избяную дремучую Русь.

Жесты звуковъ здѣсь совпадаютъ съ рисуемымъ образомъ. Здѣсь два образа: дерева и Россіи. Дерево, стволъ его, расширенный кроною вверхъ нарисованъ прогрессіей, линіей вверхъ всходящаго дерева *„я—е“*; прогрессія кончается расширеніемъ звука *„е“* въ ассонансъ: *я—ее*; звуками нарисована линія Словеснаго древа; подъ нимъ, въ глубинѣ—Русь, изображенная ассонансомъ ниже древа (*яее*) лежащаго звука; выбранъ звукъ здѣсь не *„о“*, а звукъ *„у“*, наиболѣе глубокій и темный, потому что Русь здѣсь—„дремучая“, темная, звуковыя линіи: 1) я—ее, 2) у-у-у—суть жесты образовъ. Всѣ ударные звуки осмысленны въ приводимыхъ строкахъ:

Осѣн*я*етъ слов*е*сное д*е*р*е*во
Избян*у*ю, дрем*у*чую Р*у*сь.

Воистину правъ поэтъ Клюевъ, говоря о себѣ:

Пѣвчимъ свѣтомъ алмазно заиндивѣлъ
Надо мной древословный навѣсъ,
И страна моя, Бѣлая Индія,
Преисполнена тайнъ и чудесъ.

Я не стану описывать смыслы гласныхъ въ приводимой строкѣ (я—ихъ вижу): пусть увидитъ ихъ мой читатель—пусть увидитъ онъ въ нихъ жестъ невидимо приподнятыхъ рукахъ... Бѣлой Индіи!..

Вотъ снова случайныя строки съ волной просвѣтленныхъ ударныхъ:

Я в*и*дѣлъ зв*у*ка л*и*къ, и м*у*зыку пост*и*гъ,
Дар*я* уст*а* цвѣтк*у*, безъ в*а*шихъ рж*а*выхъ кн*и*гъ.

Такова волна гласныхъ: *и-у-и-у-и, яа-у-аа-и*. И—что она значитъ? Парадоксальное утвержденіе единства лика и звука выражается

тѣмъ, что сперва рисуется контрастъ звуковъ, наиболѣе высокаго „*и*" съ наиболѣе низкимъ „*у*" въ линію *иу-иу-и*; а потомъ разрѣшается тѣмъ, что контрастъ „*и—у*" связывается въ гармонію ассонанса по серединѣ лежащаго звука (и-е-*а*-о-у): *яа-у-аа-и*.

Краснорѣчіе звука прозрачно: оно—непредвзято.

Имѣя передъ собой схему гласныхъ Лермонтовскаго „Бородина" я съ волненіемъ вижу: сквозь всѣ ряды строчекъ течетъ, кипитъ, дышетъ осмысленная картина: жестикуляція звуковъ полна; и—не умѣю ее охватить; чувствую, что охватомъ своимъ раціонализирую неизбѣжно я то, что мнѣ видится; для раскрытія смысла теченія гласныхъ здѣсь нуженъ трактатъ; я скажу лишь, что явно проходятъ двѣ темы; описаніе мужества русскихъ сопровождаетъ звукъ „*а*"; французы представлены звукомъ „*у*"; далѣе начинаются чудесныя схватки звуковъ, тончайшая звуковая нить создаетъ изысканный контрапунктъ, о которомъ сказать не умѣю, который я—вижу. Вотъ тема героизма русскихъ (звукъ „*а*"):

Звуч*а*лъ бул*а*тъ, картечь виж*ж*ала
Рук*а* бойцовъ колоть уст*а*ла
И ядрамъ пролет*а*ть мѣш*а*ла
Гор*а* кров*а*выхъ тѣлъ.

(„ааеа аооа яаа аае").
Или: снова живописаніе той же темы при помощи все того-же „*а*".

Вотъ з*а*трещ*а*ли б*а*р*а*б*а*ны,
И отступили басурм*а*ны:
Тогд*а* счит*а*ть мы ст*а*ли р*а*ны,
Тов*а*рищей счит*а*ть.

Опять таки: „ааааааааааа" суть ударные звуки.
И вотъ вамъ—французы они фигурируютъ въ низкихъ звукахъ:

У нашихъ *у*шки на мак*у*шкѣ!
Ч*у*ть *у*тро освѣтило п*у*шки
И лѣса синіе верх*у*шки
Франц*у*зы т*у*тъ, какъ т*у*тъ
Забилъ зарядъ я въ п*у*шк*у* т*у*го
И думалъ *у*гощ*у* я др*у*га и т. д.

„У-у-у"—сопутствуетъ появленію вражеской, мрачной тучи.

„Бородино" есть сплошной контрапунктъ ассонансовъ, прогрессій, регрессій, сліяній, гармоній, и звуковыхъ симметрій.

Инспирація гласныхъ сливается въ образы. И воистину: не футуристическое безсмысліе звука безъ смысла пульсируетъ подъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ пишетъ поэтъ, а звуковая гармонія, заставляющая сказать о родномъ языкѣ словомъ сына народа:

Индійская земля, Египетъ, Палестина—
Какъ олово въ сосудъ, отлились въ наши сны!

(Клюевъ).

Аллитерація.

Аллитерація представляетъ собой еще болѣе яркій міръ смысла звука; вмѣстѣ съ тѣмъ она наиболѣе безсознательна; звукъ согласнаго—коренной; тяжелѣй, безсознательнѣй онъ звука гласныхъ; здѣсь мы—въ тайномъ, въ подземномъ; между тѣмъ: здѣсь подземныя толщи матеріи звуковъ при внимательномъ ухожденіи въ нихъ начинаютъ вдругъ плавиться; становиться духовнѣй, иною, не нашей духовностью; не абстракціей мысли, а мимикой, жестами сокрытаго, тайнаго совершенно конкретнаго и все же духовнаго смысла гласятъ намъ онѣ.

Многіе наивно открыли существованіе аллитерацій въ поэзіи модернистовъ; модернисты дѣйствительно культивируютъ аллитерацію но эта культура подчасъ совершенно внѣшне посажена; стихъ насильственно сѣдлается ею; обыкновенно, на смыслѣ она, какъ на коровѣ сѣдло: слишкомъ явно торчитъ; и—легко отдирается. Какъ примѣръ аллитераціи внѣшней, чтобы не обидѣть своихъ современниковъ, беру собственный стихъ:

„К*ра*снѣетъ к*ра*сный к*рай*".

„Кра-кра-кра"—кракаетъ аллитерація безотносительно къ смыслу; между тѣмъ: непроизвольно я употребляю звукъ „эль" въ своей прозѣ; это вѣдомо мнѣ главнымъ образомъ потому, что при наборѣ моихъ сочиненій обыкновенно „*эль*", не хватаетъ. Это случайное обстоятельство заставляетъ меня заключать, что мой звукъ есть звукъ „эль".

Думаютъ, что аллитерація есть явленіе позднѣйшаго времени; между тѣмъ: произведенія нашихъ классиковъ переполнены аллитерирующими, переходящими другъ въ друга группами звуковъ; открываю древнѣйшій памятникъ нашей словесности „Слово о Полку Игоревѣ"; и открываю мгновенно серіи аллитерацій, напримѣръ: „сели сътвориста моей сребренѣй сѣдинѣ"; здѣсь проходитъ звукъ „*с*" и звукъ „*р*" и т. д.

Характерно: любимѣйшая аллитерація Баратынскаго на „пе"—„эръ": „*пр*" проходитъ красною нитью по поэзіи Баратынскаго. Смыслъ аллитераціи этой опредѣлилъ я, касаясь поэзіи Блока*) какъ „*про*р*ывъ покр*ововъ *пр*ироды". Аллитерація третьяго тома стиховъ Александра Блока есть „*д-т-р*"; я ее опредѣляю, какъ аллитерацію „*тр*аге*ді*и *тр*езвости". Аллитераціи эти воплощаютъ намъ въ жестѣ звука согласныхъ основной лейтъ-мотивъ идеологіи Баратынскаго и позднѣйшаго Блока. Здѣсь не стану касаться я ихъ. Ихъ касаюсь я въ другомъ мѣстѣ. Глубокое одухотвореніе согласнаго звука у Пушкина мною было показано выше; пусть читатель мнѣ вѣритъ: аллитераціонныя волны, сливаясь другъ съ другомъ, вдохновенны и пламенны. Многообразіе пейзажей ихъ говоритъ намъ безъ словъ ликомъ смысла.

И въ этомъ глубиннѣйшемъ, безсознательномъ слоѣ формы мы встрѣтимъ огромную связь съ переживаніемъ, съ думой поэта; центръ же связи не данъ: утаенъ.

Его надо намъ вскрыть.

Ритмъ.

Ритмъ—глубиннѣйшій слой; онъ подъ толщею формы—заформенное; наиболѣе онъ удаленъ отъ дневного, абстрактнаго смысла; онъ—нижнее небо поэзіи; или, если хотите, онъ—центръ земли звуковъ; и этотъ центръ—раскаленный: онъ кипитъ и бурлитъ; онъ, какъ сердце, пульсируетъ пламенемъ, плавя формы намъ изнутри и бросая намъ звуки толчками своихъ модуляцій; если мысли поэзіи—голова, если образы—нервы, гласные — легкія; если сложеніе согласнаго звука напоминаетъ сложеніе намъ соединительной ткани въ крѣпчайшія кости скелета, то ритмъ это—темная кровь, горячащая организмъ; и, казалось бы, модуляція ритмовъ должна бы насъ наиболѣе далеко отводить отъ осмысленной внятности переживаній мыслей поэта; между тѣмъ съ наибольшею внятностью въ ея музыкѣ отраженъ смыслъ дневной.

Приведу здѣсь одинъ характерный примѣръ, доказующій внятно глубокое совпаденіе ритма и смысла. Я бы могъ привести и десятки примѣровъ (я помню ихъ); но они насъ ведутъ въ безконечные лабиринты деталей.

Для поясненія своей мысли замѣчу:—

—мнѣ пришлось одно время работать въ кружкѣ, посвятившемъ себя изученію ритма поэзіи; подъ

*) См. въ моей статьѣ „Поэзія Блока".

ритмическою строкою мы разумѣли условно строку, съ отступленіемъ отъ нормальнаго метра, т. е. такую строку, гдѣ есть явное ускореніе одной, двухъ и болѣе стопъ; или обратно: гдѣ есть замедленіе. Въ строкахъ Пушкина—

Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами и т. д.—

—есть четыре стопы съ ускореніемъ, по сравненію съ нормально метрическимъ складомъ стиха напримѣръ:

Возстань, пророкъ! И виждь, и внемли...
Глаголомъ жги сердца людей...

Отношеніе между разными формами строкъ ритмическихъ и метрическихъ измѣрялось нами по предложенію одного изъ поэтовъ такимъ примитивнѣйшимъ способомъ: если мы имѣемъ двѣ смежныхъ и разноритмичныхъ строки, то ихъ разность мы назовемъ „единицею“; разность же, обусловленную неодинаковой паузной формою будемъ мы измѣрять десятичными знаками; такъ, имѣя строфу, мы ее можемъ вычислить, изобразить ее въ числахъ; при повтореніи строкъ съ одинаковымъ ритмомъ, мы ихъ измѣряемъ по формулѣ: $\frac{n-1}{n}$ Такимъ способомъ можемъ мы, будучи ознакомлены съ элементами ритмики, представлять строфы въ числахъ, и при помощи чиселъ графически строить кривую; перебои (паденіе ритма и взлеты его) живописуетъ такая кривая. Стихотвореніе, изображенное, какъ кривая, показуетъ съ наглядностью намъ жестикуляцію ритма.

И, казалось бы, эта кривая, несоизмѣрима со смысломъ; между тѣмъ, она—вдохновенна; содержаніе переживаній и образовъ оттѣняетъ она въ игрѣ ломаной линіи.

Какъ примѣръ совпаденія смысла дневного и ритма приведу стихотвореніе Тютчева.

Смотри, какъ облакомъ живымъ
Фонтанъ сіяющій клубится,
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.

Здѣсь ритмическая разность между первою и второю строкою отсутствуемъ: 0; между второю и третьей строкою эта разность равна единицѣ; между третьей и четвертой строкою опять таки есть эта разность.

Сумма ритма строфы изобразима: 0+1+1=2.

Вторая строфа:

Лучомъ поднявшись къ небу, онъ
Коснулся высоты завѣтной,
И снова пылью огнецвѣтной
Ниспасть на землю осужденъ.

Первая строка равноритмична предшествующей; вторая строка (ускореніе 2-ой стопы) разнометрична опять; третья строка, повторяя намъ ускореніе третьей стопы, повторяетъ ритмъ второй строчки строфы предыдущей: ея ритмъ исчисляемъ по формулѣ $\frac{n-1}{n}$ т. е. $\frac{5-1}{5}=$ 0, 8; но въ то время, какъ паузная форма одной изъ строкъ есть „*c*“ *), паузная форма другой строки—„*b*“; по условленному трафарету причитываю разность двухъ смежныхъ паузъ въ 0,2; наконецъ четвертая строфа равноритмична третьей (и проходитъ она съ одинаковой паузной формою „*b*“) сумма ритма второй строфы: 1+0,8+0,2=2.

Третья строфа:

О смертный мысли водометъ,
О, водометъ неистощимый!
Какой законъ непостижимый
Тебя стремитъ, тебя мятетъ?

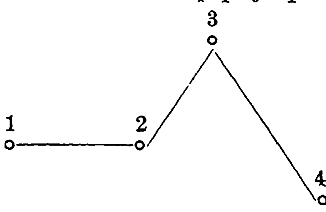
На основаніи тѣхъ же сужденій сумма ритма третьей строфы будетъ намъ: 0,2+1+0,7+0,9=2,8.

И сумма ритма четвертой строфы—

Какъ жадно къ небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.—

— выразится въ слѣдующихъ числахъ: 0+0,8+0+0=0,8.

Изображая въ кривой суммы чиселъ всѣхъ строфъ, т. е, 2—2—2,8—0,8, имѣемъ такой мы форму кривую; жизнь ритма—въ ней.

*) О паузныхъ формахъ и номенклатурѣ ихъ отсылаю къ моей книгѣ „Символизмъ“.

Соотнесите теперь жестъ кривой съ содержаніемъ стихотворенія.

Въ первыхъ двухъ строфахъ живописуется зрительный образъ фонтана; живописуется, какъ онъ взлетаетъ, какъ падаетъ; это спокойное описаніе фонтана даетъ ровную линію ритма. Въ третьей строфѣ расширяется зрительный образъ въ огромное философское обобщеніе: человѣческая мысль уподобляется фонтану; непостижимый законъ мятетъ и стремитъ эту мысль; охвату и взлету идейнаго содержанія, созданію символа изъ образа соотвѣтствуетъ взлетъ ритмической линіи (отъ „2" къ „3"). Далѣе уже — просто чудо: четвертая строфа живописуетъ паденіе мысли подобно фонтану:

Но длань незримо роковая,
Твой лучъ упорный преломляя,
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

И, рисуя паденіе это, глубоко-глубоко упадаетъ намъ линія ритма.

Линія ритма краснорѣчиво кричитъ, что ея темный смыслъ — повѣствуетъ о томъ же, о чемъ повѣствуетъ дневное сознаніе Тютчева.

Я продѣлалъ подобнымъ же образомъ до 20-ти разборовъ стихотвореній Тютчева; и повсюду я встрѣтилъ одно: совпаденіе глубочайшихъ цѣлинъ подсознательнаго съ дневнымъ смысломъ; и мимика кривой ритма, не ошибаясь, живописала дневное сознанье поэта *).

Приведенные выше примѣры въ совпаденіи образности, инструментовки и ритма со смысломъ дневнымъ показуютъ намъ явственно: содержаніе пересѣкается съ формой не въ содержаніи и не въ формѣ, а въ третьемъ, въ неявленномъ смыслѣ, во внутреннемъ словѣ, еще не проросшемъ, не вскрытомъ.

Какъ его намъ раскрыть?

Словесное древо.

Мы показали наглядно: какая-то далеко не явная связь существуетъ межъ смысломъ и звукомъ; но говорить о единствѣ ихъ въ принятомъ видѣ—натяжка; скажемъ лучше, что смыслы и звуки даны въ поэтическомъ организмѣ условіемъ цѣльности, что не будь ея, цѣльности, никогда бы мы не встрѣтились съ совпаденіемъ жеста смысловъ и звуковъ; никогда бъ не придумалъ искусственно Пушкинъ своихъ звуковыхъ совершенствъ; никогда бы кривая ритмическихъ танцевъ „Фонтана" не кричала бы намъ содержаніемъ; невозможно

*) Подробнѣе я касаюсь этого вопроса въ моей статьѣ „О ритмическомъ жестѣ" (2-й Сборникъ „Скиѳы").

искусственно приготовить чудесъ; невозможно искусственно имитировать рефлексы мгновеннаго жеста на мгновенное впечатленье; искуссвенный рефлексъ—гримаса. Въ гармоническомъ организма нѣтъ случайнаго жеста.

Мы должны здѣсь назвать поэтическій организмъ нашей рѣчи— больнымъ организмомъ: не вся толща слоевъ поэтической формы съ одинаковымъ совершенствомъ и ясностью жестикулируетъ идейному смыслу; въ стихотвореніи одного великана поэзіи намъ кричитъ ассонансъ, намъ поютъ сладкозвучно согласные звуки; и оно-же бѣдно динамическимъ ритмомъ при чудѣ метафоръ; стихотвореніе же другого гиганта, наоборотъ, сотрясается взрывами бѣшеныхъ ритмовъ, горитъ аллитераціоннымъ огнемъ,—при наличности блѣднаго ассонанса и вялой метафоры. Соотвѣтствіе между смысломъ и жестами одной всего ткани, вплетенной въ составъ тѣла формы, на насъ дѣйствуетъ, какъ воистину чудо. Мы въ себѣ не можемъ вызвать образа громового глагола корней и ритмическихъ молній, будь всѣ слои формы пронизаны до конца смысловымъ совершенствомъ; говоря о сліяніи содержанія съ формой, подъ содержаніемъ разумѣемъ мы еле-еле живущія клочья (часть содержанія собственно: переживанія, образы, чувства, импульсы, мысли); а подъ формою разумѣемъ опять таки еле дышащія клочья тканей; находя с о о т в ѣ т с т в і е съ содержаніемъ одного изъ слоевъ міра формы, заключаемъ къ единству всего міра формы со всѣмъ содержаніемъ; еслибы содержаніе и форму поэзіи брать въ ихъ дѣйствительномъ образѣ, никогда бы мы и не смѣли надѣяться на совпаденіе ихъ сполна у кого бы то ни было: Пушкина, Данте, Гете, Шекспира. Выпаденіе матеріала формъ и идей въ двѣ раздѣльныя вѣтви, или лучше сказать, разростаніе ихъ въ противоположныя стороны (какъ вѣтви и корни) при частичномъ ихъ совпаденіи въ жестѣ у величайшихъ художниковъ слова—есть эмпирическій фактъ, непріятный весьма для абстрактныхъ пріятій провозглашеннаго лозунга о единствѣ; защищаемый лозунгъ они представляютъ не въ томъ вовсе видѣ, въ какомъ этотъ лозунгъ осуществляетъ себя; насилье надъ фактами слова есть эстетизмъ, ибо все выпадающее содержаніемъ изъ частично понятой формы они отметаютъ, спасая неправильно понятый лозунгъ; наоборотъ: раціоналисты въ поэзіи, исходя изъ отсутствія явнаго совпаденія содержанья и формы, во всѣхъ смыслахъ взятыхъ,— отрицаютъ осмысленность формы; отрицаніе звукообраза приводитъ къ взятію за содержаніе только голой абстракціи. Содержаніе соизмѣряемо съ формою, пересѣкаемо съ ней въ рядѣ точекъ.

Совпаденіе двухъ прямыхъ линій въ двухъ точкахъ обязуетъ насъ къ заключенію, что прямыя эти—одна только линія; совпаденіе

смысла съ ассонансами—здѣсь, и ритмикой—тамъ,—совпаденіе это ведетъ къ заключенію: содержаніе и формы—едины въ исконномъ, гдѣ они—формо-содержанія, звуко-мысли.

Это — первое слово о словѣ.

И, однако, намъ и звуки и мысли даны въ раздѣленности; расчлененная философія упирается въ терминъ; образованіе термина звукъ убиваетъ; а съ острія всей поэзіи истекаетъ безсмысленный тяжелогрохотный звукъ.

Разрѣшеніе противорѣчій о словѣ—въ признаніи, что нѣмая, незвучная мысль звучна въ тайнѣ не скрывшихся звуковъ, а крикливые грохоты звуковъ не открыли еще своей мысли; и эта мысль въ нихъ оккультно положена: два расщепа единаго древа пересѣкаемы въ насъ, только въ насъ; тайно данный намъ звукъ сочетается съ тайно данною мыслью внѣ мыслей и звуковъ, въ которыхъ себя мы находимъ, а въ мысляхъ и звукахъ, къ которымъ должны мы притти; выводы теоретической мысли о томъ, что она невыразима словами, ее подсѣкаютъ подъ корень; если смыслъ ея нѣмъ, для чего гносеологи пишутъ трактаты словами?

Въ культѣ мысли, какъ тайнѣ умныхъ дѣланій, правѣе и старцы и іоги: созиданія мыслей въ себѣ, созиданіе мыслью себя,—вотъ во что превращается философія; характерно поэтому завѣреніе философа Яковенко, что для его философіи онъ, философъ, Б. В. Яковенко—помѣха; и отсюда ужъ слѣдуетъ: изъ себя, какъ философа, надо выйти къ себѣ, не философу. Эти выводы мысли о мысли уличаютъ намъ мысли: эти мысли—не мысли, а—бредъ.

Выводы современныхъ поэтовъ о томъ, что выразимое слово—внѣ мысли, ихъ приводитъ къ сознанію: расширеніе выразительности слова—въ разбитіи коростовъ смысла, на насъ отвердѣвшихъ; и предѣлъ выразимости звука-внѣ мысли развѣ что достижимъ нами явно въ поэмѣ на „собственномъ языкѣ“:

„Дир булъ щыл убѣшщуръ“ и т. д.

Звучный звукъ отрицаетъ себя, какъ и мысль, внѣ какого то упражненія въ таинствахъ звука: звукъ и мысль, подзывая другъ друга, другъ въ другѣ кончаются; звукъ и мысль, расколовшись другъ въ другѣ, другъ къ другу, однако, стремятся; звукъ и мысль, утверждая себя, убиваютъ себя: убивая себя, полагаютъ себя.

Гдѣ же выходъ изъ круга?

Въ выходѣ за предѣлы всѣхъ данностей; въ созиданіи новаго міра словесныхъ рѣченій и смысловъ по образу бывшаго: въ актѣ творенія; о прежде бывшемъ мы знаемъ: о словѣ, которое было у Бога.

Въ невозможности сочетать звукъ и мысль, какъ они намъ даны, коренится неправильность пониманья единства. Мы разсудочной

категоріей, по существу механической, называемъ ростущую цѣлостность слова — единствомъ.

Гдѣ жъ единство многовѣтвистаго дуба? Въ корневомъ ли началѣ, въ вершинѣ ли? Обыкновенно жизнь дерева сосредоточена въ очень тонкомъ пластѣ межъ корой и толщею; въ древесинѣ, въ корѣ — жизни собственно нѣтъ; наша статика представленій о содержаньѣ и формѣ поэзіи суть кора съ древесиною; древесина есть толща формы; кора—покрывающій эту толщу поверхностный строй остановившихся мыслей; соединеніе формы и мысли (коры съ древесиною), одинаково, отлагающее внутрь — матерію слова, во внѣ — содержаніе слова есть тонкій слой образовъ: промежуточный, живой слой, еле-еле уловленный, передаетъ водяное питаніе листьямъ отъ корня; черезъ него пробѣгаетъ питаніе съ листьевъ къ корнямъ. Собственно содержанье и форма—не кора съ древесиною, а невидимые обыкновенному оку многолистая словесная крона и словесное корневище; для узрѣнія многовѣтвистой древесной вершины необходимо усиліе приподыманія глазъ: надо намъ приподнять въ себѣ вверхъ — выше, выше! — горизонтъ представленій о содержаніи слова; для узрѣнія многоцѣпкихъ корней необходима работа разрытія почвы; необходимо въ себѣ углубить—глубже, глубже! — свои представленья о звукѣ, чтобы открыть подъ хрустящею древесиною звука—звукъ, спаянный съ почвою. Представленіе о понятійномъ содержаньѣ поэзіи грубо въ насъ, какъ кора; представленіе словеснаго звука въ насъ еще матеріально; оно — древесинная толща; содержаніе—динамично, многовѣтвисто, тысячелисто, текуче и звучно; содержаніе неразрывно связано, скажемъ мы, съ зацвѣтающимъ вишненнымъ бѣлоцвѣтомъ, съ цвѣтами и съ пчелами на цвѣтахъ; содержанія суть существа жизни, мысли, живыя, крылатыя, пѣвчія; форма связана съ многообразнымъ проростомъ корней, точно лапами вцѣпившихся въ почву.

Содержаніе и форма растущаго Слова (одновременно растущаго вверхъ и внизъ)—намъ дана въ направленіи совершенно обратномъ, внѣ плоскости пересѣченья ствола, а въ продольномъ сѣченіи огромнаго дерева; дерево въ поперечномъ сѣченіи—кругъ, глупый кругъ; между слоями коры и толщеи древесины круговая линія тканей и есть ихъ единство; пересѣченье ихъ—глупый кругъ!—не вскрываетъ единства, какъ жизни; еслибы изучить намъ жизнь листьевъ, не данную вовсе въ разрѣзѣ ствола, мы увидѣли бы притеканіе питательныхъ соковъ отъ пѣвчей крылатой Идеи въ подземные звуки корней; еслибъ намъ изучить жизнь корней (ихъ въ разрѣзѣ ствола не откроешь), то увидѣли бъ мы притеканіе влаги подземной къ пѣвчему смыслу листвы нашей мысли; и увидѣли бъ мы, какъ оно испаряетъ подъ небо изъ листьевъ ишедшую влагу, собирая подъ

небо громовое облако; роль корней и листвы въ испареніи влаги огромна; и подземный звукъ корня—внѣ-форменснъ въ нашемъ смыслѣ, внѣ-содержателенъ—въ немъ же; и жизнь кроны листьевъ, опять таки есть—ни форма, ни мысль въ нашемъ смыслѣ. Представленья о смыслѣ и формѣ за горизонтами данныхъ намъ и смысловъ формъ; формы, смыслы, сплетаясь внѣ насъ, образуютъ одинъ голый стволъ. Слово, данное намъ—голый стволъ, не проросшій корнями, листами; и по его перерѣзу должны мы судить о непонятныхъ, невскрытыхъ корняхъ и вершинахъ; представленье о смыслѣ поэзіи, третій смыслъ, намъ дается сперва кое-какъ уловимою линіей круга: разрѣзомъ текущихъ сосудовъ; соки жизни поэзіи протекають чрезъ стволъ вверхъ и внизъ.

Слово—цѣльное древо: и листья (идеи) и корни (пѣвучіе звуки) суть часть многочастности; наши абстракціи о словесномъ единствѣ, погружаемы въ мощную цѣльность: въ ней они—не они; въ ней они—образъ древа. Въ глубинѣ корней древа постигнется мощь притекающей лиственной пищи—свѣтлой, выспренней, горней; въ вышинѣ лишь идей постигаема глубина корневищъ по обилію жизненной влаги, оттуда текущей. Слово здѣсь, какъ и тамъ—духовная жизнь: внутри насъ.

Слово есть древо жизни: мы же сами суть Слово; и въ корняхъ, и въ вѣтвяхъ прободаетъ оно нашу самость въ огромность космической жизни; испареніе листьевъ сгущаетъ намъ облако; пролитою изъ облака влагою корни питаются. Въ этомъ дальнемъ, объемляющемъ словѣ нѣтъ мысли, нѣтъ плоти, нѣтъ насъ въ нашемъ жизненно-проростающемъ смыслѣ: мы встрѣчаемъ себя, вознесенными въ Жизнь. Слово-Плоть—вотъ послѣдняя тайна и слова, и звука: и листьевъ, и корня.

Всѣ слова, передъ нами лежащія, намъ даны въ раздѣленьѣ, въ расщепѣ, въ разрѣзѣ: ощутимая, явная мысль; но она—намъ кора; ощутимая звучная толща, она—древесина; лишь въ заданіи данъ тонкій слой, но—живой: совпаденіе смысловъ въ чуть-чуть уловимомъ и третьемъ.

Весь нашъ экскурсъ читателю долженъ явить кругъ немногихъ намековъ: существующія совпаденья; совпаденіе въ малыхъ точкахъ словеснаго смысла и звука есть знакъ намъ о томъ, что путь снова—далекъ; и постигается онъ не во внѣшне-словесной культурѣ, а—во внутреннемъ прославленіи Лика и Имени Слова; безъ инспираціи, безъ интуиціи передъ нами лежащее слово воистину не возстанетъ изъ мертвыхъ: не процвѣтетъ жезлъ словесный.

Изученіе структуры словесныхъ разрѣзовъ на данныхъ словесныхъ стволахъ укрѣпляетъ сознаніе наше въ надеждѣ, что есть

таки корень; отъ ощущенія корня идемъ мы сквозь корень до сѣмени, изъ котораго корень всталъ и котораго не вернуть; многоствольное и дуплистое древо воистину не сжимаемо въ сѣмя: первоначальное Слово, рожденное въ Богѣ, убито, расщеплено; мертвенѣющій стволъ оживляемъ чуть чуть круговою и тонкою линіей соковъ и влаги; влага мудрости древняго, ветхаго слова бѣжитъ отъ корней; соки пищи спускаются сверху: отъ невидимыхъ листьевъ въ неявленномъ внутренномъ Словѣ; осознать соки листьевъ и значитъ: родить въ себѣ Слово, впервые увидѣть верха своихъ собственныхъ словъ, гдѣ бѣгутъ бури вѣтра и брыжжутся молніи смысловъ, доселѣ сокрытыхъ отъ насъ; и до самаго ветхаго корня, до влаги подземной, до темнаго ритма—доходитъ питаніе листьевъ, шумъ вѣтра и сладкіе сирины звуковъ; поднимается влага: пульсируетъ ритмомъ; и отъ этого живой слой на стволѣ—образъ слова—во внѣ отлагаетъ кору дневныхъ смысловъ; во внутрь—древесину изъ звуковъ; и жизнь древесины есть тѣнь жизни образа: смыслъ его—не въ корѣ и не въ толщѣ; онъ—въ пищѣ свыше. И прилетаютъ пчелы въ высь листьевъ къ цвѣтку: и—переносятъ пыльцу, чтобъ грядущее сѣмя, предъ тѣмъ, какъ созрѣть и упасть, проростая,—высоко-высоко-высоко, подъ солнцемъ качалось и медленно зрѣло въ цвѣткѣ.

Выростить въ себѣ цвѣтокъ новаго Слова,—значитъ выйти изъ круга коры, древесины—изъ круга трескучаго звука, изъ круга корявыхъ понятій; въ тишинѣ утопить звуки словъ и содрать съ себя ветхіе смыслы понятій, чтобъ по тонкому слою живой ткани внутренныхъ образовъ приподняться до кроны.

Нуженъ подвигъ молчанія: онъ—роститъ древо словъ.

Пѣвчимъ свѣтомъ алмазно заиндивѣлъ
Надо мной древословный навѣсъ,
И страна моя, Бѣлая Индія,
Преисполнена тайнъ и чудесъ.

(Н. Клюевъ).

Аароновъ Жезлъ.

Слово-собственно—внутренно. Его смыслъ по отношенію къ дневнымъ смысламъ есть музыка; она кажется намъ вулканическимъ пламенемъ, бьющимъ подъ коростомъ формы; излетаніе новаго звука невнятнаго смысла—преждевременно въ насъ: вулканическій взрывъ разбиваетъ всѣ коросты формы, взлетая подъ небо сознанія ужасающей, дымною, звуковою струею; слишкомъ раннее возгараніе словъ

не проплавитъ еще шлаки формы вылетая изъ трещины, они будутъ намъ камнями; жаръ духовный въ неодухотворенной душевности замутитъ атмосферу сознанія нашего; слишкомъ раннее истеченіе звука Словъ изъ теплицы молчанія только—„выкидышъ“, „недоносокъ“; такой „выкидышъ“—футуризмъ; все убожество футуризма въ его появленьѣ на свѣтъ до истеченія сроковъ. Темнота звуковыхъ голосовъ до временъ созрѣванія новаго, третьяго, смысла изъ нихъ, все же даръ. Отраженіе Духа во плоти возможно лишь въ соотвѣтствіи статической линіи образа въ линіи духовной динамики; соотвѣтствіе можетъ быть, если Духъ воплотиться въ нашъ внутренній обликъ; соединеніе духовности съ нашимъ внутреннимъ обликомъ оживляетъ намъ душу; постигается мимика облика въ проростаніи внутреннихъ жестовъ, и поющая музыка въ насъ суть они; матеріальное выраженіе музыки—пульсы влитаго ритма въ ткани формы: въ мускулатурѣ метрическихъ формъ, въ выдыханіи гласныхъ, въ скелетѣ согласнаго звука! Собственно говоря: на болѣе безсознательный и казалось бы, матеріальный центръ звука—ритмъ—есть проэкція внутренней музыки, внѣматеріальной, конечно; окостенѣніе ритмики метромъ есть первое уплотненіе органики звуковъ въ механику; матерія—механически обоснова; ее нѣтъ какъ матеріи собственно; и матерія формы стиха по существу есть механика тоже; механическій взглядъ—это взглядъ искаженнаго духа; матеріализмъ есть болѣзнь жизни духа; разстройство кординаціи между духовными центрами; безсознательность коростовъ матеріи формы—застарѣлое недомоганіе слова; между внутреннимъ словомъ и крикомъ положена грань изъ мелодіи жестовъ и мимики моего духовнаго; непроницаніе формы жестомъ и жеста духовностью вызываетъ стремленье къ умѣнію приводить слова въ мимику, въ жесты: отысканіе соотвѣтствій межъ смысломъ и звукомъ—итоги духовнаго знанія; преждевременный звукъ—нервный тикъ; онъ—невольная пародія смысла: онъ—неузнанный, неоткрытый языкъ; жестикуляція, мимика въ немъ дана подъ покровомъ болѣзни, хотя бы „священной“ болѣзни: оттого то и говоритъ намъ апостолъ съ огромною кротостью: „Теперь, если я прійду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъяснюсь вамъ или откровеніемъ, или познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ? И бездушныя вещи, издающіе звукъ, свирѣль или гусли, если не произносятъ раздѣльныхъ тоновъ, какъ распознать то, что играютъ на свирѣли или на гусляхъ?.. Сколько, напримѣръ, различныхъ словъ въ мірѣ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія. Но если я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ, и говорящій для меня чужестранецъ... А потому говорящій на незна-

комомъ языкѣ, молись о дарѣ истолкованія. Ибо когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то хотя духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода. Что же дѣлать? Стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ; буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ" (I къ Кор. 6—15). Здѣсь даны языки: внутренній, обращенный къ Духу, и—внѣшній, переводящій рѣчь Духа (и къ Духу) въ языкъ, намъ доступный; установлена связь между нами: переводъ здѣсь возможенъ; пропади намъ возможность—два слова стоятъ передъ нами: слово въ насъ и—внѣ насъ; перенесеніе внутреннихъ словъ въ формы внѣшнихъ внѣ связи межъ нами есть поэтому звукъ пустой, уподобляемый звуку бездушныхъ предметовъ. Отсутствіе связи—въ болѣзни; въ непринятіи внутреннихъ словъ жестомъ, мимикою душевныхъ движеній; если Духъ овладѣетъ душой, то—связь возстановится и духовное слово вольется сквозь душу во внѣшнее слово; такъ звуки осмыслятся третьимъ, смысломъ. Показательно намъ строеніе рѣчи библейской; Имя Божіе тамъ проросло въ звуки корня; и корни—духовны, священны; еслибъ не было факта еврейскаго языка, еслибъ Павелъ не былъ евреемъ, мы могли бы понять рѣчи Павла—абстрактно въ такомъ смыслѣ онѣ—апелляція къ здравому смыслу ходящаго слова. Но ходячій смыслъ слова убитъ философской абстракціей; въ номенклатурѣ понятій, въ структурѣ понятій сосредоточенъ логическій смыслъ; уразумѣнье звуковъ словъ—ужъ не въ здравомъ, житейскомъ, а въ философско-научномъ, критическомъ смыслѣ; на остріѣ философіи этотъ смыслъ отрѣзаетъ отъ слова себя. Онъ опять-таки—внутренній: выраженіе въ понятійныхъ смыслахъ гноссологическихъ смысловъ эмблематично еще „понятіе" въ словѣ—нечисто: проницаніе въ мыслительныхъ смыслахъ апеллируетъ къ упражненію, къ очищенью понятія и развитію мощи внѣ словъ протекающей мысли; современная философія въ Гусерлѣ полагаетъ мысль интуиціей; но положеніе это формально: постиженіе интуиціи мысли лишь въ опытѣ творчества мысли гдѣ мы входимъ воистину въ существо жизни мысли. Требуется оживленье ритмики мысли, динамики мысли; мысль въ „понятіяхъ"—статика: слѣдуетъ воскресить ея жесты, слѣдуетъ уразумѣть лики собственно-мысли; на вершинахъ познанья, какъ тамъ—въ подсознаніи звука, приходимъ къ тому же: къ тайному существу жизни смысла. Этотъ смыслъ жизни есть Духъ; и поэтому даже жестъ жизни звука—духовенъ. Соединеніе внутреннихъ мыслей и словъ воедину въ упражненіе особаго рода: въ немъ мы опытно учимся, что понятія наши и звуки проэкціи цѣльности; цѣльность двухъ развѣтвленій абстрактно положена въ мысли о сочетаніи содержанья и формы. Еслибъ мы смогли вдругъ пресѣчь всѣ потоки словеснаго звука, угашеніе звуковъ бы

намъ отразилось въ пульсаціи ритмовъ; наше горло, слагая беззвучно слова, взрыло-бъ намъ подсознаніе; и подсознаніе наше слагало-бъ ритмично беззвучность кипѣнія жизни въ насъ; пульсація сердца намъ стала бы ритмикой; еслибъ мы усиліемъ воли остановили вибраціи горла, то музыкальное разряженіе нашихъ внутреннихъ звуковъ и ритмовъ осознали бы мы напряженіемъ особаго рода, напряженіе зажило бъ въ насъ намъ доселѣ едва только вѣдомо жизнью: музыка пресуществилась бы въ насъ, какъ въ молчаньѣ рождаемый жестъ: и онъ—образъ звука; изучая жизнь, внутреннихъ образовъ, изучалибъ мы тайны безмолвій, потому что тайное внѣшняго звука—душевная музыка; преждевременное изліянье на слово ея—есть „romance sans paroles"; молчаніе музыки—жесты. Преждевременное ихъ изліяніе во внѣ—танецъ тѣла, а тайное танца—стремленіе преждевременно воплотить жестъ неузнанной цѣльности: уподобленіемъ тѣлеснаго выраженія выраженію скрытаго Лика; еслибъ мы сумѣли въ себѣ подавить всякій жестъ, напряженіе въ насъ развивало бы намъ центръ нашего жестикуляціоннаго міра; центръ въ насъ ожилъ бы, и—говоря аналогіей сталъ бы онъ мимикой: мимикой вставшаго Лика; мы узнали бы внутренно, что всѣ звуки—покровы, что музыка—тѣло, что жесты—жизнь этого душевнаго тѣла; въ насъ мы узналибъ, что мимика лика, суть муки рожденія: суть прорѣзы чистаго Духа въ покровы душевности рѣчи Духа душѣ, это—взглядъ безъ единаго слова; жизнь взора; духовное око въ душѣ открывается лишь тогда когда наша душа научится молчать.

Свѣточъ *„ока"* и есть слово звука.

Оно раздается внезапно: въ немъ мысли и звуки единство.

Мы его произносимъ свободно: произнесенное такъ, оно—Мудрость.

Произнесенная Мудрость—въ началѣ рожденія Слова: оно—сѣмя Слова; произростаніе словеснаго древа — языкъ. Но вѣнецъ роста древа есть цвѣтъ жизни древа: и этотъ цвѣтъ — лишь сложеніе новыхъ покрововъ подъ сказаннымъ пологомъ; есть моментъ въ жизни словъ, когда вся эта жизнь напряжена для рожденія: расчлененные смыслы суть листья; смыслъ единый—смыслъ сѣмени—произростаетъ въ многовѣтвистости языковъ: въ тысячелистіяхъ словъ; но эти листья суть средства къ снабженію сокомъ словеснаго древа; когда приняты соки, они отливаютъ отъ листьевъ; и — наливаются сѣменемъ; между вѣточкой и листомъ образуется въ черешкѣ перемычка; не пропускаетъ къ листу она влагу корней; листья сохнутъ; засохнувши отпадаютъ; а плодъ—наливается: многообразіемъ будущихъ языковъ, тысячелѣтіемъ словъ; въ этомъ образѣ засыханіе слова—великолѣпно, торжественно:

Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса.

Багрецы высыхающихъ смысловъ и есть философія; изъ миѳической зелени образуется осень абстракцій: разсудокъ — древесный багрецъ и исторія философіи рдѣетъ терминологической сушью; великая красота ея въ томъ, что внѣ листьевъ ея уже зрѣетъ зерно, изъ которой встанетъ намъ нѣкогда новое древо поэзіи; въ тысячалѣтіи багрянороднаго древа раскрыта, сказалась вся Мудрость когда-то рожденнаго слова; и не сказалась еще тайна Мудрости новорожденныхъ, младенческихъ словъ, почіющихъ стыдливо въ душѣ.

Признаваніе термина лишь техническимъ средствомъ науки не имѣющимъ никакого иного значенія, показуетъ наглядно: разсудочный смыслъ облетѣлъ; онъ— невнятица шероховъ:

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

Смыслъ „понятійной" жизни мысли оконченъ: онъ—мертвый; глоссолалія же футуристическихъ звуковъ — срываніе плода древа словъ, древа смысловъ для корыстнаго, плотояднаго поядѣнія матеріи звука; всякій плодъ — оболочка: въ плодѣ живетъ сѣмя; подъ оболочкой изъ внутренней музыки скрыты жесты и мимики юныхъ смысловъ грядущаго, мудраго древа; и вотъ музыку, мимику, жесты намъ слѣдуетъ укрѣпить въ плодородной землѣ тишины; и тогда лишь подымется слово — воистину новое слово поэзіи. Въ немъ по новому соединятся три смысла: миѳологическій, логическій, звуковой—въ новое раскрытіе Мудрости.

Аароновъ Жезлъ—процвѣтетъ.

Андрей Бѣлый.

1917 г.

Л. ШЕСТОВЪ.

Музыка и призраки.

Hic situs est Phaëton, currus auriga paterni,
Quem si non tenuit, tamen magnis excidit ausis.
Овидій. *Метаморфозы.*

Достоевскій началъ съ ужаса, разсказавъ въ „Запискахъ изъ подполья“ о своихъ послѣднихъ мукахъ и униженіяхъ, а кончилъ „Братьями Карамазовыми“ и пророчествами въ „Дневникѣ писателя“. Толстой же, наоборотъ, началъ съ „Дѣтства и отрочества“ и „Войны и мира“, въ которыхъ такъ много спокойнаго и радостнаго самоудовлетворенія, а кончилъ „Смертью Ивана Ильича“, „Хозяиномъ и работникомъ“, „Отцемъ Сергіемъ“ и т. д. Habent sua fata не только libelli, но и homines...

Какова же задача философіи—изслѣдовать-ли смыслъ цѣлаго и искать во что бы то ни стало законченной теодицеи, по образцу Лейбница и другихъ прославленныхъ мудрецовъ, или выслѣживать до конца судьбы отдѣльныхъ людей, иными словами—задавать такіе вопросы, которые исключаютъ всякую возможность какихъ-либо осмысленныхъ отвѣтовъ?

Многіе замѣчательные люди думали—да развѣ кто-нибудь можетъ хотѣть думать иначе?—что послѣдняя цѣль земной жизни человѣка въ томъ, чтобъ достигнуть такого состоянія, когда можно провозгласить Осанну всему мірозданію. Такъ что Достоевскій, если принимать à la lettre его послѣднія „идеи“, уже здѣсь получилъ награду свою. А Толстой не получилъ!..

И этимъ кончается тяжба между двумя великими писателями? Или, можетъ быть, и тяжбы никакой нѣтъ?

Это только въ нашемъ ограниченномъ представленіи всѣ тягаются со всѣми: bellum omnium contra omnes, и не только за матеріальныя, но и за духовныя права. Вотъ вопросъ, который почему-то тщательно

обходится философіей—а межъ тѣмъ съ него бы казалось нужно и начинать; имъ бы и кончать. Отчего Толстой не дошелъ до Осанны, а Достоевскій дошелъ? Самый естественный отвѣтъ: что-то Толстому помѣшало. Иными словами, у Достоевскаго былъ какой-то скрытый источникъ, для Толстого оказавшійся недоступнымъ. Вѣдь Достоевскій получилъ награду свою. Навѣрное получилъ? Или только люди думаютъ, что онъ получилъ, а онъ не получилъ ничего? И, потомъ, опять, почему одни люди получаютъ, а другіе не получаютъ?

Лучшія и самыя крупныя произведенія Достоевскаго—„Подростокъ", „Идіотъ", „Бѣсы", „Братья Карамазовы"—были написаны имъ за послѣдніе 10, 12 лѣтъ его жизни, когда ему перевалило за 50 лѣтъ. Толстой же, послѣ 50 лѣтъ, уже крупныхъ вещей не писалъ совсѣмъ. „Война и Миръ" и „Анна Каренина" появились въ печати, когда Толстому шелъ и кончался пятый десятокъ.

Т. е. и въ послѣдніе тридцать лѣтъ своей жизни Толстой писалъ вещи необыкновенныя, но все небольшія, если не считать „Воскресенья", которое мнѣ кажется случайнымъ анахронизмомъ, какъ бы отголоскомъ перваго періода его творчества. Послѣ „Анны Карениной", въ которой Толстой все еще стремится имѣть видъ человѣка, уже получившаго свою награду, идетъ рядъ небольшихъ произведеній, смыслъ которыхъ именно въ томъ, что награды онъ никакой не получилъ и не заслужилъ. Почему же Достоевскій такъ спѣшилъ съ Осанной, а у Толстого Осанны не слышно?

Зачѣмъ не могъ я произнесть Аминь?
Я такъ нуждался въ милосердьи Бога—
Аминь же замеръ на моихъ устахъ.

У Шекспира такъ говоритъ преступникъ—цареубійца Макбетъ. Когда читаешь послѣднія произведенія Толстого невольно слышишь слова Макбета. Иванъ Ильичъ, Позднышевъ, Брехуновъ—всѣ въ ужасѣ отъ того, что аминь замираетъ на ихъ устахъ. И отецъ Сергій, который могъ гордиться тѣмъ, что Европа, невѣрующая Европа, знала его и чтила его, испытываетъ тоже чувство души, умершей безъ покаянія и прощенія грѣховъ. Достоевскій же, выпуская романъ за романомъ, все громче и торжественнѣе провозглашаетъ Осанну и все злѣе и безпощаднѣе топчетъ ногами людей, не умѣющихъ вторить ему. Я назвалъ здѣсь Толстого и Достоевскаго. Если угодно вторую пару—я назову Шиллера и Шекспира. Шиллеръ былъ великимъ мастеромъ торжественныхъ рѣчей. У насъ высказано было мнѣніе, что именно у Шиллера Достоевскій обучился этому искусству. И доля правды въ этомъ есть: хотя Достоевскій необычайно высоко цѣнилъ Пушкина, но въ Пушкинѣ какъ разъ не было того,

что нужно для учительства и за пророческимъ паѳосомъ, безъ котораго нельзя было писать многаго изъ того, что писалъ Достоевскій, приходилось обращаться къ Шиллеру...

И вотъ я въ третій разъ предлагаю свой вопросъ: отчего однимъ людямъ дано провозглашать Осанну, у другихъ же торжественныя послѣднія слова замираютъ на устахъ?

Я исхожу изъ предположенія, что и Достоевскій и Шиллеръ не только произносили устами Осанну—но и испытывали тѣ чувства, которыя это слово вызываетъ. Предполагаю, не имѣя на то никакихъ основаній. Чужая душа—потемки. Очень можетъ случиться, что человѣкъ, выкрикивая восторженныя слова, только повторяетъ то, что слышалъ отъ другихъ, подобно тому какъ бываетъ и обратное: иной разъ человѣкъ напускаетъ на себя мрачность, хотя въ каждомъ его движеньи и даже на лицѣ чувствуется плохо или хорошо скрытая радость и даже торжество.

Возьмите хотя бы Шопенгауера: кажется, въ философской литературѣ мы не найдемъ никого, кто бы такъ настойчиво и упорно доказывалъ безцѣльность и безсмысленность нашей жизни, но съ другой стороны, я затрудняюсь назвать философа, который бы умѣлъ такъ заманчиво соблазнять людей таинственной прелестью доступныхъ и не доступныхъ намъ міровъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ смыслѣ онъ мало кѣмъ превзойденъ. Точно такъ же и его ученикъ, впослѣдствіи идейный противникъ—Нитше, оффиціально провозглашалъ себя оптимистомъ. Но въ его писаніяхъ затаено столько ужаса, горечи и муки, что, если бы люди были способны сквозь печатныя строки добираться до того, что переживалъ авторъ, то вѣроятно пришлось бы подъ страхомъ тягчайшихъ наказаній запретить распространеніе его сочиненій. Но, сейчасъ меня занимаетъ не этотъ, чисто-психологическій, вопросъ. Я не собираюсь дѣлиться съ читателемъ своими соображеніями о смыслѣ и значеніи тѣхъ или иныхъ философскихъ и литературныхъ произведеній. Пусть Шопенгауеръ прославлялъ міръ, а Нитше проклиналъ, или пусть будетъ наоборотъ—но фактъ несомнѣнный, что однимъ людямъ дано понять и благословить жизнь уже здѣсь, на землѣ, а другимъ—не дано. Вѣдь можно было бы не только о писателяхъ говорить, или вообще о людяхъ на виду. Мнѣ приходится называть прославившіяся имена только потому, что они всѣмъ извѣстны. Но, вѣдь, среди людей, о которыхъ никто никогда не слыхалъ, которые не только въ Римѣ, но и въ деревнѣ никогда не были ни первыми, ни вторыми—есть такіе, которые легко и свободно произносятъ Осанну, и есть такіе, у которыхъ уста разжимаются лишь затѣмъ, чтобъ жаловаться на невозможность произнести это слово. И мнѣ представляется, что эти двѣ категоріи людей, часто

по своему внѣшнему виду и даже по земнымъ, видимымъ судьбамъ, мало чѣмъ одна отъ другой отличающіяся и потому для непосвященныхъ представляющіяся искусственно отдѣленными, никоимъ образомъ не должны быть смѣшиваемы межъ собой. Искусственность этого дѣленія—только кажущаяся. На самомъ дѣлѣ гораздо меньше смысла имѣютъ принятыя и привычныя для всѣхъ дѣленія. Скажемъ, всякій понимаетъ, что можно дѣлить людей по категоріямъ сообразно ихъ принадлежности къ національности, къ церкви, сословію и т. д. При чемъ полагаютъ, что такія эмпирическія и осязаемыя, а потому легко проводимыя дѣленія касаются самой сущности людей, такъ что имъ охотно придаютъ даже сверхъэмпирическое значеніе. Напримѣръ, когда рѣчь идетъ о національности—о французахъ, англичанахъ, испанцахъ и т. д. Кажется, что французамъ дано общаться и быть вмѣстѣ не только здѣсь на землѣ, но и въ мірѣ интеллигибельномъ. (Терпѣть не могу это глупое слово, но, по разнымъ причинамъ, не хочу называть другого). Такъ что метафизики находятъ возможнымъ говорить даже о „душѣ“ Франціи, Италіи и т. п. И тѣ, которые такъ говорятъ, совершенно увѣрены, что они углубляютъ человѣческое познаніе, что изъ области позитивной они перелетаютъ въ область метафизическую. А межъ тѣмъ, что можетъ быть поверхностнѣй этого взгляда!

Вѣдь идея души націи—чистѣйшій и грубѣйшій позитивизмъ. Что и говорить—на землѣ каждый народъ, конечно представляетъ изъ себя нѣкоторое единство, связанное и общими интересами, и общей исторіей, и языкомъ и т. д. Но, на землѣ и табунъ лошадей, и стадо коровъ—тоже связаны общими интересами и общей жизнью и всякими другими общностями. Надѣюсь, однако, что мы не найдемъ ни одного столь убогаго метафизика, даже среди нашихъ современниковъ, такъ блещущихъ своей убогостью, который бы счелъ нужнымъ пришпоривать свою бѣдную фантазію до тѣхъ поръ, пока она не „увидѣла“ бы душу сенькинскаго табуна или покровскаго стада. Т. е., пожалуй, кой-кто не прочь былъ бы увидѣть даже въ табунѣ или стадѣ душу—до такой степени никто сейчасъ не умѣетъ видѣть ничего, кромѣ того, что было уже раньше показано,—да эстетика не позволяетъ: душа табуна для метафизики звучитъ недостаточно возвышенно. Нужно, чтобы по крайней мѣрѣ о душѣ Испаніи шла рѣчь. Но, право же—душа Испаніи это такой же эмпиризмъ, какъ и душа табуна лошадей или даже стада свиней. Сущность, вѣдь, не въ томъ что Испанія прекрасная страна, и что у Испанцевъ—великая исторія, межъ тѣмъ какъ лошади—это только лошади, а свиньи—только свиньи. Сущность въ томъ, что метафизика гораздо своеобразнѣй, капризнѣе и фантастичнѣе, чѣмъ этого хотѣлось бы современному уму,

который только дѣлаетъ видъ, что онъ вырывается изъ привычныхъ и милыхъ ему оковъ позитивизма.

Метафизика никакъ не можетъ быть прилажена къ видимой дѣйствительности. У насъ, на землѣ, и въ самомъ дѣлѣ французъ ближе всего французу, англичанинъ—англичанину. На одномъ языкѣ разговариваютъ, дерутся въ рядахъ одной арміи, охранены одними пошлинами, вмѣстѣ пріобрѣтаютъ и вмѣстѣ теряютъ и т. д. Но въ потустороннемъ мірѣ нѣтъ таможенныхъ заставъ, нѣтъ армій, нѣтъ дорогихъ и дешевыхъ продуктовъ, тамъ „общность интересовъ", которую мы здѣсь привыкли считать первоосновой бытія, чѣмъ-то вѣчнымъ и неизмѣннымъ—представляется только безсмысленнымъ соединеніемъ лишенныхъ значенія словъ... Тамъ даже и языкъ, „слово"— по всѣмъ видимостямъ, ни къ чему. Тамъ, вѣдь, души ходятъ не только безъ платья, но и безъ тѣлъ, и, чтобъ сообщаться межъ собой, имъ нѣтъ надобности прибѣгать къ словамъ: посмотритъ одна душа на другую и сразу все пойметъ. Такъ что французъ не только англичанина, но и китайца насквозь видитъ, или даже дикаря съ неизвѣстнаго намъ доселѣ острова, если такіе еще есть на землѣ. Я, напримѣръ, представляю себѣ, что Моцартъ и Бетховенъ въ иномъ мірѣ сейчасъ бесѣдуютъ вовсе не со своими соотечественниками, Бисмаркомъ и Мольтке, съ которыми имъ полагается быть составными элементами души Германіи.

Если бы я могъ вообразить себѣ войну душъ на небесахъ, мнѣ было бы совершенно ясно, что Моцартъ и Бетховенъ палятъ невидимымъ и безшумнымъ огнемъ по безплотнымъ Бисмарку и Мольтке. И первымъ помогаютъ Мюссе, Шенье, Бодлеръ и Верленъ, а вмѣстѣ съ Бисмаркомъ въ однихъ рядахъ дерется Наполеонъ со своими маршалами. И во-всякомъ случаѣ—Моцартъ никакъ не усидѣлъ бы въ одной душѣ не то что съ Бисмаркомъ, но, пожалуй, даже и съ Кантомъ: и скучно, и тошно стало бы.

Не думайте, однако, что я возражаю здѣсь противъ соборности, о которой сейчасъ такъ много говорятъ, или противъ средневѣковаго реализма. Если я когда либо возражалъ противъ соборности или реализма—то лишь противъ тѣхъ опредѣленій, которыя даетъ этимъ понятіямъ современная философія, желающая во что бы то ни стало быть строгой наукой. Либо соборность, либо индивидуализмъ, либо реализмъ, либо номинализмъ. И, если реализмъ — то реализмъ уже готовый, соотвѣтственно сложившимся уже общимъ понятіямъ, а если соборность—то тоже готовая, соотвѣтственно исторически образовавшимся общественнымъ группамъ.

Все это, въ самомъ дѣлѣ, вздоръ — выдумки бѣдной и тяжелой на подъемъ фантазіи. Соборность нисколько не враждуетъ съ инди-

видуализмомъ, реализмъ отлично уживается съ номинализмомъ. А главное—пусть люди не надѣются, что имъ такъ легко удается распутать гордіевъ узелъ дѣйствительности. Не такъ уже просто отъ эмпирической видимости перейти къ метафизическимъ сущностямъ. У насъ есть Испанія или Данія, стало-быть есть душа Испаніи или душа Даніи, у насъ есть львы, стало быть есть идея льва. Не тутъ-то было! Есть, допустимъ, соборныя души, — но о нихъ не догадаешься такъ сразу. Есть душа музыканта, пьяницы, дѣвственницы, монаха, морфиниста и т. п. И то, не думайте, что метафизическая душа вобрала въ себя всѣ эмпирическія души, отвѣчающія извѣстнымъ признакамъ. Какъ разъ можетъ случиться, что въ душу музыканта попали Бернаръ Клервосскій и Фидій, а Цезарь Борджіа вмѣстѣ съ Нерономъ живутъ въ душѣ монаха, въ душѣ же алкоголиковъ или морфинистовъ обитаютъ люди, никогда водки въ ротъ не бравшіе и о морфіи даже не слыхавшіе и во всякомъ случаѣ его не употреблявшіе,—скажемъ, Достоевскій или Горацій, воспѣвавшій aurea mediocritas, деревенскій столъ и т. д. По пути индивидуальнаго существованія къ соборному душа испытываетъ такія превращенія, которыя и самого Овидія поразили-бы. Это всегда нужно помнить и не обольщаться ложной и суетной надеждой, что въ метафизическомъ мірѣ все обстоитъ такъ просто, какъ того хотѣлось бы людямъ, привыкшимъ при посредствѣ научныхъ методовъ упрощать даже нашу эмпирическую дѣйствительность...

Но, если метафизики устали слушать разсужденія объ мірѣ интеллигибельномъ, можно кой-что припомнить и о здѣшнемъ, болѣе знакомомъ и „естественномъ“ мірѣ. Въ средніе вѣка народы, какъ и сейчасъ, говорили на разныхъ языкахъ. Но, въ средніе вѣка для людей образованныхъ существовалъ одинъ общій языкъ, латинскій, и тогда люди о возвышенныхъ предметахъ даже думали по латыни. Тогда нынѣ существующія преграды не казались и не были столь непреодолимыми. И книги, которыя тогда читались и служили источниками и мудрости и жизненнаго паѳоса, были для всѣхъ народовъ одинаковыми. Конечно, и тогда было не мало споровъ и разногласій между людьми — но, въ то время какъ народы и тогда уже опредѣлялись по тѣмъ признакамъ, что и сейчасъ, души людей ученыхъ витали какъ бы надъ тѣми народами, къ которымъ онѣ принадлежали по своему земному происхожденію. И французы, и англичане, и итальянцы дѣлились на томистовъ и скотистовъ. Номиналисты и реалисты странствовали по всей Европѣ. Принадлежность къ тому или иному ордену считалась для человѣка болѣе опредѣляющимъ признакомъ, чѣмъ его національность. И казалось, что если говорить уже о соборной, метафизической душѣ, то скорѣй всего можно было

бы назвать душу доминиканскою или францисканскою. Т. е. людей связывала въ единство субстанціи не случайность происхожденія, а общность поставленныхъ задачъ и стремленій. Я, впрочемъ, думаю, что если бы метафизики не такъ боялись утерять свою связь съ видимыми и осязаемыми цѣнностями того міра, то они отвергли бы томистскія, скотистскія, францисканскія и доминиканскія души: отъ всей этой номенклатуры слишкомъ сильно пахнетъ еще—sit venia verbo—не землей даже, а кухней земли, кухоннымъ угаромъ и даже противнымъ потомъ человѣческаго тѣла. Метафизикамъ слѣдуетъ быть смѣлѣе, много смѣлѣе и попробовать существовать за свой страхъ, отказавшись отъ выработанныхъ здравымъ смысломъ и исторіей цѣнностей и готовыхъ категорій. Чтобъ пріободрить ихъ, сошлюсь на знаменитаго философа—и при томъ изъ древнихъ.

Я говорю о Плотинѣ, котораго сейчасъ такъ охотно хвалятъ и такъ часто приводятъ даже тѣ, которые не примутъ въ серіозъ ни одной строчки изъ его писаній. „Что, спрашиваетъ онъ [1]), изъ человѣческихъ вещей было бы такъ значительно, что не возбуждало бы презрѣнія въ человѣкѣ, вознесшемся къ тому, что надъ всѣмъ этимъ и кто не привязанъ ни къ чему, что находится здѣсь, долу?“. Пока, какъ видите, утвержденіе, которое не рѣдкость встрѣтить у философа — кто уже не говорилъ о бренности земныхъ благъ? Интересно и поразительно не это общее положеніе, которое, какъ и всякое общее положеніе оказывается, въ послѣднемъ счетѣ, безотвѣтственнымъ: сказалъ — и пошелъ дальше. И, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь весь вопросъ въ томъ, что разумѣть подъ „высшимъ“ и что подъ „земными благами“. Нѣтъ ничего легче, какъ подставить въ общую формулу, соотвѣтственно обстоятельствамъ, тѣ или иныя величины. Захочешь — назовешь высшимъ даже богатство и могущество — развѣ вы не знаете, что можно „безкорыстно“ служить богатству и могуществу, и не богатству и могуществу своей страны или своего народа, а даже своему собственному? Наполеонъ считалъ себя служителемъ великой идеи, и даже Брехуновъ у Толстого съ благоговѣніемъ относится къ своему призванію. Оригинальность и дерзновеніе Плотина не въ томъ, что онъ принялъ общую формулу, въ своей общности пустую и безсодержательную, а въ томъ, какимъ содержаніемъ онъ ее наполнилъ. „Ибо, продолжаетъ онъ, тотъ, кто не придастъ значенія земнымъ благамъ, каковы бы они не были,—будутъ ли то царства и владычества надъ царствами и народами, основаніе колоній и городовъ... почему этотъ (человѣкъ) станетъ придавать значеніе потерѣ самостоятельности и разрушенію собственнаго отечества?“ Тутъ, вы слышите, пошелъ уже

[1]) En. I, IV, 7.

совсѣмъ другой разговоръ. Я не удивился бы, если бы даже горячій поклонникъ Плотина, по поводу приведенной цитаты, воскликнулъ, что отъ такой возвышенности до самой обыкновенной низости только одинъ шагъ. Я думаю, что въ моментъ, когда отечеству грозила бы настоящая опасность, за такія возвышенныя рѣчи не похвалили-бы: не посмотрѣли-бы, что говоритъ философъ, котораго ждетъ безсмертіе.

Такова разница между общими идеями и ихъ осуществленіемъ. Но Плотинъ говоритъ невозмутимо и увѣренно, какъ человѣкъ, у котораго есть истина и при томъ истина единая, вѣчная, для всѣхъ разумныхъ существъ обязательная. „Если онъ увидитъ въ этомъ (т.-е. въ гибели отечества) великое зло или даже вообще зло, — смѣшонъ онъ будетъ со своимъ ученіемъ и нисколько не добродѣтеленъ, разъ онъ дерево, камни и—клянусь Зевсомъ—смерти смертныхъ почитаетъ за нѣчто значительное, онъ, для котораго должно быть несомнѣннымъ, что смерть лучше, чѣмъ жизнь въ тѣлѣ“. Не думайте, что вы запугаете Плотина угрозами—развѣ страшны угрозы тому, который убѣжденъ, что смерть лучше, чѣмъ наша жизнь въ тѣлѣ? Онъ не только останется при своемъ мнѣніи, онъ, несмотря на угрозы, предъ лицомъ какой угодно опасности, будетъ провозглашать свои убѣжденія urbi et orbi. „Прекрасное не уступаетъ тому, что у обыкновенныхъ людей называется страшнымъ. Не съ опущенными руками нужно принимать удары судьбы, но нужно стоять и защищаться, какъ стоятъ могучіе атлеты, памятуя, что они (удары) невыносимы только для одной породы людей, а для другой выносимы и кажутся не страшными, а только пугающими дѣтей“. Вотъ какъ разсуждаетъ философъ. Онъ совершенно не хочетъ считаться съ „реальными нуждами“, съ тѣмъ, что считается „реальными нуждами“ у людей. Онъ презираетъ даже святыни и дерзновенно посягаетъ на храмы. Онъ говоритъ свое и для него то, что есть, кажется несуществующимъ, существуетъ же только то, чего, въ обыкновенномъ представленіи, совсѣмъ и нѣтъ. Если онъ отвергаетъ то, что людямъ кажется самымъ дорогимъ — то неужели онъ остановится предъ привычными категоріями мышленія? Если послѣдняя или, во всякомъ случаѣ, предпослѣдняя истина для него: смерть лучше, чѣмъ жизнь въ этомъ тѣлѣ — то что устоитъ противъ разрушительныхъ устремленій его души? Быть можетъ, это самый тревожный и вмѣстѣ соблазнительный вопросъ изъ всѣхъ вопросовъ, которые когда либо возставали предъ философами. Мы возвращаемся къ тому, о чемъ говорили въ началѣ: когда дано философу остановиться и провозгласить Осанну? Или, можетъ быть, такъ спросить: что происходитъ съ философомъ въ моментъ, когда онъ провозглашаетъ Осанну? И можно ли быть увѣреннымъ, что провозгласивши однажды Осанну—онъ такъ уже и умретъ со славословіемъ на устахъ?

Я предложу вамъ опять послушать Плотина. Вѣдь это послѣднiй изъ великихъ греческихъ философовъ и ему было труднѣе, чѣмъ кому либо изъ его предшественниковъ жить на свѣтѣ. Въ его время языческiе боги уже доживали свои послѣднiе дни — приходилось, волей не волей, обходиться своими человѣческими средствами. Приходилось слабыми, смертными руками оживлять тѣхъ, которые сами были источниками всей жизни. Кому возглашать Осанну, когда ясно было, что и боги дряхлѣютъ и живутъ, хоть и дольше, чѣмъ люди, но немного лучше? „Αναβάτεον οὖν πάλιν ἐπὶ τό ἀγαθὸν, οὗ ὀρέγεται πᾶσα φυχὴ. ἒι τις οὖν ἔιδεν ἀυτο, ὄιδεν ὃ λέγο, ὅπως καλὸν“. Такъ торжественно и сильно начинаетъ свою рѣчь великiй философъ, видѣвшiй своими глазами дряхлѣющихъ и умирающихъ боговъ и не пожелавшiй смириться духомъ и потерять вѣру даже при такомъ ужасномъ зрѣлищѣ. „Снова должны мы подняться къ добру, къ которому стремится всякая душа. Если кто его когда либо видѣлъ, тотъ знаетъ, что я говорю, когда утверждаю, что оно прекрасно... Кто видитъ его, какую любовь онъ почувствуетъ, какое влеченье, стремясь соединиться съ нимъ, какой подъемъ радости! Ибо и тотъ, кто не видѣлъ добра, все же стремится къ доброму, какъ къ божественному. Но, кто видѣлъ, тотъ дивится его красотѣ, тотъ исполняется радостнымъ изумленiемъ, страхомъ, который его не терзаетъ, тотъ любитъ его истинной любовью и пылкой страстью, тотъ смѣется надъ всякой другой любовью и презираетъ то, что прежде считалъ прекраснымъ. Это испытываютъ тѣ, которымъ дано было видѣть боговъ или демоновъ и которые не признаютъ уже красоты (видимыхъ) тѣлъ. Это испытаетъ тотъ, кто увидитъ прекрасное само въ себѣ, въ его исключительной чистотѣ, безъ всякой тѣлесной оболочки, не привязаннымъ, чтобъ сохранить чистоту, ни къ какому мѣсту ни земли, ни неба. Ибо таковое (т.-е. ограниченное мѣстомъ) — все есть производное и смѣшанное, не первоначальное, а отъ первоначальнаго отошедшее. Но, кто видитъ то, что открываетъ движенiе всѣхъ остальныхъ вещей, которое, покоясь въ себѣ, сообщаетъ другимъ отъ себя, но ничего въ себя не принимаетъ, кто останавливается при видѣ Его и воспринимаетъ Его, уподобляясь Ему—какая красота тому еще будетъ нужна? Это вѣдь и есть то исконно прекрасное, которое Его любящихъ дѣлаетъ прекрасными и достойными любви. Цѣль величайшей и послѣдней борьбы душъ, всякаго труда и напряженiя — не остаться непричастнымъ прекраснѣйшаго созерцанiя—и блаженъ тотъ, кто достигъ, кто сподобился блаженнаго лицезрѣнiя и жалокъ тотъ, кому это не дано было. Ибо не тотъ жалокъ, кто былъ лишенъ возможности видѣть красивыя краски и тѣла, кто не достигъ власти, почестей, царскаго вѣнца—но тотъ жалокъ, кому не удалось достичь этого Единаго, ради достиженiя котораго можно отказаться отъ всѣхъ

вѣнцовъ и царствъ, отъ всей земли, отъ моря и отъ неба, чтобъ, съ презрѣніемъ покинувъ все земное, отдаться всецѣло Его созерцанію". Такъ говоритъ — не говоритъ, а поетъ великій мудрецъ умиравшаго эллинскаго міра. Во всемірной литературѣ вы найдете немного страницъ, исполненныхъ такого неподдѣльнаго и могучаго вдохновенія. Даже самъ божественный Платонъ не часто подымается до такого паѳоса [1])—и развѣ въ псалмахъ вы найдете равноцѣнныя настроенія. Мнѣ кажется, что врядъ ли встрѣтится человѣкъ, который, въ отвѣтъ на эти дивныя строки, не грянетъ: Осанна, благословенъ грядущій во имя Господне!

Но, и тутъ начинается самая большая трудность—ей же нужно посмотрѣть прямо въ глаза.

Я спрашиваю, какое отношеніе къ философіи имѣетъ все, о чемъ какъ повѣдалъ Плотинъ? Есть-ли это еще философія или Плотинъ, не давая себѣ въ томъ отчета, на крыльяхъ экстаза перелетѣлъ изъ области одного знанія въ область другого, на первое совсѣмъ и не похожаго? Что такое философія? Спросите современнаго ученаго.

Онъ говоритъ—я взялъ перваго попавшагося, но къ счастью попался платоникъ—„философія есть наука объ истинныхъ началахъ, объ источникахъ, о ῥιζώματα πάντων". Но—развѣ то, что разсказываетъ Плотинъ хоть сколько-нибудь походитъ на науку? Самъ Плотинъ, давая опредѣленіе философіи вовсе и не считаетъ обязательнымъ всегда называть ее наукой: τι οὖν ἡ φιλοσοφία; τὸ τιμιώτατον [2]).

„Что такое философія? Самое цѣнное". Кто правъ—платоникъ Гуссерль или платоникъ Плотинъ? Вѣдь, если правъ Плотинъ, если философія есть самое цѣнное и, если то, что мы привели изъ Плотина есть философія (а вытравить это изъ Плотина значитъ вытравить изъ него его душу)—то по какому праву мы изгоняемъ изъ области философіи Моцарта и Бетховена, Пушкина и Лермонтова, по какому праву Платонъ изгонялъ поэта изъ государства, и не пришлось бы Платону самому первому уйти изъ того государства, которое отказало бы въ правахъ гражданства поэтамъ?

И—говорить, такъ говорить все: я приведу сейчасъ всѣмъ, конечно, извѣстный отрывокъ изъ лермонтовскаго „Демона", который можетъ пойти въ pendant къ плотиновской пѣснѣ и который особенно умѣстно припомнить, когда рѣчь идетъ о философіи, какъ τὸ τιμιώτατον:

Лишь только я тебя увидѣлъ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою—

[1]) Ср. Платоновскій Пиръ, 211 D. и слѣд.
[2]) Enn. I, III, 5.

Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной:
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно
И страшно розно жить съ тобой.

Думаю, нѣтъ надобности еще выписывать изъ рѣчей лермонтовскаго Демона. Лучше было бы, если-бъ можно было разсказать словами музыку Моцарта и Бетховена. Кто знаетъ ее—пусть вспомнитъ. Пока главное, что безсмертный духъ, тотъ демонъ, о которомъ и Плотинъ такъ часто и много говоритъ, вдругъ невольно позавидовалъ неполной земной радости и самымъ цѣннымъ, τὸ τιμιώτατον для него стала неполная земная радость и ей онъ, сынъ облаковъ и неба, отвернувшись отъ предложенной ему полноты бытія, посвящаетъ такіе же страстные и прекрасные гимны, какіе Плотинъ расточаетъ своему Единому. И вотъ я спрашиваю—что же оправдываетъ Плотина? Почему онъ съ такой увѣренностью утверждаетъ, что его „красота" есть единственно достойная? Онъ за нее готовъ отдать царства, вѣнцы, моря и небеса?! Демонъ отъ него не отстанетъ—и онъ отдаетъ вѣнцы и царства и власть, равную которой ни одинъ смертный на землѣ еще никогда не имѣлъ. Ему не жаль и безсмертія своего—и его онъ отдастъ въ придачу ко всѣмъ благамъ, которыя такъ смѣло бросаетъ на чашу вѣсовъ греческій мудрецъ...

Тутъ вы, конечно, вспомните опредѣленіе Гуссерля: философія есть наука... Стало-быть, скажете вы, сила Плотина не въ паѳосѣ приведенныхъ словъ, а въ положительныхъ доказательствахъ, отысканныхъ имъ въ пользу своихъ утвержденій и изложенныхъ въ другихъ мѣстахъ его сочиненій. Ну что-жъ? Наука—такъ наука. Сбавимъ тона и посмотримъ его доказательства: точно-ли они прибавляютъ что-либо къ силѣ и законности его утвержденій. Не наоборотъ-ли, не питаются-ли сами доказательства тѣмъ божественнымъ напиткомъ, который съ такой щедростью предлагаетъ намъ философъ?

Для порядка, сперва выслушаемъ сужденія самого Плотина о доказательствахъ. У него, по этому вопросу, какъ и по многимъ другимъ, нѣтъ, конечно, единства и выдержанности мнѣній: какъ извѣстно, привиллегія геніальныхъ людей—не скрывать свои противорѣчія и даже безнаказанно выставлять ихъ на показъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ Плотинъ утверждаетъ: δεῖ δὲ πειθῶ ἐπάγειν τῷ λόγῳ μὴ μένοντας ἐπὶ τῆς βίας т. е. за доказательствами должно слѣдовать убѣжденіе, ибо не должно ограничиваться средствами насильственнаго принужденія. Доказательства приравниваются къ механической силѣ и послѣдней инстанціей оказывается очаровательное πειθῶ! Но, въ другомъ мѣстѣ Плотинъ явно недоволенъ склонностью человѣка придавать слишкомъ большое значеніе πειθω: καὶ γὰρ ἡμὲν ἀνάγκη ἐν νῷ, ἡ δὲ

πειθὼ ἐν Ψυχῇ. Ζητοῦμεν δή, ὡς ἔοικεν ἡμεῖς πεισθῆναι μᾶλλον ἢ νῷ καθαρῷ θεᾶσθαι τὸ ἀληθές [1]). Т. е.: „въ разумѣ— необходимость, въ душѣ—убѣжденіе; повидимому, мы больше стремимся быть убѣжденными, чѣмъ созерцать чистымъ разумомъ истину". Второе утвержденіе не мирится съ первымъ. Во второмъ прославляется столь милая грекамъ ἀνάγκη, безъ которой ни ихъ разумъ, ни ихъ λόγος никогда не умѣли и не хотѣли существовать. Плотинъ, какъ вѣрный ученикъ Платона, не могъ не думать, что ему дано νῷ καθαρῷ θεᾶσθαι τὸ ἀληθές. Платонъ училъ, что размышленіе есть бесѣда души съ собой. Οὐκοῦν διάνοια μὲν καὶ λόγος ταὐτον πλὴν ὁ μὲν ἐντὸς τῆς ψυχῆς πρὸς αὐτὴν διάλογος ἄνευ φωνῆς γιγνόμενος τοῦτ' αυτὸ ἡμῖν επωνομάσθη, διάνοια; [2]) т. е.: „развѣ мышленіе и рѣчь не одно и тоже—только что мы дали названіе мышленія бесѣдѣ, которую безъ звуковъ ведетъ душа съ собой внутри себя?" Платонъ, а за нимъ Плотинъ, хотѣлъ, чтобъ размышленіе было бы бесѣдой души съ собой и ничѣмъ бы не отличалось отъ собесѣдованія одного человѣка съ другимъ, кромѣ того, что оно происходитъ внутри души и беззвучно. Размышленіе должно происходить посредствомъ словъ, такъ же, какъ и бесѣда, только словъ неслышныхъ. Разъ есть слово, слова, то будетъ и ἀνάγκη, и та спасительная діалектика, которая одна можетъ помочь человѣку отыскать вѣчную и незыблемую истину.

Вслѣдъ за Платономъ и всѣ остальные философы привыкли думать, что источникомъ мудрости нужно почитать діалектику и Гуссерль формально имѣетъ всѣ права называть предлагаемое опредѣленіе философіи платоновскимъ и считать себя платоникомъ. Это, однако, не можетъ помѣшать намъ поставить и разсмотрѣть свой вопросъ: что является источникомъ философіи—очаровательное-ли πειθὼ или λόγος, родной братъ ἀνάγκη и даже грубой βία? Во избѣжаніе недоразумѣній, скажу впередъ, что, ставя этотъ вопросъ, я вовсе не думаю, что философу непремѣнно нужно выбирать между тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ. Я очень далекъ отъ того, чтобъ отвергать значеніе λογος'а, ἀνάγκη или даже βία и выросшей изъ нихъ діалектики. Для меня очевидно, что безъ нихъ никакъ не обойтись и, если Платонъ и Плотинъ такъ восхваляли ихъ, то у нихъ для этого были очень серьезныя основанія. Существенно, однако, не то. Вѣдь и въ обыкновенной жизни, не только въ философіи, людямъ приходится пользоваться рѣчью, примѣняться къ необходимости и даже самому Аполлону понадобилось однажды бросить лиру и взять въ руки палку. Но, почему древніе, а за ними и новые философы рѣшили, что мудрости слѣдуетъ опираться на то-же, чѣмъ держится здравый смыслъ?

---

[1]) Enn. V. 3, 6.
[2]) Soph. 263, E.

Почему стали они оспаривать у здраваго смысла его законнѣйшіе права? Платону, по моему, никакъ нельзя было пускать въ ходъ тотъ методъ разсужденія, которымъ онъ обыкновенно побѣждалъ своихъ противниковъ. Какъ извѣстно, онъ всегда начиналъ свои разсужденія съ разсмотрѣнія самыхъ будничныхъ, обыденныхъ, доступныхъ чувствамъ вещей. Говорилъ объ искусствѣ плотниковъ, поваровъ, врачей и т. п.—и, исходя изъ опредѣленія этихъ искусствъ, подбирался къ рѣшенію вопросовъ чисто философскихъ. Но такой пріемъ, повторяю, долженъ считаться для Платона безусловно недопустимымъ. Можетъ онъ и правъ, даже навѣрное правъ, что врачъ отличается отъ повара тѣмъ, что знаетъ, что полезно тѣлу, а потому даетъ указанія, полезныя для здоровья, поваръ же знаетъ только, что тѣлу пріятно и потому можетъ повредить здоровью. Это разсужденіе основано на здравомъ смыслѣ и оспаривать его не станетъ никто. Но заключать отсюда, что философія должна такъ-же заботиться о пользѣ души, какъ врачъ заботится о пользѣ тѣла—никакъ нельзя: ибо нужды тѣла—сами по себѣ, а нужды души—сами по себѣ. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ *κολακέια*, лесть тѣлу—тѣло губитъ, а лесть душѣ—душу спасаетъ. А можетъ быть, что лесть вообще не оказываетъ никакого вліянія на душу.

Во всякомъ случаѣ вопросы о душѣ должны разсматриваться совершенно независимо и никоимъ образомъ не могутъ разрѣшаться по аналогіи съ вопросами медицины или поваренаго искусства.

Если же Платонъ, вслѣдъ за Сократомъ, допускаетъ такую колоссальную методологическую ошибку—то это объясняется, повидимому, только тѣмъ, что онъ такъ-же боится за человѣческую душу, какъ врачъ за человѣческое тѣло. Его неотступно преслѣдуетъ мысль: а что, если дурное обращеніе съ душой можетъ имѣть тѣ же послѣдствія, что и дурное обращеніе съ тѣломъ?! Нужно найти медицину души!

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Если признать, что душѣ, такъ-же, какъ и тѣлу, грозятъ опасности и даже гибель, то естественно предположить, что гигіена души есть такое же средство предохранить душу отъ уродства, какъ и гигіена тѣла есть средство предотвратить тѣло отъ преждевременнаго разложенія. И слѣдующій выводъ, столь же законный, какъ и предыдущіе съ формальной стороны, но столь же, конечно, порочный въ своемъ существѣ: если принципъ гигіены тѣла есть умѣренность во всемъ, то и душа должна больше всего бояться переходить за извѣстные предѣлы: μηδὲν ἄγαν—ничего слишкомъ. Дальнѣйшихъ выводовъ мы уже касаться не будемъ: съ насъ достаточно и приведенныхъ. Сопоставимъ ихъ съ утвер-

жденіемъ Плотина, что „смерть лучше, чѣмъ жизнь въ этомъ тѣлѣ". И напомнимъ, что это утвержденіе не случайно вырвалось у него, а проходитъ красной нитью черезъ всѣ его сочиненія [1]). И еще напомнимъ, что эта же мысль вдохновляла уже и Платона, который въ Федонѣ учитъ, что задача философа ἀποθνήσκειν χάι τεθνάναι—умираніе и смерть [2]), или въ Театетѣ говоритъ πειρᾶσθαι χρὴ ενθένδε ἐκεῖσε φεύγειν ὅτι τάχιστα [3]), т. е. что нужно стараться какъ можно скорѣе уйти отсюда туда. Но, если все это вѣрно,—а Платона и Плотина безъ тѣхъ идей вовсе и нельзя себѣ представить,—то какъ могъ утверждать Платонъ, что медицина и ея принципы должны служить образцами для философіи? Вѣдь ясно, какъ день, что медицина есть злѣйшій врагъ философіи. Она сберегаетъ и укрѣпляетъ тѣло—то тѣло, разрушить и вырваться изъ котораго есть завѣтнѣйшая цѣль души!

Такъ что, если уже глядѣть на медицину и изучать ее, то развѣ только съ тѣмъ, чтобъ выяснить себѣ, насколько она можетъ вредить или мѣшать душѣ въ ея главныхъ задачахъ. И естественнымъ союзникомъ философа будетъ, конечно, не врачъ, а поваръ, не медицина, а поварское искусство съ его столь ненавистной Платону κολακεία.

Я остановился на этихъ разсужденіяхъ Платона о κολακεία потому лишь, что они всегда незримо присутствуютъ и въ аргументаціи Плотина. Мнѣ представляется, что если добраться до того, что слыветъ въ философіи подъ именемъ ῥιζώματα πάντον, то мы у каждаго почти философа въ послѣднемъ счетѣ натолкнемся на противоставленіе врача повару. Таково вліяніе Платона—или тутъ не въ Платонѣ дѣло? Я надѣюсь, что мнѣ еще придется поговорить на ту тему при случаѣ обстоятельно. Теперь же перейдемъ къ собственной аргументаціи Плотина. Конечно, я не могу здѣсь исчерпать всѣ его „доказательства"—но въ томъ, вѣдь, и нужды нѣтъ. Сейчасъ важно только выяснить, почему душа стремится къ тому прекрасному, о которомъ такъ вдохновенно разсказалъ намъ философъ. „Природа разума и сущаго, говоритъ Плотинъ [4]), есть истинный и первоначальный міръ, не распадающійся въ пространственномъ протяженіи, не ослабленный раздѣленіемъ, не несовершенный самъ черезъ свои части, т. к. каждая часть не оторвана отъ своего цѣлаго; ему свойственна вся жизнь и все мышленіе, живущія и мыслящія одновременно въ еди-

---

[1]) См. Enn. III, II, 15.
[2]) Ph. 64, A.
[3]) Theat. 186, A.
[4]) Enn. III, 2, 1.

номъ; въ немъ часть являетъ цѣлое и все находится въ полномъ согласіи съ собой, одно отъ другого не отдѣлено и не становится въ своей самости ему чуждымъ. А потому никто никому не дѣлаетъ несправедливости и не противорѣчитъ. Будучи вездѣ единымъ и совершеннымъ, онъ остается въ полномъ покоѣ и не знаетъ инобытія". Несомнѣнно это уже „доказательство"—Плотинъ стремится νῷ καθαρῷ θεᾶσθαι τὸ ἀληθές Но, точно-ли тутъ есть та необходимость, на принудительной силѣ, которой держится всякое доказательство? Точно-ли для того, чтобы въ мірѣ не было розни и несправедливости нужно, чтобы міръ былъ единымъ? И не можетъ-ли несправедливость быть устранена инымъ способомъ,—а что до розни, то, если она и останется, то, вѣдь, это уже не такая бѣда? И, во всякомъ случаѣ, передѣлывать міръ для того, чтобы устранить рознь — не слишкомъ ли уже героическая и даже немного, въ своей рѣшительности, смѣшная мѣра? Устранишь рознь, а съ нею вмѣстѣ устранишь и многое такое, что лучше всякаго согласія и гармоніи. И, затѣмъ, выходитъ, что у Плотина, какъ и у многихъ другихъ философовъ, источникомъ мудрости — вѣчной и неизмѣнной — является потребность, можетъ и преходящая, вытравить изъ жизни тѣ элементы, которые являются особенно тягостными и мучительными, а потому непріемлемыми. Потребность, конечно, понятная и законная. Непонятно только, почему прибѣгаетъ онъ къ такимъ пріемамъ борьбы. Развѣ, спрошу еще разъ, онъ уже перепробовалъ всѣ другіе и, убѣдившись, что они не годятся, сталъ перекраивать міръ? Нѣтъ, онъ далеко не перепробовалъ еще всего—и не только онъ одинъ. Если собрать вмѣстѣ работу всѣхъ философовъ всего міра—какъ безконечно далеко еще до того, чтобъ люди вправѣ были бы предполагать, что они уже испытали все, что можно было испытать! И, вѣдь, право, намъ вовсе и не нужно думать, что мы уже все испробовали: отъ того-то всякое послѣднее слово кажется гораздо несправедливѣе всѣхъ тѣхъ несправедливостей, изъ за которыхъ Плотинъ уходилъ изъ эмпирическаго міра въ міръ интеллигибельный. Плотинъ продолжаетъ: „изъ того истиннаго и единаго міра получилъ свое существованіе и этотъ не единый истинный. Въ самомъ дѣлѣ — онъ множественъ и раздѣленъ на множество, такъ что одна часть его отдѣлена отъ другой пространствомъ и чужда ей; въ немъ царствуетъ не одна только дружба, но и вражда; въ силу раздѣленія и вслѣдствіе его несовершеннаго устройства эта взаимная вражда необходима (κἀι ἐν τῇ ἐλλείψει ἐξ ἀνάγκης πολέμιον ἄλλο ἄλλῳ). Ибо часть недостаточна для себя самой, но она поддерживается другой и вмѣстѣ враждебна той, которая ее же поддерживаетъ. Возникла же она не разумно, въ силу сознанія, что ей должно было возникнуть, но въ силу необходимости второй природы".

Я не хочу восхвалять и оправдывать нашъ міръ: есть въ немъ, конечно, несовершенства и много несовершенствъ. И вражда всѣхъ противъ всѣхъ — зрѣлище, большей частью, мало утѣшительное. Но, вѣдь, не всякая вражда непремѣнно такъ уже отвратительна. Напр., вражда идейная—въ ней есть даже своеобразная прелесть и, если бы я конструировалъ интеллигибельный міръ, я бы тамъ идейную вражду и даже нѣкоторые другіе виды вражды предпочелъ сохранить. И, во всякомъ случаѣ, ни вражда, ни другія несовершенства видимаго міра не должны такъ уже устрашать насъ, чтобъ, изъ за желанія забыть ужасы дѣйствительности, отказываться отъ новыхъ попытокъ исканія.

Вдохновеніе великая вещь и великая сила. Но пусть же оно дѣйствуетъ за свой страхъ и на свою отвѣтственность. Зачѣмъ же ему прикрываться λγόοσ'омъ, ἀνάγκη, или, какъ дѣлаютъ современные философы, „строгой наукой“? Хотятъ спасти людей отъ отчаянья, боятся катастрофы? Но, вѣдь, и отчаяніе—огромная, колоссальная сила, не меньшая, а то и большая, чѣмъ какой хотите экстатическій порывъ.

Плотинъ, какъ и Достоевскій, хотѣлъ учить мудрости и потому старался провозгласить, какъ непререкаемую истину—ὀυ γὰρ πρὸς τὸ ἑκάστῳ καταθύμιον, ἀλλὰ προς τὸ πᾶν δεῖ βλέπειν [1]) (нужно считаться не съ тѣмъ, что соотвѣтствуетъ нуждамъ отдѣльнаго существованія, а съ тѣмъ чего требуетъ цѣлое). Это излюбленное общее мѣсто философіи: изъ него выросла лейбницевская теодицея. Я укажу еще на одно изрѣченіе изъ Плотина, которое тоже можетъ занять почетное мѣсто въ любой теодицеѣ и, которому та-же цѣна, что и только что приведенному. Людямъ, которые спрашиваютъ — зачѣмъ въ мірѣ такъ много зла, Плотинъ отвѣчаетъ: „это значитъ придавать міру слишкомъ много цѣнности, если требовать отъ него, чтобъ онъ былъ самъ умопостигаемымъ, а не подобіемъ умопостигаемаго“ [2]). И соотвѣтственно этому мораль: „добродѣтельный человѣкъ всегда веселъ, его состояніе всегда спокойное, его настроеніе всегда радостное и ни одно изъ такъ называемыхъ золъ не возбуждаетъ въ немъ тревогъ—если онъ въ самомъ дѣлѣ добродѣтеленъ. Если же въ добродѣтельной жизни онъ ищетъ какихъ-либо другихъ радостей, то онъ не ищетъ добродѣтельной жизни“ [3]).

Это, конечно, идеалъ, настоящій человѣческій идеалъ—быть всегда веселымъ, радостнымъ и спокойнымъ. Но я радъ засвидѣтельствовать, что Плотинъ—не въ этомъ идеалѣ, какъ Достоевскій—не въ своемъ старцѣ Зосимѣ или Алешѣ Карамазовѣ. Почему добродѣтельный человѣкъ долженъ быть всегда веселымъ и спокойнымъ?

---

1) Enn. II, IX, 9.
2) Enn. II, IX, 4.
3) Enn. I, IV, 12.

И что цѣнно въ добродѣтельномъ человѣкѣ—его добродѣтель или веселость и спокойствіе? Что и говорить—веселость и спокойствіе подкупаютъ! Можетъ быть, если бы Достоевскій не говорилъ такъ много о всегда спокойномъ и веселомъ Зосимѣ и о своей послѣдней и окончательной истинѣ—его-бы никто не понялъ, и тѣ, которые сейчасъ предъ нимъ преклоняются, искали-бы себѣ иного кумира. И все же Достоевскій не въ Зосимѣ, и сила генія Плотина не въ его доказательствахъ и не въ его морали. Доказательства, мораль, сладостныя изображенія святыхъ людей — вся позолота, безъ которой ни художественная, ни философская литература, очевидно, пока не можетъ существовать, пройдетъ. Останутся... Но, дадимъ лучше слово Толстому— и тоже не пророку Толстому; развѣ только отъ пророковъ мы можемъ услышать то, что намъ нужно?

Только предварительно маленькая справка—для сопоставленія. Когда Гете исполнилось 80 лѣтъ, онъ получилъ много привѣтствій отъ друзей — начиная, конечно, отъ его августѣйшаго покровителя, великаго герцога маленькаго Веймара. Оглядываясь на прошлые 80 лѣтъ, увѣнчанный лаврами старецъ воскликнулъ: der feierlichste Tag! Это Гете. А Толстой? Толстой, на другой день послѣ своего юбилея, убѣжалъ изъ своего дома, убѣжалъ безъ оглядки — и отъ славы, и отъ покровителей, и отъ воспоминаній. 80 лѣтъ всемірной неслыханной славы мудреца и праведника— чего еще нужно человѣку? Но Толстой, видно, какъ демонъ у Лермонтова, позавидовалъ невольно неполной людской радости. Еще въ девяностыхъ годахъ, за долго и до юбилея и до ухода изъ дому онъ признавался: „я себѣ часто представляю героя исторіи, которую я хотѣлъ бы написать. Человѣкъ, воспитанный, положимъ, въ кружкѣ революціонеровъ, сначала революціонеръ, потомъ народникъ, соціалистъ, православный, монахъ на Афонѣ, потомъ атеистъ, семьянинъ, потомъ духоборецъ, все начинаетъ, все бросаетъ, не кончая. Люди надъ нимъ смѣются. Ничего онъ не сдѣлалъ и безвѣстно помираетъ гдѣ-нибудь въ больницѣ. И, умирая, думаетъ, что онъ даромъ погубилъ свою жизнь. А онъ-то—святой“. Такъ говорилъ Толстой въ 90-хъ годахъ. А въ день, когда онъ, послѣ юбилея, потихоньку уходилъ изъ дому, онъ, вѣроятно, не счелъ бы нужнымъ прибавлять послѣднюю заключительную фразу. Если герой всей этой исторіи самъ не зналъ, что онъ святой—неужто намъ необходимо это знать? И не лучше-ли, если и мы, какъ герой-мученикъ, такъ и не узнаемъ, зачѣмъ геройство и зачѣмъ муки?

И, если уже нужны эпитафіи надъ могилой человѣка—то пусть ихъ слагаютъ не люди. Мнѣ кажется, что, если бы въ наше время, какъ когда-то, нимфы интересовались судьбами смертныхъ, онѣ бы

въ память толстовскаго героя, да и самого Толстого—вѣдь и Толстой, умирая, тоже не зналъ, зачѣмъ онъ жилъ—сочинили тѣ же стихи, которыми онѣ, по словамъ Овидія, увѣковѣчили имя безумнаго юноши, Фаэтона:

Hic situs est Phaëton, currus auriga paterni,
Quem si non tenuit, tamen magnis excidit ausis [1]).

Л. Шестовъ.

1916 г.

---

[1]) Здѣсь погребенъ Фаэтонъ, колесницы отцовской возница;
Съ ней хоть не справился онъ, но погибъ въ дерзновеньи великомъ.

СКИѲЫ

АЛЕКСАНДРЪ ГЕРЦЕНЪ.

Опять въ Парижѣ.

Письмо первое [1]).

1 іюня 1848 г.

Итакъ, любезные друзья, снова настаетъ время исторіи, воспоминаній, разсказовъ о быломъ, гаданій о будущемъ... Настоящее снова враждебно, покрыто тучами, въ душѣ опять злоба и негодованіе...

Будемте вспоминать, будемте разсказывать, учиться по свѣжимъ ранамъ, по новымъ горькимъ опытамъ.

---

[1]) Эта замѣчательная статья Герцена, написанная почти три-четверти вѣка тому назадъ и сохранившая до сихъ поръ все общее значеніе — впервые появляется въ печати. Происхожденіе этой статьи — слѣдующее:

Въ 1847 году Герценъ, только что попавшій въ Парижъ, описалъ свои первыя парижскія бытовыя впечатлѣнія въ четырехъ письмахъ-статьяхъ, которыя и были тогда-же напечатаны въ „Современникѣ“ 1847 года подъ заглавіемъ: „Письма изъ Avenue Marigny“. Изъ Парижа Герценъ уѣхалъ въ Италію, откуда послалъ въ „Современникъ“ новую серію статей, подъ заглавіемъ: „Письма съ Via del Corso“; но статьи эти оказались, повидимому, нецензурными для того времени и въ „Современникѣ“ не появились. Событія февральской революціи 1848 года застали Герцена въ Италіи; онъ поспѣшилъ обратно во Францію, откуда снова послалъ въ Россію новую серію статей-писемъ, озаглавленныхъ: „Опять въ Парижѣ“. Эти статьи тоже не могли пройти черезъ николаевскую цензуру 1848 года, что̀, впрочемъ, предвидѣлъ и самъ Герценъ, какъ это можно судить по началу настоящей статьи, которая представляетъ собою, такимъ образомъ, первое „письмо“ изъ третьей серіи указанныхъ статей Герцена.

Письма второй и третьей серіи Герценъ издалъ въ 1850 году отдѣльной книжкой на нѣмецкомъ языкѣ („Briefe aus Italien und Frankreich von einem Russen“), а еще позднѣе, въ концѣ 1854 года, соединилъ письма всѣхъ трехъ серій въ книгѣ „Письма изъ Франціи и Италіи“. Въ нее вошли и „Письма изъ Avenue Marigny“ (письма 1—4), и „Письма съ Via del Corso“ (письма 5—8) и письма изъ серіи „Опять въ Парижѣ“ (начиная съ 9-го письма). Такимъ образомъ, настоящая статья, какъ первое письмо серіи „Опять въ Парижѣ“, соотвѣтствуетъ девятому изъ „Писемъ изъ Франціи и Италіи“. Но общаго

Эти письма назначены исключительно для васъ, друзья, у меня, наконецъ, въ головѣ нѣтъ ни одной мысли, которая могла бы пройти сквозь цензуру; сверхъ того, нѣтъ и прежняго желанія высказывать свою мысль какъ можно темнѣе, лишь бы ее напечатать. Письма мои будутъ вамъ полезны. Истинныя вѣсти о добрѣ и злѣ, совершающемся здѣсь, до васъ дойдутъ не скоро, онѣ дойдутъ до васъ, сдѣлавшись хроникой, исторіей. Тѣ журналы, которые энергически и бойко высказываютъ дѣло, для васъ невозможны; тѣ, которые вамъ возможны, не передаютъ дѣла. Сверхъ того, часть знаемыхъ вами событій сдѣлается живѣе и ближе для васъ, пересказанная мною.

Не правда ли?

Революція 24 февраля вовсе не была исполненіемъ приготовленнаго плана; она была геніальнымъ вдохновеніемъ парижскаго народа; она, какъ Паллада, вышла разомъ вооруженная и грозная изъ народнаго негодованія; это — ударъ грома, давшій внезапно осуществленіе и тѣло давно скопившимся и долго стѣсненнымъ стремленіямъ. Національная гвардія допустила республику, потому что она не поняла движенія; камера допустила временное правительство изъ трусости, изъ желанія обуздать народъ; буржуазія ее приняла, какъ огражденіе собственности. Одинъ народъ, т.-е. блузникъ, работникъ, хотѣлъ добросовѣстно республики и зналъ, что дѣлалъ. Послѣдующіе дни были днями всеобщаго удивленія; всѣ казались довольны, всѣ были обмануты, всѣ обманывали другъ друга, всѣ скрывали странныя недоразумѣнія, которыя должны были привести къ демонстраціямъ 17 марта и 16 апрѣля, къ грозному протесту 15 мая и къ тупой реакціи, въ которой мы теперь. „Башмаковъ не успѣли еще износить", въ которыхъ ходили на баррикады 24 февраля, а уже реакція уноситъ всѣ слѣды революціи и кто знаетъ, гдѣ она остановится. Она родилась вмѣстѣ съ провозглашеніемъ республики, она прокрадывалась тихо, воровски, и вдругъ подняла свою голову дерзко и нагло. Ей поклонились отовсюду ея друзья, все остальное, монархическое перевело

между ними—всего нѣсколько фразъ, нѣсколько строкъ: настоящая статья была заново и кореннымъ образомъ переработана Герценомъ при составленіи имъ книги писемъ. „Опять въ Парижѣ" — писалось подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій, „Письма изъ Франціи и Италіи" — перерабатывались и печатались уже post factum; здѣсь еще—подлинно живое письмо, тамъ уже—обработанная статья. И притомъ разница этихъ двухъ редакцій такъ велика, что каждая изъ нихъ въ сущности является самостоятельнымъ произведеніемъ.

Оба текста, первоначальный и позднѣйшій, напечатаны въ имѣющемъ выйти 20-томномъ „Полномъ собраніи сочиненій и писемъ А. И. Герцена" подъ редакціей М. К. Лемке, который, запрошенный редакціей сборниковъ „Скиѳы", выразилъ отъ имени семьи А. И. Герцена согласіе на помѣщеніе этой статьи въ настоящемъ сборникѣ. *Р.*

духъ, съ радостью повторяя: „такъ это-то республика?!“ Съ паденія республики въ глазахъ Европы начинается отчаянное противодѣйствіе правительствъ народамъ. Слово „республика“ устрашило всѣ тираніи, жалкое управленіе ободрило всѣхъ тирановъ. Будемъ безпощадны и, отдавая все то обстоятельствамъ и общимъ причинамъ что имъ принадлежитъ, скажемъ громко: позоръ на голову людей, пошедшихъ вспять, обманувшихъ обѣщаніями народъ и фразами всю Европу, позоръ имъ, людямъ вялымъ, будничнымъ!.. Кто заставлялъ ихъ взяться за судьбы міра, гдѣ ихъ призваніе, гдѣ помазаніе? Если они и уйдутъ отъ желѣзнаго топора, то не уйти имъ отъ топора исторіи.

Заодно вѣчная благодарность итальянскому risorgimento и 24 февраля за четыре мѣсяца свѣтлой, торжественной жизни. Кто не увлекся, кто не былъ обманутъ 24-мъ февраля? Съ своей стороны, я признаюсь, только послѣ 15 мая понялъ какую республику приготовляютъ французскому народу,—онъ еще не вѣритъ своимъ глазамъ. Повѣритъ!

Въ исторіи, какъ въ жизни художника, есть вдохновенныя мгновенія; къ нимъ народы стремятся долгое время и долгое время потомъ эти мгновенія провожаютъ своимъ свѣтомъ. Такія свѣтлыя полосы исторіи искупаютъ десятки прошедшихъ и будущихъ лѣтъ, принадлежащихъ хронологіи, календарю. Счастливъ тотъ, кто участвовалъ въ праздничномъ пиру человѣческаго воскресенія, счастливъ и тотъ, кто не будучи призванъ на содѣйствіе, былъ зрителемъ, у кого билось сердце и лились слезы отъ того, что онъ видѣлъ дѣйствительность не ниже самыхъ смѣлыхъ идеаловъ, народъ въ уровень событіями. Мы видѣли! Святое время,—оно прошло! Ни Франція, ни какой другой народъ не могутъ еще удержаться на той высотѣ, на которую они поднимаются въ минуты энергическаго гнѣва и гражданскаго вдохновенія. Они, какъ поэты, устаютъ отъ одушевленія, отъ полноты жизни, и сѣрая ежедневность смѣняетъ геніальный порывъ и творческую мощь. Франція совершила провозглашеніемъ республики еще великій шагъ для себя, для Европы, для міра... и снова запнулась, какъ бы боясь собственнаго величія, и снова нашлись нечистыя руки и предательскій объятія, которыя задушили ребенка въ колыбели. Опытъ не учитъ Францію. Она довѣрчива, какъ всѣ мужественныя и благородныя натуры.

Французскій народъ не готовъ для республики, о которой мечтаетъ соціалистъ, демократъ и работникъ. Его надобно воспитать для того, чтобы онъ понялъ свои собственныя права. Но кто его воспитаетъ? По несчастью, мысль французская такъ же мало готова и развита какъ народъ. Подъ словомъ „французская мысль“ я разумѣю сознаніе большинства всѣхъ образованныхъ людей, всѣхъ достигнувшихъ высшаго предѣла цивилизаціи своей страны, а именно они ни-

какъ не стоятъ на той высотѣ, на той простотѣ, на той волѣ, которую требуетъ демократія. Это касается до всѣхъ — до Ламартина и до Ледрю-Роллена, до Барбеса и до Коссидьера; есть исключенія, но общество отрекается отъ нихъ; это — Прудонъ, котораго называютъ безумнымъ, это — Пьеръ Леру, котораго не хотятъ слушать, это — работники, паріи современнаго міра. Французская мысль — мысль монархическая, и республика, которую Франція можетъ утвердить, будетъ республика монархическая, а, можетъ быть, деспотическая; тутъ есть, повидимому contradictio in adjecto, но реально противорѣчія въ этомъ нѣтъ. Несравненно нелѣпѣе и невозможнѣе республиканская монархія, нежели монархическая республика. Въ послѣднемъ случаѣ монархъ остался, но онъ не лицо, а лица, но онъ не случайность, а результатъ выбора; однажды признанный монархомъ, парламентъ можетъ сдѣлаться самымъ чудовищнымъ притѣснителемъ, самымъ безжалостнымъ, ибо отвѣтственность распадается. Весь вопросъ сосредоточивается въ томъ, что въ демократіи вовсе не должно быть монарха, а вотъ этого то и не вдолбишь въ ограниченное разумѣніе французовъ, они вамъ, навѣрно возразятъ: „стало быть, не надобно правительства“,— до такой степени монархизмъ у нихъ неразрывенъ со словомъ „правительство“.

Національное собраніе, это—Людовигъ XIV, оно прямо и наглѣе Людовига XIV говоритъ: „l'etat c'est moi“, ему не возражаютъ. Что разумѣетъ французъ подъ словомъ „самодержавіе народное“? Только право бросить шаръ въ урну; бросивши его, онъ отрекается отъ своего самодержавія, онъ дѣлается рабомъ шаровъ. Собраніе вовсе не думаетъ, что оно делегатъ, повѣренный въ дѣлахъ, представитель народа, а не въ самомъ дѣлѣ народъ, — нѣтъ, оно считаетъ тотчасъ себя свободнымъ, себя самодержавнымъ, народъ низшимъ, управляемымъ. Это-то и есть монархическій принципъ и отъ него долго не отдѣлается Франція, потому что онъ очень послѣдовательно развитъ изъ ихъ цивилизаціи. Такъ французъ смотритъ на власть, на семейныя права, на законъ; у него все это святыни, кумиры, цари... Французъ живъ и насмѣшливъ по характеру, онъ смѣется надо всѣмъ, но его шалость скользитъ по поверхности, въ сущности онъ упорный консерваторъ; его перемѣны похожи на его моды: покрой платья другой, человѣкъ тотъ же. Онъ революціонеръ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; отважный и быстрый во всемъ, онъ тотчасъ строитъ баррикады, для него это протестъ, месть, полная награда; послѣ баррикады онъ тотчасъ спохватывается и бросается ставить подпорки къ стѣнѣ, которую самъ стремился сломить. Французы вообще боятся свободы, той свободы, за которую они каждые пятнадцать лѣтъ льютъ потоки крови, — имъ нужна не свобода въ бытѣ, религія свободы, имъ нужна свобода на

площади въ фригійской шапкѣ, имъ нужны не права, а declaration de droits de l'homme; они снесутъ деспотизмъ во имя этой фригійской шапки и этихъ напечатанныхъ правъ. Это самый практическій и самый отвлеченный народъ въ мірѣ, а всего болѣе самый религіозный. Весь характеръ революціи 89 года релизіозный. Революція была религіозной фазой, какъ католицизмъ, какъ протестантизмъ; запирая церкви и изгоняя священниковъ, она была тѣмъ не менѣе развитіемъ, послѣдствіемъ, исполненіемъ христіанства, — смотрите только на духъ, а не на букву. Нѣмецкій умъ, часто оставаясь при буквѣ, измѣняетъ духъ; Фейербахъ—больше ничего, какъ Гегель, у котораго духъ приведенъ въ уровень съ буквой. Энциклопедисты не таковы. Не вѣрьте ихъ хвастливымъ рѣчамъ, ихъ шутливому кощунству, они сами не подозрѣвали, что половина корней ихъ почерпала сокъ изъ религіозной почвы; имъ казалось, если религіозный догматъ перевести съ церковно-латинскаго на французскій разговорный языкъ, если слово charité замѣнить словомъ филантропія, слово самоотверженіе—патріотизмомъ, то и дѣло христіанства покончено. Они часто были похожи на того непокорнаго сына евангельской притчи, который грубо отказавшись итти работать въ виноградникъ отца, всетаки пошелъ. Франція XVIII вѣка имѣла свои символическія книги, напр., Руссо, своихъ святыхъ, какъ Вашингтонъ и Франклинъ, свое изувѣрство и свой іезуитизмъ, наконецъ, внѣшнія формы, обряды во время террора имѣли грозную обязательную силу. Такъ, какъ въ теоріи французскіе философы принимали за догматы простыя истины науки, чуть не молились закону тяготѣнія, такъ въ практическихъ сферахъ потомъ они придавали религіозный характеръ политическимъ распоряженіямъ, а законъ свободы былъ для нихъ закономъ тяжелымъ и мрачнымъ. Я тороплюсь сказать вамъ: не ищите въ этихъ словахъ порицанія великой эпохи, я хочу только указать эту постоянную черту французскаго характера. Она является въ страшномъ величіи въ 93 году и въ страшной низости въ 48, это хорошій знакъ, французы становятся совершеннолѣтнѣе. Въ первую революцію религія республики была на мѣстѣ, нынче религія собственности является какимъ то уродствомъ, опираясь на догматъ „suffrage universel". Характеръ первой революціи романтическій, юношескій, героическій. Романтизмъ значитъ несовершеннолѣтіе, героизмъ—отрочество, но они прекрасны въ своей горячей вѣрѣ въ будущее, въ народъ, въ первый радостный день освобожденія отъ прошлыхъ учрежденій, на краю гибели. Вѣра спасла Францію, но не свобода, забудемъ кровь, пролитую тогда и она спасла только Францію, а не республику, примирила съ нею. Гдѣ есть фанатизмъ, тамъ ждите самоотверженныхъ и страстныхъ людей, изъ которыхъ одни, отирая слезы, обрекутъ себя на страшную долю

палачей, а другіе съ веселымъ челомъ, съ пѣснью на устахъ, съ вѣрой въ сердцѣ пойдутъ на плаху. Тогда увлеченіе было такъ велико, что насильемъ хотѣли освободить. Тогда думали, что достаточно объявить людямъ, что они свободны, чтобъ ихъ сдѣлать свободными. Въ этомъ довѣріи къ человѣческому разумѣнію, въ этой вѣрѣ въ удобоисполнимость идеала лежитъ именно юношескій элементъ того переворота. Горячая вѣра и горячая любовь не ждутъ, не разсчитываютъ, онѣ бываютъ нетерпѣливы, безпощадны отъ самонадѣянности. Нынѣшнее salus populi не имѣетъ ни одного луча того времени, его фанатизмъ холоденъ.

Казалось, что царствованіе Людовика-Филиппа было всего способнѣе потрясти монархическое воззрѣніе во Франціи. Франція ненавидѣла реставрацію, правленіе Людовика-Филиппа она подъ конецъ презирала. Карлъ X возбуждалъ злобу, Людовикомъ-Филиппомъ и его послѣдними министрами гнушались. „C'est une rèvolution de mepris qui les emportaira“, — сказалъ Ламартинъ на маконскомъ праздникѣ въ 47 году. Но потрясая собственно династическій интересъ, прогнавши короля, французы попытались на время устроиться въ духѣ противоположномъ монархіи, но какъ только собраніе начало свои дѣйствія, оно стало царствовать, оно стало возвращаться ко всѣмъ законамъ монархіи, а главное — стало смотрѣть на всѣ вопросы съ точки зрѣнія монархической, осталось одно названіе республики. Я согласенъ, что и это много, это не простая перемѣна одного слова другимъ, это великій шагъ впередъ, огромное устраненіе прошедшаго. Слово республика сдѣлаетъ ту отрицательную пользу, что старая монархія будетъ невозможна. Особенно важно это слово для Европы Я видѣлъ, что такое было въ Римѣ и во всей Италіи при полученіи вѣсти о провозглашеніи республики. Но для истинно развитой части Франціи этого мало, она это чувствуетъ, бьется, исходитъ кровью — безъ успѣха; статьи Прудона, Тоте, Ж.-Сандъ показываютъ очень ясно чего они ждали отъ 24 февраля и чего дождались.

Слишкомъ легкій успѣхъ, неожиданность 24-го февраля должны были броситься въ глаза каждому, развѣ такимъ шуточнымъ боемъ достигаются пересозданія государства. Все осталось по прежнему кромѣ трона, который сожгли; сначала этого не замѣчали изъ-за толпы, изъ-за шума, страсти были еще такъ возбуждены, сердце такъ билось, великія слова 92 года воскресли и звучали тогдашней силой и славой, но когда все улеглось, успокоилось, увидѣли фактъ, который нельзя было не видѣть и прежде, что республиканская партія слаба, почти не существуетъ. Небольшая кучка республиканцевъ, уцѣлѣвшихъ отъ всѣхъ ударовъ, наносимыхъ лукавымъ правительствомъ Людовика-Филиппа, боролась еще кое-какъ до 1839 года, записывая, впро-

чемъ, свою печальную хронику, однѣ потери, одни гоненія, гоненія открытыя и тайныя, клеветы прокуровъ и обвинительные вердикты подтасованныхъ присяжныхъ... Сентябрьскіе законы довершили побѣду. Самъ Годефруа Каваньякъ говорилъ передъ смертью съ глубокой печалью: „это правительство износитъ насъ всѣхъ, мы состарѣемся въ безплодной и неравной борьбѣ". Наконецъ и эта глухая борьба почти исчезаетъ, задавленная правительствомъ и буржуазіей. До 1840 г. у правительства былъ еще стыдъ или если не стыдъ, то осторожность; оно боялось прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, оно не было совершенно увѣрено въ полномъ сочувствіи большинства; послѣ 40 года оно убѣдилось, что маска не нужна. Камеры депутатовъ, наполненной чиновниками, не боялись; достаточная буржуазія, увлеченная въ ажіотажъ, соединялась тѣснѣе и тѣснѣе съ трономъ, ея благосостояніе зависѣло отъ сохраненія существующаго порядка; начала, на которыя Людовикъ-Филиппъ опиралъ свою власть, были тѣ начала, на которыя опирались финансовыя сдѣлки, торговыя предпріятія, монополіи; люди коммерціи и капитала давали правительству свои голоса, правительство ограждало ихъ своими штыками. Незамѣтная партія республиканцевъ тонула въ этой entente cordiale. А когда ей случалось всплывать, ее били съ плеча клеветой и всѣми адвокатскими продѣлками. Къ тому же люди прогресса, люди, которые не могли по благородству натуры оставаться равнодушными зрителями жалкаго положенія Франціи, были раздѣлены между собой на три партіи, рѣдко соединявшіяся. Одни хотѣли реформы, другіе—республики, третьи стремились къ соціальнымъ переворотамъ. Изъ этихъ партій чистые республиканцы не были въ большинствѣ.

По мѣрѣ того, какъ правительство шло далѣе и далѣе въ путяхъ насилія, разврата, по мѣрѣ того, какъ оно находило средства превращать хартію въ пустую форму и замѣнять личнымъ правленіемъ представительное, росла мысль о реформѣ; страна, настолько развитая какъ Франція, съ своей старой цивилизаціей, съ воспоминаніемъ 1830 года не могла не понять опасности личнаго правленія; самое покорное большинство подавало голосъ за правительство, часто жертвовало убѣжденіями, единственно для сохраненія „общественнаго порядка". Въ камерѣ и внѣ ея образовалась партія, желавшая сохранить представительное правленіе 1830 года во всей полнотѣ, усиливая сторону камеры расширеніемъ электоральнаго ценза, вводомъ „способностей"; ожидали отъ предполагаемыхъ перемѣнъ появленія новыхъ силъ, новыхъ интересовъ,—въ этомъ духѣ появилась извѣстная брошюра Дювержье де-Горона, въ этомъ духѣ дѣйствовала часть оппозиціи и лучшая, образованнѣйшая часть буржуазіи. У этой партіи, какъ у всего половинчатаго, были связаны руки, она столько же

боялась республиканцевъ и соціалистовъ, сколько хотѣла обуздать Людовика-Филиппа и его министровъ. Сила ея возросла страшно въ 1847 году. Гизо слишкомъ понадѣялся на солидарность буржуазіи съ правительствомъ, онъ слишкомъ понадѣялся на Тьеровскіе законы; дѣйствія министерства съ начала 1847 (года) становятся непонятны. Умѣнье себя познавать, наблюдать, Гизо доказалъ на каждой страницѣ своихъ сочиненій,—какъ же онъ такъ долго, въ такихъ разныхъ случаяхъ призываемый къ общественнымъ дѣламъ, такъ грубо ошибся въ характерѣ французовъ, особенно Парижа? Власть пьянитъ, семь лѣтъ постоянныхъ удачъ свели его съ ума, онъ забылся до того, что пересталъ скрывать свою внутреннюю реакціонную мысль,—языкъ его становился дерзокъ, оскорбителенъ; судя по тому, что онъ дѣлалъ и говорилъ, надобно думать, что онъ безмѣрно презиралъ Францію. Къ тому же онъ уронилъ ея вліяніе въ европейской политикѣ. Ни оскорбленія себѣ, ни униженія Франціи французъ не проститъ. Недостатокъ учтивости больше сдѣлалъ вреда Гизо, нежели преступное управленіе его; неудачи внѣшней политики сердили французовъ больше, нежели рядъ безобразныхъ мѣръ противъ книгопечатанія, противъ театровъ и пр. Неудовольствіе росло, а съ нимъ и партія реформистовъ; Гизо встрѣчалъ ея нападки ироніей, подкупами, растлѣніемъ всякаго чувства чести и долга въ общественныхъ дѣлахъ, но 47 годъ долженъ былъ сдѣлаться позорнымъ столбомъ развращающаго министерства. Первый ударъ Гизо и Дешателю, ударъ ловкій, злой нанесъ Эмиль Жирарденъ. Подкупленное большинство въ виду неопровержимыхъ документовъ публично оправдало министровъ. Это было хвачено черезъ край. Нравственное чувство самыхъ простыхъ людей и самыхъ далекихъ отъ политики было оскорблено. Буржуазія начала хмуриться... черезъ нѣсколько дней послѣ исторіи Жирардена, начинается судъ надъ Тестомъ, товарищемъ Гизо и Дюшателя. Дѣло Теста въ моихъ глазахъ не столько важно по взяткамъ, сколько по обличенію страшной безсовѣстности, которая указывала на глубочайшій развратъ людей, находившихся въ правительствѣ.

Министръ Тестъ является передъ палатой перовъ сильный негодованіемъ, онъ оскорбленъ, онъ снимаетъ съ себя Легіонъ д'Онеръ, слагаетъ званіе пера для того, чтобъ ихъ снова получить послѣ торжественнаго оправданія... и въ то же самое время какой-то старикъ бухгалтеръ сквозь слезы, трепещущимъ голосомъ читаетъ въ шнуровой книгѣ несомнѣнное доказательство, что Тестъ—воръ. И что же потомъ? Королевскій прокуроръ Делантъ, недавно купленный министерствомъ изъ рядовъ оппозиціи, позоритъ дерзкими словами заслуженнаго старика генерала Кюбьера за то, что онъ смѣлъ ска-

зать: „правительство въ рукахъ грязныхъ и развратныхъ безъ денегъ ничего не сдѣлаетъ“. И камера перовъ, основываясь на глупомъ законѣ, снимаетъ всѣ званія заслуженнаго старика, всѣ знаки отличія и высылаетъ вонъ опозореннымъ бродягой.

Вся Франція слѣдила шагъ за шагомъ процессъ Теста. Онъ еще не кончился, какъ оппозиціонный журналъ сдѣлалъ пять или шесть доносовъ; не только Сультъ и министры, но члены королевской фамиліи были замѣшаны въ грязныя денежныя сдѣлки. Министерство упорно не дозволяло производить слѣдствіе, министръ юстиціи Эберъ, въ моихъ глазахъ, былъ еще гнуснѣе самого Дюшателя; Дюшатель—какой-то развратный Фигаро, слуга roué и больше ничего, но Эберъ, это—инквизиторъ безъ вѣры, у него наружность змѣи, существо худое, желтое, гадкое; Эберъ не хотѣлъ допустить слѣдствія, говоря, что правительство не вѣритъ обвиненіямъ. Такъ шутить нельзя съ народомъ, который имѣлъ сто лѣтъ тому назадъ Монтескье. Внѣ парламентскаго міра правительственныя лица тоже отличались—одинъ скандальный анекдотъ замѣнялъ другой. Полицейскій комиссаръ, взойдя для обыска въ Maison de Tolerance, гдѣ обыгрывали молодыхъ людей, захватилъ тамъ старика, предававшагося безобразнѣйшему разврату, и несмотря на всѣ его усилія, отправилъ его въ префектуру... Это былъ министръ юстиціи Мартенъ дю-Норъ. Въ Тюльери поймали на вечерѣ у короля плута, который передергивалъ карты,—этотъ плутъ былъ адъютантъ герцога Намурскаго, полковникъ Гюденъ. Мартенъ дю-Норъ умеръ, Гюденъ исчезъ, никто не судилъ ни того, ни другого.

Наконецъ страшное убійство Герцогини Праленъ, подробности преступленія и, наконецъ, смерть преступника, котораго правительство отравило для того, чтобъ не вести на эшафотъ герцога,—окончательно возбудило всѣ умы, негодованіе, ропотъ становился сильнѣе, въ воздухѣ было что-то тяжелое. Толпа народа, стоявшая у рѣшетки Венсенскаго дворца, въ которомъ Монпансье давалъ балъ, встрѣчала кареты министровъ криками: „a bas les voleurs!..“ Людовикъ Филиппъ отвѣчалъ на этотъ крикъ, повторившійся во всѣхъ департаментахъ, назначеніемъ Гизо въ президенты совѣта министровъ. Больше пренебреженія къ общественному мнѣнію показать было невозможно. Канфанъ издалъ брошюру, которая объясняла смыслъ предсѣдательства Гизо, брошюра эта, отрекавшаяся даже 1789 года, была до того написана въ духѣ правительства, что правительство отреклось отъ нея. Канфанъ говорилъ о нообходимости цензуры, о недостаточности суда присяжныхъ, о монархическихъ преданіяхъ, разорванныхъ революціей,—объ этихъ преданіяхъ говорилъ нѣсколько разъ и Гизо.

Партія реформистовъ быстро росла отъ всѣхъ этихъ событій, депутаты оппозиціи, возвращаясь въ свои департаменты, проповѣдовали реформу, указывая всю гниль, всю гадость правительства. Люди, извѣстные своимъ независимымъ образомъ мыслей—Ламартинъ, Кремье, Одилонъ Барро, ѣздили изъ города въ городъ, вездѣ принимаемые реформистскими банкетами, вездѣ произнося рѣчи, возбуждая уснувшую политическую дѣятельность. Правительство оставалось глухо и нѣмо къ требованію реформистовъ, оно сражалось мелкими средствами, напр., нападая за то, что тостъ за короля не былъ предложенъ на банкетѣ, что въ такой-то рѣчи было такое-то выраженіе; подобнаго рода замѣчанія, выходившія изъ министерства, дразнили вдвое болѣе. Банкеты приближались къ Парижу. Министерство становилось en garde. Оно рѣшилось употребить всѣ силы и всѣ средства, чтобы въ Парижѣ не было банкета. Какъ мелко всегда люди власти понимаютъ оппозицію,—какъ будто важность дѣла состояла въ томъ, что будутъ обѣдать или нѣтъ нѣсколько депутатовъ, что скажетъ рѣчь Одилонъ Барро или нѣтъ! Между тѣмъ отказъ долженъ былъ оскорбить и, какъ вы знаете, онъ былъ поводомъ 24-го февраля.

Республиканская партія не могла при Людовикѣ-Филиппѣ открыто дѣйствовать, она работала въ тайныхъ обществахъ, societé du droit de l'homme, des montagnards, въ ней были энергическіе люди, но не въ большомъ количествѣ и очень разныхъ направленій; изъ ея рядовъ вышли Барбесъ, Г. Кавеньякъ, Алибо, къ ней принадлежалъ умѣренный Арманъ Карель; „National“ и „La Reforme“ представляли до нѣкоторой степени публичные органы умѣренныхъ республиканцевъ. „National“ продолженъ въ духѣ Кареля Маррастомъ, который даже принялъ имя Армана, до того былъ подъ вліяніемъ благородной тѣни предшественника. Взглядъ Марраста, умный и бойкій, былъ очень ограниченъ, его журналъ проповѣдовалъ буржуазную республику, онъ за suffrage universele не видалъ ничего, для него соціальные вопросы не существовали; находя въ себѣ самомъ всѣ симпатіи мѣщанъ, Маррастъ льстилъ арміи, народной гордости, бранилъ соціалистовъ, говорилъ о сильной полиціи, о мощномъ правительствѣ; куда эти теоріи привели Марраста и его друзей, мы увидимъ послѣ. У „Насіоналя“ были большія связи, большія сношенія съ департаментами, онъ заправлялъ ихъ журналами, былъ ихъ органомъ въ Парижѣ, ему доставлялись всѣ министерскіе секреты, онъ зналъ депеши часъ послѣ ихъ полученія; Маррастъ былъ отличный памфлетистъ, его отчеты объ особенно важныхъ засѣданіяхъ камеры депутатовъ напоминали иногда самого Курье. „Реформа“ была радикальнѣе „Насіоналя“, но бѣднѣе средствами и способностями. Вліяніе ея было ограниченнѣе „Насіоналя“, но она, впрочемъ, сильно дѣй-

ствовала въ кругу студентовъ, бѣдной молодежи и работниковъ республиканцевъ „Реформа“ плохо понимала соціальные вопросы, но звала соціалистовъ на общій трудъ, доказывая невозможность соціальнаго переворота безъ политическаго. „Насіональ“ имѣлъ тысячъ шестнадцать подписчиковъ, „Реформа“ — не болѣе шести тысячъ *). Въ публичномъ преподаваніи республиканское направленіе поддерживалось лекціями Мишле. Вся эта партія находилась подъ безпрерывнымъ Дамокловымъ мечемъ Дюшателя и Эбера; выстрѣлитъ ли кто въ короля—ихъ обвиняли въ complicité morale и гнали отовсюду. Попадется ли какой нибудь воръ, который случайно зашелъ къ республиканцу—полиція замѣшиваетъ республиканца и его сажаютъ въ тюрьму, какъ сдѣлали въ 1847 году съ Флотомъ. Реформистскіе обѣды развязали, вмѣстѣ съ общимъ ропотомъ, руки республиканцамъ; на нѣкоторыхъ банкетахъ гости явились повязанные красными платками, и только прямо не пили за здоровье республики. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ заключить, что у партіи республиканцевъ была прямая надежда, они готовы были пристать къ каждой партіи, противодѣйствующей правительству, но не считали сбыточнымъ скорое провозглашеніе республики. Я скажу смѣло и съ полнымъ убѣжденіемъ, что 23 февраля никто не предвидѣлъ, чѣмъ окончится 24-е, ни Людовикъ Филиппъ со своими министрами, ни реформисты съ своимъ протестомъ, ни „Насіональ“ съ своей остроумной оппозиціей; республика была сюрпризомъ для всѣхъ, республику 24 февраля создали и провозгласили парижскіе работники и нѣсколько клубистовъ; это было вдохновеніе; люди, построившіе первыя баррикады на улицѣ С. Оноре, люди, сражавшіеся у воротъ С. Дени, національная гвардія, становившаяся въ ряды народа, не шли такъ далеко. Хотѣли реформы, сдѣлали революцію; хотѣли прогнать Гизо, прогнали Людовика-Филиппа; хотѣли отстоять право банкета XII округа, провозгласили французскую республику; утромъ радовались министерству Одилона Барро, вечеромъ Одилонъ Барро больше отсталъ, нежели Гизо. Мало этого, 24 февраля, когда народъ вездѣ побѣждалъ, когда національная гвардія тоже побѣждала, не зная, кому, Маррастъ посылалъ Мартина изъ Страсбурга въ „Реформу“ сговориться о какомъ то правительствѣ, въ которомъ членомъ будетъ Одилонъ Барро, и поддерживалъ регенство. „Реформа“, увлеченная Ледрю Ролленомъ, была уже вполнѣ за республику и печатала первую прокламацію, которая должна была такъ удивить камеру, буржуазію и національную гвардію. Этого сюрприза они не забыли до сихъ поръ.

---

*) А „La Presse“ Жирардена, журналъ безъ всякаго направленія, проданный и продажный,—до 60.000!

Третья оппозиціонная партія, существовавшая до революціи, была партія соціалистовъ и коммунистовъ,—французскій соціализмъ явился вслѣдъ за 93 годомъ, какъ упрекъ республикѣ политико-демократической С.-Жюста и Робеспьера, какъ пророчество будущаго переворота, его казнили консерваторы въ лицѣ Гракха Бабефа. Но онъ скоро, во время имперіи, возродился не въ революціонной, а индустріально-религіозной формѣ; потомокъ чертоговъ Сенъ-Симоновъ сдѣлался проповѣдникомъ новаго соціализма. Пятнадцать лѣтъ реставраціи Франція провела въ парламентскихъ преніяхъ, въ конституціонныхъ теоріяхъ,—о соціализмѣ никто не думалъ, совсѣмъ напротивъ, всѣ твердили Сэя и Мальтуса; это было золотое время представительнаго правительства, тогда блистали такіе ораторы, какъ Манюэль и Б. Констанъ; буржуазія, отборная и богатая (ибо цензъ былъ выше) соперничала съ возвратившимся дворянствомъ и, сидя на мѣшкахъ золота, смѣялась надъ почернѣвшей позолотой ихъ гербовъ. Революція 1830 года вдвинула другія начала, повидимому, казалось ничего не перемѣнилось, кромѣ собственныхъ именъ и грамматическихъ поправокъ въ текстѣ хартіи. Таково свойство сильныхъ народныхъ потрясеній, совсѣмъ назадъ воротиться нельзя; послѣ 1830 года французскія камеры утратили интересъ, слишкомъ много посредственности взошло въ нихъ. Цензъ 1830 года не ввелъ ничего народнаго, а позволилъ всплыть бѣдной или по крайней мѣрѣ не богатой буржуазіи, сословію плохо образованному и весьма неблагородному. Соціальные вопросы стояли такъ близко, такъ неминуемо, что нельзя было ихъ миновать, народъ очень хорошо понималъ, что его положеніе не улучшилось; нашлись люди, которые стали ему пояснять, отчего. Ученіе С. Симона и Фурье распространялось и, что, можетъ, важнѣе ихъ школъ, это то, что вопросы, поднятые ими, что ихъ сомнѣнія въ прочности существующаго, что ихъ критика перешла въ умы враждебные имъ, заняла всѣхъ. Возстаніе въ Ліонѣ 1832 г. носитъ въ себѣ совершенно новый характеръ; кровь льется не изъ религіознаго разномыслія, не изъ политическаго устройства,—изъ вопроса работы и возмездія. Съ тѣхъ поръ вопросъ этотъ ни на минуту не сходилъ съ арены, вольно было отворачиваться отъ него, не знать его (ignoriren, какъ говорятъ нѣмцы); онъ былъ тутъ, какъ угроза, какъ угрызеніе совѣсти. Работники, вообще пролетаріи, несравненно болѣе сочувствовали соціальнымъ и коммунистическимъ теоріямъ, нежели либерализму „Насіоналя". Журналы соціалистовъ имѣли мало вліянія; буржуазная и буржуазно-либеральная журналистика не удостаивала вниманія и разбора даже такія сочиненія какъ Прудоново „Contradictions de l'économie politique"—самое серьезное и глубокое сочиненіе послѣдняго десятилѣтія во Франціи. Ни одно отдѣльное ученіе не объясняло всего вопроса

соціальнаго, ни одно само по себѣ не было сильно, отъ уступчивыхъ теорій Консидерана до злѣйшаго коммунизма, отъ логики Прудона до мечтанія Кабе, но взятыя вмѣстѣ и дополненныя тѣми стремленіями, которыя еще не успѣли выразиться ученіемъ, системой, они представляли великій элементъ въ развитіи народномъ, тѣмъ болѣе важный, что вся сознательная и разсуждающая (часть) работниковъ были соціалистами. Изъ пепла брошеннаго умирающимъ Бабефомъ, родился французскій работникъ. Будущность Франціи—его, наслѣдникъ Бурбоновъ и мѣщанъ не Генрихъ V, не Ламартинъ, а блузникъ, столяръ, плотникъ, каменодѣлецъ, потому что это единственное сословіе, во Франціи, которое доработалось до нѣкоторой ширины политическихъ идей, которое вышло вонъ изъ существующаго, замкнутаго круга понятій; потому что его товарищъ по несчастью, бѣдный землевладѣлецъ, представляетъ, въ противоположность дѣятельному протесту работниковъ, страдательное, тупое храненіе statu quo. Парижскій работникъ принялъ въ наружности что-то серьезное, austére. Это люди, до которыхъ коснулось вѣяніе будущаго, это люди, почувствовавшіе призваніе и оставившіе для него все; это назареи въ Римѣ; соціализмъ у нихъ перешелъ въ религію, работа сдѣлалась священнодѣйствіемъ. Что за мощный народъ, который, несмотря на то, что просвѣщеніе не для него, что воспитаніе не для него, несмотря на то, что сгнетенъ работой и думой о кускѣ хлѣба, силою выстраданной мысли до того обошелъ буржуазію, что она не въ состояніи его понимать, что она со страхомъ и ненавистью предчувствуетъ неясное, но грозное пророчество своей гибели—въ этомъ одномъ бойцѣ съ заскорузлыми отъ работы руками! При Людовикѣ-Филиппѣ теоретическій соціализмъ презирали, но гдѣ правительство встрѣчало практическое поползновеніе осуществить соціальныя ученія, тамъ оно разило безпощадно, увѣренное, что буржуазія ему будетъ рукоплескать; гоненіе работника составляло новую брешь между королемъ-мѣщаниномъ и богатой частью народа. По временамъ доходилъ до ушей публики какой то стонъ, выходящій изъ мощной, но задавленной груди, слышался страшный протестъ — не въ журналахъ, не въ камерѣ, а на лавкахъ подсудимыхъ, въ ассизахъ; его хроника въ „Gazette des Tribunaux“. Судьи-мѣщане, присяжные-мѣщане наказывали тюрьмой за стонъ и гильотиной за голодъ и отчаяніе. Толпы бѣдняковъ безъ хлѣба, взбѣшенныя торговцемъ ржи, который выстрѣлилъ въ нихъ и убилъ одного изъ нихъ, они бросились въ первую минуту на убійцу и убили его самого. Четыре человѣка были гильотинированы по этому дѣлу въ Бизансѣ. Это было время голода 47 года. Правительство изъ страха кормило тогда бѣдняковъ въ Парижѣ, въ провинціяхъ оно ихъ оставляло въ самомъ безпомощномъ положеніи, но и въ Парижѣ достаточно

было самаго легкаго подозрѣнія въ коммунизмѣ, чтобъ обрушить на работника страшныя гоненія, полиція выдумывала гнуснѣйшія обвиненія; королевскіе прокуроры находили мужество поддерживать обвиненія, которыхъ ложь они видѣли явно; присяжные соглашались съ ними для того, чтобъ проучить „анархистовъ". Гизо имѣлъ дерзость задавленному работой и нуждой работнику сказать съ трибуны законодательнаго собранія: „работа, безпрерывная работа для васъ необходима, это единственная узда, на которой васъ можно держать". Вотъ эти-то гонимые люди сохранили на столько свѣжести силъ, на столько глубокаго чувства человѣческаго достоинства, что взялись за ружье 23 февраля—и явились во всемъ величіи французскаго народа; лишь только блузники стали во весь ростъ, все исчезло передъ ними, какъ звѣзды передъ солнцемъ, и Людовикъ-Филиппъ, и наслѣдственный престолъ, и Одилонъ Барро, и камеры, и регентство. Онъ, великій народъ баррикадъ, надѣлъ на себя корону, онъ занялъ Тюльери, а тронъ отправилъ сжечь на мѣсто, гдѣ стояла Бастилія; онъ провозгласилъ республику и водрузилъ красное знамя демократіи — и все это менѣе, нежели въ двое сутокъ, и безъ всякихъ приготовленій. Остальное сдѣлалъ не онъ, онъ остановился на первомъ успѣхѣ, онъ далъ спокойно снять съ своей головы корону, онъ спохватился послѣ, но уже было поздно.

Теперь мы знаемъ отчасти элементы, которые должны были взойти въ революцію 24 февраля. Исторія февральской революціи довольно соотвѣтственно этимъ элементамъ представляетъ три фазы: ее начала парламентская оппозиція, которая далѣе реформы итти не хотѣла; ее совершилъ парижскій народъ провозглашеніемъ республики; ее опошлили журналисты, воспользовавшіеся общимъ разгромомъ и своими либеральными именами, чтобъ сѣсть на тронъ. Оппозиція и національная гвардія съ ужасомъ увидѣли, что они завоевали больше, нежели хотѣли. Журналисты стали между народомъ и мѣщанами, обоимъ присягнули, обоимъ протянули руки и основали свою власть на попыткѣ нелѣпаго примиренія. Что они сдѣлали, мы увидимъ.

(Александръ Герценъ).

С. МСТИСЛАВСКІЙ.

Памяти А. И. Иванчина-Писарева.

„Когда я гулялъ по Ярославлю, я много думалъ, по ассоціаціи идей, о Васъ, о Вашей прежней дѣятельности и о томъ, что нѣкогда писалось о Васъ въ „Almanach de la Commune“ 1875 года... „Un noble, ayant sacrifié sa fortune à la Cause“... Кто изъ молодого поколѣнія знаетъ это? Да и чѣмъ интересуется теперь это поколѣніе? Право не знаешь... Меня положительно начинаютъ интересовать больше, гораздо больше такъ называемой интеллигенціи нашихъ дней тѣ люди, съ которыхъ Вы начали свою общественную дѣятельность. Почвенная Русь измѣняется: хожу, прислушиваюсь и радуюсь“... [1]).

„Кто изъ молодого поколѣнія знаетъ?..“ Я могъ-бы прибавить: „кто изъ старыхъ поколѣній помнитъ“... и цѣнитъ. Вѣдь не случайно—смерть Александра Ивановича прошла такой незамѣченной—даже въ мертвенномъ общественномъ застоѣ прошлаго лѣта... И не „случайно“—именно въ „интеллигентской“ средѣ—эта смерть осталась неоплаканной—даже его ближайшими сверстниками,—и всего горше, и всего искреннѣе отозвались на вѣсть о кончинѣ Иванчина,—знавшіе его люди почвенной Руси—рабочіе и крестьяне. Тамъ—его знали; а гдѣ его знали—тамъ его помнятъ... Даже въ тѣхъ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ началъ онъ—столько десятилѣтій тому назадъ!—свой жизненный трудъ. Всего за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Александра Ивановича, уже въ 1916 году, писала ему изъ Саратовской глуши, отзываясь на только что вышедшія „Воспоминанія о хожденіи въ народъ“—дочь одного изъ „тогдашнихъ“ народниковъ: „память о Васъ и Вашихъ товарищахъ живетъ въ Балтаѣ и Царевщинѣ и я съ дѣтства слышала много разсказовъ о Васъ“...

Но здѣсь—холодно какъ-то схоронили Александра Ивановича. А между тѣмъ—казалось бы, достаточно было припомнить только

[1]) Архивъ А. И. Иванчина-Писарева. Письмо Н. С. К, 18 мая 1910 г. Киржачъ, Владимірской губерніи.

главные этапы жизни этого человѣка, чтобы набрать яркихъ словъ на надгробный канонъ.

Этапы эти—самъ Александръ Ивановичъ такъ отмѣтилъ въ краткой автобіографической замѣткѣ, написанной имъ въ 1915 году для предполагавшагося къ изданію „Словаря писателей изъ Ярославцевъ“ [1]).

АВТОБІОГРАФІЯ.

Я происхожу изъ древняго рода дворянъ Иванчиныхъ-Писаревыхъ. Братъ моего дѣда Михаила Димитріевича, Николай Димитріевичъ Иванчинъ-Писаревъ былъ писателемъ (1796—1849 г.г.).

Я родился въ Москвѣ 30 марта 1849 года. Мой отецъ—отставной штабсъ-ротмистръ лейбъ-уланскаго полка; мать—Юлія Александровна, урожденная баронесса Крейцъ.

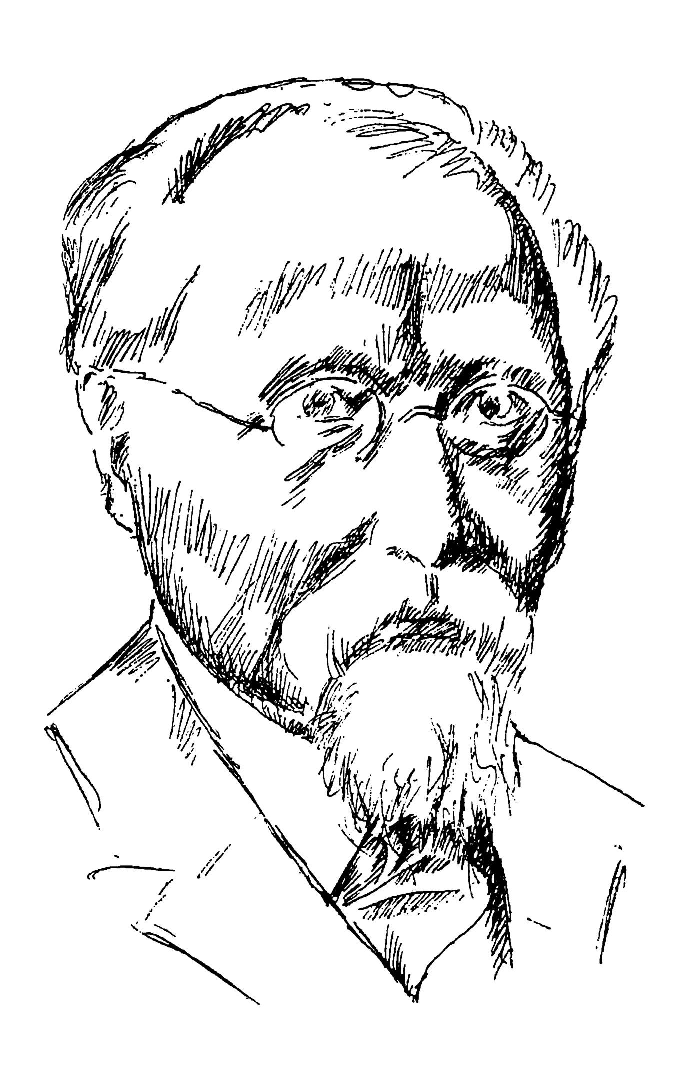
До восьмилѣтняго возраста я жилъ въ имѣніи отца, въ сельцѣ Субботинѣ, Броницкаго уѣзда Московской губерніи. Съ восьми до десяти лѣтъ учился въ Москвѣ въ нѣмецкомъ пансіонѣ Шмоль. Съ переѣздомъ же родителей въ имѣніе Потапово, Даниловскаго уѣзда Ярославской губерніи, поступилъ въ дворянскій пансіонъ при Ярославской гимназіи, откуда былъ исключенъ изъ шестого класса за оскорбленіе инспектора. Окончилъ курсъ въ Костромской гимназіи и поступилъ въ Московскій университетъ на математическій факультетъ; со второго на третій курсъ перешелъ въ Петербургскій университетъ. По окончаніи университетскаго образованія въ 1872 году, съ мая мѣсяца поселился въ своемъ имѣніи Потаповѣ Даниловскаго уѣзда. Здѣсь устроилъ образцовое училище, съ вечерними классами для взрослыхъ, артельную столярную мастерскую, организовалъ почту для крестьянъ и завелъ типографію для изданія народныхъ книгъ безъ цензуры.

Въ качествѣ гласнаго уѣзднаго земства, въ 1873 году сдѣлалъ, между прочимъ, предложеніе, въ видахъ сокращенія расходовъ, закрыть мировой участокъ въ г. Даниловѣ, гдѣ мировымъ судьей былъ Павелъ Николаевичъ Полозовъ. Онъ потерялъ мѣсто и впослѣдствіи жестоко отомстилъ мнѣ.

Въ концѣ 1873 года я былъ руководителемъ учительскаго съѣзда въ г. Даниловѣ, куда собрались учителя Даниловскаго и Любимскаго уѣздовъ. За „содѣйствіе дѣлу народнаго образованія въ Даниловскомъ уѣздѣ“ въ 1874 году я получилъ благодарность отъ

---

[1]) Впервые появляется въ печати.

Александръ Ивановичъ Иванчинъ-Писаревъ.

(† 27 іюня 1916 г.).

министра народнаго просвѣщенія—что заставило нѣкоторыхъ крестьянъ усомниться въ безкорыстіи моей дѣятельности.

Въ Потаповѣ велась широкая пропаганда революціонныхъ идей. Кромѣ меня, въ ней принимали участіе: подъ видомъ кучера, Димитрій Александровичъ Клеменцъ, впослѣдствіи директоръ Этнографическаго музея Александра III; Николай Александровичъ Морозовъ, послѣ 25 лѣтъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости сдѣлавшійся извѣстнымъ писателемъ и ученымъ; Николай Алексѣевичъ Саблинъ, студентъ-медикъ V курса, застрѣлившійся въ Петербургѣ въ 1881 году, при арестѣ въ Телѣжномъ переулкѣ участниковъ въ дѣлѣ 1-го марта, и докторъ Иванъ Ивановичъ Добровольскій, бывшій врачемъ въ с. Вятскомъ, въ четырехъ верстахъ отъ Потапова.

По доносу крестьянина Тимофея Иванова, революціонная организація въ Потаповѣ распалась 11-го мая 1874 года. Я скрылся изъ своего имѣнія. Былъ арестованъ только И. И. Добровольскій. Онъ участвовалъ въ процессѣ 193 и за пропаганду въ Даниловскомъ уѣздѣ былъ приговоренъ на 12 лѣтъ каторжныхъ работъ. Выпущенный подъ залогъ 20.000 рублей, внесенный адвокатами, онъ, съ ихъ согласія, скрылся за границу, гдѣ составилъ себѣ большое литературное имя (см. Новый Экциклопедическій словарь Брокгауза, XVI т.).

Послѣ Потапова, я посвятилъ цѣлый годъ на ознакомленіе съ бытомъ рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ въ Саратовѣ и Калугѣ и въ каменноугольныхъ копяхъ въ Рязанской губерніи.

Чтобы избѣжать конфискаціи моего имѣнія, оно было продано моей матерью въ 1875 году.

Въ маѣ 1875 года я переселился за границу. Здѣсь сотрудничалъ въ газетахъ: „Впередъ" и „Работникъ" и выпустилъ три книжки революціоннаго содержанія: „Внушителя словили", „Смутное время на Руси" и „Раёкъ".

Въ 1877 году, по возвращеніи въ Россію, я примкнулъ къ партіи „Земля и Воля". Свою дѣятельность въ народѣ отъ 1877 по 1879 г. я описалъ въ книгѣ: „Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ", вышедшей въ Петербургѣ въ 1914 году.

Свой отказъ продолжать дѣятельность въ народѣ я мотивировалъ въ письмахъ „Изъ деревни", напечатанныхъ въ газетѣ „Народная Воля" въ 1879 и 1881 годахъ [см. „Русская Историческая Библіотека", № 9. Третье приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи", подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго)].

Въ легальныхъ журналахъ я началъ работать съ 1880 года, напечатавъ въ „Дѣлѣ" разсказъ: „Кулакъ-общинникъ", подъ иниціалами А. Ш. Въ томъ же году, чередуясь съ С. Н. Кривенкой, въ жур-

налѣ „Слово“ велъ отдѣлъ „За мѣсяцъ“ и сдѣлался членомъ редакціи этого журнала, подъ именемъ Николая Александровича Зыбина.

17-го марта 1881 года я былъ арестованъ послѣ случайной встрѣчи съ дворяниномъ П. Н. Полозовымъ. Въ отместку за потерю должности мирового судьи, о чемъ я сказалъ раньше, онъ сдѣлалъ на меня доносъ, выслѣдивъ мою квартиру.

Сосланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, я пробылъ тамъ семь лѣтъ, постоянно работая въ „Сибирской Газетѣ“, выходившей въ Томскѣ, сначала какъ сотрудникъ, а съ 1887 года, какъ членъ редакціи.

По возвращеніи въ Россію въ 1889 году съ правомъ повсемѣстнаго жительства, за исключеніемъ столицъ, я жилъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Вл. Г. Короленко велъ спеціальный отдѣлъ „Нижегородскія Извѣстія“ въ Казанской газетѣ „Волжскій Вѣстникъ“ и въ 1891 году сталъ фактическимъ редакторомъ этой газеты.

Въ 1892 году поселился въ Петербургѣ. Здѣсь, вмѣстѣ съ Ник. Конст. Михайловскимъ, занялся организаціей журнала „Русское Богатство“, пріобрѣтеннаго отъ Евгенія Мих. Гаршина и К. М. Станюковича. Съ 1893 года по мартъ 1913 года, то есть въ теченіе 20 лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ былъ членомъ редакціи этого журнала.

Кромѣ того, по просьбѣ членовъ Государственной Думы отъ Сибири, согласился редактировать журналъ „Сибирскіе Вопросы“ и работалъ въ немъ съ 1909 по 1912 годъ включительно.

Въ 1912 году, въ качествѣ одного изъ редакторовъ, вступилъ въ журналъ „Завѣты“, издательницей котораго была моя жена, С. А. Иванчина-Писарева. Журналъ просуществовалъ до августа 1914 года, когда былъ закрытъ по рѣшенію Судебной Палаты. Въ немъ я напечаталъ статью, посвященную Н. К. Михайловскому, „Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ“, и „Изъ жизни Гл. Ив. Успенскаго“.

Указывать-ли—сколько „умолчано“ въ этомъ, къ „дореволюціонной цензурѣ“ приноровленномъ перечнѣ. И если-бы возстановить всѣ умолчанія и назвать полнымъ именемъ все, что намеками, бѣглыми и туманными, лишь намѣчено въ только-что приведенной „запискѣ“, въ такихъ словахъ должны были бы мы подвести итогъ этой жизни: отъ перваго сознательнаго своего шага—и до послѣдняго—Александръ Ивановичъ шелъ въ первыхъ рядахъ активнаго народничества, переживая съ нимъ всѣ невзгоды и радости его.

Но шелъ—своимъ, „особливымъ“ путемъ. Не одинокимъ путемъ „героя“, влекущаго за собой толпу, не путемъ одиночнаго дѣланія, но съ ритмомъ работы—и жизни товарищей—въ единомъ коллектив-

номъ творчествѣ сливалъ онъ ритмъ своей жизненной работы. Въ этомъ—особая учительность, особая цѣнность для насъ его жизни. И въ этомъ особая трудность возстановить теперь, на словахъ, дѣйствительный итогъ его трудной и свѣтлой жизни.

Ибо, чтобы возстановить во всей полнотѣ, во всемъ значеніи жизненную работу Александра Ивановича,—намъ, жившимъ съ нимъ, работавшимъ съ нимъ—надо прежде всего, въ самихъ себя заглянуть, въ *свою* душу; въ своихъ дѣлахъ, въ своихъ писаніяхъ, въ достиженіяхъ *своихъ*—отдѣлить (если только это вообще возможно!)—то, что отъ насъ самихъ, и то, что „пришло" отъ Александра Ивановича. И тогда—сколько изъ сдѣланнаго, изъ достигнутаго—пришлось-бы отдать, какъ „долю" Александра Ивановича въ нашемъ собственномъ дѣланіи. Вотъ почему не можетъ быть у Иванчина-Писарева біографіи, отдѣленной отъ исторіи общественнаго движенія, участникомъ котораго онъ былъ: его исторія—есть исторія этого движенія. Ибо оно въ немъ, и онъ—въ движеніи этомъ—неотдѣлимо, слитно. Въ этомъ его особенность, и въ этомъ его подвигъ.

Подвигъ—такъ какъ иные, болѣе легкіе пути были широко открыты передъ Александромъ Ивановичемъ. Кто читалъ его—и, въ особенности, кто знаетъ его редакціонную работу, и въ „Русскомъ Богатствѣ", и въ „Завѣтахъ"—тѣмъ вѣдомо, поскольку крупной литературной силой былъ Иванчинъ-Писаревъ. Истинная красота, единственная истинная—въ простотѣ; въ ней-же и сила. Но именно этой „тайной простоты" владѣлъ Александръ Ивановичъ; владѣлъ, поистинѣ, „Божіей Милостью",—ибо, чтобы „быть простымъ" ему надо было быть только самимъ собою. А „собою"—онъ былъ всегда.

И второе, великое для писателя, качество было у него: любовь къ людямъ, простая и ясная, какъ онъ самъ. Любовь, придавшая особую силу его „общественной вѣрѣ",—ту твердость, которая дѣлала его такимъ „терпимымъ" и мягкимъ—ко всѣмъ, безъ исключенія, кажется, встрѣчавшимся на его жизненной дорогѣ. Ко всѣмъ, вплоть до тюремщиковъ.

Эта мягкость—не отъ „прекраснодушія", но именно отъ непоколебимой, просвѣтленной вѣры, или лучше,—увѣренности въ правдѣ дѣла, которому отдалъ онъ свою жизнь. Вѣдь „ревность о вѣрѣ", пылко взносящая руку для удара при первой-же встрѣчѣ съ „инакомыслящимъ", всегда строится на маловѣріи, на инстинктивномъ страхѣ, что отъ прикосновенія чужой руки—какъ карточный домикъ разсыплется вся стройная, взлелѣянная „система" міровоззрѣнія. Увѣренный-же въ себѣ, во внутренней правдѣ своей, всегда „терпимъ", и видитъ онъ яснѣе другихъ, такъ какъ взглядъ его не затуманенъ страхомъ. Александръ Ивановичъ умѣлъ видѣть. И „видѣ-

ніе“ это придавало его простому слову особую проникновенность и силу. Можетъ-ли писатель желать себѣ большаго?

И если Александръ Ивановичъ, несмотря на одаренность эту, писателемъ не сталъ, то потому лишь, что онъ отказался сознательно отъ личнаго „слова“ во имя коллективнаго „дѣла“.

Знаю: ранитъ слухъ противупоставленіе „слова“ и „дѣла“, утвержденіе ихъ несовмѣстимости. И все-же это такъ. Конечно, внѣ „дѣла“, внѣ тѣснаго и живого слiянiя съ дѣланiемъ общественнымъ, не мыслится писатель, какъ не мыслится и дѣло общественное безъ руководящаго и вдохновляющаго „слова“. Но писателю — особое мѣсто въ борьбѣ общественной: какъ „дѣятель“, къ работѣ практической прикладывающій руку, онъ въ ней—только „партизанъ“; онъ врывается въ нее, сливаетъ свой порывъ съ ея подъемомъ ...или паденіемъ, онъ идетъ съ ней на гребнѣ волны... но лишь до того момента, когда въ дѣланiи этомъ—вскроется для него новое „слово“, или тотъ законъ, которымъ подымается и рушится волна: до момента—когда съ „перепутья“ откроется ему—Путь. Побѣда или пораженіе—не все-ли, въ концѣ концовъ, ему равно: онъ „жизни“, ея тайны ищетъ, ея глубины испытуетъ. И для его творчества—ничто, по существу, дѣйствительное измѣненіе внѣшнихъ формъ, матеріальные переломы жизни общественной: ему важенъ процессъ—не цѣль. Для него борьба, въ которую вошелъ онъ, зачастую изжита безконечно раньше, чѣмъ практически достигнутъ ею хотя-бы самомалѣйшій итогъ. Ибо, разъ только пережитое и видимое созрѣло въ немъ—таинственнымъ процессомъ—для „слова“, оно уже мертво для него: онъ бросаетъ созрѣвшій плодъ—и не обертываясь идетъ дальше; онъ ищетъ дальше, онъ глубже идетъ, не дожидаясь, пока за полетомъ его мысли, медлительной, тяжкой стопой, оступаясь и падая, дотянется „дѣланіе жизни“.

И потому, онъ входитъ въ борьбу и выходитъ изъ нея—не тогда, когда это нужно „дѣлу“ общественному, но когда это нужно ему, для его личнаго творчества. Ибо, какъ тѣсно ни сливался-бы онъ съ другими, той-же борьбой захваченными людьми—онъ ведетъ борьбу эту за свой собственный рискъ, „одинъ, по своему“.

На началѣ обратномъ, на началѣ строгой „соборности“, на согласованной коллективной работѣ—строится „въ дѣйствительной жизни“ общественное дѣланіе. Кто сталъ на такое дѣло—тотъ не воленъ уже въ себѣ; имъ управляетъ законъ „общаго“ слитнаго дѣла, изъ котораго нельзя выйти сразу, порывомъ, не нарушивъ стройной работы Цѣлаго. Въ работникѣ „дѣла“—есть, поэтому, начало самоотреченія постольку-же, поскольку работнику „слова“ присуще начало само-

утвержденія. И потому, воистину, несовмѣстимо цѣлостное „слово“ и цѣлостное „дѣло“. И подвигомъ должно признать сознательный отказъ отъ „слова“ во имя „дѣла“, отказъ отъ жизни и творчества по собственной волѣ—во имя коллективной, общей работы. Ибо, въ этомъ отказѣ, воистину, кровная жертва.

Иванчинъ-Писаревъ принесъ эту жертву, но безъ всякаго „ощущенія жертвы“, безо всякаго сознанія „подвига“, безъ душевнаго перелома; слишкомъ сильна была въ немъ тяга именно къ общей работѣ, слишкомъ ярко было сознаніе, что не одинокимъ „подвигомъ“, но лишь коллективнымъ, соборнымъ творчествомъ, воистину, обновляется міръ. „Одиночество“ писателя нимало не манило его, поэтому,—а силамъ писательскимъ его и на поприщѣ коллективнаго творчества видѣлся достаточный просторъ и достаточно высокія задачи.

Ибо, отказавшись отъ „слова“, онъ не отрекся отъ него, напротивъ, главное дѣло свое онъ выбралъ въ служеніи тому-же „слову“—организаціонной и редакціонной работой. Да и самъ онъ брался за перо, каждый разъ, когда „дѣло“ давало ему къ тому возможность, или точнѣе, давало ему отдыхъ. Правда, не часты были эти отдыхи: вѣдь въ условіяхъ нашей общественной работы — истиннымъ работникамъ нѣтъ, по существу, смѣны. Тѣмъ меньше могла быть она для Александра Ивановича. Обычно, по его присутствію, расцѣнивали мы то или иное общественное начинаніе: на пустыхъ словопреніяхъ онъ не бывалъ; и разъ Александръ Ивановичъ прикладывалъ къ дѣлу свою руку, значитъ о жизненномъ, о воистину нужномъ шла рѣчь. Но въ такихъ дѣлахъ—какъ всѣмъ вѣдомо—всѣ люди на счету.

Тѣмъ болѣе, что, какъ истинный работникъ, Иванчинъ-Писаревъ не зналъ различія между „большимъ“ дѣломъ и дѣломъ „малымъ“: для цѣльности работы, для гармоніи цѣлаго — „мелочь“, деталь — не менѣе важна, чѣмъ „крупное“. И потому, Александръ Ивановичъ не брезгалъ никогда даже самой „черной“, „рядовой“ работой—онъ дѣлалъ то, что надо было „въ очередь“ дѣлать, заступалъ выбылое или незанятое, почему либо, „очередное“ мѣсто, не считаясь съ тѣмъ, соотвѣтствовало-ли оно его желанію, или его личной значительности, его общественной цѣнности... И это—нисколько не умаляло степени воздѣйствія его на общій, коллективнымъ усиліемъ складывавшійся итогъ. Ибо, въ концѣ концовъ, не мѣсто Александра Ивановича въ работѣ было важно,—важно было самое вхожденіе его: ибо тѣ свойства души и разума, которыми опредѣлился жизненный и литературный его талантъ, создавали совершенно особую цѣльность, сліянность и особую силу тому дѣлу, въ которое онъ входилъ, хотя-бы даже на незамѣтную, рядовую работу.

Можно-ли изъ такой жизни создать біографію, не обезцвѣтивъ, не обезсиливъ ее, не вынувъ изъ нея то, что было въ этой жизни лучшимъ? Ее нужно закрѣпить въ словахъ, но не какъ „біографію“, а какъ... „житіе“, какъ образецъ жизни соборной, той будущей—творческой жизни людей, въ которой не будетъ ни „толпы“, ни „героевъ“... Закрѣпить — чтобы учиться. Ибо, поистинѣ, я не зналъ-бы лучшей книги для готовящихся вступить въ жизнь, для подымающихся къ жизни поколѣній,—какъ переданное словами простыми—такими-же простыми и задушевными, какъ былъ онъ самъ—описаніе жизненнаго дѣланія Иванчина-Писарева. И такой книгѣ — я не далъ-бы ни пышнаго заглавія, ни даже начертанія его семейнаго имени. Я назвалъ-бы ее просто:

„Жизнь Александра Ивановича“.

С. Мстиславскій.

ВѢРА ФИГНЕРЪ.

А. И. Иванчинъ-Писаревъ.

Мое первое знакомство съ Александромъ Ивановичемъ Иванчинъ-Писаревымъ относится къ тому времени, когда я была студенткой Бернскаго университета. Въ концѣ 1875 года, прибывшій изъ Россіи Натансонъ сообщилъ мнѣ, что сейчасъ въ Женевѣ находятся три революціонныхъ дѣятеля: Иванчинъ-Писаревъ, Клеменцъ и Кравчинскій и что мнѣ необходимо воспользоваться случаемъ и съѣздить познакомиться съ ними. Еще раньше я много слышала о всѣхъ трехъ отъ моихъ друзей—Н. Морозова и Н. Саблина, дѣйствовавшихъ въ Россіи вмѣстѣ съ ними. Закрѣпить заочное знакомство личной встрѣчей было тѣмъ желательнѣе, что временные эмигранты вскорѣ собирались вернуться на родину, чтобъ возобновить свою дѣятельность, а я тоже думала ѣхать въ Россію, оставивъ университетъ.

Пріѣхавъ въ Женеву и отыскавъ Александра Ивановича, я увидѣла передъ собой довольно высокаго, стройнаго блондина, съ бѣлокурой шевелюрой, блестящими сѣрыми выразительными глазами и небольшой русой бородкой. Обстановка, непохожая на обыкновенную эмигрантскую или студенческую, и наружность скорѣе всего барина-земца, какимъ въ дѣйствительности и былъ Александръ Ивановичъ по своему предшествующему положенію помѣщика Даниловскаго уѣзда,—подѣйствовали на меня замораживающимъ образомъ, а присутствіе М. П. Лешернъ, Клеменца и Кравчинскаго—всѣхъ сразу—окончательно смутило.

Встрѣча вышла натянутая, безсодержательная и, кажется, обѣ стороны остались разочарованными.

Если первый блинъ былъ комомъ, то второй—вышелъ и того хуже: думая, что такой солидный господинъ знаетъ гораздо больше моего, я написала Ал. Ив. письмо, прося его дать мнѣ библіографическія указанія по вопросу о происхожденіи религіи, собственности, семьи и государства.

Въ Бернѣ русской библіотеки не было, а меня, какъ разъ въ это время эти вопросы прямо тревожили. Александръ Ивановичъ не отвѣтилъ мнѣ по существу, а увлекшись своей склонностью къ шуткамъ, написалъ въ юмористическомъ тонѣ, что я, подобно дьякону одного изъ разсказовъ Гл. Ив. Успенскаго, хочу *„дойти до корня вещей“*. Я, конечно, подумала: въ другой разъ не стоитъ обращаться.

Если бъ онъ зналъ, какое громадное впечатлѣніе и умственное удовлетвореніе дала мнѣ книга Лёбокка „Начало цивилизаціи“, когда потомъ я наткнулась на это сочиненіе!

Всѣ эти шероховатости исчезли, когда осенью 1876 года мы стали часто встрѣчаться въ Петербургѣ на Бассейной, въ квартирѣ Софьи Ивановны Гольдсмитъ. Тутъ образовалась небольшая дружеская компанія, къ которой кромѣ Александра Ивановича и меня, принадлежали: Юрій Богдановичъ, Марья Павл. Лешернъ и Н. Драго.

Въ то время движеніе въ народъ, въ той формѣ, какую оно имѣло раньше, было ликвидировано. Если, не смотря на крушеніе и разгромъ 74-го года, оно въ 1875 году по инерціи еще шло по прежнему руслу,—теперь послѣ новыхъ неудачъ было ясно, что надо искать новыхъ путей и методовъ, и прежде всего измѣнить революціонную программу въ смыслѣ бо́льшаго согласованія ея съ реальными условіями и требованіями жизни.

Сознаніе этой необходимости сдѣлалось къ осени 1876-го года господствующемъ въ революціонной средѣ: оно намѣчалось среди радикальной молодежи и сосредоточивало на себѣ мысль всѣхъ участниковъ движенія, посколько они уцѣлѣли отъ предшествовавшаго періода: программные вопросы стали дебатироваться во всѣхъ кружкахъ.

Александръ Ивановичъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ въ этомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ Юріемъ Богдановичемъ и Н. Драго онъ составилъ одинъ изъ проэктовъ программы, которая получила названіе *„народнической“* и однородна съ той, которая легла въ основаніе тайнаго общества „Земля и Воля“ въ той части, которая касается революціонной дѣятельности въ деревнѣ.

Въ результатѣ обсужденій, съ одной стороны образовалось общество: „Земля и Воля“ (О. и М. Натансонъ, Плехановъ, А. Михайловъ, Боголюбовъ-Емельяновъ и др.), а съ другой — автономный кружокъ съ той же программой, въ который входили: А. И. Писаревъ, Богдановичъ, Драго, Веймаръ, Лешернъ, я, а позднѣе А. Соловьевъ и нѣкоторые другіе.

Вскорѣ послѣ демонстраціи 6-го декабря на Казанской площади, устроенной обществомъ „Земли и Воли“ и въ которой участвовали и

всѣ мы, Александръ Ивановичъ, Богдановичъ, Лешернъ, Соловьевъ и рабочій Грязновъ отправились въ Самарскую губернію, гдѣ и основались въ Бузулукскомъ уѣздѣ въ цѣляхъ пропаганды. Осенью къ нимъ присоединилась и я, устроившись въ Самарскомъ уѣздѣ, а потомъ, во избѣжаніе ареста, мы всѣ переѣхали въ Саратовскую губернію, которая была центромъ провинціальной дѣятельности членовъ „Земли и Воли“.

Александръ Ивановичъ такъ выпукло обрисовалъ свою „народническую“ дѣятельность въ качествѣ волостного писаря въ талантливыхъ очеркахъ, напечатанныхъ въ „Завѣтахъ“ (и отдѣльнымъ изданіемъ), что я ничего не могла бы прибавить къ нимъ.

Но тѣ же полицейскія условія нашей русской жизни, которыя заставили большинство членовъ „Земли и Воли“ покинуть деревню, принудили и Александра Ивановича оставить любимую работу среди крестьянъ и присоединиться къ „Народной Волѣ“, основанной осенью 1879 г.

Какъ человѣкъ, обладающій литературнымъ дарованіемъ, онъ былъ приглашенъ въ число редакторовъ партійнаго органа: „Народная Воля“, которымъ и состоялъ вмѣстѣ съ Н. К. Михайловскимъ и членами Исполнительнаго Комитета Н. В.: Л. Тихомировымъ и Н. Морозовымъ въ началѣ, А. Корба позднѣе.

Редактированіе и писательство въ подпольномъ органѣ не могло поглотить всѣхъ силъ Александра Ивановича; онъ принималъ участіе въ легальной прессѣ и въ сущности былъ дѣйствительнымъ, но только неоффиціальнымъ редакторомъ журнала „Слово“, поддерживая въ то же время дружескія отношенія и связи съ литераторами и нѣкоторыми земскими дѣятелями Тверской губерніи, для чего имѣлъ всѣ данныя.

Александръ Ивановичъ имѣлъ очень представительную наружность, за которую я въ шутку называла его „предводителемъ дворянства“, былъ прекраснымъ разсказчикомъ и остроумнымъ собесѣдникомъ; человѣкъ образованный, энергичный и бывалый—онъ, какъ нельзя болѣе, былъ способенъ играть видную роль въ „обществѣ“, въ земствѣ, но нелегальное положеніе съужало до минимума сферу его дѣятельности,—въ лучшую пору жизни ему негдѣ было развернуться; только періодъ передъ временной эмиграціей, когда онъ жилъ помѣщикомъ и земскимъ дѣятелемъ въ имѣньи Пошаново (Данил. у.) можетъ служить иллюстраціей его способностей въ этой области.

Тѣмъ удивительнѣе, что на ряду съ этимъ онъ обладалъ несравненнымъ умѣньемъ подойти къ простому человѣку, говорить съ нимъ его языкомъ—качества, доставлявшія ему среди крестьянъ популярность и вліяніе, какими рѣдко пользовался кто-либо изъ революціонеровъ.

Что касается революціонной среды того времени, то за исключеніемъ дружескаго кружка, къ которому онъ принадлежалъ, между нимъ и другими видными революціонерами не было тѣсныхъ отношеній: онъ стоялъ какъ-то особнякомъ, не могъ слиться съ ними, и у нихъ къ нему, въ свою очередь, было чувство отчужденности, не допускавшей полной революціонной интимности. Многія черты характера были тому причиной; насмѣшливая и подчасъ высокомѣрная манера держать себя, быть можетъ, была преградой въ средѣ, гдѣ прежде всего требуется товарищеское обращеніе. Но главной причиной, мнѣ кажется, было то, что Александръ Ивановичъ не дооцѣнивалъ моральныя качества тѣхъ, съ кѣмъ соприкасался, и это инстинктивно чувствовалось другой стороной: онъ любилъ *нѣкоторыхъ,* но *не всѣхъ*, цѣнилъ *нѣкоторыхъ,* но *не всѣхъ.* Между тѣмъ, если я не ошибаюсь, всѣ мы, члены „Земли и Воли“ и Исполнительнаго Комитета, въ своихъ товарищескихъ отношеніяхъ не индивидуализировали: для насъ сознаніе, что человѣкъ всецѣло преданъ революціонному дѣлу и готовъ отдать за него свободу и жизнь, рождало къ нему любовь, создавало извѣстный эмоціональный нимбъ около него, который заграждалъ всякое поползновеніе нанести царапину.

Послѣ 81 года, когда Александръ Ивановичъ былъ арестованъ и потомъ отправленъ въ административную ссылку—пути наши разошлись, и только чрезъ громадный промежутокъ времени мнѣ пришлось мимолетно встрѣтиться съ нимъ. Объ этомъ періодѣ жизни А. И. я почти ничего не знаю.

Когда жизнь надолго разлучила людей и большая полоса ея прошла врозь, при совершенно различныхъ условіяхъ, трудно двумъ личностямъ подойти вплотную другъ другу; время создаетъ преграду, которую не перешагнешь 2—3 днями встрѣчъ.

Это чувствовала я; это сознавалъ и Александръ Ивановичъ. Я боялась встрѣчи двухъ, которые знали другъ друга молодыми. Александръ Ивановичъ отказывался написать мнѣ первымъ: онъ хотѣлъ, чтобъ „задала тонъ“ переписки—я. Таково было его выраженіе.

Я—написала. Онъ—пріѣхалъ *).

Я жила тогда въ Казанской губерніи, въ деревушкѣ, въ имѣньи тётки; жила въ полномъ одиночествѣ, съ разстроенными нервами и въ такомъ настроеніи, что никакая встрѣча не могла принести мнѣ истинной радости. Говорить и спрашивать не хотѣлось, и при такихъ условіяхъ нельзя было сблизиться.

Заброшенная въ большую глушь, въ которой почти не раздава-

---

*) Письмо это напечатано ниже.

лось эхо политическихъ событій 1905 года, я получила, позднѣе, нѣсколько писемъ, въ которыхъ Александръ Ивановичъ, съ большимъ увлеченіемъ, писалъ о дѣятельности „Совѣта рабочихъ депутатовъ“, и эти письма находили во мнѣ живой откликъ. Но потомъ я уѣхала за границу; общественная жизнь Россіи стала принимать такой характеръ, что о самомъ животрепещущемъ стало неудобно писать. Кромѣ того мнѣ надо было лѣчиться:—большая переписка требовала слишкомъ много силъ—я перестала писать; не было потребности поддерживать за тридевять земель отношенія, которыя ослабила и порвала многолѣтняя предъидущая разлука. Общественная жизнь въ Россіи все болѣе и болѣе шла другимъ темпомъ; наступили времена распада, дезорганизаціи и распыленія силъ, когда тягостными переживаніями совсѣмъ не хочется ни съ кѣмъ дѣлиться...

В. Фигнеръ.

1917.

Письмо къ А. И. Иванчину-Писареву.

19—XII—(1905 г.).

Дорогой Александръ!

Ты прислалъ мнѣ тюфячекъ, ты собираешься ко мнѣ пріѣхать, но не хотѣлъ написать мнѣ первымъ, предоставляя мнѣ задать тонъ перепискѣ. Хорошо! Я тебѣ скажу прежде всего и, пожалуй, единственно нужное и важное—что въ разлукѣ, все время, я питала къ тебѣ тѣ же хорошія и добрыя чувства, какъ и на свободѣ... что я была всегда рада, что ты не потонулъ со всѣми и что, какъ-ни-какъ, ты могъ жить, когда мы все равно, что умерли, или умирали. Много разъ хотѣла я спросить о тебѣ въ письмахъ, но боялась какъ-нибудь тебя скомпрометировать или поставить мамочку въ затруднительное положеніе. Страшно обрадовалась я, когда въ Большой Энциклопедіи Южакова, которую мы покупали, прочла, какъ ты подвигался изъ Сибири черезъ Казань и Нижній и наконецъ сталъ у такого большого дѣла, какъ изданіе Руск. Бог. Тщетно искала я въ книжкахъ этого журнала твоего пера, твоего жанра и стиля—искала и не находила... И мнѣ казалось, что ты зарылъ въ землю свой лучшій талантъ и не далъ журналу того, что составило бы его красу и гордость. Почему же ты не писалъ еще, дорогой Александръ, въ томъ родѣ, какъ писалъ по возвращеніи изъ деревни? Или, оторванный отъ земли, отъ живительнаго общенія съ мужикомъ, котораго ты такъ любилъ и понималъ, ты не могъ уже и писать о немъ, или, лучше сказать,

живописать его... Вѣроятно, такъ!.. Цѣлую и обнимаю тебя, дорогой Александръ, и буду ждать, что ты пріѣдешь. Только грустно... страшно грустно встрѣчаться, когда столько лѣтъ протекли въ разлукѣ. Вѣдь въ людяхъ, за такой періодъ времени не остается неизмѣнной ни одна клѣтка организма, не остается неизмѣнной и душа... Теперь мнѣ уже легче, что я прижилась къ сестрамъ слила прошлое съ настоящимъ, и въ теперешнихъ—нашла давно прошедшихъ. Я такъ боялась, что онѣ могли измѣниться слишкомъ сильно: вѣдь правда, которую Короленко говоритъ о Чернышевскомъ, есть правда и по отношенію къ каждому изъ Шлиссельбуржцевъ— такая продолжительная стоянка приковываетъ къ мѣсту, на которомъ человѣка захлестнула волна, и все ему кажется, что вмѣстѣ съ нимъ остановился и весь міръ, и всѣ люди... И по отношенію къ тебѣ я боюсь, что сначала мы покажемся другъ другу чужими и начнемъ психическое ощупываніе другъ друга, какъ ощупываетъ руками оперированный слѣпецъ, чтобъ признать, что видимое имъ есть дѣйствительно кошка, а не собака...

О моей жизни здѣсь не стоитъ писать: сестра тебѣ все разскажетъ... Итакъ остаюсь любящая тебя

Вѣра.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Испытаніе огнемъ [1]).

... Теперь взгляни же
И пойми, хотя на мигъ,
Кто въ Берлинѣ и Парижѣ
Торжество свое воздвигъ.
Ѳ. Сологубъ.

I.

„Міръ сошелъ съ ума!..“

Эту ходячую пошлость мѣщанской мудрости вы, вѣроятно, десятки, сотни разъ слышали и читали — съ тѣхъ поръ, какъ началась „міровая война“.

Почему „міръ“ сошелъ съ ума только теперь, когда началъ эту войну, а не тогда, когда исподволь, десятилѣтіями упорно готовился къ ней — я не знаю. Почему начать истреблять другъ друга штыками, „чемоданами“ и удушливыми газами значитъ сойти съ ума, а заготовлять ихъ впрокъ значитъ пребывать въ твердомъ умѣ и здравой памяти — это, каюсь, мнѣ непонятно. И почему истреблять ближняго своего огнемъ и мечомъ значитъ стать безумнымъ, а позволять этому ближнему мирно гибнуть отъ голода, болѣзней и отъ нашей сытости значитъ быть разумнымъ — боюсь, что этого я не пойму никогда. Одно изъ двухъ: либо „міръ“ и не думалъ теперь сходить съ ума, а твердо и разумно, по своему пониманію, идетъ къ давно намѣченнымъ цѣлямъ, либо уже давно онъ „пошелъ съ ума“ (какъ выражался нѣкій анекдотическій нѣмецъ) и лишь теперь окончательно „сошелъ“... Либо онъ былъ безуменъ всегда, либо онъ вполнѣ разуменъ теперь.

Будьте спокойны: ни съ чего міръ не сошелъ, ни въ какой новый путь онъ не пошелъ. Онъ только пожинаетъ плоды того посѣва, который самъ же онъ упорно и настойчиво производилъ въ теченіе десятилѣтій. Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтала мѣщанская

[1]) Статья написана въ концѣ 1914 г.; дополнена и закончена въ 1915 г.

культура и теперь дала плодъ. И если справедливо слово: „по плодамъ ихъ познаете ихъ“, то и по этому кровавому плоду легко познать всю сущность того мирнаго „міра“, о безуміи котораго заговорили теперь испуганные его слуги. Но вольно же было имъ быть слѣпыми!

Тотъ, кто хотѣлъ видѣть — зналъ уже давно, что въ мірѣ „торжество свое воздвигъ“ вѣчный духъ Мѣщанства, съ которымъ всегда боролись поколѣнія „лучшихъ людей“. Это еще Герценъ видѣлъ— и предвидѣлъ, что даже далекое „торжество соціализма“ не будетъ окончательной побѣдой надъ духовнымъ мѣщанствомъ человѣчества. Ядъ этотъ разлитъ въ его крови глубже всѣхъ соціальныхъ и политическихъ тканей: соціалисты 1914 года доказали это своимъ поведеніемъ urbi et orbi... Теперь даже и тотъ, кто не хотѣлъ видѣть и вѣрить, принужденъ силою вещей воочію узрѣть и увѣровать.

Уже первые дни войны показали, до какой степени глубоко проникнуты этимъ ядомъ люди разныхъ полюсовъ, отъ болотныхъ низинъ и до горныхъ вершинъ, отъ болотныхъ низинъ, въ которыхъ ползаетъ „желтая пресса“, и до горныхъ вершинъ, на коихъ парятъ ученѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе мужи. Произошло трогательное единеніе, братскій союзъ — неба вверху и болота внизу.

На этомъ братскомъ единеніи слѣдуетъ немного остановиться: оно лучше всего опровергаетъ злостную клевету о безуміи міра. Безуміе — это рознь, вражда, братоубійство, но какое-же безуміе— въ братскомъ единеніи? А единеніе это съ самаго начала было поистинѣ трогательнымъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Нововременскій профессоръ, г. Пиленко, плакался, что нѣмцы „оскверняютъ минами“ Сѣверное море, создавалъ циничнѣйшій проектъ всемірнаго военно-полевого суда и грозился, что „никто не прольетъ слезъ надъ развалинами Германіи“. Ему радостно вторилъ бывшій редакторъ журнала „Былое“, П. Щеголевъ, въ радикальной газетѣ „День“: „нѣмцы“ — заявлялъ онъ, — внутренне некультурны, и именно за это „всемірная катастрофа меча и огня ввергнетъ нѣмецкій народъ во мракъ запустѣнія и замирающей культуры“. И ничего, ему не было стыдно.

Докторъ Дубровинъ требуетъ „безпощадной расправы“ съ внутреннимъ врагомъ; жидъ и шпіонъ — синонимы, надо ихъ вѣшать сотнями. Членъ религіозно-философскаго общества, Д. Философовъ, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія въ газетѣ „Рѣчь“, что онъ не возражаетъ противъ „самой безпощадной расправы“ со шпіонами. Спору нѣтъ, всяческіе шпіоны — явленіе омерзительное, но не болѣе, чѣмъ одобреніе членомъ религіознаго христіанскаго общества „самой безпощадной расправы“ съ кѣмъ бы то ни было.

Безконечные легіоны версификаторовъ выливаютъ ушаты неблаговоннаго остроумія и такой же злобы на Германію. Германія „подруга Сатаны“, „позоръ земли“, нѣмцы — „собаки“, „поношеніе людей“, „злое племя наглыхъ дикарей“. Такъ пишутъ въ болотныхъ низинахъ. Но вотъ авторъ книги „Горныя вершины“, большой нашъ поэтъ Бальмонтъ: „сатанинскія собаки испускаютъ рѣзкій вой“ — это онъ написалъ про германцевъ. Не отстаетъ отъ него Минскій, для котораго германцы — „бестіи“ и „сверхъ-дикари“. Не менѣе рѣшительны въ своихъ выраженіяхъ Ѳедоръ Сологубъ и другіе наши извѣстные поэты, за очень и очень немногими исключеніями. Единеніе духа и мысли — полное, братское.

Меньшиковъ изъ „Новаго Времени“, основываясь на научныхъ изслѣдованіяхъ Тэйлора, сообщаетъ читателямъ, что „германская раса значительно низшаго типа, чѣмъ кельто-славянская“ и что типичный тевтонскій черепъ „звѣроподобенъ и приближается къ черепу гориллы“. Гориллѣ-же мѣсто, конечно, въ клѣткѣ. Неудивительно поэтому, что членъ Государственнаго Совѣта и гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, графъ А. А. Бобринскій, высказываетъ публично — на чрезвычайномъ собраніи ci-devant санктъ-петербургскаго дворянства — свои пламенныя надежды, что „на царственнаго изверга затѣявшаго всю эту кровавую кутерьму, будетъ надѣта смирительная рубашка и самъ онъ посаженъ будетъ въ желѣзную клѣтку, напоказъ и въ назиданіе міру“... („День“, 2-го августа 1914 г.). Ci-devant санктъ-петербургскіе дворяне „бурей аплодисментовъ подтвердили, что вполнѣ раздѣляютъ чувства оратора“. Но вотъ радикальный беллетристъ и публицистъ, г. Танъ-Богоразъ, у котораго, по собственному признанію, отъ восторга губы трубочкой, заявляетъ, что „писатели — это сверхчувственные инструменты, играющіе человѣчеству мелодію грядущаго“, а потому онъ идетъ дальше Меньшикова и гр. Бобринскаго. Для него нѣмецъ—хуже гориллы и Вильгельмъ—хуже Атиллы. „Съ кѣмъ состязается прусскій Вильгельмъ? Съ Геростратомъ, съ Бонапартомъ, съ Александромъ Македонскимъ?— Нѣтъ, онъ мѣтитъ выше, онъ состязается — съ дьяволомъ...“ („Бирж. Вѣд.“, 2-го Декабря 1914 г.). И ничего, ему тоже, повидимому, не особенно стыдно, этому сверхчувственному инструменту, играющему мелодію грядущаго...

Тотъ же Меньшиковъ въ томъ-же „Новомъ Времени“ изо дня въ день писалъ свои необъятно-болотистыя статьи подъ общимъ заглавіемъ: „Должны побѣдить!“ Въ толстомъ марксистскомъ журналѣ заглавіе статьи: „Да будетъ побѣда!“ Воззваніе объединенныхъ русскихъ соціалистовъ, марксистовъ и народниковъ, тоже „энергично требуетъ войны до побѣды“ („Рѣчь“, 7 окт. 1915 г.). Подъ воззва-

ніемъ этимъ находимъ имена Плеханова, Авксентьева, Дейча, Бунакова... Это-ли не единеніе! Пусть поводы и цѣли—разные, но могутъ же соединяться въ общемъ военномъ кличѣ Плехановъ и Меньшиковъ!

Газета „Рѣчь“, закрытая въ первые же дни войны, приноситъ не медля ни мало вторую патріотическую присягу, обѣщая вѣрою и правдою, не за страхъ, а за совѣсть, служить дѣлу единенія для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Трудовикъ Керенскій на такъ называемомъ „историческомъ“ засѣданіи Думы 26—VII—1914 г. призываетъ русскую демократію „вмѣстѣ со всѣми другими силами дать рѣшительный отпоръ нападающему врагу“... Какъ было не радоваться такому единомыслію россійскихъ гражданъ—отъ черной сотни, черезъ либераловъ до соціалистовъ!

Подлинно: такого единенія—еще не бывало! И такое объединеніе—удѣлъ не одного лишь русскаго общества. Въ Германіи происходило совершенно то же самое: соціалъ-демократы голосуютъ за одно съ аграріями, нѣмецкіе ученые и профессора требуютъ войны до полной и окончательной побѣды, до уничтоженія дикой Россіи и вырождающейся Франціи. Во Франціи анти-милитаристъ Эрве пламенно проповѣдуетъ крестовый походъ на дикарей современной культуры германцевъ, а объединенные соціалисты братаются съ клерикалами, Жюль Гедъ вступаетъ въ министерство національной обороны. Въ Бельгіи соціалистъ Вандервельде занимается вербовкой волонтеровъ для арміи. Въ Англіи, въ Италіи, въ Австріи—всюду одно и то-же, а если и есть исключенія, то, вѣдь, „въ семьѣ не безъ урода“... Всюду братское сліяніе болотныхъ низинъ съ горными вершинами. Вотъ когда исполнилось слово древней герметической мудрости: „небо вверху—небо внизу... Все, что вверху, то и внизу“..

Такъ слились „небо“ и „болото“, такъ слились—не разберешь, гдѣ начинается одно и гдѣ кончается другое. Братское единеніе горѣніе, порывъ, общее дѣло... И намъ говорятъ, что міръ сошелъ съ ума!—Наоборотъ, міръ прозрѣлъ, выздоровѣлъ отъ нездоровой партійной розни, нашелъ общее дѣло, общую почву, общее слово! Міръ сошелъ съ ума! Да полноте—онъ здоровъ здоровехонекъ, и не только не сошелъ съ ума, но еще очень и очень себѣ на умѣ...

II.

Міръ твердо и „разумно“ идетъ къ достиженію давно намѣченныхъ цѣлей; только цѣли эти—сталкивающіяся, почему и нельзя достичь ихъ безъ „кровавой кутерьмы“. Столкнулись пять изъ шести существующихъ de facto и in spe великихъ міровыхъ государствъ,

столкнулись на пути осуществленія своихъ націоналистическихъ и торговыхъ идеаловъ. Чтобы понять это наглядно, надо бросить взглядъ на глобусъ и вспомнить, свести къ одному, — что писали и пишутъ „идеологи“ различныхъ міровыхъ государствъ о задачахъ и конечныхъ цѣляхъ своихъ странъ. Это небезынтересная страничка изъ полу-фантастическаго историческаго романа XX вѣка.

„Міромъ правитъ купецъ“, — сказалъ Герценъ болѣе полувѣка тому назадъ. Купецъ создаетъ колоніи, соединяетъ ихъ въ одно цѣлое нитью желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ путей, стремится къ увеличенію и „округленію“ своихъ владѣній, рождаетъ новыя имперіи, разрушаетъ старыя. На путяхъ къ этому созиданію столкнулись міровыя государства—и рѣшаютъ войною свой споръ.

Конечныя цѣли англійскаго государства-купца — грандіозны: дѣло идетъ о созданіи громадной колоніальной имперіи, для которой Индійскій океанъ былъ бы внутреннимъ моремъ. Имперія эта должна быть связнымъ цѣлымъ, и желѣзный путь долженъ соединить три главныхъ центра имперіи — знаменитыя „три К“ англійскаго имперіализма: Капштадтъ — Каиръ — Калькутта. Этотъ желѣзный путь въ 20.000 верстъ долженъ навсегда закрѣпить за Англіей всю восточную половину Африки, отъ Капской земли до Египта, и далѣе всѣ земли отъ Палестины, Аравіи, южной Персіи до Индіи, Если прибавить, что съ юга-востока эту колоніальную имперію замыкаетъ Австралія, то передъ нами, дѣйствительно, гигантская колонія вокругъ Индійскаго океана, съ общей поверхностью до 30 милліоновъ квадратныхъ километровъ и съ населеніемъ до 350 милліоновъ человѣкъ. Медленно и твердо, въ теченіе десятилѣтій, сперва безсознательно, а потомъ и сознательно идетъ Англія къ этой конечной цѣли своего имперіализма. Для осуществленія этой цѣли къ началу XX вѣка оставалось немногое: оставалось пробиться черезъ германскую Восточную Африку и добиться „протектората“ надъ Сиріей и Аравіей до устья Ефрата. Война 1914 года дала возможность Англіи приступить къ одновременному рѣшенію обѣихъ задачъ—германской и турецкой.

Французскій „республиканскій имперіализмъ“ не менѣе упорно работаетъ вотъ уже много десятилѣтій надъ созданіемъ подобной же колоніи-государства: это—государство восточно-атлантическое. Мечта французскаго имперіализма—„союзъ латинскихъ государствъ“, обращенныхъ въ единую Атлантиду, отъ Рейна на Адріатику и далѣе на Триполи, Конго, Анголу: эта новая Атлантида, съ Италіей, Испаніей и Португаліей вмѣстѣ, имѣла бы до двухсотъ милліоновъ населенія на двадцати милліонахъ квадратныхъ километровъ. Но если бы даже „латинскій союзъ“ остался мечтою, все же восточно-атлантическая колонія уже теперь во власти французскаго имперіализма: уже теперь

французскіе Алжиръ, Марокко, Тимбукту и Гвинея—по площади превышаютъ Европу и составляютъ одно связное цѣлое, колоніальную Западную Африку. Отъ Гавра до Гвинеи—вотъ тѣ „двѣ Г“ (или, по французски „la ligne G-H.“, Guinée—Hâvre), которые строитъ французскій имперіализмъ, съ тѣхъ поръ какъ Франція отказалась отъ намѣренія соединить свои восточныя африканскія колоніи съ западной, отказались отъ линіи „D-E-F-G-H“ (Джибути-Египетъ-Фашода-Гвинея-Гавръ)—линіи, пересѣкающей будущій англійскій путь Капштадтъ-Каиръ*). Послѣ крушенія извѣстной попытки полковника Маршана (1898 г.), послѣ улаженія извѣстнаго „Фашодскаго инцидента“, англійскій и французскій имперіализмы легко могли разграничить свои „сферы вліянія“ (то-есть „сферы захвата“) и соединиться противъ общаго врага.

Русскій имперіализмъ строитъ не менѣе широкіе планы, чѣмъ два его западные собрата. Отрѣзанный Англіей отъ Индійскаго океана, перебрасывая свои стремленія съ „ближняго“ Востока на „дальній“ и обратно, русскій имперіализмъ въ славянофильскихъ мечтахъ своихъ доходитъ до объединенія всѣхъ славянскихъ земель и пытается создать колоссальную имперію, не меньшую имперіи Индійскаго океана. Отъ Данцига до Одера, то-есть отъ „объединенной Польши“, онъ стремится „на Лабу, Мораву, на дальнюю Саву, на Тиссу, на Дриссу, на Драву, Молдаву, на шумный и синій Дунай“, то-есть захватываетъ Балканскій полуостровъ, захватываетъ всю Малую Азію и удовлетворяется достигнутыми границами въ Азіи до береговъ Великаго океана, уже связавъ „два В“, крайнія точки своего распространенія: Варшаву и Владивостокъ. Русскій имперіализмъ пробовалъ было наложить руку на Манджурію и Корею, но обжегся на Японіи, въ лицѣ которой на историческую сцену выходитъ четвертое міровое государство, на нашихъ глазахъ зарождающееся. Въ несомнѣнномъ соединеніи съ возрожденнымъ Китаемъ, монгольскій имперіализмъ въ далекомъ или близкомъ будущемъ создастъ объединенное государство, не уступающее по размѣрамъ Россіи, а числомъ населенія значительно превосходящее. Индо-Китай, голландскія колоніи—обречены рано или поздно на поглощеніе монгольскимъ имперіализмомъ, а въ неизбѣжной борьбѣ за Филиппины и за Великій океанъ имперіализмъ этотъ, несомнѣнно, столкнется съ пятой міровой силой — Америкой.

Такъ раздѣляется почти поровну между пятью міровыми государствами весь „міръ“ — съ его полутораста милліонами квадратныхъ километровъ земли и полутора милліардомъ населенія.. Послѣ устроенія въ XVII и XVIII вѣкѣ своихъ между-европейскихъ дѣлъ,

*) „ABC de la politique coloniale—la ligne D-E-F-G-H“ (1898).

послѣ Вестфальскаго мира, послѣ войны за испанское наслѣдство— европейскія государства начали ощупью попытки созданія государствъ міровыхъ. Ясно и осознанно шелъ къ этой цѣли Наполеонъ, въ своей борьбѣ съ Англіей; съ него начинается новая фаза мірового имперіализма. Въ это время еще спали монголы, ширилась Россія, рождалась доктрина Монроэ, и начинали сталкиваться въ политическомъ морѣ тѣ волны, которыя должны будутъ въ концѣ концовъ создать якобы устойчивое равновѣсіе силъ пяти міровыхъ государствъ...

Все это прекрасно, но — гдѣ въ этомъ спискѣ самая могущественная промышленная страна, Германія? Гдѣ же, дѣйствительно, мѣсто германца „подъ солнцемъ“, — какъ любятъ выражаться германцы? И что же судилъ имъ въ мірѣ unser lieber alter Gott, какъ выражаются они со слегка снисходительной фамильярностью, будто похлопывая по плечу... Неужели же могла произойти невѣроятнѣйшая ошибка, неужели же unser lieber alter Gott не уготовалъ „мѣста подъ солнцемъ“ германскому государству, какъ государству міровому?

Германскій имперіализмъ пришелъ zu spät: въ этомъ, какъ извѣстно, его трагедія и въ этомъ причина переживаемой нынѣ міровой войны. Германскій купецъ пришелъ слишкомъ поздно, задержанный длительнымъ процессомъ внутренняго устроенія страны. За послѣднее полустолѣтіе онъ завоевалъ дешевыми и плохими товарами почти весь міръ; остроумцы говорятъ, что въ сильные телескопы даже на новорожденномъ мѣсяцѣ можно разобрать клеймо „made in Germany“... (Луну, какъ извѣстно со времени Гоголя, дѣлаютъ въ Гамбургѣ, „и прескверно дѣлаютъ“). Германецъ проникъ всюду, но всюду только враждебнымъ клиномъ вошелъ онъ въ чужія „сферы вліянія“. Вклинился въ самомъ концѣ XIX вѣка въ Западную и Восточную Африку— и тѣмъ самымъ сталъ поперекъ пути созданія французской новой Атлантиды и англійской имперіи Индійскаго океана. Попытался вклиниться на Дальнемъ Востокѣ — и встрѣтилъ непримиримаго врага въ растущемъ монгольскомъ имперіализмѣ. Попробовалъ выйти къ Персидскому заливу черезъ Австрію, Балканы и Малую Азію—и попалъ въ тиски между встрѣчнымъ движеніемъ другъ къ другу Россіи и Англіи. Во всемъ этомъ—завязка міровой войны 1914 года. Знаменитымъ англійскимъ „тремъ К“, германскій имперіализмъ рѣшилъ противопоставить не менѣе знаменитыя „три Б“, связывая желѣзнымъ путемъ Берлинъ — Бизантіумъ — Багдадъ или Берлинъ — Багдадъ — Басру. Этотъ путь, перерѣзывающій англійскую нить между Каиромъ и Калькуттой и запирающій на Босфорѣ дальнѣйшее такъ называемое „историческое движеніе“ Россіи — достаточно объясняетъ ближайшія причины міровой войны нашихъ дней.

Кто окончательно побѣдитъ — „три К“ или „три Б“? Отъ этого зависитъ судьба германскаго имперіализма. Если онъ былъ бы наголову разбитъ въ своей борьбѣ со всѣми міровыми государствами, то въ XX вѣкѣ роль германскаго государства свелась бы къ мѣстному значенію: отрѣзанное славянами и латинцами отъ Средиземнаго моря, лишенное англичанами своихъ африканскихъ колоній, оно должно было бы ограничиться союзомъ прибалтійскихъ странъ и было бы примѣромъ великой націи, не имѣвшей силъ создать міровое государство. Естественно, что подобный исходъ кажется германцамъ настолько же невѣроятнымъ, насколько противникамъ ихъ представляется невѣроятнымъ крушеніе ихъ имперіалистическихъ плановъ и ожиданій. Ибо, если бы полная побѣда оказалась на сторонѣ германскаго имперіализма, то онъ создалъ бы новое міровое государство, соединивъ въ одно связное цѣлое Германію съ Бельгіей и Голландіей и всѣми ихъ колоніями, скандинавскія государства, Австро-Венгрію, Балканы, Турцію, Персію, Аравію, Египетъ... Въ общей сложности эта колоніальная имперія имѣла бы тоже около 30 милліоновъ квадратныхъ километровъ поверхности и свыше трехсотъ милліоновъ населенія.

Есть, стало быть, за что вести міровую войну! Ею рѣшается вопросъ — быть или не быть Германіи государствомъ міровымъ, быть или не быть имперіи Индійскаго океана, быть или не быть новой Атлантидѣ, быть или не быть на Средиземномъ морѣ Россіи. Неудивительно, что на Германію ополчились всѣ: осуществленіе ея плановъ—полное крушеніе плановъ всѣхъ остальныхъ четырехъ изъ пяти міровыхъ державъ. И не въ безуміи, а въ твердомъ умѣ и здравой памяти оба враждующихъ стана, стремясь „подсознательно“ къ міровой цѣли, засыпаютъ другъ друга „чемоданами“, взрываютъ минами, душатъ газами: міромъ правитъ купецъ, и онъ долженъ создать міровыя колоніальныя имперіи. Происходитъ „столкновеніе интересовъ“— и начинается кровавая кутерьма.

III.

Вотъ откровенный смыслъ того, что происходитъ на нашихъ глазахъ. Менѣе, чѣмъ кто бы то ни было, склоненъ я мѣрить міровыя явленія кургузымъ марксистскимъ аршинчикомъ; болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, готовъ признать я сложное зерно, религіозное, этическое, соціальное, которое таится за грубой политической и экономической скорлупой и дастъ въ будущемъ плоды, совершенно неожиданные для провозвѣстниковъ имперіализма. Но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть

въ міровой войнѣ нашихъ дней ту неприкрашенную, слишкомъ явную сторону ея, которую со всѣхъ сторонъ старательно прикрываютъ разными знаменами—либеральными, славянофильскими, соціалистическими. Какъ это дѣлаютъ—объ этомъ рѣчь впереди; почему имѣютъ возможность дѣлать это—вотъ на что интереснѣе отвѣтить сначала.

Дѣйствительно, что заставило демократію въ 1914 году пойти по дорогѣ созиданія міровыхъ колоніальныхъ имперій? Какую силу вызвалъ правящій міромъ купецъ, чтобы направлять это движеніе, чтобы заставлять народы служить ему? Сознаніе экономической выгоды?—да оно гроша мѣднаго не стоитъ при сравненіи съ сознаніемъ вѣрной гибели въ борьбѣ за эту выгоду. Нѣтъ, тутъ дѣйствуетъ иная сила, неизмѣримо болѣе могущественная, которая еще не скоро, вѣроятно, уступитъ свое мѣсто зарождающейся противоположной силѣ. Сила эта, какъ извѣстно—н а ц і о н а л и з м ъ, національное чувство; могущество его такъ велико доселѣ, что объ него вдребезги разбился въ первыя же минуты міровой катастрофы 1914 года соціалистическій „интернаціоналъ", когда-то обѣщавшій всунуть палки въ колесо войны... Но палки оказались соломинками передъ внезапно вспыхнувшими чувствами „національнаго подъема" во всѣхъ странахъ, задѣтыхъ этимъ колесомъ, а чувства эти настолько попрежнему сильны, что „ни лишенія, ни мученія, ниже самая смерть" не преодолѣваютъ ихъ.

Здѣсь апологеты войны торжествуютъ свою побѣду: разъ есть „нѣчто", могущее изъ европейскаго мѣщанина сдѣлать существо-побѣждающее смерть, сдѣлать трагическаго героя изъ осла (по слову Нитцше), то стало быть „нѣчто" это,—война,—есть великое положительное явленіе исторіи! При этомъ аргументѣ мнѣ всегда вспоминается, что на свѣтѣ есть много десятковъ милліоновъ потребителей гашиша, и что самые бездарные люди, употребляя гашишъ, становятся временно интересными людьми, одаренными блестящей фантазіей. Но вскорѣ послѣ пріема наступаетъ вялость, угнетенность, сонъ. Что будетъ послѣ гашиша національзма? Пророкомъ быть не трудно: von der Humanität über Nationalität zur Bestialität—это знали до войны сами нѣмцы, болѣе другихъ опьяненные теперь гашишемъ націонализма.

Но дѣло пока не въ этомъ. Къ чему бы ни велъ въ будущемъ націонализмъ—онъ теперь съ небывалой силой вызванъ среди демократіи къ жизни, какъ главный духовный двигатель первой міровой войны. И при этомъ—доводы національные приводятъ мірового купца какъ разъ туда, куда этого требуютъ его цѣли колоніальныя; то-есть, другими словами, міровой купецъ въ свои колоніальныя задачи

остроумно подставляетъ „національныя“ величины. Что здѣсь является основной функціей и что производной—это всегда тщательно затушевано убѣдительными разсужденіями и патетическими доводами объ „исторической задачѣ“ мірового государства, объ „органическомъ“ ростѣ его, о національныхъ цѣляхъ. Такъ, „національная и историческая задача Россіи“—объединеніе славянства, овладѣніе ключами къ Черному морю, колонизація страны отъ Каспія до Гималаевъ, твердая граница съ Китаемъ. Когда все это будетъ выполнено—мы и придемъ географически именно къ той міровой колоніальной имперіи, о которой рѣчь шла выше...

Поучительно слѣдить, съ какимъ усердіемъ либеральные политики и публицисты сознательно и безсознательно мостятъ пути для шествія государства-купца. Когда это дѣлаютъ откровенные купеческіе идеологи—это мало интересно. Когда, напримѣръ, проф. Мигулинъ безъ обиняковъ заявляетъ, что владѣніе Босфоромъ и Дарданеллами не рѣшитъ „восточнаго вопроса“, что россійской государственности нужно еще и Эгейское море,—то тутъ удивляться не приходится. Развѣ только тому, почему профессоръ конфузится и останавливается, не доѣзжая до Суэцкаго канала?—Интереснѣе выслушать либеральнаго публициста, напримѣръ, г. Дживелегова, который въ заботахъ о несомнѣнно угнетенной національности, армянахъ, проектируетъ созданіе „единой Арменіи“, отъ Кавказскаго хребта по всему южному берегу Чернаго моря и до Киликіи включительно... Такимъ образомъ, онъ подводитъ националистическій фундаментъ подъ колоніальное распространеніе Россіи вплоть до Палестины; а что при объединеніи армянскаго народа раздробится единство народа турецкаго и совершится, такимъ образомъ, другая національная несправедливость—это либеральный публицистъ проглатываетъ, не поперхнувшись.

И вотъ, суммируя всѣ національные идеалы, отъ освобожденной Польши до объединенной Арменіи, мы и получаемъ какъ разъ то колоссальное міровое государство, „Россію будущаго“, о которомъ рѣчь была выше. Начинается эта рѣчь съ либеральнаго принципа: освобожденіе, объединеніе и самоопредѣленіе національностей, а кончается созданіемъ колоніальной имперіи, въ которую насильственно включается рядъ національностей, покоренныхъ и раздѣленныхъ. Будутъ объединены армяне, будутъ раздѣлены турки. Будутъ возсоединены съ Германіей прибалтійскіе нѣмцы, но плохо тогда придется латышамъ и эстамъ! Италія соединитъ Трентино, Тріестъ и Далмацію, хотя земли эти населяетъ славянское большинство. Франція мечтаетъ не только объ Эльзасѣ и Лотарингіи, но и о границѣ по Рейну: ничего, что въ прирейнскихъ провинціяхъ населеніе коренное нѣмецкое!

Германія мечтаетъ о границѣ по линіи Калэ-Вердэнъ: что за бѣда, что живутъ тамъ коренные французы!—Это не мѣшаетъ воюющимъ странамъ, каждой въ отдѣльности и всѣмъ въ совокупности, провозглашать, что войну они ведутъ только оборонительную, и больше всего на свѣтѣ уважаютъ самоопредѣленіе національностей...

Все это азбука; но нѣкоторые до сихъ поръ не хотятъ ее уразумѣть. И лучшимъ свидѣтельствомъ такого или искренняго „неразумія" или неразумія себѣ на умѣ, является то объясненіе цѣлей настоящей войны, которое набило уже оскомину, и творцами котораго были преимущественно націоналъ-либералы всѣхъ мастей и національностей. Бія себя въ перси, они готовы были клятвенно завѣрять всѣхъ, что загорѣвшаяся въ 1914 году война—послѣдняя война, самая-самая послѣдняя, „война противъ войны", противъ милитаризма; укажу для примѣра на статьи проф. Кузьмина-Караваева въ „Днѣ" и „Вѣстникѣ Европы",—онъ только одинъ изъ многихъ наивныхъ людей. Сколько соціалистовъ примкнуло къ этимъ либеральнымъ утѣшеніямъ! „Настоящая война пусть будетъ послѣдней войной, пусть послѣ нея наступитъ вѣчный міръ"—гласитъ призывающее къ войнѣ воззваніе центральнаго комитета французской соціалистической партіи. На свѣтѣ оказалось вдругъ, въ разгарѣ небывалаго взаимнаго истребленія, неимовѣрное количество милыхъ, наивныхъ людей. Они убѣждали и завѣряли, что милитаризмъ и война отойдутъ въ вѣчность послѣ войны, когда заводы Круппа будутъ взорваны, мѣсто ихъ сравнено съ землей и посѣяны будутъ на немъ все лишь „незабудки, васильки, васильки, да незабудки"... Они, впрочемъ, благоразумно умалчивали о томъ, будутъ-ли срыты до основанія также и заводы Армстронга, Крезо или Тульскіе оружейные, и какъ тамъ будетъ обстоять дѣло на счетъ незабудокъ и анютиныхъ глазокъ? Они упорно, въ прозѣ и въ стихахъ, воспѣвали „послѣднюю войну", стараясь въ этомъ найти ея смыслъ, ея оправданіе.

Незачѣмъ наивничать или фарисействовать. Не „послѣдняя" это война, а наоборотъ, **первая міровая колоніальная война**, первая въ ряду міровыхъ войнъ, которыя сулитъ намъ XX вѣкъ. Міровыя войны еще только начинаются; прелюдіей къ нимъ была эпоха Наполеона, когда великіе соціальные результаты французской революціи умѣло „ампоshировалъ" французскій мѣщанинъ, начавшій тотчасъ же четверть-вѣковую борьбу съ Англіей за міровое господство. Теперь такую-же борьбу—и быть можетъ не менѣе длительную, быть можетъ распадающуюся на цѣлый рядъ войнъ—ведетъ съ той же Англіей и на ту-же ставку германскій купецъ. Если онъ будетъ даже окончательно побѣжденъ—тогда наступитъ пора столкновеній интересовъ остальныхъ пяти міровыхъ купцовъ. Не могутъ не столкнуться

между собой Россія и Англія, ибо „историческое движеніе“ первой мѣтитъ дальше Эгейскаго моря и южнѣе Малой Азіи,—поговорите объ этомъ съ г.г. Мигулинымъ и Дживелеговымъ. А ужъ одно предстоящее „разграниченіе сферъ вліянія“ въ Палестинѣ чего стоитъ! И какъ еще будутъ дѣлить шкуру этого медвѣдя... Не могутъ не столкнуться, далѣе, монгольскій купецъ сь американскимъ изъ за владѣнія надъ Великимъ океаномъ; борьба изъ-за Филиппинъ можетъ начаться, повидимому, и до возрожденія Китая. А когда возрожденіе это совершится—тогда рѣшена участь французскаго Индо-Китая, тогда приблизится часъ столкновенія монголовъ съ Россіей, столкновенія, давно предвидѣннаго русскими мыслителями еще до Владиміра Соловьева. Міровыя войны—только начинаются и прекратятся онѣ не съ разрушеніемъ заводовъ Круппа и расширеніемъ заводовъ Армстронга, а только съ крушеніемъ того „націонализма“, который черной волной прокатился по всей Европѣ въ 1914 г. Вы скажете, что онъ не исчезнетъ никогда; пусть такъ, но это значитъ, что никогда не исчезнутъ и внѣшнія войны, а потому перестаньте повторять ходячую пошлость о „послѣдней войнѣ“: это либо наивность, либо фарисейство. Ясно во всякомъ случаѣ одно: „націонализмъ“—вотъ до сихъ поръ главный духовный, внутренній возбудитель внѣшней, международной войны, и объ этомъ "primo motore“ надо говорить прежде всего, обсуждая (хваля или осуждая) войну. Пусть въ основѣ лежатъ интересы колоніальные, экономическіе, но даже въ борьбѣ за нихъ народами до сихъ поръ двигаютъ мотивы національные и націоналистическіе. Внѣ оцѣнки экономизма мы никогда не поймемъ внѣшняго смысла войны; внѣ оцѣнки націонализма мы никогда не поймемъ внутренняго ея смысла и значенія.

IV.

Три основныхъ потока льются на колесо націонализма и приводятъ его въ движеніе, передаваемое съ возрастающей силой колесу войны. Три эти потока чувствъ и мыслей я бы назвалъ—„этическій“, „философскій“ и „соціальный“. Есть и другіе потоки, болѣе мелкіе, но всѣ они сливаются въ трехъ основныхъ. Весьма мало этичная сама по себѣ идея „реванша“ слилась, напримѣръ, во Франціи съ этической мотиваціей войны: „справедливость“ требуетъ-де возвращенія Эльзаса и Лотарингіи въ лоно французской національности, одновременно съ освобожденіемъ всего міра отъ германскаго милитаризма. Идея объединенія Россіей всѣхъ славянъ принимаетъ „мессіанскую“ окраску въ освѣщеніи нашего неославянофильства; нечего и говорить, насколько убѣждены въ мессіанствѣ своемъ „пангерманцы“, да и не они одни изъ воюющихъ странъ. А въ „мотиваціи соціальной“ соединены всѣ

доводы въ пользу оправданія современной войны съ соціально-экономической точки зрѣнія. Въ общемъ же эти три потока, дѣйствительно, захватываютъ съ собою все, что націонализмъ можетъ дать для мощнаго движенія колеса войны, для оправданія ея, для возвеличенія ея. И три эти потока имѣютъ каждый своихъ „идеологовъ" не за страхъ, а за совѣсть. Въ нашей россійской современности самыми неутомимыми водолеями этическихъ мотивовъ являются многоликіе наши либералы; философско-религіозное возвеличеніе націонализма и воспѣваніе войны взяли на себя наши мистики, неославянофилы, а соціально-экономическими доводами дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, соціалисты, какъ призывающіе побѣду, такъ и желающіе пораженія. Конечно, доводы и мотивы эти не составляютъ монополіи одной изъ этихъ трехъ группъ: и либералы пользуются мотивами экономическими, и мессіанцы взываютъ къ справедливости; но вѣдь и комическій актеръ можетъ пойти на трагическое амплуа. Разберемъ же всѣ группы доводовъ; человѣку, не захваченному ни однимъ изъ трехъ потоковъ націонализма, это сдѣлать удобнѣе, чѣмъ тому, кто уносится этими потоками.

Объ этическихъ мотивахъ націонализма, о справедливости — болѣе всего безпокоятся либералы всѣхъ странъ и всѣхъ степеней, либералы, а также и все, что правѣе ихъ, вплоть до чернаго цвѣта: чѣмъ правѣе, тѣмъ больше о справедливости безпокоятся и о честности высокой говорятъ. Именно здѣсь произошло быстрѣе всего сліяніе горныхъ ключей и болотныхъ водъ, именно отсюда слушали воюющія страны первые вопли о „звѣрствахъ" противной стороны и о томъ, что война эта есть война за справедливость, война за освобожденіе отъ прусской (говорили въ Петербургѣ и Парижѣ), за освобожденіе отъ русской (говорили въ Берлинѣ и Вѣнѣ) реакціи.

Вотъ „этическая мотивація" войны, какъ войны противъ „звѣрствъ", „некультурности", какъ войны освободительной, войны за самоопредѣленіе національностей.

Мнѣ почему-то часто припоминается при этихъ доводахъ нѣкій гражданинъ, помѣстившій въ какой-то газетѣ, черезъ полгода послѣ начала войны, „письмо въ редакцію" со слѣдующимъ воззваніемъ этико-гастрономическаго характера:

„Граждане, — не кушайте икры!"

Дѣло въ томъ, что гражданинъ этотъ, человѣкъ богатый, зашелъ какъ-то въ гастрономическій магазинъ и увидалъ, что „граждане" бойко раскупаетъ икру — по случаю войны икра была дешевая... Онъ возмутился: какъ! — въ окопахъ холодно, Бельгія раззорена, фунтъ икры есть эквивалентъ пуда сухарей и трехъ паръ теплыхъ чулокъ... Граждане, не кушайте икры! Вспомните о братьяхъ нашихъ, холодающихъ и голодающихъ! — И онъ не сталъ кушать икры: охотно

этому вѣрю. Но вотъ маленькій вопросъ: а не кушалъ-ли онъ икры до войны? — Праздный вопросъ, — конечно, кушалъ! Но отчего же не вспоминалъ онъ тогда о своихъ „братьяхъ?“ Или тогда не было голодныхъ и раздѣтыхъ?

Не кажется-ли вамъ, что „этическая мотивація“ очень неожиданна въ устахъ всесвѣтнаго мѣщанина нашихъ дней? Онъ привыкъ къ своему спокойному существованію, онъ былъ доволенъ всѣмъ на свѣтѣ, а если и либеральничалъ, то мечты его не шли дальше „отвѣтственнаго министерства“ въ Германіи или Россіи, дальше программы радикаловъ во Франціи, дальше лозунга „le clericalisme — voilà l'ennemi!“, дальше мечты о сокращеніи вооруженій. „Звѣрства“ соціальнаго строя никогда его особенно не волновали, ибо мало задѣвали его. И вдругъ — война! Онъ читаетъ о разгромѣ городовъ, о гибели многихъ тысячъ своихъ собратьевъ, объ ужасахъ, о звѣрствахъ войны. Онъ возмущенъ. Онъ вопитъ въ Берлинѣ о „звѣрствахъ русскихъ“, въ Москвѣ — о „звѣрствахъ прусскихъ“, онъ взываетъ къ справедливости, нагло попранной, онъ самъ готовъ идти въ бой за нее, онъ желаетъ навсегда сокрушить главу милитаризму (вражескому, не своему), а больше всего, если онъ не нѣмецъ, громитъ онъ германскую культуру, опустившуюся до звѣрствъ. Граждане, не ѣшьте этой икры! Онъ такъ шумитъ, такъ оглушаетъ, что мало кто догадывается спросить: а не кушалъ-ли и ты, добродѣтельный либеральный мѣщанинъ, этой икры? — Вопросъ безтактный, ибо онъ, несомнѣнно, „кушалъ“...

Всѣ они въ свое время „кушали“, и во внутренней, и во внѣшней политикѣ: стоитъ-ли это доказывать? Вспомните хотя бы о тѣхъ пріемахъ, какими вводили „европейскую культуру“ въ колоніальныя страны всѣ европейскіе государства-купцы. О колонизаторскихъ подвигахъ германцевъ въ Того и Камерунѣ, о подвигахъ бельгійцевъ въ Конго — написаны томы достовѣрныхъ свидѣтельствъ; какими пріемами Англія поддерживаетъ свое господство въ Индостанѣ — это достаточно извѣстно. „Культурными“ европейскими государствами ежегодно и изъ года въ годъ совершается врядъ-ли меньше колонизаторскихъ „звѣрствъ“, чѣмъ ихъ совершилось за всю міровую войну. А во внутреннихъ дѣлахъ — каждое государство имѣетъ свою Ирландію, а потому и принципъ „самоопредѣленія національностей“ звучитъ такъ мало убѣдительно въ устахъ людей, охотно „кушавшихъ икру“ до войны. А какъ они икрой этой питались въ области „соціальнаго распредѣленія“, — кому это неизвѣстно? Въ одной нѣмецкой хрестоматіи я видѣлъ когда-то трогательную картинку: крокодилъ пожираетъ теленка, а самъ горько плачетъ; кушаетъ по необходимости, а плачетъ крокодиловыми слезами изъ сочувствія...

Всѣ они въ свое время „кушали“ и по сей день продолжаютъ. Пусть теперь они говорятъ высокими словами объ этическихъ цѣляхъ войны, объ „освобожденіи“ (читай: „захватъ“), о „самоопредѣленіи“ (читай: „присоединеніе“), — это не мѣняетъ истиннаго положенія дѣла: каждый, кто хочетъ, можетъ услышать истинный смыслъ словъ. Прочтите замѣчательное воззваніе „интеллигентной Германіи — цивилизованному міру“, подписанное именами Вундта, Гауптмана, Оствальда, Геккеля, Виндельбанда, Гарнака, Листа, Брентано, Лампрехта и еще десятками не менѣе знаменитыхъ писателей, философовъ, ученыхъ: этотъ оправдательный документъ хуже всякаго обвинительнаго. „Мы нарушили нейтралитетъ Бельгіи, но нарушили его не преступно“: не достаточно-ли одной этой безсмертной фразы изъ воззванія, чтобы разъ навсегда потерять охоту разбирать всѣ аргументы этихъ ученыхъ людей о цѣляхъ войны, о ея оправданіи?

Когда въ отвѣтъ на это воззваніе, оправдывающее войну тѣмъ, что Германія ведетъ ее за спасеніе міровой культуры противъ союза дикарей, торгашей и выродженцевъ, — когда въ отвѣтъ на это философъ Бергсонъ (да и не одинъ онъ) заявляетъ, что война „тройственнаго согласія“ противъ германцевъ, есть „борьба цивилизаціи съ варварствомъ“ и когда Петръ Струве съ очаровательной наивностью предлагаетъ намъ признать, что такое пониманіе настоящей войны „есть культурно-философская истина, которую и мы и наши враги должны въ полномъ объемѣ восчувствовать“ (!), то я, по совѣсти, не могу восчувствовать ничего, кромѣ сожалѣнія о безплодно растрачиваемыхъ неудачныхъ словесныхъ снарядахъ. Ибо поистинѣ — профессоръ Брентано и профессоръ Струве другъ друга стоятъ, и съ моей стороны было бы явной несправедливостью повѣрить одному больше, чѣмъ другому. Бергсонъ и Виндельбандъ — крупнѣйшіе философы, но когда оба они палятъ другъ въ друга во славу цивилизаціи, взаимно обвиняя другъ друга въ „варварствѣ“ — я не могу восчувствовать убѣдительности такихъ доказательствъ.

Есть еще одна черта въ „этической мотиваціи“ войны, вызывающая чувства крайне мало лестныя для господъ, аргументирующихъ отъ справедливости. За примѣрами не далеко ходить, ихъ сотни подъ руками. Вотъ московское воззваніе „отъ русскихъ писателей, художниковъ и артистовъ“, скверно и напыщенно написанное въ отвѣтъ на воззваніе германскихъ ученыхъ и писателей. Русскіе писатели и художники молятъ Бога — „пусть впишутся въ Книгу Судебъ злодѣянія (Германіи) неизгладимыми письменами! И да внушатъ они намъ только одно страстное желаніе: вырвать изъ варварскихъ рукъ оружіе, навсегда лишить Германію той грубой мощи, на достиженіе

которой устремила она всѣ свои помыслы" („Русскія Вѣдомости", 28 Сентября 1914 г.). Подъ этимъ воззваніемъ видишь подписи многихъ ординарныхъ и неординарныхъ академиковъ, художниковъ, писателей во главѣ съ Максимомъ Горькимъ. Почему испытываешь неловкое чувство за подписавшихся? Потому-ли, что германскіе писатели и ученые молятъ Господа буквально о томъ же, только по адресу Россіи? Тутъ есть и другая причина.

Капля крови змѣя Фафнера на губахъ Зигфрида дала ему возможность слышать не слова карлика Миме, а его мысли; есть легкая возможность узнать: совпадаютъ-ли слова и мысли каждаго, призывающаго къ войнѣ. Критерій этотъ — не призывы, а поступки, не слова, а дѣла. Не капля крови дракона войны, а готовность отдать свою кровь — вотъ единственное доказательство искренности людей, призывающихъ „вырвать изъ варварскихъ рукъ оружіе", „освободить народы отъ ига милитаризма". Что-жъ — вырывайте, освобождайте, но, главное, дѣлайте это сами. Добровольцами пошли на войну и погибли германскій соціалъ-демократъ Франкъ, русскій соціалистъ-революціонеръ Слетовъ, либералъ Колюбакинъ, ученикъ Петра Струве Рыкачевъ; каковы бы ни были ихъ побужденія, но поступки ихъ достойны глубокаго уваженія: слова съ дѣлами у нихъ не разошлись. Пусть они погибли за миражъ, но за свои убѣжденія они отдали свою кровь. Что отдали, кромѣ чернилъ въ подписяхъ къ воззванію, воинственные либералы и радикалы, призывающіе „вырвать оружіе" у враговъ, „освободить народы"?

Въ одной изъ своихъ военныхъ статей (въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ") Петръ Струве дѣлился съ нами, читателями, своими профессорскими впечатлѣніями: когда онъ видитъ съ каѳедры сотни устремленныхъ на него студенческихъ глазъ, онъ думаетъ — почему эти юноши теперь здѣсь? Почему они не въ школахъ прапорщиковъ, не на войнѣ? Ихъ мѣсто — въ рядахъ войскъ! И ничего; всѣ спокойно прочли это циничнѣйшее воззваніе профессора. Но я позволю себѣ поинтересоваться: каковъ, однако, „призывной возрастъ" самого Петра Струве? Посылая другихъ на смерть, почему не идетъ на войну онъ самъ? — Ну, конечно, жизнь профессора для родины важнѣе и полезнѣе смерти десятковъ юношей, которыхъ онъ посылаетъ на смерть; это обычное возраженіе, я жду его и теперь. Жду, но оспаривать не буду: оно возбуждаетъ во мнѣ слишкомъ мало честныя чувства для выдвигающихъ его.

„Этическая мотивація" заключается, такимъ образомъ, явленіями съ этичностью ничего общаго не имѣющими. И эти явленія — вездѣсущи, отъ болотныхъ низинъ и до горныхъ вершинъ. Когда сотрудникъ того же П. Струве, г-нъ Изгоевъ, убѣждаетъ читателей, что

„интеллигенція призвана на офицерскіе посты, ея задачи — организаторскія“, когда онъ убѣждаетъ молодежь „не составлять ни соціальныхъ, ни политическихъ программъ (это — легкое и пустое дѣло), не сочинять ни новыхъ вѣръ, ни новыхъ религій“, когда онъ сообщаетъ, что есть явная преемственность „между знаменитымъ хожденіемъ въ народъ семидесятниковъ и тѣми манифестаціями съ портретомъ Государя и гимномъ, которыми русское студенчество встрѣтило привлеченіе его въ этомъ году къ налогу крови“, когда мы слышимъ все это, то знаемъ ex ungue leonem, какъ къ этому неприличному вздору отнестись. Но когда Максимъ Горькій подписываетъ московское воззваніе, когда Леонидъ Андреевъ на тысячи ладовъ, въ десяткахъ статей, возбуждаетъ и призываетъ къ войнѣ, вмѣсто того, чтобы самому идти на нее, когда совершенно такъ же поступаютъ и „горныя вершины“ нашего неославянофильства, въ родѣ Вячеслава Иванова и присныхъ его, когда всѣ они во всѣхъ воюющихъ странахъ взываютъ къ „освобожденію“, когда они, сидя дома, оправдываютъ и освящаютъ войну „этической мотиваціей“, то нельзя закрывать глаза на всю недостойность ихъ доводовъ. Ибо „этическая мотивація“ сильна лишь тогда, когда сопровождаетъ слова свои — дѣлами.

V.

Философско-религіозное оправданіе войны, „мессіанское“ утвержденіе націонализма гораздо интереснѣе либерально-этическихъ доводовъ. Конечно, для признанія и принятія этой войны, какъ несущей міру побѣду германской стихіи („Deutschtum“) по мнѣнію Оствальда, или, по мнѣнію нашихъ славянофиловъ, несущей міру благовѣстіе славянства — нужна вѣра. Есть она — сразу всѣ міровые вопросы рѣшены; нѣтъ ея — ну, на нѣтъ и суда нѣтъ, но все же доводы „мессіанскіе“ и въ этомъ случаѣ подлежатъ разсмотрѣнію. Они интересны во всякомъ случаѣ, какъ попытка подвести подъ войну, подъ націонализмъ философскую и религіозную основу; они подходятъ къ самой сущности вопроса, оцѣнивая столкновеніе народовъ не съ точки зрѣнія либеральной „справедливости“ (фальшивой по существу), а съ высоты послѣднихъ вопросовъ — о Богѣ, о человѣчествѣ, о конечныхъ судьбахъ міра, о смыслѣ исторіи...

Спорить съ нимъ по существу — конечно, не приходится. Что можно возразить Оствальду, увѣренному, что Deutschtum предопредѣленіемъ судьбы покоритъ міръ, или С. Булгакову, увѣренному, что Западъ кончился и что теперь Россія призвана пасти народы? Что—

возразить? Ровно ничего. Развѣ только сшибить лбами эти двѣ вѣры, которыя одна о другую разбиваются вдребезги. Спорить съ ними— не приходится, послушать ихъ — слѣдуетъ.

Вотъ С. Булгаковъ, безнадежно застрявшій въ моховомъ болотѣ староколѣнный, хорошій человѣкъ, пытается снова отъ Исаіи хватить и раздуть воинственный пылъ своихъ собратьевъ. „О родина, земля святая!.. мученической кровью неповинныхъ сыновъ твоихъ смываются грѣхи нашей государственности и общественности, покупается историческая амнистія и прощающій голосъ говоритъ: иди и впредь не грѣши. Иди, избранная, на свѣтлый праздникъ правды и свободы, съ жезломъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ, иди, счастливая уже тѣмъ, что для тебя — крестъ и мечъ одно"... Это поучительно, хотя и неубѣдительно. „Свѣтлый праздникъ правды и свободы" — это битва у Мазурскихъ озеръ: каждый понимаетъ „праздникъ" по-своему. „Праздникъ примиренія, прощенія, единенія", о которомъ С. Булгаковъ говоритъ тамъ же — это сліяніе горныхъ водъ съ болотной тиной: одному утѣшительно, другому омерзительно. Вновь вспыхнула въ московскомъ староколѣнномъ человѣкѣ мечта „о православномъ Бѣломъ Царѣ", о „мистическомъ источникѣ земной власти"; вѣритъ онъ, что наступаетъ конецъ европейской цивилизаціи, что отнынѣ „на Россію возложена страшная отвѣтственность за духовныя судьбы человѣчества". И вотъ — „смиренная и могучая грядешь ты, Русь, на подвигъ ратный, покорная велѣніямъ Провидѣнія, ведомая Царемъ твоимъ" („Родинѣ"). Развѣ тутъ можно спорить? Такова вѣра человѣка — и оставьте его въ покоѣ! А вѣрующихъ этихъ — достаточно, староколѣнными людьми Москва полна. Прочтите искреннія, но не всегда умныя изліянія С. Булгакова, развязныя статьи г-на Эрна, умныя и всегда „себѣ на умѣ" статьи Вяч. Иванова, затѣмъ нѣсколько иного оттѣнка косноязычныя статьи Бердяева, наивныя статьи М. Гершензона — нѣтъ, не изсякла еще Москва славянофилами, есть еще порохъ въ пороховницахъ! Но спорить съ ними, спорить съ вѣрующими — какая наивность!

Спорить не надо, но надо оцѣнить и взвѣсить тѣ доводы, которыми сами они хотятъ воспѣть, въ тиши кабинетовъ, хвалу войнѣ. Національмъ въ ихъ освѣщеніи принимаетъ религіозную окраску; современная война есть для нихъ борьба феноменализма европейской культуры съ трансцендентизмомъ русскаго духа, и мессіанская задача Россіи — подчинить міръ „закону Отчему", нѣкоей онтологической Правдѣ. Пусть такъ. Пусть другіе изъ ихъ же стана возражаютъ, что-де „грѣхъ и не время теперь говорить о Западѣ, погрязшемъ въ феноменализмѣ, ибо жертвенная готовность воюющихъ нынѣ народовъ — актъ высочайшаго религіознаго идеализма" (г.г. Эрнъ и Гер-

шензонъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 23 мая и 28 іюня 1915 г.), пусть эти мнѣнія единомышленниковъ снова сталкиваются лбами,— не въ этомъ дѣло. Интереснѣе узнать, отъ нихъ другое: какъ совмѣщаютъ они религіозный идеализмъ съ тѣми орудіями, которыми онъ проводится въ жизнь? Какъ перебрасываютъ они мостъ отъ онтологической Правды — къ пулемету, отъ религіознаго трансцендентизма— къ ручнымъ бомбамъ? Какъ возможно это для христіанина, православнаго и вѣрующаго?

Вопросъ этотъ ихъ нисколько не смущаетъ. Они отвѣчаютъ многими словами о „жертвенной (не своей!) крови“, о „жертвенномъ порывѣ“, о „жертвенномъ себяотданіи въ кроткомъ послушаніи“, о „великой тайнѣ жертвы“... Ахъ, если-бы они отвѣчали дѣлами, не словами! Легко приносить въ жертву кровь брата своего — этому еще Каинъ примѣръ показалъ. Это разъ. А два: вѣдь на войнѣ приходится не только кровь отдавать, но и кровь проливать, и опять, какъ Каину — кровь брата своего, хотя-бы и иноплеменнаго. Но и эту кровь оправдать не трудно: путь указалъ Вл. Соловьевъ своимъ оправданіемъ „смысла войны“, своимъ признаніемъ, что „крестъ и мечъ одно“. Цитируя эти послѣднія слова своего учителя, наши неославянофилы всегда дѣлаютъ видъ, точно забыли, что слова эти посвящены учителемъ восхваленію... германскаго милитаризма и императора Вильгельма! — Слова эти были восторженнымъ отвѣтомъ учителя нынѣшнихъ славянофиловъ на поистинѣ канибальскую извѣстную рѣчь Вильгельма II (тогда — „Зигфрида“, нынѣ—„антихриста“) къ войскамъ, посылавшимся на „усмиреніе“ Китая, на покореніе возрождающагося монгольства. Теперь остріе этихъ же словъ славянофилы наши направляютъ противъ германцевъ, на которыхъ ополчаются въ союзѣ съ тѣми же монголами... Права народная мудрость: слово, что дышло, куда повернешь, туда и вышло.

Но позволимъ и это нашимъ мессіанцамъ. Пусть въ 1900 г. они восторженно присоединяются къ „германскому началу“, чтобы проливать монгольскую кровь; пусть въ 1915 г. они столь же восторженно призываютъ насъ въ союзѣ съ монголами проливать германскую кровь. Позволимъ имъ даже оправдывать это пролитіе крови каждый разъ одними и тѣми же доводами, позволимъ имъ утверждать, что „крестъ и мечъ — одно“, что вѣра ихъ — мистическая, что ею кровь „жертвенно освящается“. Позволимъ имъ, наконецъ, утверждать націонализмъ „мессіанскими“ доводами — это тѣмъ болѣе безопасно, что „мессіанство“ германское и славянское при этомъ, какъ мы видѣли, сталкиваются лбами. Но скажемъ имъ въ то же время, что если кромѣ этихъ мессіанскихъ доводовъ у нихъ нѣтъ другихъ, менѣе хрупкихъ, въ пользу обоснованія націонализма, то все зданіе

ихъ — воздушный замокъ, построенный только на вѣрѣ. А вѣра ихъ — для кого же обязательна?

Война для мессіанцевъ есть цѣнность сверхъ-раціональная, цѣнность религіозная (такъ пишетъ М. Гершензонъ), ибо ведется за религіозныя и сверхъ-раціональныя цѣнности. Какія? — За цѣнности историческія и цѣнности національныя (отвѣчаетъ Н. Бердяевъ), которыя также сверхъ-раціональны и религіозны. Такъ нагромождаются другъ на друга нѣсколько этажей сверхъ-раціональнаго, такъ оправдывается война. А доводами отъ разума не спорятъ, конечно, со сверхъ-разумнымъ. Да къ тому же и сверхъ-разумное не есть синонимъ положительной цѣнности. Всяческій атавизмъ въ корнѣ своемъ сверхъ-раціоналенъ; но если бы вспышку современной національной вражды объяснить неосознанными атавистическими движеніями души, это не понравилось бы мессіанцамъ.

Цѣнность войны, цѣнность національности... Мессіанцы думаютъ, что можно только либо вѣрить, либо не вѣрить въ эти высшія историческія и „религіозныя“ цѣнности, что третьяго пути между мессіанствомъ и позитивизмомъ нѣтъ. Это крупная ошибка. Кромѣ вѣры въ высшія цѣнности и сверхъ вѣры или невѣрія въ нихъ, лежитъ область именно оцѣнки ихъ; вѣра касается „бытія“, но оцѣнка начинается только отъ отношенія человѣка къ этому „бытію“ (или событію). Можно вѣрить въ Бога, можно не вѣрить въ него, но можно еще и совершенно снять неразрѣшимый „споръ о вѣрѣ“ и замѣнить его вопросомъ о пріятіи или непріятіи Бога — пусть „существующаго“. Пусть существуетъ и сверхъ-раціональная цѣнность войны — о фактѣ ея существованія мнѣ спорить просто-на-просто неинтересно, ибо такой споръ въ области вѣры безплоденъ; но я эту цѣнность непріемлю, если даже она и существуетъ, не спорю о сверхъ человѣческомъ фактѣ, но даю ему свою человѣческую оцѣнку. Такъ въ вопросѣ о „бытіи“: возможно не отрицаніе, а непріятіе. Тоже въ вопросѣ и о „событіи“ — хотя бы о будущемъ событіи осуществленія мессіанскихъ идеаловъ кого бы то ни было, профессора Оствальда или профессора Булгакова, все равно. Пусть идеалы эти осуществимы, пусть даже они осуществятся — я непріемлю ни того, ни другого, оба они мнѣ одинаково чужды, одинаково враждебны, ибо идеалъ мой другой, внѣнаціональный, внѣнаціоналистическій, а соціальный, давно уже выраженный словами „благо народа“, ибо цѣнность для меня опять-таки иная и цѣнность эта — индивидуальная, цѣнность эта „человѣческая личность“.

Я хорошо знаю возраженіе, которое наши „трансцендентисты“ считаютъ очень убѣдительнымъ. Послушайте Н. Бердяева. „Послѣдовательно проведенная точка зрѣнія блага людей ведетъ къ отрицанію

смысла исторіи и историческихъ цѣнностей, такъ какъ цѣнности историческія предполагаютъ жертву людскимъ благомъ и людскими поколѣніями во имя того, что выше блага и счастья людей. Цѣнность національности въ исторіи, какъ и всякую цѣнность приходится утверждать жертвенно (опять!) поверхъ блага людей, и она сталкивается съ исключительнымъ утвержденіемъ блага народа, какъ высшаго критерія. Достоинство націи ставится выше благополучія людей"... („Война и кризисъ интеллигентскаго сознанія").

Возраженіе это поставлено твердо и правильно; съ нимъ надо всецѣло согласиться... перевернувъ его наизнанку. Намъ угрожаютъ „приведеніемъ къ абсурду", приведеніемъ къ отрицанію смысла исторіи и историческихъ цѣнностей. Угроза тщетная: совершенно вѣрно, — можно отвѣтить мессіанцамъ, — внѣ насъ лежащаго „смысла исторіи" нѣтъ никакого; „смыслъ" этотъ, говоря словами Канта, есть не объективный принципъ творчества исторіи, а лишь субъективный принципъ естественной цѣлесообразности. Цѣнности историческія,— говорятъ намъ, — предполагаютъ жертву людскимъ благомъ и людскими поколѣніями; вотъ именно потому мы и не пріемлемъ эти историческія цѣнности и боремся съ ними. Цѣнность „національности"— слышимъ мы,—сталкивается враждебно съ цѣнностью „блага народа"; еще разъ — совершенно вѣрно; историческая цѣнность національности и соціальная цѣнность „блага народа" — взаимно враждебны и непримиримы; каждый долженъ сдѣлать свой выборъ, принять одну и отвергнуть другую. Мессіанцы безъ колебаній выбираютъ цѣнность историческую, мы — соціальную.

Но разъ сдѣлавъ выборъ, надо принять и всѣ выводы. Мессіанское возвеличеніе національности и войны, какъ цѣнностей и орудій трансцендентныхъ и религіозныхъ, основано на вѣрѣ въ объективный смыслъ историческаго процесса; отсюда выводъ — требованіе жертвы людьми во имя этой вѣры, во имя этихъ высшихъ цѣнностей. Наше признаніе высшими цѣнностями человѣческой личности и блага народнаго, цѣнности индивидуальной и соціальной, требуетъ, въ конечномъ выводѣ, отказа отъ трансцендентнаго смысла исторіи (если онъ и есть, то нами онъ не пріемлется), приводитъ къ признанію за историческимъ процессомъ лишь субъективнаго смысла.

Эти два міровоззрѣнія—въ корнѣ различны, противоположны; ясное дѣло, что вопросъ о національности и вопросъ о войнѣ рѣшается рѣзко различнымъ образомъ въ каждомъ изъ этихъ двухъ теченій мысли. Къ первому изъ нихъ примыкаютъ всѣ мессіанцы и вообще „трансцендентисты", ко второму—близки или должны быть близки тѣ, которые исходятъ отъ цѣнности такъ или иначе понимаемаго „блага народа". Такими были до сихъ поръ—соціалисты (хотя

они, въ большинствѣ своемъ, крайне „позитивно" и наивно-матеріалистично отстаивали свою „классовую" точку зрѣнія). Такъ было. Война, какъ извѣстно, разрушила старыя цѣнности, родила новыя: былые глашатаи „классовости" стали „націоналистами", былые глашатаи международнаго братства стали призывать къ войнѣ. Соціалисты воюющихъ странъ (исключеній немного!) измѣнили былому своему міровоззрѣнію и стали усердно двигать колесо національзма и войны, оправдывая ихъ съ точки зрѣнія соціальной и экономической. Это—третій рядъ доводовъ, поддерживающихъ національзмъ.

VI.

Идеи побѣждаютъ не числомъ своихъ послѣдователей; идеи побѣждаются не числомъ своихъ измѣнниковъ. Всеобщее „либеральное" торжество по поводу крушенія и гибели „интернаціональнаго соціализма" не является поэтому осиновымъ коломъ въ его могилу. Но все-же самый фактъ измѣны массы соціалистовъ своей былой вѣрѣ—остается фактомъ; онъ показываетъ только, какъ мало было среди соціалистовъ (даже среди знаменитѣйшихъ изъ нихъ) подлинныхъ носителей идеи, проникнутыхъ ею до дна души, и какъ много среди нихъ было случайныхъ „попутчиковъ".

Самые невѣроятные факты посыпались, какъ изъ рога изобилія, съ первыхъ же дней войны. Ограничусь лишь крупными „именами". Въ началѣ войны соціалисты всѣхъ воюющихъ странъ голосуютъ за военные кредиты; лишь очень немногіе „воздерживаются отъ голосованія", нѣсколько человѣкъ (изъ сотенъ) вотируютъ противъ; въ числѣ послѣднихъ, къ стыду соціалистовъ главныхъ странъ—два представителя Сербіи, страны, первой подвергнувшейся нападенію.

Соціалъ-демократъ Давидъ доказываетъ въ „Vorwärts'ѣ", что соціалисты рейхстага должны были, вопреки всѣмъ прежнимъ постановленіямъ, голосовать за военные кредиты, ибо „прежнія постановленія" были приняты въ мирное время, а значитъ и не обязательны для времени военнаго. И это говорится не въ злую шутку, а серьезно, торжественно...

Редакція „Vorwärts'а", со своей стороны, „старается оправдать" тѣхъ, кто голосовалъ противъ кредитовъ: голосовавшіе были-де увѣрены, что все равно останутся въ ничтожномъ меньшинствѣ... Ну, а если бы они не были въ этомъ увѣрены?—И это не анекдотъ, что соціалистической газетѣ надо „оправдывать" тѣхъ немногихъ, которые остались вѣрны прежней своей вѣрѣ, остались вѣрны соціализму...

Соціалъ-демократъ Зюдекумъ въ началѣ войны былъ посланъ эмиссаромъ въ нейтральныя страны, чтобы склонить соціалистовъ нейтральныхъ странъ въ пользу Германіи, которая-де ведетъ исключительно оборонительную войну... Доводы и аргументы его были таковы, что соціалисты нейтральныхъ странъ отказывались вѣрить возможности ихъ въ устахъ соціалиста. Германскій соціалъ-демократъ Парвусъ, сколотившій во время войны состояніе на хлѣбныхъ военныхъ поставкахъ, былъ также эмиссаромъ въ разныхъ странахъ и усиленно велъ подобную же пропаганду.

Соціалъ-демократическій депутатъ рейхстага отъ Денау заявилъ, что Германія должна присоединить къ своимъ владѣніямъ Бельгію, Голландію и ихъ колоніи. „Vorwärts" протестуетъ противъ подобныхъ взглядовъ. Это утѣшительно для того, кто читалъ и помнитъ статьи той же газеты отъ начала августа 1914 года, съ восторженнымъ описаніемъ подвиговъ германскихъ и австро-венгерскихъ войскъ.

Соціалъ-демократъ Гейне подводитъ итоги совершившемуся въ душахъ германскихъ соціалистовъ перевороту. Революція—не нужна; мало того, соціальная революція вредна, ибо понижаетъ обороноспособность страны отъ внѣшнихъ враговъ. Поэтому соціалисты „должны признать имперію, какъ базу политической дѣятельности", должны дѣйствовать, не боясь впасть въ противорѣчіе съ принципами, должны разстаться съ революціонными фразами. Соціализмъ долженъ быть въ Германіи не революціоннымъ и интернаціональнымъ, а лишь прогрессивно-демократическимъ на національной основѣ. Все это очень опредѣленно и, конечно, относится не къ одной Германіи, а къ соціализму всего міра; это откровенная проповѣдь необходимости замѣны былого интернаціональнаго соціализма—„соціализмомъ націоналистическимъ". Такое contradictio in adjecto ясно показываетъ, что „соціалисты" типа Гейне и его единомышленниковъ были соціалистами лишь по недоразумѣнію, а теперь и впредь съ соціализмомъ ничего общаго не имѣютъ и имѣть не будутъ.

Такъ отдѣлились и еще отдѣлятся отъ соціализма всѣ „попутчики", всѣ примкнувшіе къ нему по недоразумѣнію. Ихъ, конечно, очень много, быть можетъ большинство. И хотя среди самихъ же германскихъ соціалистовъ есть группа людей, рѣзко отмежевавшихся отъ мнѣній и поступковъ Зюдекума, Давида, Парвуса, Гейне и иныхъ, но группа эта была ничтожна въ первые дни войны, когда маски были сброшены, когда каждый показалъ свое лицо. Что же остается, въ такомъ случаѣ, отъ международнаго соціализма? Боюсь, что очень мало; впрочемъ, вѣрнѣе, не боюсь, а радуюсь, ибо никогда не вѣрилъ въ побѣду силою одного лишь количества.

Если отъ германской демократіи перейти къ демократіи другихъ странъ, то всюду картина будетъ одна и та-же. Вандервельде вербуетъ волонтеровъ въ бельгійскую армію, заявляя, что обороняющаяся сторона „не нуждается въ оправданіи передъ лицомъ интернаціонала", что сопротивленіе нашествію есть не только право, но и обязанность соціалиста. Гедъ, Самба и другіе соціалисты на этомъ-же основаніи принимаютъ участіе во французскихъ министерствахъ „національной обороны". Анархистъ кн. П. А. Кропоткинъ выражаетъ негодованіе противъ тѣхъ „близорукихъ" людей, которые до войны боролись во Франціи противъ трехлѣтняго срока военной службы. Бывшій антимилитаристъ Эрве нынѣ выражается крѣпко и сильно: „je m'en fiche du socialisme... c'est la defence nationale qu'il faut"... („наплевать мнѣ на соціализмъ... нужна лишь національная оборона"). Онъ лишь послѣдовательнѣе и смѣлѣе другихъ: онъ говоритъ то, что они думаютъ.

Соціалъ-демократъ Плехановъ, въ началѣ второго года войны, „заклинаетъ всѣмъ святымъ" думскихъ депутатовъ голосовать за военные кредиты; „голосованіе противъ,—пишетъ и подчеркиваетъ онъ,—было-бы измѣной по отношенію къ народу" („Рѣчь", 1915 г., 14 сент.) Гедъ и Самба телеграфно заклинаютъ тѣхъ-же депутатовъ „отложить оппозиціонную дѣятельность впредь до окончанія войны". Соединенная группа народниковъ и марксистовъ обращается ко всему народу русскому съ воззваніемъ—бороться до послѣднихъ силъ съ „хищническимъ предпріятіемъ" германцевъ; воззваніе это появилось тоже во второй годъ войны и подписано именами Плеханова, Дейча, Авксентьева, Бунакова и цѣлаго ряда другихъ народниковъ и марксистовъ. Они не находятъ мужества выражаться стилемъ Эрве; наоборотъ, считаютъ свое поведеніе тѣсно связаннымъ со своей предыдущей дѣятельностью. Это-же заявляетъ и Плехановъ въ своей отдѣльно изданной брошюрѣ „О войнѣ", въ которой жестоко достается „германскимъ товарищамъ" за ихъ не марксистское поведеніе... Чѣмъ отличается отъ нихъ поведеніе самого Плеханова и соединенной группы народниковъ и марксистовъ, столь-же воинственно настроенныхъ? Чѣмъ-бы ни отличалось, но не ясно-ли уже и теперь, что ихъ новый „націоналистическій соціализмъ" въ корнѣ различенъ отъ ихъ-же былого соціализма интернаціональнаго?—Настолько различенъ, что называть его однимъ и тѣмъ-же именемъ—значитъ совершать грубую логическую ошибку.

Доводы націоналъ-соціалистовъ вращаются около одного основного пункта: пораженіе Россіи Германіей было-бы въ тоже время и пораженіемъ русскаго народа въ борьбѣ за свободу, ибо, во-первыхъ, побѣдители - германцы истощили-бы Россію неслыханно громадной

контрибуціей, во-вторыхъ, отторгнули-бы отъ Россіи значительную территорію и, въ третьихъ, задавили-бы экономическую жизнь Россіи выгоднымъ для Германіи торговымъ договоромъ. Все это очень правдоподобно—въ сослагательномъ наклоненіи. А въ изъявительномъ—каждый изъ этихъ трехъ доводовъ нуждается въ такихъ подпоркахъ, какія не могутъ построить націоналъ-соціалисты. Громадная контрибуція? Спору нѣтъ—громадная контрибуція тяжко ляжетъ на плечи народа —но докажите, что она ляжетъ тяжелѣе, чѣмъ тотъ громадный „налогъ крови“, который вы всячески призываете къ народной уплатѣ. Отторженіе территоріи?—Безспорно, отторженіе отъ Россіи значительной территоріи нанесетъ ущербъ пресловутымъ „національнымъ идеаламъ“ и „единству“ Россіи,—но докажите, что благо народное потерпитъ ущербъ отъ этого ущерба, а если и потерпитъ, то болѣе того, чѣмъ терпитъ во время войны милліонами смертей. Тяжелый торговый договоръ?—Конечно, торговый договоръ, навязанный Россіи побѣдительницей-Германіей, будетъ очень выгоденъ германскимъ аграріямъ и промышленникамъ, очень невыгоденъ германскому трудовому народу,—но докажите, что онъ будетъ невыгоденъ русскому трудовому народу (а не русскому купцу), докажите, что хоть самый невыгодный пунктъ этого возможнаго договора стоитъ цѣны крови хоть одного русскаго крестьянина и рабочаго.

Задача, боюсь, непосильная для воинствующихъ соціалистовъ. И тѣмъ болѣе доводы ихъ становятся шаткими, что на каждый изъ этихъ „анти-пораженческихъ“ доводовъ—россійскіе соціалисты „пораженцы“ выдвигаютъ доводы какъ разъ противоположные, доказывая, что „благо народное“ тѣсно связано именно съ пораженіемъ Россіи, что только отсюда придетъ политическая свобода, которая залечитъ всѣ экономическія раны. Мало того, по ихъ мнѣнію есть возможность утверждать, что побѣда Россіи приведетъ въ экономическомъ отношеніи къ установленію побѣдительницей крайняго протекціонистскаго промышленнаго тарифа, при минимальныхъ ставкахъ на зерно; Россія будетъ отгорожена китайской стѣной отъ дешевой германской индустріи, но въ стѣнѣ этой широко будутъ раскрыты ворота для усиленнаго отлива изъ Россіи хлѣба. И то, и другое—одинаково выгодно промышленнику и одинаково невыгодно трудовому народу. Побѣда Германіи, наоборотъ, сломитъ эту стѣну, но закроетъ ворота, въ виду интереса германскихъ промышленниковъ и аграріевъ, при чемъ германскіе трудящіеся классы будутъ лишены дешеваго хлѣба, который въ большомъ количествѣ останется въ Россіи „для внутренняго употребленія“; но тогда русскій народъ, кромѣ излишка хлѣба, получитъ еще и продукты дешевой германской индустріи. Побѣда и въ томъ, и въ другомъ случаѣ будетъ на руку только купцу и

аграрію; трудовой-же народъ—и въ этомъ экономическій парадоксъ міровой войны—получитъ выгодный для себя торговый договоръ только въ случаѣ пораженія своей страны. Какъ-бы ни относиться къ этимъ доводамъ, отъ нихъ нельзя отмахнуться націоналъ-соціалистамъ, доводы которыхъ отличаются большимъ паѳосомъ и малой убѣдительностью.

Но я готовъ этимъ патетически настроеннымъ людямъ сдѣлать всяческія уступки, готовъ не сталкивать ихъ лицомъ къ лицу съ серьезными соціально-экономическими возраженіями. Пусть они будутъ правы во всемъ, пусть всѣ три ихъ главныхъ довода непогрѣшимы, непреложны; пусть будутъ они столь-же истинными, сколь и патетическими. Мнѣ интересно тутъ другое. Вѣдь всѣ эти патетическіе люди кромѣ того—соціалисты. Они борются за благо народовъ, они заботятся о будущей судьбѣ бельгійскаго рабочаго и „французской бѣдноты". Такъ это и должно быть: мы знаемъ, что для демократа „нѣсть эллинъ и іудей", что соціалистъ никогда не могъ-бы отстаивать мѣры, выгодной для его народа и тяжелой для трудящихся классовъ народа сосѣдняго. Какъ-же быть, однако, съ воззваніями россійскихъ соціалистовъ, „энергично требующихъ войны до побѣды"? Какъ быть съ призывнымъ кличемъ „должны побѣдить!" или „да будетъ побѣда!",—кличемъ, раздавшимся со страницъ марксистскихъ журналовъ? Вѣдь если будетъ побѣда союзниковъ, то на Германію обрушатся всѣ тѣ бѣды, которыхъ счастливо избѣгнутъ русскій крестьянинъ, бельгійскій рабочій и французская бѣднота! И пусть-бы еще страдала юнкерская Пруссія и капиталистическая Германія, но вѣдь пострадаютъ за всѣхъ и за все трудовые классы Германіи! Неслыханно громадная контрибуція тяжко ляжетъ на плечи восточно-прусскаго крестьянина и вестфальскаго рабочаго, значительная территорія будетъ отторгнута отъ побѣжденныхъ—исчезнетъ съ географическихъ картъ чуть-ли не вся Австрія, тяжелый торговый договоръ раздавитъ побѣжденную страну...

Какъ мирятся воинствующіе соціалисты съ этими—ими-же вызванными—призраками? Вѣдь то, что страшно для русскаго народа, не менѣе страшно и для германскаго. Быть можетъ, воинствующіе соціалисты желаютъ не полной побѣды, а лишь побѣды до извѣстной черты? Но какими-же силами остановятъ они духа войны, котораго такъ настойчиво вызываютъ? Быть можетъ, они считаютъ, что въ войнѣ виновата Германія, а потому пусть и платитъ она за разбитую посуду? Но вѣдь виноватъ хозяинъ, а платить и платиться будетъ работникъ—гдѣ-же тутъ справедливость? Быть можетъ, они полагаютъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе и что о германскомъ трудовомъ народѣ пусть заботятся германскіе „товарищи"? Для интернаціональ-

наго соціалиста это звучитъ дико, но націоналъ-соціалисты — быть можетъ, ils ont changé tout ça?

Какъ-бы тамъ ни было, мы можемъ теперь отнестись къ доводамъ всѣхъ воинствующихъ соціалистовъ всѣхъ странъ—съ одинаковымъ довѣріемъ. Ихъ оправданія націонализма и войны были-бы убѣдительны, если-бы взаимно не погашали другъ друга. Но вліяніе на массы они оказали, усердно двигая колесо войны, рядомъ съ доводами либерально-этическими и религіозно-мессіанскими. Сознательно и безсознательно идутъ всѣ они къ одной цѣли — къ созданію міровыхъ колоніальныхъ имперій. Кто-бы ни побѣдилъ въ великой міровой войнѣ, побѣдитель въ ней будетъ только одинъ—купецъ страны, одержавшей верхъ. Побѣжденнымъ-же можетъ оказаться трудовой народъ страны побѣдительницы.

Неужели-же изъ этого парадокса міровой войны нѣтъ выхода? Неужели будущее такъ безнадежно? Неужели осуществится фантастическій колоніальный романъ XX вѣка? Неужели человѣчество стоитъ передъ рядомъ небывалыхъ міровыхъ купеческихъ войнъ? Все это будетъ неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока демократія не сумѣетъ обуздать того духа, которому она теперь покорилась. Спасеніе — не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ мірѣ каждой страны; измѣненія во внутреннемъ политическомъ и соціальномъ строѣ Европы могутъ сдѣлать—и сдѣлаютъ!—невозможными эти кровавые и фантастическіе колоніальные романы, эти міровыя купеческія войны, эти противорѣчія народныхъ интересовъ разныхъ странъ. Будетъ-ли это? Будетъ или нѣтъ, но будущее — творимъ мы, живущіе въ настоящемъ. И путь творчества нашего построенъ давно міровымъ ходомъ исторіи; надо лишь твердо идти по начертанной дорогѣ, помня о нами-же намѣченной конечной цѣли, надо лишь преодолѣть тѣ испытанія, которыя духъ націонализма ставитъ на пути. Тягчайшее испытаніе— испытаніе огнемъ, и мы теперь его пережили, переживаемъ и долго еще будемъ переживать.

VII.

Испытаніе огнемъ войны — испепелило почти „до корня“ былой интернаціональный соціализмъ на его пути къ будущему „братству народовъ“. Что-же?—Отказаться отъ будущаго братства?—Отказаться отъ настоящаго пути?—Отказаться отъ прошлаго соціализма? И вообще—вѣчно новый вопросъ—что дѣлать? Братство народовъ—и раздавленная Бельгія. Брать-ли въ руки ружье, сложить-ли руки въ бездѣйствіи?

Вопросы, подлинно, испепеляющіе. И лишь тяжелой, трудной внутренней работой можно преодолѣть и искушенія духа націонализма, и глумленія духа апатіи и отчаянія. Мессіанцамъ и всѣмъ принимающимъ объективный смыслъ исторіи—дорога прямая и легкая: съ Богомъ они за панибрата, всѣ планы и замыслы его имъ какъ на ладони видны, досконально извѣстны. Но трудно принимать тотъ субъективный смыслъ исторіи, который такъ попирается на нашихъ-же глазахъ. Трудно—и необходимо. Разъ сдѣлавъ выборъ,—повторю еще разъ, — надо принять и выводы. И если мы высшими цѣнностями избрали цѣнность индивидуальную — человѣческую личность. и цѣнность соціальную—благо народа, то цѣнности историческія, цѣнность національности мы тѣмъ самымъ подчинили высшему критерію. Выборъ сдѣланъ — и мы должны быть послѣдовательными.

Міровоззрѣніе, во главу угла ставящее соціальную цѣнность блага народа, мы называемъ соціализмомъ. Идя дальше, можно дать болѣе строго очерченное опредѣленіе, но не въ немъ теперь дѣло, а въ тѣхъ задачахъ, тѣхъ цѣляхъ, которыя ставилъ и ставитъ себѣ соціализмъ и соціалистическая демократія. Всѣ политическія группы орудуютъ съ понятіемъ этой соціальной цѣнности, каждая изъ политическихъ партій заявляетъ, что борется только за „благо народа“, — но именно ближайшія задачи и цѣли этихъ партій вскрываютъ подлинную ихъ сущность. Задачи соціализма требовали коренного измѣненія соціальнаго и политическаго строя европейской жизни: „правые“ соціалисты надѣялись на эволюціонный процессъ этого измѣненія, „лѣвые“— предполагали, что процессъ этотъ возможенъ, только какъ революціонный. Но такъ или иначе — „соціализація Европы“ есть процессъ внутренній и такимъ всегда понималъ его международный соціализмъ: противорѣчія въ этомъ не было. Освобожденіе трудового народа, освобожденіе страны отъ внутреннихъ соціальныхъ и политическихъ путъ — вотъ первая задача международной демократіи въ борьбѣ за цѣнность соціальную.

Борьбѣ этой сопутствовала борьба за цѣнность индивидуальную, за человѣческую личность, за освобожденіе ея изъ путъ всяческой догмы—хотя-бы отъ окостенѣвшей догмы марксизма или народничества, если они не шли впередъ, а топтались на мѣстѣ, становились „ортодоксальными“. Всяческая ортодоксія—Маркса или Михайловскаго, все равно—мертвое тѣло; все живое, все молодое всегда шло впередъ въ поискахъ новыхъ путей, въ борьбѣ за духовную свободу личности человѣческой. Въ этихъ словахъ—вся исторія русской и міровой интеллигенціи всѣхъ классовъ и сословій, здѣсь—вторая задача соціализма, идущаго къ новому будущему. Конечно, и въ рядахъ демократіи ортодоксальныхъ мѣщанъ было всегда больше, чѣмъ духовно

свободныхъ людей; но вѣдь, скажу еще разъ, не количествомъ своихъ послѣдователей побѣждаютъ идеи... И не количествомъ пышныхъ словъ опредѣляется внутренняя цѣнность идеи, она выявляется лишь въ минуты испытаній, когда отъ словъ надо перейти къ дѣлу.

И вотъ—настала для демократіи минута испытанія огнемъ войны, первой міровой колоніальной войны. Ни одна изъ воюющихъ сторонъ не скрываетъ, что за звонкими словами объ „освобожденіи", „оборонительной войнѣ", „самоопредѣленіи національностей", таится дѣловой колоніально-купеческій смыслъ. По характерному выраженію нѣкоего купца въ „Times'ѣ"—„капитаны промышленности являются въ веденіи этой войны не менѣе важнымъ факторомъ, чѣмъ самъ генеральный штабъ"; купеческая война и ведется капитанами промышленности. Конечно, слово „купеческій" имѣетъ здѣсь ограниченный своею эпохою смыслъ; вѣдь и новгородскія войны XIII—XV вѣковъ были войнами „купеческими" и даже „колоніальными", (ибо тогда роль „колоній" играли „пятины новгородскія"). Былъ купецъ, но не было современнаго гигантскаго развитія машины, фабрики мірового „капитализма", и нынѣшняя колоніальная война, оставаясь „купеческой", имѣетъ столько-же много общаго съ прежними купеческими войнами, сколько шестнадцати-дюймовая пушка—съ „пищалью" XV в. Цѣль одна, а сущность—безконечно различна. „Натуральныя" колоніи новгородцевъ такъ-же похожи на міровыя колоніи современнаго государства-купца, какъ пищаль на шестнадцати-дюймовое орудіе.

Такъ или иначе—государства эти столкнулись въ „кровавой кутерьмѣ"; для демократіи настало время испытанія огнемъ. Она его не выдержала—это всѣ мы видѣли воочію. Исчезли соціалисты (говорю, о большинствѣ), на мѣстѣ ихъ во всѣхъ странахъ появились „оборонцы" и „пораженцы". Одно это—признакъ довольно трагическій, ибо и „оборончество" и „пораженчество" (хотѣлось-бы, чтобы нелѣпыя слова эти скорѣе исчезли изъ нашего обихода), ибо, повторяю, оба эти теченія—одинаково ничѣмъ не связаны съ демократіей, съ ея основными цѣнностями, съ ея сутью. „Оборонцемъ" можетъ быть анархистъ Крапоткинъ, „пораженцемъ"—черносотенное „Русское Знамя", и наоборотъ, ибо оба эти отношенія къ войнѣ суть лишь вопросы текущей практической политики, а не сущности соціалистическаго міровоззрѣнія. Соціалистъ, какъ и всякій другой, можетъ въ области практической политики считать выгоднымъ для трудового народа или побѣду или пораженіе своей страны; но прежде, чѣмъ разсуждать о вопросѣ политической выгоды, ему не мѣшало-бы помнить, что вопросъ о путяхъ достиженія этой „выгоды" подчиненъ его высшей цѣнности... Иначе онъ становится похожъ на того средневѣковаго монаха, который „благо" своей паствы добывалъ огнемъ и

мечомъ святѣйшей инквизиціи, не спрашивая ни того, насколько это желательно его паствѣ, ни того — насколько это похоже на исповѣдуемое имъ христіанство...

„Оборончество" и „пораженчество" не больше похожи на соціализмъ, чѣмъ инквизиція на христіанство. Ибо всякая внѣшняя купеческая война между „культурными" государствами, чѣмъ бы она ни кончилась,—пораженіемъ или побѣдой его страны,—для соціалиста чужда и враждебна, ибо она не его война, ибо она есть борьба не за его высшія цѣнности. Тѣмъ болѣе это относится къ европейской войнѣ этихъ годовъ, къ первой міровой колоніальной войнѣ, стремящейся къ достиженію такихъ „цѣнностей", которыя могутъ быть только враждебны демократіи. Для нея—это война посторонняя, и при пожарѣ ея демократу не надо было ни брать въ руки ружье, ни складывать руки въ бездѣйствіи; онъ долженъ былъ только—продолжать свое дѣло.

Но именно это испытаніе оказалось самымъ труднымъ, и въ огнѣ войны соціализмъ далъ трещину сразу съ трехъ сторонъ. Черезъ одну изъ нихъ — испарились изъ соціализма всѣ „попутчики", всѣ національ-соціалисты, для которыхъ міровая война не была „посторонней", ибо ихъ государство принимало въ ней участіе... „Мы прежде нѣмцы, а потомъ соціалисты",—формулировалъ одинъ изъ нихъ свое отношеніе къ войнѣ; этимъ онъ ясно показалъ, что онъ прежде нѣмецъ и потомъ нѣмецъ, а соціалистомъ считалъ себя лишь по недоразумѣнію. И такихъ „товарищей" война родила видимо-невидимо,—извѣстно, что война родитъ героевъ. И стали эти герои посылать народъ на войну, въ небольшомъ числѣ и сами пошли; проповѣдывали оборону и освобожденіе, воспѣвали въ соціалистическихъ газетахъ подвиги члена нѣмецкаго союза древообдѣлочниковъ, всаживающаго штыкъ въ животъ „товарища" изъ французскаго союза металлистовъ...

Другіе, менѣе прямолинейные, шли на войну и призывали къ войнѣ (оборонительной, конечно!) по другой причинѣ. Это война для соціалиста не „посторонняя", — говорили они—ибо на ней умираетъ сотнями тысячъ тотъ же народъ, во имя блага котораго работаетъ демократія. Но если смерть за что-либо кажется мнѣ нелѣпой, то я лишь отъ отчаянія могу сложить свою голову рядомъ съ близкимъ мнѣ человѣкомъ, разъ не могу ему помочь. Эта психологія отчаянія — понятна, почтенна, но вѣдь это тоже отказъ отъ былой вѣры, хотя и по другой причинѣ: разъ ничѣмъ нельзя ни другому, ни себѣ помочь — остается только умереть. Тѣ, у кого вѣра въ будущее сохранилась, не пойдутъ этой дорогой. А что касается сотенъ тысячъ смертей сыновъ народа, почему-де и война эта намъ „не посторонняя", то это доводъ не изъ сильныхъ: кто же изъ нашихъ демо-

кратовъ не считалъ „посторонней“ для себя и для народа — японской войны 1904 — 1905 годовъ, на которой народъ умиралъ, если не сотнями, то десятками тысячъ? Очевидно, дѣло тутъ не въ томъ, что народъ умираетъ, а въ томъ, за что онъ умираетъ...

Это и есть боевой доводъ третьихъ, выбитыхъ изъ колеи соціализма войной. Они не признаютъ перемѣны своей вѣры, они утверждаютъ, что взывая къ войнѣ (оборонительной, всюду оборонительной!), не измѣнили они былой вѣрѣ, а лишь съ новой силой служатъ ей, служатъ свободѣ, служатъ правдѣ, служатъ угнетенному народу. Міровая эта война — есть война „на покореніе“ ряда народностей, и демократъ, стоящій за „самоопредѣленіе національностей“, не можетъ не принять участія въ дѣятельной защитѣ покоряемыхъ. Такъ говорили бельгійскіе, французскіе и русскіе „соціалисты“ по поводу Бельгіи и Сербіи, такъ говорили германскіе и австрійскіе „соціалисты“ по поводу Галиціи и Восточной Пруссіи... И не только „говорили“: лучшіе изъ нихъ „дѣлали“ — записывались добровольцами въ арміи, шли умирать и умирали, шли стрѣлять другъ въ друга и стрѣляли во имя братства народовъ... Другіе, оставшіеся дома, организовывали „національную оборону“ и тоже боролись словесно за „высшіе идеалы соціализма“. Нельзя считать эту войну „посторонней“, — вопіяли они, — ибо нельзя не откликнуться дѣйствіемъ на то, что происходитъ вокругъ. Оглянитесь: всюду разстрѣлы женщинъ и дѣтей, всюду топчется право, la force prime le droit, всюду гибель слабыхъ и звѣрское „торжество побѣдителей“... Германскіе соціалисты все это выдвигали противъ своихъ восточныхъ враговъ, французскіе и бельгійскіе—противъ германскихъ... Но намъ совсѣмъ нѣтъ нужды, разбирать, кто тутъ правъ, кто виноватъ: пусть будутъ оба правы—это будетъ ближе къ истинѣ. Зато слѣдуетъ съ особенной силой подчеркнуть, что въ то-же самое время—оба неправы, опираясь въ своихъ доводахъ на соціализмъ. Ибо, повторяю, для человѣка, высшими цѣнностями котораго являются цѣнность индивидуальная и соціальная, человѣческая личность и благо народа, для этого человѣка міровая война 1914 года есть дѣло постороннее; онъ долженъ быть готовъ отдать себя, но отдать за другое...

VIII.

Что дѣлать?—Что надо было дѣлать?—Надо было не мѣшаться не въ свое дѣло. И надо было дѣлать свое дѣло. Только и всего.

Итакъ, надо было предоставить маленькую Сербію алчной Австріи? Не помочь при видѣ наглаго насилія, при видѣ разбойнаго

нападенія? Демократія дала себя запугать этими „жалкими словами“ ибо поистинѣ, все это лишь слова, слова, слова. Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, стоящій на благѣ личности и народа, т. е. въ широкомъ смыслѣ этого слова народникъ, не задался-бы хотя мимоходомъ мыслью: а что было-бы, если Австрія дѣйствительно поглотила Сербію? Проглотила-бы безъ сопротивленія, не подавившись, такъ-таки цѣликомъ, присоединила-бы къ себѣ, какъ новую провинцію?—Тогда Австрія не могла-бы не превратиться въ имперію „тріалистическую“, и сербы, соединенные съ хорватами, словаками, боснійцами, далматинцами, образовали-бы громадную „великосербскую провинцію“, гдѣ трудовому народу жилось-бы, быть можетъ, нисколько не хуже, чѣмъ въ „великосербской имперіи“, за которую въ войнѣ этихъ годовъ разгромленъ, уничтоженъ, вырѣзанъ сербскій народъ. Тѣ два сербскіе соціалиста, которые нашли въ себѣ смѣлость подъ вой и свистъ „націоналистовъ“ голосовать противъ военныхъ кредитовъ, когда война уже повисла надъ ихъ страной—понимали интересы сербскаго народа лучше сотенъ „націоналъ-соціалистовъ“, зовущихъ въ бой за свободу Сербіи...

Есть ходячее марксистское возраженіе противъ такой постановки вопроса. „Побѣда Австріи, окончательно подчинивъ австрійской эксплоатаціи Сербію, замедлила-бы экономическое развитіе этой послѣдней“ (Г. Плехановъ). Подставьте вмѣсто Австріи—Англію, вмѣсто Сербіи—Трансвааль, и вы увидите, что возраженіе это не всегда оправдывается исторической дѣйствительностью. А главное—на какихъ вѣсахъ свѣсите вы, когда больше „замедлилось-бы экономическое развитіе“ Сербіи: когда она цѣликомъ была-бы присоединена къ Австріи, или когда сербскій народъ истекъ-бы кровью такъ, какъ онъ истекъ въ 1915 году? Не мѣшало-бы подумать сторонникамъ такого кровопусканія,—а значитъ и худшимъ врагамъ сербскаго народа,—для чего возъ орѣховъ беззубой бѣлкѣ?

Но пусть этотъ „соціологическій законъ“ о замедленіи экономическаго развитія промышленно отсталой страны при ея одолѣніи и покореніи промышленно-мощнымъ государствомъ, пусть этотъ миѳическій „законъ“ всегда и вполнѣ справедливъ. Однако, и въ этомъ случаѣ для меня загадка: какимъ образомъ наши „соціалисты“ ухитряются примѣнять этотъ „законъ“ одновременно и къ Сербіи, и къ Бельгіи? И какъ могутъ они доказать, что для бельгійскаго рудокопа правительство короля Альберта „выгоднѣе“ сената вольнаго города Гамбурга? (Я здѣсь все еще говорю о „выгодѣ“; о „правѣ“ и „справедливости“ рѣчь впереди).—Впрочемъ загадка эта довольно просто и... откровенно разрѣшается „практическими политиками“ соціализма. Мнѣ лично пришлось слышать изъ устъ одного народнико-марксиста,

и статистико-публициста слѣдующее оправданіе военно-патріотической дѣятельности Вандервельде: онъ учитывалъ настроеніе рабочихъ массъ, что-де и долженъ всегда дѣлать практическій политикъ... Это откровенное признаніе рядового соціалиста нехотя оспариваетъ марксистскій вождь, Г. Плехановъ: германскіе соціалъ-демократы голосовали за войну, чтобы не потерять на слѣдующихъ выборахъ милліона два голосовъ, и „конечно, это было совершенно оппортюнистическое рѣшеніе“. Боже, до чего это мягко сказано! Оппортунизмъ— великъ-ли грѣхъ! Вѣдь еще Бебель сказалъ: „всѣ мы оппортунисты“. И поэтому, когда французскіе соціалисты тоже „безусловно голосуютъ за военный кредитъ“, то Г. Плехановъ находитъ еще болѣе мягкія слова для обсужденія, но не осужденія такого поступка. Конечно, они обязаны были голосовать за военный кредитъ, но.., „голосуя за него, они могли и обязаны были громко высказать нѣкоторыя неоспоримыя истины, горькія для французской буржуазной дипломатіи, но полезныя съ точки зрѣнія развитія самосознанія въ международномъ пролетаріатѣ“... (Г. Плехановъ, „О войнѣ“, стр. 19). И только. Голосуй за войну, но лишь выскажи при этомъ нѣкоторыя неоспоримыя истины...

До такихъ невѣроятныхъ предѣловъ можно дойти, пытаясь оправдать неоправдываемое. Не удивляйтесь: это называется „оппортунизмъ“. Я-бы, впрочемъ, назвалъ это нѣсколько иначе... но не въ названіи дѣло, а въ томъ, что соображенія „практической политики“ объясняютъ намъ поведеніе большинства вождей международнаго соціализма. И довольно: послѣ такого признанія „вожди“ эти намъ ни мало не интересны. Ибо подлинный идейный вождь не боится остаться въ меньшинствѣ, не боится остаться въ полномъ одиночествѣ. Онъ погибаетъ, но его идеи побѣждаютъ. А эти многочисленные „вожди“ побѣждаютъ въ злободневной борьбѣ, но идеи ихъ гибнутъ, ибо „побѣда“ достается вождямъ цѣною идеи. Кто хочетъ, пустѣ идетъ за ними.

Народъ захотѣлъ,—отвѣчаютъ намъ;—народъ захотѣлъ, и вожди сами пошли за народомъ... Именемъ народа говорить легко, ибо народъ—все еще безмолвствуетъ. Когда его ставятъ лицомъ къ лицу съ уже совершившимся фактомъ войны—онъ принимаетъ ее, онъ старается осмыслить ее, какъ борьбу за „родину“, какъ „мірское дѣло“, какъ наваленную на мірскія плечи тяготу:

Постоимъ-де мы, братцы, за родину,
За мірскую Микулову пахоту,
За бѣлицу-весну съ зорькой-свѣченькой
Надъ мощами полѣсій затепленной...

Все это такъ, но скажите откровенно: какой былъ-бы отвѣтъ сербскаго или бельгійскаго **народа**, если-бы былъ мыслимъ въ одинъ мигъ произведенный „референдумъ", даже въ отвѣтъ на грубые ультиматумы Австріи и Германіи 1914 года? Такъ-ли вы увѣрены, даже принимая во вниманіе опьянѣніе гашишемъ національизма, что **народъ** то-же бы „голосовалъ за войну"? Я увѣренъ—въ противномъ, какія-бы страны ни подставлять вмѣсто Сербіи и Бельгіи. Но на этой моей увѣренности я ничего не строю, зачѣмъ-же вы возводите на своей разныя фантастическія зданія? Но если-бы даже вы были правы, если-бы **мнѣнія** всего народа были на вашей сторонѣ, то все-же **интересы** его я понималъ-бы, не подчиняясь большинству. И потому докажите сначала, что „выгода" сербскаго народа требовала уничтоженія его войною, а не присоединенія Сербіи къ Австріи, что въ интересахъ бельгійскаго **народа** было предпочтеніе правительства короля Альберта правительству императора германскаго или президента французской республики, что благо германскаго **народа** требовало гибели милліоновъ этого народа, а не покоренія его (даже!) „дикой Россіей", или хотя-бы полнаго поглощенія его и раздѣленія между „варварской Россіей, вырождающейся Франціей и торгашеской Англіей"... А пока вы будете это доказывать—позвольте напомнить вамъ одну сказочку изъ сборника Л. Толстого.

„Была война; бѣжали люди отъ враговъ.—

Пришелъ мужикъ на лугъ за лошадью и говоритъ:

— Иди скорѣй за мной, а то враги тебя заберутъ.

А лошадь спрашиваетъ:

— А что они со мной дѣлать будутъ?

Мужикъ говоритъ:

— Заставятъ тебя работать на нихъ, бить станутъ, коли не захочешь.

— А ты со мною развѣ иначе поступаешь? Такъ что-же мнѣ ихъ бояться?"

Конецъ сказки мы хорошо знаемъ: мужикъ беретъ кнутъ и ведетъ лошадь, куда ему желательно. Такъ было, такъ есть, такъ еще долго будетъ. Но почему мнѣ это „сущее" признавать за „должное"—не знаю.

Но зато я знаю, какія возраженія выставляются противъ этой высшей цѣнности блага народнаго; она отрицаетъ цѣнности историческія, она „не государственная" точка зрѣнія... Какъ! Допустить, чтобы Россія завладѣла всею Галиціею и западной Польшей! Но вѣдь Австрія должна бороться за свою „цѣлость", вѣдь Россія должна, во имя задачъ государственныхъ, бороться за свое преобладаніе на Балканахъ, за овладѣніе проливами. Да, государственность... Какое

дѣло народу до того, въ чьихъ рукахъ Дарданеллы, чѣмъ вредилъ народу этотъ „ключъ“ въ рукахъ турокъ, и если міровой купецъ, русскій и германскій одновременно, пожелалъ присвоить себѣ этотъ ключъ, то почему тащить его изъ огня долженъ народъ—объ этомъ не спрашивайте. Ибо вся эта „государственная“ точка зрѣнія покоится на „постулатѣ“ единства національныхъ интересовъ. „Постулатъ“ этотъ трогательно примѣняется только въ тѣ минуты, когда націоналисты нуждаются въ „народѣ“. Было бы много убѣдительнѣе, если бы волкъ просилъ помощи журавля не тогда, когда на него, волка, пришла бѣда, когда онъ „костью чуть не подавился“, а до этого прискорбнаго случая. А то сплошь да рядомъ случается, что лишь только журавль „съ трудностью большою“ поможетъ волку, какъ тотъ немедленно поступаетъ по примѣру волка изъ крыловской басни. Это не мѣшаетъ въ новыя трудныя минуты снова трогательно взывать о помощи, взывать о „единствѣ національныхъ интересовъ“. Либералы всѣхъ странъ крѣпко сидятъ верхомъ на этой непрочной палочкѣ; но какое дѣло до нея демократіи? И неужели надо еще въ сотый и тысячный разъ напоминать хотя-бы о знаменитой формулѣ: национальное богатсво есть нищета народа? Пусть овладѣніе проливами есть историческая цѣнность, „благо націи“, но оно есть „бѣдствіе народа“: моря крови онъ за нихъ проливаетъ. И здѣсь, какъ всегда, соціальная цѣнность должна для насъ побѣдить историческую. Соціалистъ, разсуждающій о военныхъ „національныхъ и государственныхъ задачахъ“ это по существу соціализма—бѣлая ворона; но этихъ странныхъ птицъ, выкрашенныхъ въ бѣлое, развелось съ начала войны видимо-невидимо.

IX.

Доводы отъ „права“, отъ „справедливости“ съ негодованіемъ устраняютъ точку зрѣнія „выгоды“. Пусть „выгодно“ было бельгійцамъ покориться германскому нашествію и „предать“ Францію, но эта „выгода“—тридцать сребренниковъ цѣна ей. Пусть „выгодно“ было сербамъ отойти подъ власть Австріи, но „благородный маленькій народъ гордо всталъ на защиту своей независимости“... И вотъ самые чуткіе, искренніе, непосредственные изъ былыхъ соціалистовъ записываются въ добровольцы, идутъ умирать за освобожденіе Бельгіи за свободу Сербіи, за Францію, за Германію, за Россію. Доходитъ до того, что соціалисты-добровольцы съ пыломъ и взвинченнымъ самоотверженіемъ ѣдутъ освобождать Македонію... отъ болгаръ! (Русск. Вѣд., 1915 г. № 253). Поистинѣ—это было-бы смѣшно, если-бы не

было трагично. Но уже по этому „освобожденію Македоніи отъ болгаръ“ можно видѣть, что здѣсь дѣло уже не въ томъ, кого и отъ кого освобождать, а въ самомъ паѳосѣ освобожденія. Однако, отчего-бы не задаться вопросомъ: почему эти-же соціалисты не шли съ съ оружіемъ въ рукахъ освобождать Македонію отъ сербовъ и отъ грековъ?

Я напомню еще и другое. За пятнадцать лѣтъ до міровой войны совершилось „международное преступленіе“ не меньшее, чѣмъ покореніе Сербіи Австріей и Бельгіи—Германіей. Это было покореніе джингоистской Англіей—„свободнаго народа буровъ“, покореніе Трансвааля, вызвавшее противъ Англіи взрывъ „мірового возмущенія“. Негодовала и соціалистическая пресса всѣхъ странъ. Но вотъ что характерно. Въ бурскіе ряды вступило не малое число волонтеровъ, представителей разныхъ странъ; тутъ были французы, русскіе, германцы, представители всѣхъ міровыхъ купеческихъ имперіализмовъ, враждебныхъ англійскому; былъ тамъ, напримѣръ, русскій фютюръ-октябристъ, а тогда либеральный купецъ, г. Гучковъ. Но назовите мнѣ хотя-бы одного соціалиста, который не ограничился-бы тогда словеснымъ возмущеніемъ и моральнымъ негодованіемъ, а взялъ въ руки ружье и пошелъ сражаться за свободу покоряемаго народа. Назовите хоть одного! Не назовете; такого не было. А вѣдь газеты были полны сообщеніями о „звѣрствахъ англичанъ“ и о „геройской защитѣ благороднымъ маленькимъ народомъ свой независимости“...

Что-же? Или Трансвааль былъ слишкомъ далеко? Но развѣ чувство оскорбленной справедливости обратно пропорціонально квадрату разстояній?.. Почему-же „либералы“ пошли защищать буровъ и бороться съ ненавистнымъ англійскимъ имперіализмомъ, а соціалисты—сидѣли смирно и не образовывали добровольческихъ дружинъ? Развѣ дѣло справедливости не есть уже этимъ самымъ дѣло соціализма? Или за пятнадцать лѣтъ соціалисты сдѣлали такой громадный шагъ впередъ въ благородной отзывчивости на всякую несправедливость, и потому идутъ теперь десятками въ дружины для освобожденія Бельгіи, Польши, Сербіи и Македоніи?.. Однако, еще за три года до міровой войны никто изъ нихъ не пошелъ убивать и умирать за ту же Македонію, разорванную и растерзанную.

Тутъ величайшее внутреннее заблужденіе, освящаемое хорошими побужденіями и словами. Заблужденіе въ томъ, что первую міровую—колоніальную войну, войну имперіалистическую, государственную, соціалисты сочли войной народной. Общій „національный подъемъ“ заразилъ ихъ, они сочли его подъемомъ народнымъ, связаннымъ съ благомъ народнымъ. Прежде они понимали, что какъ ни безцеремонна англійская имперіалистическая политика, все-же главная тя-

жесть ея падетъ не на бурскій народъ, а на бурское правительство, что народу можетъ быть не хуже, если не лучше, „подъ владычествомъ Англіи“. Наркозъ націонализма мѣшаетъ это понять примѣнительно къ Австріи и Сербіи, Германіи и Бельгіи. Способствуютъ этому и тѣ возмущающія душу формы, какія съ первыхъ-же дней приняла міровая война. Но какъ это ни трудно, а надо разглядѣть, даже черезъ эти дикія формы, что лозунги „освобожденія“ народнаго не имѣютъ смысла въ процессѣ борьбы міровыхъ имперій, столкнувшихся въ дѣлежѣ земного шара.

Но убитыя женщины и дѣти, разстрѣлянные мирные жители, разграбленные города, попранная справедливость—какъ не стать на ихъ защиту?—Да, нельзя не стать, но какимъ путемъ? Вѣдь всѣ воюющія страны стали ареною этихъ ужасовъ: Бельгія, Сербія, Франція, Германія, Австрія, Россія.... Какъ не понять, что Калишъ, Лувенъ, Бѣлградъ, Мемель—все это одинаковые свидѣтели человѣческаго озвѣренія, спутника разнузданности того мига, въ который „все позволено“... Взять ружье въ руки для „защиты“ народа отъ этого озвѣренія—значитъ отъ дождя броситься въ воду. Подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшаго непосредственнаго чувства можно рѣшиться на самый неожиданный шагъ, но тогда не надо пытаться обосновывать его доводами „отъ разума“: попытка напрасная.

Независимость Сербіи, свобода Бельгіи... Неужели „соціалисты-патріоты“ еще не понимаютъ, что государственная независимость маленькихъ странъ есть лишь временный буферъ между столкновеніемъ міровыхъ имперіализмовъ? Неужели соціализмъ хоть когда-нибудь серьезно прилагалъ нормы этики къ пресловутому „международному праву“? Знаменитый профессоръ этого права, Листъ, заявляетъ, что Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи... въ состояніи необходимой обороны! Совершенно то-же самое заявляетъ французскій профессоръ... по поводу нарушенія нейтралитета Греціи! И они вполнѣ правы: ибо нормы международнаго права—не этическія, а всего лишь юридическія, которыя подлежатъ измѣненіямъ при каждомъ „новомъ накопленіи фактовъ“... Пусть накопляютъ факты, пусть измѣняютъ нормы—демократіи до этого нѣтъ никакого дѣла; съ нарушеніемъ-же этихъ нормъ у нея есть только одинъ путь борьбы—путь борьбы за коренное измѣненіе внутреннихъ порядковъ европейской жизни. Другими словами это и значитъ: надо дѣлать свое дѣло. Государственная свобода и независимость Сербіи или Бельгіи есть вопросъ „равновѣсія міровыхъ имперіализмовъ“; народная свобода въ каждой изъ нихъ есть вопросъ соотношенія внутреннихъ силъ страны. И только борьбой за направленіе этихъ внутреннихъ силъ можно достичь крушенія міровыхъ имперіализмовъ и сдѣлать невозможными всѣ

вопіющія нарушенія не только „нормъ международнаго права“, но и высшихъ человѣческихъ правъ.

Борьба за народную свободу—дѣло соціализма; борьба за государственное расширеніе — дѣло имперіализма. Въ войнахъ и возстаніяхъ народныхъ соціализмъ принималъ участіе, войны государственныя онъ всегда считалъ чуждыми себѣ. Признаніе міровой имперіалистической войны войной народной—главная ошибка всѣхъ современныхъ соціалистовъ, воинственно теперь настроенныхъ. Они ссылаются на Гарибальди, на освобожденіе Италіи и забываютъ девизъ революціонной итальянской демократіи послѣ 1848 года: „Italia farà da se“ —рѣзкій протестъ противъ всякаго сторонняго государственнаго вмѣшательства въ дѣло народное. Они указываютъ на борьбу за освобожденіе Польши, но забываютъ, что и „освобожденіе“ можетъ быть двоякое: государственное и народное. Государственный идеалъ „Польши отъ моря и до моря“, идеалъ имперіалистическій, долженъ быть вполнѣ чуждъ каждому соціалисту, въ томъ числѣ и польскому; освобожденіе польскаго народа отъ вѣкового „обрусенія“ и „опрусенія“ —должно быть близко сердцу каждаго соціалиста, прежде-же всего русскаго и германскаго. „Свободная Польша“, „Свободная Сербія“; отъ чего свободная? Политически свободная Польша можетъ отвести очень узкія рамки внутренней свободѣ польскаго народа; въ политически несуществующей Чехіи возможна бо́льшая свобода народная; неужели эту азбуку соціализму надо вновь переучивать?

Послѣдняя цитадель націоналъ-соціалистовъ—апелляція къ „праву національной самообороны“. Но это снова сказка про бѣлаго бычка, ибо снова должны они отвѣтить на прежній вопросъ: во имя какой высшей цѣнности прибѣгаютъ они къ этому „праву“? Во имя цѣнности исторической? Но соціализмъ подчиняетъ ее цѣнностямъ высшимъ. Во имя „справедливости“? Да, во имя „справедливости“, во имя „права личности“... Въ видѣ иллюстраціи и доказательства они любятъ приводить слова Михайловскаго о томъ, что если-бы (смыслъ словъ) черносотенные погромщики, пусть „люди деревни“, ворвались къ нему въ кабинетъ, разбили бюстъ Бѣлинскаго, сожгли книги, то онъ не покорился-бы людямъ деревни, сталъ-бы словами и дѣйствіями защищаться отъ дикаго произвола... (Соч. т. III, стр. 692).

Слова совершенно вѣрныя, ибо не надо даже быть и соціалистомъ, не надо даже самому подвергаться черносотенному насилію, чтобы словами и дѣйствіями бороться съ такимъ насиліемъ—будь то во время кишиневской рѣзни, или во время московскаго погрома въ маѣ 1915 г. Я не слышалъ, впрочемъ, чтобы русскіе соціалисты организовали

добровольческія дружины для борьбы съ московскими хулиганами-громилами, или чтобы соціалисты французскіе поступили-бы такъ-же, когда парижскіе хулиганы громили магазины „Магги" въ 1914 году. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что отождествляя военныя дѣйствія съ черносотеннымъ погромомъ, націоналъ-соціалисты сами роютъ себѣ яму. Они столь усердно на всѣ лады изъясняютъ слова Михайловскаго, что готовы, кажется, доказывать, что въ 1905 г., во время разгрома помѣщичьихъ усадебъ, Михайловскій обязательно исхлопоталъ-бы у губернатора сотню казаковъ для защиты своего дома, шкафовъ съ книгами и бюста Бѣлинскаго... Эти усердные комментаторы не понимаютъ, однако, главнаго. Пусть война есть погромъ, но вѣдь „погромъ" этотъ —двусторонній... Такіе бываютъ въ городахъ Индіи, когда толпы вооруженныхъ мусульманъ идутъ громить индусскіе кварталы, а толпы вооруженныхъ индусовъ идутъ громить кварталы мусульманскіе. Русскій погромъ былъ въ Восточной Пруссіи, Галиціи и Венгріи, германскій погромъ—въ Бельгіи, Польшѣ и Сербіи: соціалисту, какъ будто-бы, нѣтъ особаго основанія отдавать предпочтеніе одному изъ этихъ „двустороннихъ процессовъ"?

Со всѣхъ концовъ мы приходимъ къ одной точкѣ: къ твердому признанію, что для демократіи міровая колоніальная война есть война посторонняя, чуждая, чужая. Помогать раненымъ, плѣннымъ, страдающимъ и недугующимъ отъ войны—соціалистъ можетъ и долженъ, точно такъ-же, какъ помогаетъ онъ голодающимъ въ тяжелые голодные годы; помогать самой войнѣ—не его дѣло, его дѣло—борьба съ нею всѣми силами, хотя-бы силами одного противъ всѣхъ. И здѣсь, примѣръ, приведенный Михайловскимъ, какъ нельзя болѣе кстати. Если въ домъ мой врывается тотъ духовный погромъ, который прокатился, какъ смерчъ, по всему міровому соціализму, врывается, „сжигаетъ книги", „разбиваетъ бюсты Бѣлинскаго" и требуетъ, чтобы я покорился этому духовному насилію во имя „націонализма", „единенія", „Burgfriede" или чего вамъ угодно,—то я не покорюсь этому погрому духовныхъ цѣнностей: я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки (Михайловскій). Руки, конечно, связаны: правомъ слова во время войны пользуются лишь „соціалисты-патріоты". Но тѣмъ болѣе всѣми силами необходимо бороться противъ ихъ воинственныхъ призывовъ, такъ радостно подхваченныхъ со всѣхъ сторонъ. Пусть эта борьба „противъ всѣхъ" противорѣчитъ всѣмъ здравымъ принципамъ „практической политики", пусть она безсильна теперь зерно горчичное сдвинуть съ мѣста—съ тѣмъ большей смѣлостью должны мы высказать именно теперь нашу правду. Ибо „практическая политика"—минется, а правда—останется...

X.

Правда останется—старая правда, признающая высшей цѣнностью личность человѣческую, признающая высшимъ благомъ благо народное. Скоро-ли правда эта побѣдитъ—что намъ до того? Лишь-бы не погасла въ насъ воля къ борьбѣ за эту правду.

Воля къ борьбѣ — это значитъ, что правда наша не совпадаетъ съ правдой „толстовства“, правдой пассивной, безборной и безбурной. Когда на царство Ивана Дурака пошелъ войной тараканскій царь и сталъ дома жечь и скотину бить, то дураковцы только горько плакали, не противились и сидѣли сложа руки,—этимъ и побѣдили царя тараканскаго. Сидѣть сложа руки — не дѣло демократіи; наоборотъ, дѣла у нея всегда полны руки, и особенно когда вспыхиваютъ первыя зарницы войны. И первое дѣло ея—не разжигать національныя страсти, не призывать къ оружію противъ внѣшняго врага, а дѣлать свое внутреннее дѣло и помнить, что, быть можетъ, даже полное раздѣленіе страны между сосѣдними тараканскими царями для народа лучше (и „справедливѣе“ и „выгоднѣе“) той „кровавой кутерьмы“, въ которой народъ погибаетъ. Тѣмъ болѣе справедливо это, что покорить даже большое государство—можно, покорить даже маленькій народъ—нельзя. Цѣлый вѣкъ бились германскіе „гакатисты“ и россійскіе ташкентцы—удалось-ли имъ покорить польскій народъ? Имъ удалось только сдѣлать его упорнѣе въ отстаиваніи своего быта, своего языка, своей культуры. А Финляндія, Italia irredenta, Индія, арабы—развѣ всѣ эти разнородные примѣры мало убѣдительны? Попробовали-бы „союзныя державы“ наложить свою руку на германскій народъ, послѣ хотя-бы полнаго расчлененія Германіи! Попробовали-бы германцы наложить свою руку на русскій или англійскій народъ, послѣ хотя-бы полнаго покоренія Англіи и Россіи! Неужели не ясно, что это столь-же возможно, какъ прыжокъ на луну!

„Тараканская“ культура—всюду приблизительно одинакова; она гордо именуется „европейской культурой“. Африканское племя людоѣдовъ ньямъ-ньямъ можно „европеизировать“ — „офранцузить“, „огерманить“ или „обангличанить“; но „огерманить“ французовъ, „обангличанить“ нѣмцевъ, „обрусить“ венгерцевъ—дикое предпріятіе, дикое, ибо невозможное. Бытъ, языкъ, культура народная — вотъ въ чемъ вѣчная сила національзма, и сила благая, пока не дѣлается она тараномъ противъ другой сосѣдней силы. И я, ни минуты не колеблясь, заявляю себя въ этомъ смыслѣ—самымъ убѣжденнымъ „націоналистомъ“, не имѣющимъ, однако, ничего общаго съ воин-

ственными „националъ-социалистами“ и „социалистами-патріотами“ нашихъ дней. Искусство,—высшее проявленіе и закрѣпленіе быта, языка и культуры,—всегда національно; интернаціональные Вагнеръ, Толстой, Гете — нелѣпость, невозможность. Они дѣлаются „интернаціональными“ и міровыми, оставаясь при этомъ глубоко „національными“ и народными; не народный, не національный, а лишь „интернаціональный“ художникъ былъ-бы лишь никому ненужнымъ воплощеннымъ двуногимъ воляпюкомъ. Я не поклонникъ духовнаго и культурнаго „эсперанто“: демократія объединитъ человѣчество въ далекомъ будущемъ, не разрушая того, что разрушить никому не подъ силу: народа, его быта, его культуры.

И поэтому вдвойнѣ безсмысленна защита соціализмомъ этой неразрушимой сущности—пулеметами, бомбами: онъ защищаетъ то, что несокрушимо, и губитъ при этомъ то, что должно быть для него дороже всего. Еще разъ скажу: уровень „европейской культуры“, какъ уровень воды въ сообщающихся моряхъ, всюду приблизительно одинаковъ: одно это могло-бы заставить соціалиста не взывать къ оружію противъ внѣшняго врага, а упорно пытаться поднять „уровень“ этотъ въ своей странѣ совсѣмъ другими мѣрами... Взять въ руки ружье въ борьбѣ за націонализмъ, бросать ручныя гранаты, поливать людей изъ пулемета—это значитъ низвести себя до степени „дикаря высшей культуры“, это значитъ стать тѣмъ-же людоѣдомъ племени ньямъ-ньямъ, только въ высоко „цивилизованной“ формѣ. Сущность-же одна. Ибо соціалистъ—пусть профессоръ и „просвѣщеннѣйшій человѣкъ“, поливающій своихъ „враговъ“ изъ пулемета во славу своей „національности“, стоитъ на той-же ступени нравственнаго развитія, что и африканскій людоѣдъ, пожирающій врага во славу своего племени.

Есть наивные люди, которые до сихъ поръ еще видятъ въ войнѣ „турниръ“, благородное состязаніе двухъ равносильныхъ бойцовъ. Эти люди приходятъ, напримѣръ, въ ужасъ отъ германскихъ „удушливыхъ газовъ“: не то ужасно, что газы эти косятъ людей сотнями (мины, фугасы и пулеметы имъ не уступятъ), а то, что нарушена „этика войны“ (!), что одинъ вооруженъ лучше другого. Одинъ изъ этихъ мило-наивныхъ людей спрашивалъ съ огорченіемъ: „есть-ли между ними (германцами, поливающими враговъ удушливыми газами) такіе, что прежде, чѣмъ приложить руки къ этому дѣлу, пускаютъ себѣ пулю въ лобъ? И какъ, послѣ такихъ дѣлъ, они съ окончаніемъ войны вернутся въ свои семьи и поднимутъ къ себѣ младенца своими проклятыми руками?“ (М. Гершензонъ, „Турниръ и война“). О, святая простота! Ей все еще кажется, что поливающій враговъ не газами, а изъ пулемета, имѣетъ руки, „чище снѣга альпійскихъ вер-

шинъ“ и что ему впослѣдствіи разрѣшается невозбранно „поднимать къ себѣ младенца“!.. Соціалисты всѣхъ странъ тоже отдали обильную дань этому духовному мѣщанству, расцѣнивающему по прейскуранту право крови, разграфляющему военныя убійства на „этичныя“ и „не этичныя“... Только потому и могли они призывать къ оружію къ борьбѣ во имя національзма, скрытаго подъ многими звучными словами. Они не поняли, что дѣло это для нихъ чуждое и чужое, что у нихъ есть свое дѣло, что если они и не могутъ пока остановить колесо войны, то тѣмъ менѣе причинъ усердно лить на него воду, что любителей этого занятія найдется и безъ нихъ болѣе чѣмъ достаточно, что государство “fara da se“, что, наконецъ, впереди національнаго вопроса для соціализма стоитъ вопросъ общеправовой.

Такъ „націоналъ-соціалисты“ и „соціалъ-патріоты“ ушли отъ соціализма; они ушли, соціализмъ остался. Les socialistes sont morts, vive le socialisme—можно было-бы съ новымъ правомъ повторить старую поговорку. И надо только одного желать: чтобы это возрожденіе, это очищеніе соціализма отъ „попутчиковъ“ (пусть даже знаменитѣйшихъ „вождей“ соціализма) было освобожденіемъ его отъ путъ того мѣщанства, которое вотъ уже полвѣка аккуратно и умѣренно заплетало соціализмъ въ свои сѣти—сѣти догмы, „ортодоксальности“, мертваго застоя. У соціалъ-демократовъ создалась догма „марксизма“, въ которой сводилась къ мертвому трафарету живая ткань творчества Маркса; у народниковъ появились свои ортодоксы, которые такъ и застыли на той точкѣ, до которой дошелъ Михайловскій. Война смахнула всѣ догмы, смѣшала въ одно былыхъ враговъ; не по старымъ гранямъ будетъ заново строиться демократія, а по новымъ, изъ опыта жизни добытымъ результатамъ.

Въ одну сторону, „одесную“, отойдутъ—и уже отошли—всѣ марксисты и народники безразлично, которые покорились духу національзма; этимъ они опредѣлили дальнѣйшую свою судьбу: „пріидите, благословенные, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра“... Ибо они подлинно духовные наслѣдники стараго міра, какъ-бы тамъ они себя ни называли, соціалистами, анархистами, революціонерами или чѣмъ угодно. Въ другую сторону, „ошую“, отойдутъ тѣ, которые сами предназначили себя „въ огонь вѣчный“— въ огонь вѣчныхъ исканій и новыхъ достиженій. Ибо они, подлинно, духовные предтечи новаго міра, достигнуть котораго никому изъ нихъ не удастся. Быть можетъ, еще многія времена пройдутъ, прежде чѣмъ основы стараго міра будутъ расшатаны; худшими врагами искателей будутъ впослѣдствіи соціалисты-мѣщане, побѣдоносные наслѣдники стараго міра. Герценъ геніально предвидѣлъ, что когда-нибудь

соціализмъ-побѣдитель неизбѣжно выродится въ мѣщанство, и что тогда „снова вырвется изъ титанической груди меньшинства крикъ отрицанія и снова начнется смертная борьба"... Герценъ не предвидѣлъ только, что случится это задолго до „побѣды" соціализма, что случится это въ моментъ его постыднаго внутренняго пораженія...

Если „пораженіе" это будетъ длительнымъ, если демократія не сумѣетъ найти во внутреннихъ своихъ силахъ противоядія противъ того дурмана, которому она поддалась, то ничто не можетъ помѣшать кровавому осуществленію фантастическаго колоніальнаго романа XX вѣка, ничто не можетъ помѣшать ряду міровыхъ колоніальныхъ войнъ, первую изъ которыхъ мы переживаемъ. Старый міръ осуществитъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, построеніе пяти-шести міровыхъ имперій, владычицъ всего земного шара, прольетъ для этого рѣки и моря крови, принесетъ въ жертву десятки, сотни милліоновъ жизней. Только силы демократіи могутъ остановить эту чудовищную гекатомбу грядущаго, только возрожденный соціализмъ, въ борьбѣ за новый міръ отрекшійся отъ міра стараго, можетъ подкосить въ корнѣ эти кошмары будущаго. Сколько для этого надо силъ? Удастся-ли когда-нибудь эта побѣда надъ старымъ міромъ? Не наше дѣло ставить эти вопросы. Ихъ рѣшитъ только жизнь. Наше дѣло одно: по мѣрѣ силъ способствовать тому далекому, во что мы вѣримъ, не спрашивая себя о томъ, когда работа наша принесетъ плоды, ибо не дано намъ знать ни дня, ни часа. Можетъ быть, міровая безумная война отодвинула этотъ „часъ" на десятилѣтія, быть можетъ—приблизила его на столѣтія. Ибо „уроки войны" могутъ быть безмѣрно неожиданными для демократіи; властители думъ большинства во время войны могутъ оказаться въ роли поверженныхъ кумировъ на другой-же день послѣ войны.

Но для побѣды, для открытія „новаго міра" не надо возлагать свои упованія на „большинство", не надо бояться временнаго одиночества; не надо думать, что къ новому міру притти можно со старыми понятіями, мыслями, чувствами. Надо отказаться отъ былого оппортунизма, которымъ можно оправдать все, что угодно; почему соціалистъ долженъ быть менѣе честенъ въ своемъ поведеніи, чѣмъ толстовецъ, отказывающійся, напримѣръ, отъ воинской повинности? Когда соціализмъ забудетъ о „практической политикѣ", тогда сдѣлается онъ внутренне сильнымъ, независимымъ, чающимъ міра новаго. Для этого нужны ему не милліоны голосовъ на выборахъ, а лишь одинъ голосъ внутренняго сознанія: сознанія своей внутренней свободы отъ путъ стараго міра. Свобода эта подверглась испытанію огнемъ и испытанія не выдержала: расплавилась, растаяла въ огнѣ мягкимъ воскомъ.

Испытаніе огнемъ не страшно будетъ для людей новаго сознанія только тогда, когда они перестанутъ предавать свои „высшія цѣнности“, перестанутъ предавать народъ, когда поймутъ, что мѣщанскую самоцѣнность дѣйствій надо замѣнить самоцѣнностью личности человѣческой. Политику, право, мораль,—все надо переоцѣнить такъ, какъ переоцѣнивали ихъ творцы великихъ этическихъ и соціальныхъ системъ. Переоцѣнка давно сдѣлана—вопросъ въ жизненномъ примѣненіи ея. Пусть старый міръ „торжество свое воздвигъ“, пусть онъ „сходитъ съ ума“, пусть въ его безуміи чувствуется система,—люди новаго сознанія должны итти своимъ путемъ къ новому міру, хотя-бы не сорокъ лѣтъ, а сорокъ десятилѣтій суждено было имъ блуждать въ пескахъ пустыни на пути къ землѣ обѣтованной, на пути къ свободному будущему міра, народа, человѣка.

1914—1915 г.

Ивановъ-Разумникъ.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Соціализмъ и революція.

(*Послѣсловіе къ статьѣ „Испытаніе огнемъ“*).

Осенью 1914 года, когда была въ главныхъ чертахъ наброcана и въ этомъ первомъ наброскѣ въ кругу народниковъ „соціалистовъ“ зачитана статья „Испытаніе огнемъ“—авторъ ея остался въ блестящемъ идейномъ одиночествѣ... За исключеніемъ трехъ-четырехъ идейныхъ единомышленниковъ, самостоятельно развивавшихъ однородныя воззрѣнія, вся масса русскихъ народниковъ-соціалистовъ пылко и рѣшительно стала на „соціалъ-патріотическую“ точку зрѣнія. Мы знаемъ, что то-же самое повторилось и въ рядахъ марксистовъ; мы знаемъ, что та-же картина наблюдалась и среди русской политической эмиграціи, и среди соціалистическихъ партій всѣхъ воюющихъ странъ.

Рѣзкое раздѣленіе, рѣзкое разграниченіе: на одной сторонѣ одинокіе „еретики“, на другой—„правовѣрная“ соціалистическая масса, солидарная въ своемъ военномъ порывѣ съ массой обывательской. Идеологія разная, дѣйствія единыя.

Такъ не выдержалъ соціализмъ испытанія огнемъ войны. Но въ огнѣ войны мало-по-малу перегорало націоналистическое торжество; все больше и больше стало появляться соціалистовъ, отрезвлявшихся отъ этого отуманившаго ихъ угара. Когда черезъ годъ-полтора послѣ начала войны статья „Испытаніе огнемъ“, зарѣзанная военной цензурой, получила значительное распространеніе въ гектографированныхъ и рукописныхъ спискахъ, то авторъ могъ изъ ряда сочувственныхъ откликовъ убѣдиться, что былое „еретичество“ уже количественно становится силой, способной „помѣряться главами“ съ правовѣрнымъ соціалъ-патріотизмомъ...

Къ тому времени стали доходить до насъ сперва смутныя, а потомъ все болѣе и болѣе опредѣленныя вѣсти о „Циммервальдѣ“, о „Кинталѣ“, вѣсти о попыткѣ воскресить Интернаціоналъ, расплавлен-

ный въ огнѣ войны. Надо было отлить его въ новую форму, отбросивъ въ сторону всѣ перегорѣлые шлаки націонализма. Работа эта—на очереди передъ соціализмомъ всего міра.

И вотъ—пришла русская революція 1917 года. Она была—и не могла не быть—съ самаго же начала полнымъ пораженіемъ соціалъ-патріотизма, великимъ торжествомъ былыхъ „интернаціоналистическихъ" идей. Ибо ясно стало, насколько правы были тѣ малочисленные „еретики", которые, въ разгарѣ дикой „внѣшней" бойни, призывали къ „внутренней" революціи, какъ къ единственному исходу и спасенію.

Съ чувствомъ глубокаго внутренняго удовлетворенія могу я теперь повторить слова изъ „Испытанія огнемъ", написанныя еще въ 1914 году: „спасеніе—не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ мірѣ каждой страны; измѣненія во внутреннемъ политическомъ и соціальномъ строѣ Европы могутъ сдѣлать—и сдѣлаютъ!—невозможными эти міровыя купеческія войны"... Измѣненія же эти—дѣло только революціи; и снова съ убѣжденіемъ повторяю я слова статьи о томъ, что при пожарѣ войны соціалистъ долженъ былъ только продолжать свое революціонное дѣло. „Только борьбой за направленіе внутреннихъ силъ можно достичь крушенія міровыхъ имперіализмовъ",—говорилось въ статьѣ, и событія показали, что внѣ этого пути подлинно нѣтъ возможности борьбы для революціонной демократіи.

Не для того вспоминаю я всѣ эти слова, чтобы лишній разъ подчеркнуть правильность былого „еретическаго" пониманія вопроса; я въ ней и безъ того всегда былъ твердо увѣренъ. Хотѣлось бы подчеркнуть, наоборотъ, что насколько идейное „одиночество" не есть признакъ „не-истинности", настолько и пребываніе въ идейномъ „большинствѣ" далеко отъ знаменія правоты. „Истина"—независима отъ категоріи количества...

Когда пришла русская революція—былое большинство русскихъ націоналистическихъ соціалистовъ сразу (на словахъ!) очутилось въ лагерѣ идейныхъ своихъ противниковъ. Всѣ вдругъ стали „интернаціоналистами", и стали увѣрять, что-де всегда ими и были. Этихъ „тоже-интернаціоналистовъ" развелось въ одночасье—видимо-невидимо. но подъ знаменемъ „Интернаціонала" стали они дѣлать прежнія дѣла, стали сперва контрабандой, а потомъ и явно проводить былыя свои націоналистическія идеи. „Революціонное оборончество" замѣнило теперь былое „оборончество" tout court; борьба съ подлинными идеями международнаго братства стала вестись теперь съ наибольшей „напористостью" именно „тоже-интернаціоналистами" всѣхъ партій и всѣхъ группъ. Этого не было только въ первые дни и недѣли революціоннаго подъема, въ дни полнаго пораженія всѣхъ соціалъ-націоналистическихъ идей.

И снова мы стоимъ передъ тяжелымъ испытаніемъ духа революціоннаго соціализма—на этотъ разъ уже не въ огнѣ войны, а въ огнѣ революціи. Останется-ли и въ этомъ огнѣ соціализмъ—революціоннымъ? Въ огнѣ войны онъ испытанія этого не выдержалъ, вмѣсто революціоннаго сталъ, въ большинствѣ своемъ, консервативно-патріотическимъ. А теперь, въ огнѣ революціи—неужто снова не выдержитъ онъ своей „революціонности"?

Повидимому—не выдержитъ. И такой отвѣтъ вновь и вновь приходится давать безъ всякаго „отчаянія за будущее", ибо слишкомъ вѣрю я, что будущее—наше, тѣхъ немногихъ, которые не боятся оставаться одинокими на распутьяхъ исторіи. Такъ было въ 1914 году; такъ будетъ, повидимому, и въ 1917 году. Такъ было при испытаніи соціализма огнемъ войны; такъ будетъ, повидимому, и при испытаніи его огнемъ революціи. „Ближайшее будущее"—всегда принадлежитъ большинству; будущее вообще (иногда далекое, иногда близкое)—всегда принадлежитъ „еретикамъ".

Соціалистическое большинство, перегорѣвъ въ огнѣ первыхъ бурныхъ недѣль революціи, вновь не выдержало испытанія огнемъ. Но если въ огнѣ войны мало по малу перегорѣло соціалъ-патріотическое большинство, легко обратившееся при первомъ удобномъ случаѣ въ „тоже-интернаціоналистовъ", то въ огнѣ революціи быстро перегораютъ былые интернаціоналисты, незамѣтно катящіеся внизъ по наклонной плоскости къ „революціонному оборончеству", къ „тоже-патріотизму".

Вновь огонь революціи, какъ прежде огонь войны, расплавляетъ соціалистическія группы и партіи, и вновь надо отливать въ новую форму идею революціоннаго соціализма, отбрасывая въ сторону всѣ обгорѣлые шлаки. Ибо революція стала рубежемъ того стараго времени, когда слова „соціалистъ" и „революціонеръ" были тождественными. Такое обывательское пониманіе раздѣляли сами „до-революціонные" соціалисты; но теперь оно становится окончательно противорѣчащимъ дѣйствительности.

Соціалистическое большинство уже на третій-четвертый мѣсяцъ революціи стало настроено консервативно. Гдѣ революціонное горѣніе, гдѣ вѣра въ свои и народныя силы? Когда въ іюнѣ 1917 года въ Петербургѣ собрался со всѣхъ концовъ Россіи съѣздъ Совѣтовъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, то его заранѣе назвали „революціоннымъ парламентомъ"; но развѣ можно было представить себѣ что-либо болѣе тусклое и консервативное, чѣмъ этотъ quasi-революціонный парламентъ, составленный исключительно изъ соціалистовъ разныхъ партій?

Примѣръ этотъ—показателенъ, характеренъ; онъ предопредѣ-

ляетъ собою ближайшій путь русской революціи, онъ лишній разъ устанавливаетъ пропасть между „соціалистомъ“ и „революціонеромъ“. Понятія эти могутъ совпадать—они совпадаютъ и теперь у соціалистическаго меньшинства; но чаще всего они несовмѣстимы—и соціалистическое большинство всего міра достаточно ясно это доказываетъ.

Если русская революція пойдетъ по пути этого большинства, то судьбы ея предопредѣлены: она уже достигла въ такомъ случаѣ высшей точки своего пути, и ея дальнѣйшій путь—либо плоскогорье, либо склонъ. Земельная реформа дѣлаетъ невозможнымъ замыканіе даже такой революціи въ узко-политическомъ кругу, она неизбѣжно будетъ соціальной; но и здѣсь „революціонность“ будетъ возможно скорѣе заключена въ твердыя рамки, причемъ рамки эти всецѣло будутъ принадлежать старому міру. И снова начнется борьба за новый міръ, снова начнется борьба меньшинства съ большинствомъ—и въ борьбѣ этой, мы знаемъ, меньшинству всегда уготована конечная побѣда...

Но если эта побѣда уготована ему уже теперь, въ эту революцію 1917 года, то судьбы революціи нашей будутъ иными. Побѣда меньшинства теперь—возможна въ одномъ лишь случаѣ: въ случаѣ торжества демократіи не въ одной Россіи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ. Въ это торжество—мы вѣримъ; пусть придетъ оно не сейчасъ, а черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ, но оно придетъ, ибо невѣроятно, чтобы милліоны народныхъ жизней не научили демократію увидѣть, гдѣ и кто ея подлинный врагъ.

Если побѣдитъ демократія во всѣхъ странахъ, если революція пороховой нитью пробѣжитъ по „великимъ“ и „малымъ“ державамъ въ ближайшіе годы, въ ближайшія десятилѣтія, то снова вокругъ идей революціоннаго меньшинства сплотится большинство соціализма. Пусть только снова на короткое время—что до того! Лишь бы было это „меньшинство“, иной разъ уменьшающееся до единицъ, лишь бы не угасала въ немъ вѣра въ побѣду на пути къ новому міру. И пусть тогда снова осуществятся пророческія слова Герцена, пусть „снова вырвется изъ груди меньшинства крикъ отрицанія“, пусть начнется „смертная борьба“...

Совершится-ли побѣда революціонеровъ теперь, въ эту революцію 1917 года, или ихъ побѣдятъ соціалисты-мѣщане, бывшіе „націоналисты“ и „интернаціоналисты“, нынѣ одинаково вѣрные слуги стараго міра?—Мы не знаемъ, но тѣмъ энергичнѣе будемъ бороться за нашу правду. Ибо,—еще разъ повторю слова статьи,—„пусть эта борьба противъ всѣхъ противорѣчитъ всѣмъ здравымъ принципамъ практической политики, пусть она безсильна теперь зерно горчичное,

сдвинуть съ мѣста—съ тѣмъ большей смѣлостью должны мы высказать именно теперь нашу правду“... И правда нынѣшняго дня—отмежеваніе революціонеровъ соціалистовъ отъ соціалистовъ мѣщанъ, какое бы названіе они ни носили. Ибо мѣщане эти—во всѣхъ партіяхъ, и, напримѣръ, далеко не всѣ „соціалисты-революціонеры“ суть подлинно революціонеры соціалисты.

Много ли ихъ?—Въ послѣдній разъ отвѣчу словами той статьи, къ которой пишу это послѣсловіе: „идеи побѣждаютъ не числомъ своихъ послѣдователей; идеи побѣждаются не числомъ своихъ измѣнниковъ“... Идеи побѣждаютъ своей внутренней силой—и вотъ почему мы увѣрены въ побѣдѣ идей, пусть „ничтожнаго меньшинства“, одинокаго, разрозненнаго, придавленнаго въ 1914 году, побѣдившаго въ мартѣ 1917 года и нынѣ вновь начинающаго, по слову Герцена, „смертную борьбу“. Идеи эти побѣдоносно выдержали тяжелое испытаніе огнемъ войны; онѣ побѣдно выдержатъ еще болѣе тяжкое испытаніе огнемъ революціи.

Ибо наша побѣда—в с е г д а в п е р е д и.

Ивановъ-Разумникъ.

Іюнь 1917 г.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ М. Стасюлевича, Спб., Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

5 р.